

ВРЕМЕННИКЪ
ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО
ЛИЦЕЯ.

КНИГА ПЯТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМАЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія М. Х. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1893.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

пятьдесятъ восьмой книги Временника Лицея.

LVIII книга вышла 17 Іюня 1893 года;
въ ней 30 листовъ.

ОТЧЕТЪ

Правленія Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

съ 1-го Іюля 1890 года по 1-е Іюля 1891 года.

Уставъ Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея въ Ярославлѣ, начавшій свои дѣйствія съ 1871 года, утвержденъ Высочайшею властью 28 апрѣля 1871 года.

Средства Попечительства, по правиламъ утвержденнымъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, составляются изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ; кромѣ того предоставлено Попечительству право устраивать публичныя лекціи, концерты и спектакли. Членами почетными, оказавшими особыя услуги, или дѣйствительными, могутъ быть совершеннолѣтнія лица обоего пола, всѣхъ званій и состояній. Почетныхъ членовъ къ концу отчетнаго года состояло 45, а дѣйствительныхъ, внесшихъ въ годъ не менѣе 5 рублей,—13; въ предъидущихъ же годахъ дѣйствительныхъ членовъ было: 99, 102, 76, 83, 72, 54, 74, 60, 74, 65, 52, 45, 22, 24, 21, 30, 17, 16 и 16. Въ суммѣ пожертвованій дѣйствительныхъ членовъ видное мѣсто занимаютъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, взносы бывшихъ студентовъ Юридическаго Лицея.

Постоянныхъ пособій поступило: отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 300 руб., отъ Ярославской городской

думы 100 руб. и отъ Ярославской уѣздной земской управы 100 рублей. Процентовъ съ капитала Попечительства, состоящаго къ концу отчетнаго года въ 10650 рублей, получено было 292 руб. 35 коп

Пособія студентамъ выдавались въ размѣрѣ, смотря по состоянію кассы и дѣйствительной бѣдности, отъ 3 до 10 р. въ мѣсяцъ. Уплатой за слушаніе лекцій дана нѣсколькимъ молодымъ людямъ возможность оставаться студентами и не быть уволенными изъ числа ихъ за не взносъ этой платы.

Заимообразно выдано было въ отчетномъ году 617 руб., въ уплату же долговъ поступило 696 руб. 55 коп.

Членами правленія попечительства, подъ предсѣдательствомъ Директора Лицея С. М. *Шпилевскаго*, въ истекшемъ году были Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій*, И. А. *Вахрамѣевъ*, Н. М. *Владыченскій*, А. Н. *Лодыженскій*, И Н. *Соболевъ*, Д. А. *Соколовъ*, Н. С. *Суворовъ*, К. Ѳ. *Троицкій* и Е. И. *Якушкинъ*.

СПИСОКЪ

членовъ попечительства.

а) Почетные:

1. *Безакъ* Николай Александровичъ—управляющій почтою и телеграфомъ, бывшій Ярославскій губернаторъ.

2. *Вахрамѣевъ* Иванъ Александровичъ, бывшій Ярославскій городской голова.

3. *Вейсбергъ* Михаилъ Яковлевичъ—Тайный совѣтникъ.

4. *Глаголевъ* Иванъ Матвѣевичъ – присяжный повѣренный изъ Москвы.

5. *Головщиковъ* Константинъ Дмитріевичъ — Секретарь Лицея.

6. *Делянов* Иванъ Давыдовичъ—Министръ народнаго просвѣщенія.

7. *Діонисій* Архіепископъ Уфимскій.

8. *Иванов* Сергѣй Сергѣевичъ, бывшій помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа.

9. *Іоанаѳнъ* Архіепископъ Ярославскій.

10. *Калачовъ* Викторъ Васильевичъ—Костромской губернаторъ.

11. *Капнистъ* графъ Павелъ Алексѣевичъ—Попечитель Московскаго учебнаго округа.

12. *Капустинъ* Михаилъ Николаевичъ — Попечитель Петербургскаго учебнаго округа.

13. *Клириковъ* Николай Павловичъ—титулярный совѣтн.

14. *Коншинъ* Владиміръ Дмитріевичъ—коммерціи совѣтникъ изъ Москвы.

15. *Кремлевъ* Николай Александровичъ, —бывшій директоръ Лицея.

16. *Липинскій* Маріанъ Александровичъ—доцентъ Лицея.

17. *Лопатина* Глафира Александровиа—потомственная почетная гражданка

18. *Мещерская* княгиня Марія Александровна — изъ Москвы.

19. *Мещерскій* князь Николай Петровичъ—бывшій Попечитель московскаго учебнаго округа.

20. *Пастухова* Анна Васильевна—потомственная почетная гражданка.

21. *Пастухова* Елена Яковлевна—потомственная почетная гражданка.

22. *Пастуховъ* Дмитрій Александровичъ—потомственный почетный гражданинъ.

23. *Пастуховъ* Иванъ Александровичъ—потомственный почетный гражданинъ.

24. *Пастуховъ* Николай Петровичъ—потомственный почетный гражданинъ.

25. *Пѣговъ* Владиміръ Васильевичъ—изъ Москвы коммерціи совѣтникъ.

26 *Поляковъ* Самуилъ Соломоновичъ—коммерціи совѣтникъ.

27. *Рукавишникова* Евдокія Николаевна изъ Москвы.

28. *Рукавишниковъ* Константинъ Васильевичъ — почетный мировой судья изъ Москвы.

29. *Синельникова* Анастасія Петровна—изъ С.-Петербурга.

30. *Скрипицынъ* Николай Павловичъ—бывшій Ярославскій губернскій предводитель дворянства.

31. *Смирновъ* Андрей Павловичъ—судебный слѣдователь изъ Ветлуги.

32. *Смышляевъ* Дмитрій Дмитріевичъ—предсѣдатель пермской губернской земской управы.

33. *Соболевъ* Иванъ Николаевичъ — ярославскій городской голова.

34. *Солдатенковъ* Косьма Терентьевичъ —потомственный почетный гражданинъ изъ Москвы.

35. *Тарасовъ* Иванъ Трофимовичъ—ординарный профессоръ Московскаго Университета.

36. *Терещенко* Θедоръ Артемьевичъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ Москвы.

37. *Троицкій* Константинъ Θедоровичъ—присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

38. *Федотова* Гликерія Николаевна—артистка Императорскихъ театровъ.

39. *Фриде* Алексѣй Яковлевичъ—Ярославскій Губернаторъ.

40. *Чистяковъ* Дмитрій Ивановичъ—почетный мировой судья Ярославскій.

41. *Шнейдеръ* Августъ Августовичъ—содержатель аптеки въ Ярославлѣ.

42. *Шостаковскій* Петръ Адамовичъ - Директоръ Московской консерваторіи.

43. *Шпилевскій* Сергѣй Михайловичъ — Директоръ Лицея.

44. *Щелкова* Нина Антоновна.

45. *Якушкинъ* Евгеній Ивановичъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ.

б) Дѣйствительные члены:

Орельскій Иванъ Андреевичъ—15 руб.

Бодиско Николай Константиновичъ и Степанъ Степановичъ *Сацердотовъ* — по 10 руб.

Алексѣевъ Михаилъ Павловичъ, *Богдановъ* Яковъ Ивановичъ, *Владыченскій* Николай Михайловичъ, *Измарагда* игуменья Угличскаго монастыря, *Крыловъ* Аполлинарій Платоновичъ, *Маслаковъ* Иліодоръ Васильевъ, *Потѣхинъ* Павелъ Борисовичъ, *Славновскій* Алексѣй Александровичъ, *Соколовъ* Дмитрій Алексѣевичъ и *Суворовъ* Николай Семеновичъ по 5 руб.

ВѢДОМОСТЬ

объ оборотахъ суммъ Попечительства за время съ 1-го іюля 1890 по 1 іюля 1891 года.

1. От прошедшаго года въ остаткѣ суммъ было:

наличными . .	17 р.	72 к.
билетами . .	10550 „	— „
Сверхъ того въ долгахъ за студентами .	3489 „	94 „

2. Приходъ.

Въ іюлѣ:	Поступило членскихъ взносовъ	10 „	— „
	Возвращено въ уплату долговъ	53 „	— „
	Итого	63 „	— „

Въ августѣ:	Возвращено въ уплату долговъ	29 „ — „	
	Итого	29 „ — „	
Въ сентябрѣ:	Поступилъ членскій взносъ	5 „ — „	
	Возвращено долговъ . .	32 „ — „	
	% съ капитала . .	121 „ 12 „	
	Итого	158 „ 12 „	
Въ октябрѣ:	Отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ	45 „ - „	
	Возвращено долговъ . .	65 „ — „	
	Случайныхъ поступленій .	— „ 35 „	
	Отъ концерта даннаго г. Балакиревымъ . . .	190 „ 50 „	
	Итого	300 „ 85 „	
Въ ноябрѣ:	Членскихъ взносовъ . .	15 „ — „	
	Возвращено въ уплату долговъ	55 „ — „	
	Получено процентовъ съ билетовъ	26 „ 12 „	
	Итого	96 „ 12 „	
Въ декабрѣ:	Членскій взносъ . .	5 „ — „	
	Возвращено долговъ . .	71 „ — „	
	Со студенческаго вечера съ концертомъ . . .	759 „ 23 „	
	Отъ земской уѣздной управы	100 „ — „	

	% съ капитала . .	21 „ 37 „	
	Отъ спектакля . . .	66 „ — „	
	Итого	1022 „ 60 „	
Въ январѣ:	Членскій взносъ . .	10 „ — „	
	Возвращено въ уплату долговъ	42 „ — „	
	% съ капиталовъ . ,	123 „ 49 „	
	Итого	175 „ 49 „	
Въ февралѣ:	Возвращено долговъ . .	106 „ — „	
	Итого	106 „ — „	
Въ Мартѣ:	Членскихъ взносовъ . .	15 „ — „	
	Получено процентовъ съ билетовъ	76 „ — „	
	Возвращено долговъ . .	56 „ — „	
	Возвращено 5% сбора съ капитала	26 „ 37 „	
	Итого	173 „ 37 „	
Въ апрѣлѣ:	Пособіе отъ Министерства народнаго просвѣщенія .	300 „ — „	
	Возвращено въ уплату долговъ	34 „ 75 „	
	Членскій взносъ . .	10 „ — „	
	Итого	344 „ 75 „	

Въ маѣ:	Поступило въ уплату долговъ	84 „	80 „
	Пособіе отъ Ярославской Городской Управы . .	100 „	— „
	Итого	184 „	80 „
Въ іюнѣ:	Отъ разныхъ лицъ членскихъ взносовъ	10 „	— „
	Въ уплату долговъ . .	141 „	— „
	Итого	151 „	— „
	Всего поступило наличными . . .	2805 „	10 „
	а съ остаточными: наличными	2822 „	82 „
	билетами .	10650 „	— „

3) Расходъ.

Въ іюлѣ:	Выдано пособій 10 студентамъ	60 „	— „
	Выдано заимообразно 2 студентамъ	15 „	— „
	Уплочено за книгу для записыванія попечительскихъ суммъ	— „	50 „
	Итого	75 „	50 „
Въ августѣ:	Выдано пособіе 5 студентамъ	34 „	— „
	Итого	34 „	— „

Въ сентябрѣ:	Выдано пособій 10 студентамъ	74 „ — „
	Выдано 2 студентамъ заимообразно	18 „ — „
	Итого	92 „ — „
Въ октябрѣ:	Выдано пособій 11-ти студентамъ	80 „ — „
	Выдано 4-мъ студент заимообразно	50 „ — „
	Уплочено за слушаніе лекцій	90 „ — „
	Отчислено 10% изъ членскихъ и случайныхъ поступленій на увеличеніе основнаго капитала . . .	22 „ 55 „
	Итого	242 „ 55 „
Въ ноябрѣ:	Выдано пособій 11-ти студентамъ	99 „ — „
	Выдано 6-ти студентамъ заимообразно . . .	70 „ — „
	Отчислено 10% на увеличеніе основного капитала .	4 „ 10 „
	Уплочено Яросл. Отдѣл. Государств. Банка за операцію по обмѣну купон. листовъ .	12 „ 67 „
	Итого	185 „ 77 „
Въ декабрѣ:	Выдано пособій 45-ти студентамъ	425 „ — „
	Уплочено за слушаніе лекцій	180 „ — „

	Выдано 15-ти студентамъ заимообразно	189 „	— „
	Отчислено 10% на увеличеніе основного капитала . .	95 „	10 „
	Итого	889 „	10 „
Въ январѣ:	Выдано пособій 9-ти студентамъ	83 „	— „
	Выдано 3-мъ студентамъ заимообразно	35 „	— „
	Внесена плата за Войшицкаго	20 „	— „
	Отчислено 10% на увеличеніе основного капитала . .	13 „	35 „
	Итого	151 „	35 „
Въ февралѣ:	Выдано пособій 21 студенту	167 „	— „
	Выдано 6-ти студентамъ заимообразно . . .	70 „	— „
	За застраховку 1-го 5% съ выигрышами билета . .	— „	90 „
	Итого	237 „	90 „
Въ мартѣ:	Выдано пособій 15-ти студентамъ	104 „	— „
	Выдано 2-мъ студентамъ заимообразно . . .	20 „	— „
	Отчислено 10% на увеличеніе основного капитала .	7 „	90 „
	Итого	131 „	90 „

Въ апрѣлѣ:	Выдано пособій 16-ти студ.	119	„ — „
	Внесено за слушаніе лекцій	173	„ — „
	Выдано 4-мъ студентамъ заимообразно .	45	„ — „
	Отчислено 10% на увеличеніе основного капитала .	31	„ — „
	Итого	368	„ — „
Въ маѣ:	Выдано пособій 13-ти студентамъ . . .	89	„ — „
	Выдано 10-ти студентамъ заимообразно . . .	88	„ — „
	Отчислено 10% на увеличеніе основного капитала .	10	„ — „
	Внесено за слушаніе лекцій	15	„ — „
	Внесено 3 руб. сбора на библіотеку за 2-хъ студентовъ	6	„ — „
	Итого	208	„ — „
Въ іюнѣ:	Выдано пособій 8-ми студентамъ	68	„ — „
	Выдано 3-мъ студентамъ заимообразно . . .	35	„ — „
	Отчислено 10% на увеличеніе основного капитала .	1	„ — „
	Итого	104	„ — „

Итого израсходовано:

На пособія студентамъ .	1420	„ — „
На уплату за слушаніе лекцій	478	„ — „

Выдано заимообразно .	617	„ —	„
Отчислено 10% изъ членскихъ взносовъ и случайныхъ поступленій на увеличеніе основного капитала . .	185	„ —	„
Уплочено по операц. обмѣна купон. лист. у % бумагъ	12	„ 67	„
За застрах. одного 5% съ выигрышами билета . .	—	„ 90	„
Внесено за 2 студ. 3 руб. сбора на библіотеку . . .	6	„ —	„
Купл. прих.-расх. книжка .	—	„ 50	„
Итого	2720	„ 7	„

Изъ числа 10% отчисл.: употреблено на покупку облигацій 2-го Восточнаго займа за № 165364-мъ въ 100 р.	105	„ 17	„
Къ 1 іюля оставалось на книжкѣ сберегатльной кассы	78	„ —	„
и наличными деньгами .	1	„ 83	„
Итого	185	„ —	„

Въ остаткѣ:

Наличными . .	102	„ 76	„
Билетами . .	10650	„ —	„
Въ долгахъ за студентами къ началу отчетнаго года было	3489	„ 94	„
Въ отчетномъ году вновь выдано заимообразно . .	617	„ —	„
Итого	4106	„ 94	„

В уплату долгов в отчетном году поступило . . . 769 „ 55 „
Затем остается не уплоченных долгов . . . . 3337 „ 39 „

В число этой последней суммы считаются должниками: а) *Окончившие уже курс: Агафонов* Николай выпуска 1887 г. (сведений о себе не доставил) 30 р.; *Аргентовский* Евграф выпуска 1884 г. (заседатель окружн. суда в Каинске) 4 р. 14 к.; *Асотский* Иван выпуска 1887 года (сведений не доставил) 29 р ; *Асс* Абрам выпуска 1891 р. 5 руб.; *Базыкин* Александр выпуска 1889 г. (сведений не доставил) 50 р ; *Борейша* Болеслав выпуска 1891 г. 7 руб.; *Браиловский* Николай выпуска 1891 года 25 руб.; *Васильев* Петр выпуска 1891 г. 24 р.; *Введенский* Николай выпуска 1883 г. (в Вологодском суде) 10 р.; *Вереденко* Федор выпуска 1891 г. 35 руб.; *Гарский* Сергей выпуска 1891 г. 15 р.; *Георгиевский* Александр выпуска 1888 г. (сведений не доставил) 37 р,; *Горлицын* Владимир выпуска 1880 г. (сведений нет) 10 р.; *Гутман* Лейба выпуска 1889 г. (сведений нет) 33 р.; *Городцов* Петр выпуска 1890 г. (сведений нет) 24 р.; *Домерников* Павел выпуска 1891 г. 15 р.; *Замахаев* Сергей выпуска 1887 г. (сведений не доставил) 15 р.; *Звездин* Александр выпуска 1887 г. (сведений не доставил) 25 р.; *Израильсон* Макс выпуска 1891 г. 5 р.; *Клементьев* Григорий выпуска 1887 года (сведений нет) 11 р.; *Козловский* Сергей выпуска 1883 года (помощн. присяж. повер. в Москве) 10 р.; *Лебедев* Павел выпуска 1884 г. (сведений не доставил) 2 руб.; *Любомудров* Михаил выпуска 1881 г. (судебн. следов. в Ставрополе Кавказском) 7 р.; *Марков* Александр выпуска 1886 г. (сведений не доставил) 21 р 78 к.; *Марков* Константин выпуска 1890 г. (сведений нет) 28 р.; *Малинин* Иван выпуска 1886 г. (сведений нет) 10 р.; *Минич* Антон выпуска 1891 г. 10 р.; *Мирмиков* Сергей вы-

пуска 1886 г. (суд. слѣд. въ Златоустовѣ) 23 р.; *Михайловъ* Александръ выпуска 1889 г. (свѣдѣній нѣтъ) 35 р. 37 к.; *Мулинъ* Иванъ выпуска 1891 г. 10 р.; *Нехорошевъ* Тимоѳей выпуска 1884 г. (помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ С.-Петербургѣ) 1 р.; *Никоровичъ* Ѳедоръ выпуска 1890 г. 32 руб.; *Олейниковъ* Антонъ выпуска 1887 г. 4 р.; *Осинскій* Михаилъ выпуска 1890 года (свѣдѣній нѣтъ) 10 руб.; *Островскій* Павелъ выпуска 1891 г. 20 р.; *Ордуханянцъ* Семенъ выпуска 1891 г. 8 р.; *Перошковъ* Василій выпуска 1890 г. (свѣдѣній нѣтъ) 33 р.; *Поваренныхъ* Иванъ выпуска 1890 г. (помощн. присяж. повѣрен. въ Костромѣ) 18 руб.; *Подпаловъ* Иванъ выпуска 1891 г. 28 р.; *Покровскій* Иванъ выпуска 1887 г. (свѣдѣній нѣтъ) 16 р.; *Покровскій* Сергѣй выпуска 1884 г. (свѣдѣній не доставилъ) 22 р.; *Прусовъ* Николай выпуска 1891 г. 20 р.; *Ржевскій* Николай выпуска 1890 г. (въ Нижнемъ-Новгородѣ въ Акцизѣ) 29 р.; *Разумовъ* Михаилъ выпуска 1891 г. 10 р.; *Рудинскій* Леонидъ выпуска 1888 г. 24 р.; *Самойловичъ* Владиміръ выпуска 1884 г. (свѣдѣній не доставилъ) 10 р.; *Слюсаревъ* Викентій выпуска 1887 г. (свѣдѣній не доставилъ) 14 р.; *Сулковскій* Василій выпуска 1884 г. (свѣдѣній не доставилъ) 8 р.; *Сущинскій* Германъ выпуска 1884 г. (канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Могилевѣ) 17 р.; *Страховъ* Иванъ выпуска 1878 г. (свѣдѣній не доставилъ) 16 р.; *Талалай* Абрамъ выпуска 1891 г. 10 р.; *Тихонравовъ* Александръ выпуска 1883 г. (присяжн. повѣрен. въ Ригѣ) 15 р.; *Третьяковъ* Иванъ выпуска 1885 г. (свѣдѣній не доставилъ) 30 р.; *Троицкій* Ник. вып. 1885 г. (свѣдѣній не доставилъ) 10 р.; *Ушаковъ* Леонидъ выпуска 1890 г. 68 р.; *Феликсовъ* Евгеній выпуска 1885 г. (судеб. слѣдов. въ Белебеѣ) 26 р.; *Хохловъ* Алексѣй выпуска 1884 г. (свѣдѣній не доставилъ) 13 р.; *Чумаевскій* Алексѣй выпуска 1885 г. (свѣдѣній нѣтъ) 10 р.; *Юрьевъ* Алексѣй выпуска 1883 г. (свѣдѣній не доставилъ) 24 р.; *Язвицкій* Константинъ выпуска 1880 г. (свѣдѣній не доставилъ) 10 руб.

и б) *выбывшіе изъ Лицея до окончанія курса*: *Бабарыкинъ* Петръ 3 р., *Булгаковъ* Иванъ 30 р., *Введенскій* Василій 19 р., *Воиновъ* Иванъ 20 р., *Востоковъ* Николай 10 р., *Гедеоновскій* Александръ 30 р., *Громовъ* Иванъ 34 р., *Декаполитовъ* Михаилъ 5 р., *Денисовъ* Иванъ 20 р., *Жерелло* Иванъ 36 р., *Заринскій* Иванъ 42 р., *Ильинскій* Николай 42 р., *Колесовъ* Георгій 8 р. 83 к., *Коншинъ* Николай 10 р., *Короткевичъ* Антоній 15 р., *Листовъ* Аполлинарій 24 р., *Миницкій* Павелъ 10 р., *Миноръ* Іосифъ 5 р., *Никольскій* Алексѣй 9 р., *Окинчицъ* Мечеславъ 10 р., *Песоченскій* Иванъ 15 р., *Плѣшко* Иванъ 10 р., *Преображенскій* Алексѣй (Костр.) 40 р., *Преображенскій* Сергѣй 42 р., *Птицынъ* Николай 12 р., *Смольянниковъ* Павелъ 25 р., *Снѣгиревъ* Николай 10 р., *Соловьевъ* Александръ 18 р., *Станкевичъ* Яковъ 16 р., *Ухановъ* Александръ 12 р., *Холявинъ* Николай 15 р.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія **М. X. Фалькъ**, Духовская ул., собств. домъ.
1892.

ЛѢТОПИСЬ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ

за 1991—1892 учебный годъ.

Сегодня Демидовскій Юридическій Лицей вступаетъ въ 23 годъ своего существованія. Истекшій учебный годъ совпадалъ съ тяжелымъ для всей Русской земли временемъ бѣдствій отъ неурожая, а потомъ отъ епидемической болѣзни. Первое бѣдствіе вызвало всѣхъ служащихъ въ лицеѣ къ участію въ помощи нуждающимся, второе привело лицей къ принятію извѣстныхъ мѣръ предосторожности, указанныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Послѣднее бѣдствіе, благодаря повсемѣстно принятымъ мѣрамъ къ уничтоженію условій, благопріятствующихъ къ распространенію и къ усиленію болѣзни, не представляется намъ особенно угрожающимъ и привело только къ необходимости отложить на непродолжительное время начало учебныхъ занятій во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Ярославля. Тщательно соблюдая указанныя мѣры предосторожности и возлагая твердую надежду на милосердіе Божіе, будемъ бодры духомъ и отдадимся вполнѣ исполненію своихъ преподавательскихъ обязанностей.

Въ настоящее время преподавательскій персоналъ лицея составляютъ: два ординарныхъ профессора, изъ которыхъ одинъ заслуженный, онъ же директоръ лицея, профессоръ богословія, четверо испр. должн. экстраординарнаго профессора, трое испр. должн. доцента и трое приватъ-доцентовъ.

Съ начала истекшаго учебнаго года открыли свое преподава-

ніе два новыхъ профессора Вульфертъ и Берендтсъ, а третій новый преподаватель, профессоръ богословія Смирновъ, опредѣленный на эту должность съ обязанностью принять священническій санъ, не исполнивши послѣдняго, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности. По увольненіи г. Смирнова, каѳедру богословія и вмѣстѣ съ тѣмъ должность настоятеля лицейской церкви занялъ протоіерей Духовской церкви г. Ярославля, бывшій ректоръ Ярославской семинаріи, магистръ богословія Тихвинскій. Затѣмъ испр. должн. экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ международнаго права Лодыженскій уволенъ отъ службы по болѣзни и чтеніе международнаго права поручено г. министромъ магистранту Шмидту въ званіи приватъ-доцента, читавшему тотъ же предметъ и въ томъ же званіи въ Казанскомъ университетѣ. Въ прошломъ мѣсяцѣ послѣдовало перемѣщеніе приватъ-доцента при каѳедрѣ энциклопедіи права, читавшаго „исторію политическихъ ученій", кн. Трубецкаго въ университетъ св. Владиміра, въ томъ же званіи приватъ-доцента при каѳедрѣ энциклопедіи права.

Изъ 12 каѳедръ, опредѣленныхъ уставомъ лицея, 4 остаются вакантными; по одной изъ нихъ, именно международнаго права, состоитъ преподавателемъ приватъ-доцентъ Шмидтъ, а науки, входящія въ составъ остальныхъ трехъ свободныхъ каѳедръ, читаются профессорами, состоящими при другихъ каѳедрахъ: заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Шпилевскимъ, ординарнымъ профессоромъ Суворовымъ, испр. должн. экстраординарнаго профессора Щегловымъ и испр. должн. доцента Липинскимъ.

При лицеѣ состоятъ 4 стипендіата, приготовляющіеся къ магистерскимъ экзаменамъ. Въ прошедшемъ году бывшій уже два года стипендіатомъ г. Удинцевъ оставленъ стипендіатомъ на третій годъ, онъ приготовляется для занятія каѳедры торговаго права и гражданскаго судопроизводства; затѣмъ, по ходатайству совѣта лицея, назначены г. министромъ народнаго просвѣщенія стипендіатами на два года, кандидаты лицея: Гурляндъ по каѳедрѣ полицейскаго права, Бочкаревъ—церковнаго права и Половцевъ—

гражданскаго права, послѣдній безъ казеннаго содержанія. Въ маѣ мѣсяцѣ состоялось постановленіе совѣта лицея о ходатайствѣ передъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ оставленіи при лицеѣ стипендіатомъ только что кончившаго курсъ кандидатомъ Золотарева, для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ государственнаго права.

Профессоры, кромѣ исполненія своихъ обязанностей, занимались самостоятельными учеными изслѣдованіями и печатали свои ученые труды, преимущественно во Временникѣ Лицея, котораго въ прошломъ учебномъ году вышло 4 книги. Профессоръ Щегловъ напечаталъ историко-юридическое изслѣдованіе „Государственный Совѣтъ въ Россіи въ особенности въ царствованіе Императора Александра I“, представленное въ С.-Петербургскій университетъ, въ качествѣ докторской диссертаціи; профессоръ Вульфертъ оканчиваетъ печатаніемъ свою докторскую диссертацію подъ заглавіемъ: „Антропологo-позитивная школа уголовнаго права въ Италіи“ томъ второй, первый томъ этого изслѣдованія представляетъ магистерскую диссертацію г. Вульферта, напечатанную въ 1887 г.; профессоръ Суворовъ напечаталъ изслѣдованіе „Объ юридическихъ лицахъ по римскому праву“; директоръ лицея написалъ, по порученію Академіи Наукъ, рецензію сочиненія профессора Дерптскаго университета Дьяконова: „Власть Московскихъ Государей“, и удостоенъ Академіею Наукъ золотой медали за представленную рецензію.

Профессоръ Левитскій въ истекшемъ учебномъ году находился въ заграничной командировкѣ для ученыхъ занятій, директоръ лицея состоитъ въ настоящемъ учебномъ году председателемъ испытательной юридической коммиссіи при Казанскомъ университетѣ.

Профессоры лицея по классамъ должностей и по содержанію уравниваются съ профессорами университетовъ, но пенсіи за выслугу узаконеннаго числа лѣтъ профессоры лицея получали по старому университетскому уставу 1835 г., въ минувшемъ году по-

слѣдовало распространеніе на профессоровъ лицея пенсіонныхъ правила новаго университетскаго устава 1884 г.

Обращаюсь къ отчету о студентахъ. Къ концу учебнаго года студентовъ было 163, значительно меньше двухъ предыдущихъ лѣтъ: въ 1891 г. было 201, въ 1890 г. 203. Это уменьшеніе количества студентовъ въ истекшемъ учебномъ году было предвидѣно и объяснено въ отчетѣ за прошлый годъ, въ которомъ я указалъ на небывалое во все время существованія Демидовскаго Юридическаго Лицея, количество окончившихъ курсъ въ томъ году, именно 82, а въ такомъ количествѣ новаго поступленія студентовъ ожидать было нельзя и дѣйствительно въ прошломъ году вновь было принято 53. Къ наступающему учебному году, по настоящій день подано 63 прошенія о зачисленіи въ студенты лицея. Эта цифра представляется особенно выдающеюся сравнительно съ послѣдними годами: къ началу прошедшаго учебнаго года было подано 40 прошеній, въ 1890 г.: 38, въ 1889: 35. Затѣмъ должно объяснить, что 20 августа оканчивается пріемъ вновь поступающихъ въ студенты, а переходъ студентовъ-юристовъ изъ университетовъ допускается до 15 февраля, и обыкновенно университетскіе студенты переходятъ въ лицей въ теченіе учебнаго года до этого послѣдняго срока. Какъ показываютъ послѣдніе годы, количество поступающихъ послѣ начала учебнаго года составляетъ 30% количества поступившихъ до начала учебнаго года. Въ прошедшемъ маѣ кончили курсъ 38, изъ нихъ съ кандидатскими отмѣтками 24, сверхъ того могутъ окончить курсъ 8 студентовъ послѣ предстоящихъ экзаменовъ въ сентябрѣ. Такимъ образомъ, къ наступающему учебному году будетъ студентовъ не менѣе 190, а къ концу года очевидно число ихъ дойдетъ до бывшаго въ концѣ прошедшаго учебнаго года. Съ вопросомъ о количествѣ студентовъ въ лицеѣ соединяется вопросъ о количествѣ студентовъ евреевъ; по существующимъ въ настоящее время правиламъ, допускается принимать въ студенты изъ евреевъ 5% на все количество сту-

дентовъ, слѣдовательно въ лицеѣ въ настоящее время могутъ быть 9 студентовъ-евреевъ, но въ дѣйствительности нѣтъ ни одного.

Успѣхи студентовъ въ научныхъ занятіяхъ удостовѣряются экзаменами и разборомъ ихъ письменныхъ работъ. Каждый студентъ обязывается къ концу учебнаго года подать письменную работу по избранному имъ предмету, преподаваемому на данномъ курсѣ. Сверхъ этихъ обязательныхъ работъ студентамъ предлагаются опредѣленныя темы для сочиненій на золотыя и серебряныя медали, почетные отзывы и денежныя преміи въ 50 и 25 р. За сочиненіе на тему „Сравнительно-историческій очеркъ развитія дворянства въ Россіи и на Западѣ Европы" награжденъ золотою медалью окончившій курсъ въ маѣ мѣсяцѣ кандидатомъ Золотаревъ Александръ, объ оставленіи котораго при лицеѣ стипендіатомъ, какъ было указано, совѣтъ постановилъ ходатайствовать. Денежныя преміи получили окончившіе курсъ кандидатами: Рубинштейнъ 50 р. и Ассъ 25 р.

Въ лицей вступило болѣе 60 новыхъ студентовъ и болѣе сорока кончившихъ лицейскій курсъ выступаютъ на практическую дѣятельность.

И тѣмъ и другимъ пожелаемъ прежде всего серьезнаго, добросовѣстнаго отношенія къ предстоящему имъ дѣлу. Мнѣ кажется, что я не буду обвиненъ въ пристрастіи, если скажу, что мнѣ трудно представляется образъ привлекательнѣе студента. Это молодой человѣкъ физически и духовно здоровый, способный къ занятіямъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, на четыре года посвящающій себя этимъ занятіямъ, имѣющій въ виду, пріобрѣтши спеціальныя знанія, выступить общественнымъ дѣятелемъ. Конечно, я не имѣю при этомъ въ виду, что каждый или значительное большинство студентовъ соотвѣтствуетъ этимъ идеальнымъ представленіямъ. Мы встрѣчаемъ студентовъ и съ надломленнымъ здоровьемъ и съ слабыми способностями и съ недобросовѣстнымъ отношеніемъ къ избранному дѣлу—учиться и учиться. Часто значительныя недостатки студентовъ зависятъ не отъ ихъ воли, о такихъ можн

искренно пожалѣть; но многіе и сами бываютъ виновниками своихъ недостатковъ. Противоположно тому, какъ студентъ болѣе или менѣе приближающійся къ идеалу, возбуждаетъ къ себѣ особенную симпатію, виновный въ своихъ недостаткахъ долженъ по всей справедливости возбуждать противъ себя негодованіе. Есть между нашими добрыми братьями и средніе и меньшіе люди, и всѣхъ ихъ мы одинаково любимъ и не ставимъ имъ въ вину того, что они не первые. Но справедливое возбуждаетъ негодованіе тотъ, который безъ заслуженнаго имъ права протирается въ ряды первыхъ людей. А студенты высшихъ учебныхъ заведеній развѣ не приготовляются быть первыми? Имъ будетъ принадлежать главная дѣятельность во всѣхъ сферахъ общественной жизни, они поведутъ за собою своихъ младшихъ братьевъ. Поэтому, студентъ, виновный въ своихъ недостаткахъ, особенно недобросовѣстно относящійся къ своему исключительному призванію заниматься наукою, возбуждаетъ негодованіе своимъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію правъ на первенство.

Очень важною причиною, часто препятствующею студентамъ, помимо ихъ воли, вполнѣ отдаваться научнымъ занятіямъ, является недостатокъ средствъ существованія, необходимость отнимать отъ научныхъ занятій особенно много времени на добываніе этихъ средствъ. Вопросъ о возможныхъ мѣрахъ противъ этого зла, представляющійся очень сложнымъ, не можетъ подлежать обсужденію въ настоящемъ моемъ отчетѣ, я долженъ только сказать, что правительство и общество не оставляютъ этого вопроса безъ вниманія и предвходятъ съ помощью нуждающимся студентамъ. Студенты лицея могутъ быть освобождаемы отъ взноса платы за слушаніе лекцій и получаютъ стипендіи, все это обусловливается одобрительнымъ поведеніемъ и наилучшими отмѣтками на экзаменахъ. На помощь тѣмъ, которые по разнымъ причинамъ не имѣютъ такихъ отмѣтокъ, приходитъ состоящее при лицеѣ „Попечительство о недостаточныхъ студентахъ“, которое взноситъ за неимущихъ плату за слушаніе лекцій, выдаетъ пособія и заимообразныя срочныя ссуды. Неприкосновенный капиталъ попечительства состав-

ляютъ 12000 руб.; онъ постоянно увеличивается съ 9 октября 1890 г десятипроцентными отчисленіями отъ всѣхъ поступающихъ въ пользу попечительства суммъ. На пособія студентамъ расходуются проценты съ этого неприкосновеннаго капитала, годичные взносы членовъ попечительства и сборъ съ устраиваемаго ежегодно въ ноябрѣ мѣсяцѣ студенческаго вечера, составляющій главную доходную статью попечительства; въ минувшемъ году вечеръ далъ валоваго сбора до 1200 руб.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія и благодарности пожертвованіе наслѣдниковъ бывшаго профессора богословія въ лицеѣ, протоіерея Лаврова, неоставившаго по смерти своей завѣщанія. Почтенные сыновья его, врачъ Николай Алексѣевичъ и приватъ-доцентъ Московскаго университета Петръ Алексѣевичъ случайно нашли письмо къ нимъ умершаго отца, въ которомъ онъ просилъ ихъ пожертвовать значительную часть оставшихся послѣ него денегъ указаннымъ учрежденіямъ: Женскому училищу духовнаго вѣдомства, Епархіальному женскому училищу, обязанному своимъ основаніемъ и настоящимъ благоустройствомъ нашему любвеобильному пастырю, преосвященнѣйшему архіепископу Іонаоану, Попечительству о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея и лицейской церкви. Наслѣдники протоіерея Лаврова въ исполненіе священной для нихъ воли отца внесли въ попечительство 1000 р. и на пользу лицейской церкви 100 р.

Затѣмъ я вмѣняю себѣ въ особенно пріятную обязанность почтить память лично мнѣ неизвѣстной, умершей дѣвицы изъ дворянъ Вѣры Петровны Ромбахъ, которая оставила по духовному завѣщанію 1000 р. для выдачи процентовъ съ этой суммы беднѣйшимъ студентамъ, по усмотрѣнію директора лицея.

Пожертвованіе на пользу лицейской церкви выразилось и въ обновленіи и новомъ украшеніи ея на средства состоящаго съ прошедшаго учебнаго года старостою лицейской церкви Александра Аѳанасьевича Бѣлова. До опредѣленія г. Бѣлова на эту должность, послѣдовавшаго согласно выраженному имъ желанію и по

благословенію преосвященнѣйшаго епархіальнаго владыки, лицейская церковь старосты не имѣла.

Въ заключеніе настоящаго отчета имѣю честь выразить искреннюю признательность всѣмъ удостоившимъ своимъ присутствіемъ настоящій лицейскій праздникъ. Послѣднія мои слова будутъ молитвенными: Да научитъ насъ Господь, по безпредѣльной милости своей, просвѣщать истиною и правдою приходящихъ въ наше училище и да будутъ выходящіе изъ него вѣрными служителями законности и нашего Самодержавнаго Государя!

Директоръ *С. Шпилевскій.*

(*Приложеніе къ лѣтописи Лицея за 1891—1892 учебный годъ*).

СПИСОКЪ СТУДЕНТОВЪ
Демидовскаго Юридическаго Лицея,
окончившихъ въ ономъ полный курсъ.

Первый выпускъ—1874 г. [1]).

*1. Архангельскій Николай Дмитріевичъ, родомъ Ярославской губерніи. Мировой судья, по назначенію отъ правительства, въ Венденѣ.

*2. Бенедиктовъ Алексѣй Ивановичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь Заславскаго уѣзда, Волынской губ.

3. Боевской Михаилъ Александровичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора при окружномъ судѣ въ Екатеринославлѣ.

4. Бѣляевъ Александръ Матвѣевичъ, Костр. губ. Мировой судья по назначенію отъ правительства во Владимірѣ-Волынскомъ.

5. Васильевъ Николай Васильевичъ, Калужской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*6. Введенскій Николай Николаевичъ, Ярославск. губ. Изъ старш. пом. Оберъ-Секр. Сената вышелъ въ 1888 въ отставку.

7. Веригинъ Александръ Константиновичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Виноградовъ Александръ Николаевичъ, Тверской губ. Іеромонахъ (Алексѣй) Кіево-Печерской Лавры.

---

[1]) Тѣ изъ окончившихъ курсъ въ Лицеѣ, противъ которыхъ поставлена звѣздочка, окончили курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ; остальные—съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

9. Головачевскій Иванъ Николаевичъ, Черниг. губ. Умеръ въ 1875 г., состоя канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ Кишеневѣ.

*10. Грузинцевъ Константинъ Николаевичъ, Ярославск. губ. Инспекторъ народныхъ училищъ въ Бѣжецкѣ.

*11. Добротинъ Арсеній Андреевичъ, Ярославской губерн. Умеръ въ 1891 г. состоя Секретаремъ город. думы въ Рыбинскѣ.

12. Драбовскій Петръ Тимофеевичъ, Новгородской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

13. Дьяковъ Викторъ Михайловичъ, Волог. губ. Изъ судебн. слѣд. Тотемскаго уѣзда, вышелъ въ 1891 г. въ отставку.

*14. Знаменскій Алексѣй Ивановичъ, Яросл. губ. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Брестъ-Литовскѣ.

15. Ивановскій Алексѣй Михайловичъ, Ярославской губерн. Членъ окружнаго суда въ Изюмѣ, Харьковской губ.

*16. Казанскій Александръ Ивановичъ, Яросл. губ. Состоя городскимъ судьей въ Московск. губ., умеръ въ 1891 году.

17. Князевскій Александръ Андреевичъ, Саратовской губ. Мировой судья въ Оренбургѣ.

*18. Князевскій Степанъ Андреевичъ, Саратовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*19. Колокольцевъ Лавръ Флегонтовичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Вологдѣ.

20. Крутикъ-Горетубанскій Иванъ Григорьевичъ, Харьковской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*21. Лебедевъ Александръ Максимовичъ, Тульск. губ. Изъ тов. прок. Кутаисск. окр. суда въ 1892 г. вышелъ въ отставку.

*22. Лебедевъ Василій Өедоровичъ, Рязанской губерн. Мировой судья въ Варшавѣ.

*23. Лыткинъ Николай Константиновичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Сарапулѣ.

24. Межаковъ Иванъ Николаевичъ, Костромск. губ. Мировой судья по назнач. отъ правит. въ Царевск. уѣздѣ. Астрах. губ.

25. Мерцаловъ Николай Өедоровичъ, Тульск. губ. Умеръ въ 1882 году, находясь суд. слѣд. въ Усть-Медвѣдицкѣ.

*26. Минервинъ Александръ Евграфовичъ, Ярославск. губ. Испр. долж. доцента въ Демидовскомъ Юридичесиомъ Лицеѣ.

27. Моревъ Николай Николаевичъ, Яросл. губ. Дѣлопроизводитель VIII класса въ Департ. Народн. Просвѣщенія.

*28. Назимовъ Андрей Владиміровичъ, Яросл. губ. Мировой судья по назнач. отъ правит. въ Горѣцк. у., Могил. губ.

29. Орловъ Александръ Тимофеевичъ, Тамбовск. губ. Умеръ въ 1880 г., находясь судебн. слѣдователемъ въ Оренбургѣ.

*30. Орловъ Дмитрій Ивановичъ, Калужской губерн. Членъ окружнаго суда въ Ригѣ.

*31. Островскій Николай Петровичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ Рыбинскѣ.

*32. Покровскій Иванъ Ѳедоровичъ, Владимірской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Петербургѣ.

*33. Польскій Михаилъ Ивановичъ, Ярославской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Вологдѣ.

*34. Протопоповъ Петръ Владиміровичъ, Московской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

35. Розовъ Николай Николаевичъ, Яросл. губ. Умеръ въ 1875 г., состоя помощ. ревизора контр. палаты въ Ташкентѣ.

*36. Розовъ Павелъ Гавриловичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ Ярославлѣ.

*37. Розовъ Сергѣй Алексѣевичъ, Яросл. губ. Умеръ въ 1888 г., состоя товарищемъ губ. прокурора въ Мензелинскѣ.

38. Свидерскій Іосифъ Михайловичъ, Могилевской губерніи. Предсѣдатель мироваго съѣзда въ Каменецъ-Подольскѣ.

39. Слѣповъ Николай Филипповичъ, Яросл. губ. Канцелярскій чиновникъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

40. Смарагдовъ Владиміръ Васильевичъ, Ярославской губ. Предсѣдатель съѣзда мир. судей въ Ушицахъ Подольск. губ.

*41. Соколовъ Сергѣй Александровичъ, Московской губерн. Умеръ въ 1890 г., состоя судебн. слѣдователемъ въ Бронницахъ.

*42. Талантовъ Александръ Порфирьевичъ, Ярославск. губ. Дѣлопроизводитель V кл. въ Департаментѣ Народн. Просвѣщенія.

43. Толстовъ Викторъ Дмитріевичъ, Владимірской губерн. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Казани.

44. Успенскій Николай Петровичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Ветлужскаго уѣзда.

*45. Чистяковъ Петръ Лаврентьевичъ, Калужской губерніи. Присяжный повѣренный въ Орлѣ.

Второй выпускъ—1875 года.

1. Баталинъ Сергѣй Михайловичъ, Калужской губ. Свѣдѣній не имѣется.

2. Беллертъ Николай Николаевичъ, Ярославск. губ. Умеръ въ 1876 г., не поступивъ на службу.

3. Богородскій Иванъ Флегонтовичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го уч. Орловскаго уѣзда, Вятской губ.

4. Бѣляевъ Арсеній Васильевичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

5. Валединскій Григорій Ивановичъ, Владим. губ. Умеръ въ 1880 г., состоя канд. на суд. должн. Нижегор. окр. суда.

*6. Волковичъ Дмитрій Львовичъ, Черниговской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Воскресенскій Николай Алексѣевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Гейцыгъ Александръ Николаевичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Петраковѣ.

*9. Глаголевъ Иванъ Матвѣевичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

*10. Дмитревскій Ѳедоръ Семеновичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

*11. Елпицинскій Алексѣй Петровичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Петраковѣ.

12. Капацинскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь въ Васильсурскѣ.

13. Капустинъ Константинъ Ивановичъ, Ярославской губ. Умеръ въ 1882 г., состоя судебн. слѣд. Слуцкаго уѣзда.

14. Климовъ Иванъ Васильевичъ, Рязанской губ. Изъ товар. прокур. Пермскаго окр. суда вышелъ въ 1890 г. въ отставку.

15. Любимовъ Митрофанъ Андреевичъ, Калужской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*16. Люминарскій Николай Михайловичъ, Костромской губ. Умеръ 1885 г., состоя секретар. канц. оберъ-прокурора св. синода.

*17. Мартыновъ Николай Антоновичъ, Ярославской губерн. Старшій нотаріусъ въ Ярославлѣ.

*18. Матвѣевскій Митрофанъ Евдокимовичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Вяткѣ.

19. Минервинъ Андрей Семеновичъ, Владим. губ. Состоя судебн. слѣдователемъ Челябинскаго уѣзда, умеръ въ 1885 г.

*20. Минервинъ Василій Семеновичъ, Владимірской губерніи. Присяжный повѣренный въ Ельцѣ Орловской губ.

21. Надѣинскій Павелъ Ѳедоровичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Елабугѣ.

*22. Орловъ Михаилъ Ивановичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь въ Калугѣ.

23. Павловъ Константинъ Николаевичъ, Рязанской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

24. Песоченскій Иванъ Андреевичъ, Калужской губерніи. Присяжный повѣренный въ Пензѣ.

25. Преображенскій Александръ Михайловичъ, Костр. губ. Умеръ въ 1887 г., состоя помощн. оберъ-секретаря 4 деп. Сената.

26. Розановъ Владиміръ Яковлевичъ, Владимірской губерн. Исправникъ въ г. Меленкахъ.

27. Смирновъ Андрей Павловичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь Ветлужскаго уѣзда, Костром. губ.

28. Смирновъ Иванъ Михайловичъ, Псковской губерніи. Свѣдѣній не имѣется.

*29. Соколовъ Степанъ Васильевичъ, Смоленск. губ. Состоя судебн. слѣдователемъ Сѣнненскаго уѣзда, умеръ въ 1883 году.

*30. Соловьевъ Иванъ Павловичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Сандомирѣ.

31. Сперанскій Иванъ Васильевичъ, Владимірской губерн. Членъ окружнаго суда въ Сарапулѣ.

32. Сперанскій Петръ Ивановичъ, Ярославской губ. Секретарь уѣзднаго съѣзда въ Угличѣ.

33. Стратилатовъ Александръ Константиновичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ Макарьевѣ, Нижегородской губ.

34. Стратилатовъ Иванъ Константиновичъ, Ярославской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Кадниковѣ.

*35. Стремоуховъ Андрей Михайловичъ, Ярославск. губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Москвѣ.

36. Ульяшенко Сергѣй Ивановичъ. Владимірской губ. Судебный слѣдователь 3-го уч. Шуйскаго уѣзда.

37. Уткинъ Петръ Петровичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ Шавли.

*38. Фортунатовъ Павелъ Дмитріевичъ, Тульской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

39. Чанцовъ Сергѣй Александровичъ, Смоленской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го уч. Витебскаго уѣзда.

40. Шиповъ Павелъ Александровичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

41. Эдемовъ Николай Дмитріевичъ, Саратовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*42. Якиманскій Александръ Михайловичъ, Владимірск. губ. Мировой судья въ Верхнеуральскѣ, Оренбургской губ.

43. Яхонтовъ Николай Алексѣевичъ, Костромской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

Третій выпускъ—1876 года.

1. Александровскій Иванъ Михайловичъ, Тульской губерн. Умеръ въ 1883 г., состоя судебнымъ слѣдователемъ въ Вильно.

*2. Архангельскій Николай Ивановичъ, Рязанской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*3. Богдановъ Яковъ Ивановичъ, Владимірской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Кологривѣ, Костромской губерніи.

4. Вознесенскій Александръ Ивановичъ, Костромской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Волочковъ Иванъ Петровичъ, Смоленской губ. Судебный слѣдователь въ Гжатскѣ, Смоленской губ.

*6. Звонниковъ Павелъ Ивановичъ, Кіевской губ. Присяжный повѣренный въ Иркутскѣ.

*7. Зерновъ Сергѣй Степановичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

8. Кирилловъ Михаилъ Васильевичъ, Московской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

9. Лапчинскій Өедоръ Алексѣевичъ, Черниговской губерн. Членъ соединенной палаты въ Архангельскѣ.

*10. Лебедевъ Николай Максимовичъ, Тульской губ. Товарищъ прокурора въ Ставрополѣ Кавказскомъ.

11. Лилеевъ Михаилъ Николаевичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь Чембарскаго уѣзда, Пензенской губ.

12. Маляровъ Александръ Яковлевичъ, Оренбургской губ. Судебный слѣдователь Верхотурскаго уѣзда.

13. Маслаковъ Иліодоръ Васильевичъ, Черниговской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Казани.

14. Мелодіевъ Евлогій Евгеньевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.

*15. Нечаевъ Лука Ивановичъ, Тульской губ. Умеръ въ 1883 году, состоя судебн. слѣдователемъ Богородицкаго уѣзда.

16. Остроумовъ Николай Ивановичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь Мещевскаго уѣзда.

17. Оферьевъ Өедоръ Арсеньевичъ, Владимірской губерніи. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Ельцѣ.

18. Парнасовъ Петръ Петровичъ, Владимірской губ Товарищъ прокурора при окружномъ судѣ въ Екатеринодарѣ.

19. Пригаровскій Михаилъ Петровичъ, Черниговск. губерн. Судебный слѣдователь 3-го уч. Чигиринскаго уѣзда.

20. Прозоровскій Михаилъ Григорьевичъ, Калуж. г. Умеръ въ 1878 г., состоя пом. дѣлопроизвод. Калуж. губ. правленія.

*21. Писаревскій Николай Григорьевичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Гродно.

*22. Поповъ Степанъ Дмитріевичъ, Архангельской губерніи. Мировой судья, по выбору, въ Тотьмѣ.

23. Разумовскій Аполлонъ Николаевичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Харьковѣ.

24. Спасскій Владиміръ Евфимовичъ, Тульской губ Судебн. слѣдователь въ г. Крапивнѣ.

25. Стратилатовъ Михаилъ Константиновичъ, Яросл. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Нерехтѣ.

26. Субботинъ Василій Философовичъ, Яросл. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Перемышлѣ.

27. Троицкій Василій Александровичъ, Тверской губерніи. Судебный приставъ въ Весьегонскѣ.

Четвертый выпускъ—1877 года.

1. Алякринскій Митрофанъ Александровичъ, Владим. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Бенедиктовъ Геннадій Петровичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь Инсарскаго уѣзда, Пензенской губ.

*3. Валединскій Илья Іеронимовичъ, Владим губ. Старшій чиновникъ особыхъ поруч. губернатора въ Нижнемъ-Новгородѣ.

4. Веселовскій Василій Аркадьевичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Минскѣ.

5. Галаховъ Алексѣй Михайловичъ, Тверской губ. Умеръ въ 1878 г., состоя при Министерствѣ Юстиціи.

6. Глѣбовъ Никаноръ Васильевичъ, Рязанской губ. Окружный надзиратель въ Умани.

7. Горбатовскій Матвѣй Степановичъ, Черниговской губерн. Товарищъ Предсѣдателя губернскаго суда въ Красноярскѣ.

8. Гродзицкій Василій Ивановичъ, Минской губ. Состоя судебнымъ слѣд. въ Каменецъ-Подольскѣ, умеръ въ 1880 году.

9. Духовской Евгеній Васильевичъ, Нижегор. губ. Состоя присяжнымъ повѣреннымъ въ Москвѣ, умеръ въ 1889 году.

10. Журавченко Михаилъ Ивановичъ, Черниг. губ. Состоя канд. на суд. долж. Яросл. окр. суда, умеръ въ 1881 году.

11. Казанскій Павелъ Андреевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь Козеницкаго уѣзда, Радомской губерніи.

*12. Казанцевъ Леонидъ Николаевичъ, Яросл. губ. Экстраорд. проф. по римскому праву въ университетѣ Св. Владиміра.

*13. Крюковъ Сергѣй Ильичъ, Тверской губерніи. Учитель реальнаго училища въ Курскѣ.

14. Линденбратенъ Яковъ Рафаиловичъ, Виленской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Меморскій Александръ Михайловичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Нижнемъ-Новгородѣ.

16. Михайловскій Арсеній Николаевичъ, Тверской губерніи. Секретарь окружнаго суда во Владикавказѣ.

*17. Моригеровскій Сергѣй Ивановичъ, Тульской губерніи. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Екатеринодарѣ.

18. Невскій Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Учитель реальнаго училища въ Екатеринославлѣ.

19. Никольскій Александръ Григорьевичъ, Владимірск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

20. Никольскій Александръ Яковлевичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерн.

21. Никольскій Петръ Павловичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Екатеринодарѣ.

22. Остряковъ Николай Яковлевичъ, Тамбовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Пагава, князь, Мельхиседекъ Григорьевичъ, Кутаисской губ. Директоръ Михайловскаго дворян. земельн. банка въ Кутаисѣ.

24. Парвицкій Николай Ивановичъ, Владимірской губерніи. Правитель канцеляріи градоначальника въ Керчь-Еникалѣ.

25. Поповъ Михаилъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдователь Карачевскаго уѣзда, Орловской губерніи.

*26. Потѣхинъ Павелъ Борисовичъ, Костромской губ Дѣлопроизводитель VII кл. въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

*27. Пѣтунинъ Алексѣй Яковлевичъ, Яросл. губ Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

28. Радугинъ Константинъ Павловичъ, Владимірской губерн. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Суздалѣ.

29. Розовъ Николай Александровичъ, Костромской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

30. Сахаровъ Владиміръ Ивановичъ, Калужской губерніи Свѣдѣній не доставилъ.

31. Святославскій Алексѣй Петровичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь въ Карачевѣ.

*32. Севастьяновъ Владиміръ Константиновичъ, Тамбовской губерніи. Мировой судья по выбору въ гор. Шацкѣ.

*33. Славновскій Алексѣй Александровичъ, Тверской губерн. Податной инспекторъ въ Раненбургѣ.

34. Соловьевъ Иванъ Николаевичъ, Владимірской губерніи. Умеръ въ 1885 г., состоя секретар. Таврическ. дух. консисторіи.

35. Страховъ Александръ Семеновичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

36. Успенскій Алексѣй Николаевичъ. Московской губ. Умеръ въ 1881 г., находясь помощн. присяжн. повѣрен. въ Ярославлѣ.

37. Успенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Помощникъ старшаго нотаріуса окружнаго суда въ С.-Петербургѣ.

38. Утѣхинъ Филаретъ Владиміровичъ, Тверской губерніи. Судебный слѣдователь въ Сѣдлецахъ.

39. Хохловъ Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Слонимѣ.

40. Хохловъ Сергѣй Александровичъ, Тверской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Холмѣ, Псковской губерніи.

Пятый выпускъ—1878 г.

1. Аляквинскій Григорій Артамоновичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 2-го участка Меленковскаго уѣзда.

*2. Андроссовъ Николай Ивановичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

3. Афанасьевъ Маркъ Ивановичъ, Тамбовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

4. Бабіевскій Иванъ Григорьевичъ, Черниговской губерніи. Старшій ревизоръ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

5. Балутинъ Флорентій Петровичъ, Черниговской губерніи. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Валуйкахъ, Воронежской губ.

6. Виноградовъ Дмитрій Алексѣевичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Вознесенскій Николай Алексѣевичъ, Тверской губерніи. Судебный слѣдователь 4-го участка Оренбургской губерніи.

8. Воскресенскій Николай Дмитріевичъ, Тульской губерніи. Судебный слѣдователь Повенѣжскаго уѣзда, Ковенской губ.

9. Гладковъ Владиміръ Григорьевичъ, Ярославской губерн. Состоя присяжнымъ повѣреннымъ во Владимірѣ, умеръ въ 1888 г.

*10. Доброхотовъ Александръ Алексѣевичъ, Ярославской губ. Умеръ въ 1883 г., состоя судебнымъ слѣдователемъ въ Устюгѣ.

*11. Есиповъ Алексѣй Николаевичъ, Ярославской губерніи. Земскій начальникъ въ Даниловскомъ уѣздѣ.

12. Ивановскій Александръ Ивановичъ, Вологодской губерн. Мировой судья Ревельско-Гапсальскаго округа.

13. Казанскій Василій Алексѣевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Краснопѣвцевъ Алексѣй Ивановичъ, Тульской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Лавровъ Алексѣй Андреевичъ, Орловской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Лебедевъ Дмитрій Алексѣевичъ, Московской губерніи. Мировой судья въ Москвѣ.

17. Литовъ Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губерніи. Занимается торговыми дѣлами.

18. Малиновскій Николай Григорьевичъ, Орловской губерн. Судебный слѣдователь Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

19. Миловидовъ Александръ Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Васильсурскаго уѣзда.

20. Молчановъ Владиміръ Алексѣевичъ, Тульской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

21. Моревъ Николай Николаевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

22. Несмѣловъ Николай Алексѣевичъ, Пензенской губерніи. Судебный слѣдователь въ Уфимской губерніи.

23. Орельскій Иванъ Андреевичъ, Нижегородской губерніи. Судебный слѣдователь Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губ.

24. Орловъ Алексѣй Алексѣевичъ, Воронежской губерніи. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Новочеркасскѣ.

*25. Петровскій Павелъ Лавровичъ, Яросл. губ. Чиновникъ особыхъ поруч. при управленіи государств. имущ. въ Новгородѣ.

26. Погожевъ Дмитрій Андреевичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

27. Поспѣловъ Николай Алексѣевичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

28. Путилинъ Александръ Ивановичъ, Воронежской губерніи. Судебный слѣдователь Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи.

29. Реутскій Митрофанъ Ивановичъ, Черниговской губерніи. Въ управленіи волжско-камскаго банка въ Петербургѣ.

30. Серафимовъ Николай Константиновичъ, Костромск. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Котельничѣ.

31. Сергѣевъ Петръ Степановичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губерніи.

32. Соколовъ Илья Васильевичъ, Смоленской губ. Судебный слѣдователь Поневѣжскаго уѣзда, Ковенской губ.

33. Срѣтенскій Евгеній Аврамьевичъ, Ярославской губерніи. Секретарь духовной консисторіи въ Житомірѣ.

34. Стратилатовъ Николай Петровичъ, Ярославской губерн. Преподаватель реальн. уч. въ Троицкосавскѣ, Забайкальской обл.

35. Страховъ Иванъ Игнатьевичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

36. Ундольскій Сергѣй Александровичъ, Владимірской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Вязникахъ.

37 Шумилинъ Николай Петровичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь 12-го уч. Варшавской губ.

Шестой выпускъ—1879 года.

1. Алексѣевскій Александръ Васильевичъ, Тверской губ. Изъ судебныхъ слѣдов. Воронежа, вышелъ въ 1892 г. въ отставку.

2. Алякринскій Иванъ Артамоновичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Оренбургѣ.

*3. Артыновъ Евгеній Дмитріевичъ, Владимірской губерніи. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

4. Бѣлоровскій Михаилъ Петровичъ, Черниговской губерн. Окружный судья въ Томскѣ.

5. Виноградовъ Иванъ Сергѣевичъ, Костромской губерніи. Столоначальникъ въ Министерствѣ Императорскаго двора.

6. Знаменскій Николай Павловичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губ.

7. Козловскій Иванъ Гавриловичъ, Могилевской губ. Умеръ въ 1890 г., состоя судебнымъ слѣдователемъ Трокскаго уѣзда.

8. Лебедевъ Василій Григорьевичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь 1-го уч. Ковровскаго уѣзда.

9. Мировъ Алексѣй Алексѣевичъ, Яросл. губ. Состоя помощн. попечителя Калмыковъ въ Астрахани, умеръ въ 1880 г.

10. Никольскій Николай Яковлевичъ, Черниговской губерн. Судебный слѣдователь 3-го уч. Винницкаго у., Подольской губ.

*11. Образцовъ Семенъ Флегонтовичъ, Вологодской губ. Учит. реальн. учил. въ Урюпинской станицѣ (земли войска донскаго).

*12. Орлинскій Евсевій Ивановичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Пензѣ.

13. Платоновъ Иванъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Астраханскаго уѣзда.

14. Романовскій Алексѣй Константиновичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Смирновъ Андрей Константиновичъ, Рязанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Уфѣ.

*16. Соколовъ Николай Өедоровичъ, Тверской губ. Присяжный повѣренный въ Нижнемъ-Новгородѣ.

17. Стефановскій Александръ Трофимовичъ, Черниговск. губ. Товарищъ прокурора въ Гродно.

*18. Титовъ Сергѣй Георгіевичъ, Костромской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Вологдѣ.

19. Ураковъ Павелъ Петровичъ, Костромской губ. Помощникъ секретаря при окружномъ судѣ въ Костромѣ.

*20. Успенскій Алексѣй Өедоровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Витебской губерніи.

*21. Флорентинскій Владиміръ Николаевичъ, Нижегородской губ. Товарищъ прокурора въ Гродно.

*22. Фортунатовъ Константинъ Александровичъ, Тверской губ. Членъ окружнаго суда въ Смоленскѣ.

Седьмой выпускъ—1880 года.

*1. Безсоновъ Александръ Михайловичъ, Московской губ. Умеръ, состоя присяжнымъ повѣреннымъ въ Москвѣ.

2. Бѣляевъ Иванъ Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Гороховецкаго уѣзда.

3. Валединскій Викторъ Іеронимовичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Владикавказѣ.

4. Горлицынъ Владиміръ Авксентьевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*5. Граціановъ Александръ Яковлевичъ, Нижогородск. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Романовъ-Борисоглѣбскѣ.

*6. Гусевъ Николай Николаевичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не имѣется.

7. Дубенскій Николай Николаевичъ, Петербургской губ. Товарищъ прокурора при Костромскомъ окружномъ судѣ.

8. Ждановъ Андрей Андреевичъ, Полтавской губ. Мировой судья по выбору въ Царицынѣ.

9. Колосовскій Иванъ Владиміровичъ, Черниговской губ. Членъ соединенной палаты въ Уфѣ.

*10. Красовскій Александръ Антоновичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Елисаветполѣ.

11. Любимовъ Павелъ Ѳомичъ, Рязанской губерніи. Старшій нотаріусъ въ Ковно.

12. Муравьевъ Сергѣй Ивановичъ, Московск. губ. Судебный слѣдователь въ Болховѣ, Орловской губ.

13. Орловъ Иванъ Николаевичъ, Московской губ. Городской судья въ Ардатовѣ, Симбирской губ.

*14. Пятницкій Михаилъ Петровичъ, Ярославской губерніи. Изъ судебн. слѣдоват. Кологрива, причисленъ къ Мин. Юстиціи.

15. Пѣнскій Алексѣй Николаевичъ, Тверской губ. Состоя секретаремъ акцизнаго управленія въ Ковно, умеръ въ 1891 г.

*16. Раппопортъ Алексѣй Львовичъ, Кіевской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Кіевѣ.

17. Розановъ Гавріилъ Петровичъ, Рязанской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

18. Розовъ Александръ Васильевичъ, Ярославской губерніи. Мировой судья по назначенію въ Архангельской губ.

19. Фортунатовъ Гавріилъ Дмитріевичъ, Тульской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го уч. Россіенскаго у., Ковенской губ.

20. Чернобровцевъ Василій Дмитріевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдов. 1-го уч. Семеновскаго уѣзда, Нижегор. губ.

*21. Шубинъ Николай Александровичъ, Петербургской губ. Членъ окружнаго суда въ Баку.

*22. Яковлевъ Иванъ Георгіевичъ, Петербургской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Язвицкій Константинъ Павловичъ, Владимірской губ. Столоначальникъ Управл. Попечителя учебн. округа въ Дерптѣ.

Восьмой выпускъ—1881 года.

1. Аменицкій Иванъ Александровичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Муромѣ.

2. Богородскій Леонидъ Алексѣевичъ, Ярославской губерн. Почетный мировой судья въ Ярославлѣ.

3. Вишняковъ Михаилъ Семеновичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

4. Гоффманъ Антонъ Эдуардовичъ, Могилевской губерніи. Былъ судебн. слѣдователемъ въ Духовщинѣ, теперь въ отставкѣ.

*5. Ильинъ Порфирій Николаевичъ, Петербургской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

6. Истоминъ Александръ Ивановичъ, Тверской губ. Товарищъ губернскаго прокурора въ Архангельскѣ.

7. Коржавинъ Николай Николаевичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь въ Звенигородѣ.

*8. Критскій Иванъ Александровичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Череповцѣ.

9. Крыловъ Павелъ Александровичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

10. Любомудровъ Михаилъ Александровичъ, Тульской губ. Судебн. слѣдоват. 4-го уч. Ставропольск. уѣзда на Кавказѣ.

11. Лялинъ Михаилъ Николаевичъ, Владимірской губерніи. Земскій начальникъ въ Переславскомъ уѣздѣ, Влад. губ.

12. Малевскій-Малевичъ Александръ Юльевичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣренный въ Твери.

13. Милославовъ Павелъ Афанасьевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Поповъ Дмитрій Васильевичъ, Вологодской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Поповъ Лавръ Андреевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь 8-го участка Екатеринбургскаго уѣзда.

16. Предтеченскій Николай Андреевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Галичѣ.

17. Приселковъ Владиміръ Захаровичъ, Тверской губерніи. Судебный слѣдователь въ Ригѣ.

*18. Раевскій Евгеній Александровичъ, Ярославской губерн. Городской судья въ Череповцѣ.

19. Раевскій Ѳедоръ Константиновичъ, Костром. губ. Состоя канд. на судебн. должн. Костром. окр. суда, умеръ въ 1883 г.

20. Рождественскій Ѳедоръ Дмитріевичъ, Московской губ. Помощникъ секретаря судебной палаты въ Москвѣ.

21. Смирновъ Василій Семеновичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь Мстиславскаго уѣзда, Могилевской губерніи.

22. Смирновъ Михаилъ Михайловичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь въ Суздалѣ.

*23. Смоленскій Михаилъ Ѳедоровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Бендерахъ.

24. Соколовъ Александръ Глѣбовичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*25. Телѣгинъ Сергѣй Александровичъ, Московской губерніи. Судебн. слѣдов. 3-го уч. Балашевскаго уѣзда, Саратовской губ.

26. Троицкій Василій Михайловичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Уфимской губерніи.

27. Троицкій Василій Ѳедоровичъ, Рязанской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*28. Шахъ-Азизъ Семенъ Іоакимовичъ, Эриванской губерніи. Помощн. мироваго судьи Озургетскаго уѣзда, Кутаисской губерніи.

Девятый выпускъ—1882 г.

1. Александровскій Владиміръ Андреевичъ, Владимірской губ. Секретарь духовной консисторіи въ Могилевѣ.

2. Алексѣевъ Михаилъ Петровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь 15 уч. округа Варшавскаго окружнаго суда.

3. Введенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Дерптѣ.

4. Дагаевъ Аркадій Ѳедоровичъ, Воронежской губ. Старшій нотаріусъ въ Тамбовѣ.

5. Дмитревскій Дмитрій Ивановичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Кириловѣ Новгородской губерніи.

*6. Ивановъ Николай Аполлоновичъ, Тульской губ. Земскій начальникъ Епифанскаго уѣзда.

7. Кондратьевъ Михаилъ Петровичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь въ Муромѣ.

8. Лебедевъ Сергѣй Антоновичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

9. Надеждинъ Сергѣй Александровичъ, Владимірской губ. Податной инспекторъ въ Покровѣ.

10. Ораевскій Ѳедоръ Александровичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не имѣется.

11. Платоновъ Василій Александровичъ, Тамбовской губерн. Членъ соединенной палаты въ Архангельскѣ.

*12. Полетаевъ Павелъ Арсеньевичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Солигаличѣ.

13. Полянскій Ѳедоръ Ивановичъ, Воронежской губерніи. Присяжный повѣренный въ Воронежѣ.

14. Свѣтловъ Константинъ Петровичъ, Рязанской губерніи. Товарищъ прокурора въ Тамбовѣ.

15. Соколовъ Иванъ Іассоновичъ, Ярославской губерніи. Городской судья въ Романовъ-Борисоглѣбскѣ.

*16. Тверицкій Павелъ Ѳедоровичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Ростовѣ-Ярославскомъ.

17. Троицкій Александръ Ивановичъ, Московской губерніи. Помощникъ акцизн. надзирателя въ Сапожкѣ, Рязанской губерніи.

Десятый выпускъ—1883 года.

1. Агриковъ Василій Дмитріевичъ, Владимірской губерніи. Податной инспекторъ въ Александровѣ.

2. Андруцкій Гавріилъ Дмитріевичъ, Могилевской губерн. Судебный слѣдователь 3-го уч. Вилейскаго у., Виленской губ.

*3. Благовѣщенскій Иванъ Дмитріевичъ, Орловской губерн. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Весьегонскѣ.

4. Богородскій Василій Николаевичъ, Ярославской губерн. Городской судья въ Раненбургѣ.

5. Бѣлогостицкій Петръ Ивановичъ, Ярославской губерніи. Состоя судебнымъ слѣдователемъ въ Любимѣ, умеръ въ 1891 г.

*6. Бѣлопольскій Петръ Васильевичъ, Воронежской губерн. Присяжный повѣренный въ Астрахани.

7. Бѣлявскій Александръ Алексѣевичъ, Смоленской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Введенскій Константинъ Евгеньевичъ, Вологодской губ. Мировой судья по назнач. въ Кобринѣ, Каменецъ-Подольск. губ.

*9. Введенскій Николай Дмитріевичъ, Ярославской губерн. Помощн. секретаря окружнаго суда въ Вологдѣ.

*10. Вишневскій Алексѣй Дмитріевичъ, Рязанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Переславлѣ, Владимірской губ.

11. Воздвиженскій Петръ Петровичъ, Московской губерніи. Секретарь окружнаго суда въ Москвѣ.

*12. Воскресенскій Дмитрій Андреевичъ, Тверской г. Состоя судебн. слѣд. по важн. дѣл. въ Великихъ Лукахъ, ум. въ 1891 г.

*13. Голубцовъ Алфей Александровичъ, Вологодской губерн. Судебный слѣдователь въ Шенкурскѣ.

*14. Григоревскій Петръ Семеновичъ, Курской губ. Судебный слѣдователь въ Кадниковѣ, Вологодской губ.

15. Добрянскій Феодосій Николаевичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь въ Слонимѣ.

16. Землиновъ Александръ Ивановичъ, Пензенской губерн. Судебный слѣдователь Мокшанскаго уѣзда.

17. Зубовскій Іосифъ Федотовичъ, Могилевской губ. Судебный слѣдователь Стопницкаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи.

18. Ивановъ Петръ Дмитріевичъ, Воронежской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

19. Ивинскій Ѳедоръ Петровичъ, Тамбовской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Тамбовѣ.

20. Казанскій Сергѣй Алексѣевичъ, Нижегородской губерн. Помощникъ мироваго судьи въ Сыръ-Дарьинской области.

21. Калинниковъ Евгеній Дмитріевичъ, Архангельской губ. Учитель реальнаго училища въ Митавѣ.

22. Козловскій Сергѣй Александровичъ, Черниговской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

23. Лебедевъ Василій Ѳедоровичъ, Уфимской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*24. Невскій Александръ Ивановичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Ригѣ.

*25. Невскій Дмитрій Александровичъ, Ярославской губерн. Библіотекарь Демидовскаго Юридическаго Лицея.

26. Образцовъ Сергѣй Флегонтовичъ, Вологодской губерніи. Состоя судебн. слѣдов. въ Архангельскѣ, умеръ въ 1890 году.

27. Плавтовъ Иванъ Васильевичъ, Рязанской губерніи. Помощникъ надзир. V окр. акцизн. управл. въ Черниговской губ.

28. Погожевъ Игнатій Дмитріевичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не имѣется.

29. Поповъ Александръ Ивановичъ, Харьковской губерніи. Умеръ въ 1888 г., состоя секретаремъ окружн. суда въ Гродно.

30. Процвѣталовъ Иванъ Ивановичъ, Тамбовской губерніи. Товарищъ прокурора въ Ломжѣ.

*31. Розановъ Константинъ Александровичъ, Вологодской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Вологдѣ.

32. Сацердотовъ Степанъ Степановичъ, Вологодской губерн. Судебный слѣдователь въ Тотьмѣ.

33. Сербскій Василій Матвѣевичъ, Московской губ. Мировой судья въ Тельшевѣ.

*34. Соловьевъ Николай Васильевичъ, Олонецкой губ. Секретарь духовной консисторіи въ Ставрополѣ, Таврической губерніи.

35. Степановъ Сергѣй Никитичъ, Московской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Эривани.

*36. Тихонравовъ Александръ Ѳедоровичъ, Симбирской губ. Присяжный повѣренный въ Ригѣ.

*37. Троицкій Веніаминъ Виссаріоновичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Гайсанѣ,, Каменецъ-Подольской губерн.

38. Троцкій Гурій Аристарховичъ, Черниговской губерніи. Товарищъ прокурора въ Каменецъ-Подольскѣ.

39. Успенскій Алексѣй Петровичъ, Тульской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Тулѣ.

40. Чернобровцевъ Константинъ Ивановичъ, Владим. губ. Помощн. бухгалтера въ Юрьевскомъ уѣздномъ Казначействѣ.

41. Шмаковъ Семенъ Васильевичъ, Архангельской губерніи. Умеръ въ 1888 г., состоя Секретаремъ окруж. суда въ Вологдѣ.

42. Шмигельскій Константинъ Григорьевичъ, Кіевской губ. Мировой судья въ Умани.

43. Юрьевъ Алексѣй Николаевичъ, Курской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Язвицкій Александръ Павловичъ, Владимірской губерн. Присяжный повѣренный во Владимірѣ.

*45. Ѳедоровъ Владиміръ Васильевичъ, Ставропольской губ. Суд. слѣдов. Отрадненскаго уч. Екатеринодарскаго окружн. суда.

46. Ѳоминъ Василій Яковлевичъ, Олонецкой губ. Помощникъ дѣлопроизводит. канцеляріи Государственнаго Контроля VII класса.

Одиннадцатый выпускъ--1884 года.

1. Авдіевъ Николай Ивановичъ, Курской губ. Помощникъ мироваго судьи въ Ферганской области.

2. Альбовъ Иванъ Павловичъ, Костромской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при военномъ прокурорѣ въ Казани.

3. Аргентовскій Евграфъ Васильевичъ, Тобольской губерн. Засѣдатель окружнаго суда въ Каинскѣ.

*4. Бесѣдкинъ Павелъ Ѳеодоровичъ, Московской губерніи. Приватъ-доцентъ въ Лицеѣ по уголовному праву.

5. Благонадеждинъ Иванъ Васильевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Семеновскаго уѣзда.

6 Бруевичъ Иванъ Ивановичъ, Могилевской губ. Судебный слѣдователь въ Горкахъ.

7. Введенскій Иванъ Григорьевичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи.

8. Виноградовъ Николай Александровичъ, Ярославской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда во Владимірѣ.

9. Высоцкій Иванъ Капитоновичъ, Орловской губерніи. Судебный слѣдователь въ Вѣрномъ.

10. Голосовъ Александръ Александровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Устьсысольскѣ.

11. Голубцовъ Павелъ Александровичъ, Вологодской губерн. Судебный слѣдователь въ Никольскѣ, Вологодской губ.

12. Городецкій Александръ Степановичъ, Пензенской губ Судебный слѣдователь 1-го уч Челябинскаго уѣзда.

13. Грацинскій Павелъ Павловичъ, Воронежской губерніи. Городской судья въ Стародубѣ.

14. Громковскій Иванъ Кодратовичъ, Тамбовской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го уч. Кунгурскаго уѣзда.

15. Дмитріевъ Михаилъ Александровичъ, Архангельской губ. Податной инспекторъ въ Вологдѣ.

16. Зварінъ Владиміръ Павловичъ, Вологодской губерніи. Судебный слѣдователь въ Бугульмѣ.

*17. Звѣревъ Александръ Михайловичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь въ Либавѣ.

*18. Зыковъ Тимофей Яковлевичъ, Ярославской губ. Окружный акцизный надзиратель въ Бѣжецкѣ.

*19. Казанскій Алексѣй Васильевичъ, Московской губерніи. Товарищъ прокурора въ Ригѣ.

20. Купріяновъ Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го уч. Мензелинскаго уѣзда.

*21. Лебедевъ Иванъ Александровичъ [1]), Олонецкой губерніи. Мировой судья въ Онегѣ.

22. Лебедевъ Павелъ Васильевичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Леоновъ Евфимій Петровичъ, Воронежской губерніи. Секретарь окружнаго суда въ Воронежѣ.

*24. Любимовъ Павелъ Николаевичъ, Калужской губерніи. Судебный слѣдователь въ Тобольской губерніи.

*25. Миславскій Николай Ѳедоровичъ, Черниговской губерн. Судебный слѣдователь во Владимірѣ-Волынскомъ.

26. Михайловъ Михаилъ Николаевичъ, Орловской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Моисеевъ Ѳедоръ Ивановичъ, Харьковской губ. Дѣлопроизводитель 3 округа Акцизнаго Управленія въ Самарѣ.

*28. Невзоровъ Александръ Серафимовичъ, Оренбургской губ. Испр. должн. доцента Университета въ Дерптѣ.

*29. Нехорошевъ Тимофей Васильевичъ, Томской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

30. Никифоровскій Андрей Васильевичъ, Костромской губ. Податной инспекторъ въ Рыбинскѣ.

31. Никольскій Дмитрій Герасимовичъ, Орловской губерніи. Засѣдатель окружнагв суда въ Читѣ (Забайкальской области).

32. Павловскій Сергѣй Александровичъ, Орловской губерніи. Совѣтникъ губернскаго суда въ Енисейскѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

33. Петровскій Митрофанъ Іоакимовичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

34. Плетеневъ Андрей Алексѣевичъ, Курской губ. Мировой судья Царевскаго уѣзда.

35. Покровскій Сергѣй Алексѣевичъ, Тульской губ. Членъ соединенной палаты въ Уфѣ.

*36. Поповскій Иванъ Ивановичъ, Воронежской губ. Товарищъ прокурора въ Сувалкахъ.

37. Поповъ Николай Александровичъ, Костромской губерн. Мировой судья въ Виленской губ.

38. Поповъ Өедоръ Львовичъ, Вятской губерніи. Податной инспекторъ въ Устюгѣ.

39. Приступа Георгій Игнатьевичъ, Волынской губ. Присяжный повѣренный въ Шадринскѣ, Пермской губ.

40. Протопоповъ Алексѣй Андреевичъ, Владимірской губ. Мировой судья въ Новомъ Чарданцѣ, Самаркандской области.

41. Раевскій Сергѣй Михайловичъ, Нижегородской губерніи. Секретарь губернскаго акцизнаго управленія въ Самарѣ.

42. Робустовъ Василій Ивановичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

43. Рождественскій Константинъ Николаевичъ, Тамбовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Рязанцевъ Дмитрій Ивановичъ, Тверской губ. Столоначальникъ въ департаментѣ министерства юстиціи.

45. Самаринъ Сергѣй Николаевичъ Вологодской губерніи. Товарищъ прокурора въ Кѣльцахъ.

46. Самойловичъ Владиміръ Александровичъ, Полтав. губ. Кандидатъ на суд. должн. при прокур. суд. палаты въ Одессѣ.

*47. Сангалло Николай Карловичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

48. Сахаровъ Александръ Лукичъ, Рязанской губерніи. Городской судья въ Полтавѣ.

49. Сементовскій Иванъ Петровичъ, Оренбургской губерніи. Товарищъ губернскаго прокурора въ Томскѣ.

*50. Семидаловъ Владиміръ Ивановичъ, Енисейской губерніи. Окружный судья въ Красноярскѣ.

*51. Серповскій Николай Григорьевичъ [1]), Тамбовской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Калугѣ.

52. Скворцовъ Павелъ Космичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

53. Спасскій Василій Павловичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣд. 2 участка Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ.

54. Сперанскій Николай Ивановичъ, Владимірской губ. Изъ судебн. слѣд. Новоржева, причисленъ къ Министерству Юстиціи.

55. Стефановъ Николай Григорьевичъ, Смоленской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

56. Страховъ Николай Васильевичъ, Калужской губерніи. Судебный слѣдователь Боровскаго уѣзда.

57. Струменскій Евгеній Евгеньевичъ, Подольской губерніи. Помощникъ мироваго судьи въ Нахичевани.

*58. Сулковскій Василій Константиновичъ, Минской губерніи. Умеръ въ 1890 году.

59. Сущинскій Германъ Васильевичъ, Могилевской губерніи. Судебный слѣдователь въ Чаусахъ.

*60. Трехлѣтовъ Александръ Матвѣевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Ярославлѣ.

61. Троицкій Алексѣй Арсеньевичъ, Тверской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

62. Троицкій Николай Петровичъ, Тверской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го участка Лидскаго уѣзда.

63. Труфановъ Василій Константиновичъ, Харьковской губ. Судебный слѣдователь въ Калишѣ.

64. Флеровъ Сергѣй Александровичъ, Тверской губерніи. Товарищъ прокурора въ Вологдѣ.

65. Флоринскій Константинъ Ивановичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Москвѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

66. Фортунатовъ Петръ Степановичъ, Казанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Баку.

67. Хохловъ Александръ Васильевичъ, Черниговской губерн. Присяжный повѣренный въ Рыбинскѣ.

68. Хохловъ Алексѣй Александровичъ, Тверской губ. Умеръ въ 1890 г., состоя судебн. слѣдователемъ въ Минской губерніи.

69. Цвѣтковъ Павелъ Васильевичъ, Московской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

70. Часовниковъ Ѳедоръ Михайловичъ, Воронежской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

*71. Чулановскій Михаилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Свѣдѣній не имѣется.

72. Шелепинъ Василій Іустиновичъ, Могилевской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Могилевѣ.

73. Ѳедосѣевъ Александръ Петровичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Сызрани.

Двѣнадцатый выпускъ—1885 года.

1. Агеевъ Иванъ Васильевичъ, Полтавской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

*2. Архангельскій Иванъ Космичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Кѣльцахъ.

3. Бакулевскій Иванъ Гавриловичъ, Казанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Шадринскѣ.

4. Богословскій Сергѣй Дмитріевичъ, Орловской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Орлѣ.

5. Богородицкій Всеволодъ Сергѣевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь Гагенпотскаго уѣзда, Курляндской губ.

*6. Будзиловичъ Николай Николаевичъ, Минской губерніи. Суд. слѣдователь 3-го уч. Новогрудскего уѣзда, Минской губ.

7. Быстрицкій Всеволодъ Владиміровичъ, Владимірской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Муромѣ.

8. Бѣляевъ Иванъ Васильевичъ, Харьковской губ. Товарищъ прокурора въ Самаркандѣ.

*9. Введенскій Ѳедоръ Викторовичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Гайсинскаго уѣзда, Подольской губ.

10. Виноградовъ Николай Николаевичъ, Орловской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

11. Виноградскій Николай Степановичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Калишѣ.

12. Вознесенскій Василій Константиновичъ, Владимірской губерніи. Помощн. секретаря окр. суда въ Нижнемъ-Новгородѣ.

13. Вознесенскій Николай Аркадьевичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь въ Новочеркаскѣ.

*14. Гродзицкій Митрофанъ Іосифовичъ, Минской губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при окруж. судѣ въ Кіевѣ.

15. Гунбинъ Василій Алексѣевичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Драгомирецкій Дмитрій Ѳеофановичъ, Подольской губ. Старшій контролеръ винокур. заводовъ 4 окр. въ Подольскѣ.

17. Ерасси Владиміръ Ивановичъ, Владимірской губ. Умеръ въ 1887 г., состоя помощн. присяжн. повѣрен. во Владимірѣ.

18. Зыковъ Арсеній Павловичъ, Тверской губерн. Судебный слѣдователь въ Митавѣ.

19. Казанскій Петръ Ивановичъ, Владимірской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Муромѣ.

20. Каргвеловъ Михаилъ Лаврентьевичъ, Тифлисской губ. Помощникъ мироваго судьи по Тифлисскому уѣзду.

21. Короткевичъ Николай Дмитріевичъ, Черниг. губ. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Нѣжинѣ.

22. Лавровъ Веніаминъ Тихоновичъ, Орловской губ. Старшій контролеръ 2-го акцизнаго управленія въ Орлѣ.

23. Лисицынъ Николай Васильевичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь Зубцовскаго уѣзда, Тверской губ.

24. Ломакинъ Константинъ Павловичъ, Курской губ. Судебный слѣдователь въ Тельгенѣ, Курляндской губ.

25. Лубнинъ Алексѣй Дмитріевичъ, Вятской губерніи. Городской судья въ Кологривѣ.

26. Медвѣдевъ Александръ Семеновичъ, Тверской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Нечаевъ Сергѣй Петровичъ, Черниговской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

28. Никольскій Владиміръ Ильичъ, Тульской губерніи, Свѣдѣній не доставилъ.

29. Никольскій Павелъ Ивановичъ, Тверской губерніи. Судебный слѣдователь въ Ейскѣ, Кубанской области.

30. Никольскій Ѳедоръ Петровичъ, Калужекой губ. Судебный слѣдователь Белебѣевскаго уѣзда, Уфимской губерніи.

31. Новицкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Судебный слѣдователь въ Ревелѣ.

32. Поповъ Иванъ Алексѣевичъ, Вологодской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

33. Поповъ Николай Степановичъ, Воронежской губерніи. Судебный слѣдователь Бирскаго уѣзда, Уфимской губ.

*34. Пропенко Николай Николаевичъ, Петербургской губерн. Въ министерствѣ финансовъ.

35. Преображенскій Василій Ивановичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Варшавѣ.

36. Рклицкій Николай Васильевичъ, Черниговской губерніи. Городской судья въ Бронницахъ.

*37. Смирновъ Дмитрій Васильевичъ, Ярославской губерніи. Присяжный повѣренный въ Нижнемъ-Новгородѣ.

38. Соколовъ Дмитрій Ивановичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи.

39. Соколовъ Александръ Васильевичъ, Казанской губерніи. Товарищъ губернскаго прокурора въ Тобольскѣ.

40. Соловьевъ Иванъ Петровичъ, Владимірской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Иваново-Вознесенскѣ.

41. Спасскій Павелъ Александровичъ, Ярославской губерніи. Мировой судья въ Колѣ.

*42. Сперанскій Петръ Ивановичъ, Калужск. губ. Состоя канд. на судебн. должн при Калужск. окр. судѣ, умеръ въ 1886 г.

43. Третьяковъ Иванъ Антоновичъ, Смоленской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Троицкій Николай Александровичъ, Костромской губ. Членъ окружнаго суда въ Томскѣ.

45. Туношенскій Василій Васильевичъ, Ярославской губ. Счетный чиновникъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

46. Тюльпановъ Ѳедоръ Степановичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь въ Яринскѣ, Вятской губерніи.

47. Феликсовъ Евгеній Андреевичъ, Симбирской губерніи. Судебный слѣдователь въ Белебеѣ.

48. Хабурзанія Антонъ Степановичъ, Тифл. губ. Канд. на судебныя должн. при Сачхерскомъ миров. съѣздѣ Кутаисской губ.

49. Цѣлипо Владиміръ Леонтьевичъ, Могилевской губерніи. Контролеръ акцизнаго управленія въ Витебскѣ.

50. Чарнецкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Судебный слѣдователь въ Луцкѣ.

*51. Четыркинъ Павелъ Васильевичъ, Смоленской губ. Изъ судебн. слѣдов. Лидскаго уѣзда, причисл въ 1891 г. къ М. Ю.

52. Шугаевскій Иванъ Николаевичъ, Черниг. губ. Ум. въ 1888 г., сост. канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ К.-Подольскѣ.

53. Ѳедотовъ Арсеній Петровичъ, Воронежской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го уч. Новохоперскаго уѣзда.

Тринадцатый выпускъ—1886 года.

1. Антоновъ Митрофанъ Давыдовичъ, Харьковской губерн. Мировой судья въ Бакинской губерніи.

*2. Архангельскій Владиміръ Хрисанфовичъ, Симбирской губерніи. Судебный слѣдователь въ Романовъ-Борисоглѣбскѣ.

3. Богоявленскій Филадельфъ Васильевичъ, Казанской губ. Ум. въ 1887 г., состоя канд. на судебн. долж. при Яросл. окр. судѣ.

4. Боевской Николай Александровичъ, Ярославской губ. Секретарь при прокурорѣ окружнаго суда въ Ярославлѣ.

5. Бочаговъ Александръ Ивановичъ, Ярославской губерніи. Помощникъ контролера въ акцизномъ управленіи въ Петербургѣ.

6. Воротниковъ Василій Сергѣевичъ, Томской губ. Судебный слѣдователь Каширскаго уѣзда.

7. Воскресенскій Александръ Андреевичъ, Тверской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Демидовичъ Александръ Өедоровичъ, Екатеринославской губерніи. Помощникъ мироваго судьи въ Батумѣ.

*9. Иваншинъ Евгеній Матвѣевичъ, Воронежской губерніи, Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

10. Илличъ Александръ Александровичъ, Подольской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Литинскаго уѣзда.

11. Каменцевъ Петръ Николаевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

12. Киріевъ Андрей Семеновичъ, Полтавской губерніи. Судебный слѣдователь 1-го уч. въ Грязовцѣ.

13. Леоновъ Алексѣй Георгіевичъ, Уфимской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Малининъ Иванъ Никитичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь въ Бобруйскѣ.

15. Марковъ Александръ Николаевичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Мирмиковъ Сергѣй Алексѣевичъ, Смоленской губерніи. Членъ соединенной палаты въ Уфѣ.

17. Михайловскій Константинъ Николаевичъ, Нижегородской губерніи. Свѣдѣній не имѣется.

18. Модестовъ Сергѣй Сергѣевичъ, Московской гуьерніи. Судебный слѣдователь въ Хвалынскѣ.

19. Мясниковъ Александръ Александровичъ, Тверской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Кашинѣ

*20. Нагинъ Андрей Павловичъ, Псковской губерніи. Городской судья въ Порховѣ.

21. Невскій Александръ Арсеньевичъ, Тверской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

*22. Отрошкевичъ Николай Саввичъ, Витебской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Витебскѣ.

*23. Петровъ Митрофанъ Петровичъ, Харьковской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

24. Поповъ Михаилъ Алексѣевичъ, Харьковской губерніи. Судебный слѣдователь въ Богучарахъ.

25. Пятницкій Александръ Константиновичъ, Тульской губ. Засѣдатель уѣзднаго суда въ Архангельскѣ.

26. Роговъ Василій Дмитріевичъ, Петербургской губерніи. Судебный слѣдователь въ Хотинѣ.

*27. Розовъ Константинъ Ивановичъ. Ярославской губерніи. Столоначальникъ казенной палаты въ Ярославлѣ.

*28. Сергѣевскій Владиміръ Васильевичъ, Самарской губерн. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Алатыри.

29. Синебрюховъ Александръ Ивановичъ, Уфимской губерніи. Помощникъ секретаря судебной палаты въ Вильно.

*30. Скопинскій Александръ Васильевичъ, Рязанской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Казани.

31. Скульскій Петръ Николаевичъ, Ярославской губерніи. Счетный чиновникъ контрольной Палаты въ Ярославлѣ.

*32. Срѣтенскій Семенъ Александровичъ, Петербургской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

33. Удинцовъ Николай Васильевичъ, Пермской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го участка Соликамскаго уѣзда.

34. Успенскій Николай Алексѣевичъ, Орловской губерніи. Судебный слѣдователь въ Ольгополѣ, Подольской губ.

*35. Чоловскій Михаилъ Өедоровичъ, Могилевской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*36. Чулановскій Гавріилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

37. Чумаевскій Алексѣй Сергѣевичъ, Саратовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

38. Шипинъ Александръ Павловичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Устюжнѣ.

*39. Щербина Матвѣй Петровичъ, Харьковской губерніи. Товарищъ прокурора въ Хабаровкѣ.

40. Ѳеденко Григорій Игнатьевичъ, Харьковской губерніи. Судебный слѣдователь въ Таганрогѣ.

Четырнадцатый выпускъ—1887 г.

*1. Агафоновъ Николай Ѳедоровичъ, Уфимской губ. Судебный слѣдователь въ Ирбити.

2. Асотскій Павелъ Михайловичъ, Курской губерніи. Судебный слѣдователь въ Стопницахъ, Кѣлецкой губерніи.

3. Боголюбскій Илларіонъ Алексѣевичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*4. Бѣляевъ Николай Семеновичъ, Воронежской губерніи. Контрелеръ по табачной части въ Симферополѣ.

5. Виноградовъ Моисей Петровичъ, Витебской губерніи. Судебный слѣдователь Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

6. Виноградскій Василій Степановичъ, Черниг. губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Черниговѣ.

7. Георгіевскій Александръ Васильевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Гурвичъ Айзикъ Ароновичъ, Ковенской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*9. Дмитревскій Иванъ Петровичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

10. Замахаевъ Сергѣй Андреевичъ, Воронежской губерніи. Присяжный повѣренный въ Харьковѣ.

11. Звѣздинъ Александръ Ивановичъ, Нижегородской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Нижнемъ-Новгородѣ.

12. Истоминъ Иванъ Ивановичъ, Тверской губерніи Участковый мировой судья въ Архангельскѣ.

13. Калашниковъ Николай Петровичъ, Рязанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Тельшахъ, Ковенской губерніи.

14. Клементьевъ Григорій Игнатьевичъ, Харьковской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Вильнѣ.

15. Котовичъ Василій Васильевичъ, Могилевской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Лебедевъ Николай Васильевичъ, Калужской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Калугѣ.

17. Левитскій Григорій Романовичъ, Саратовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

18. Любимовъ Александръ Ивановичъ, Владимірской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ во Владимірѣ.

*19. Люцедарскій Леонтій Евдоксіевичъ, Каменецъ-Подольской губерніи. Секретарь окружнаго суда въ Каменецъ-Подольскѣ.

*20. Ляхницкій Клавдій Васильевичъ, Черниговской губерн. Товарищъ предсѣдателя губернскаго суда въ Томскѣ.

21. Милославовъ Игнатій Алексѣевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь 2-го участка Мензелинскаго уѣзда.

22 Моревъ Николай Ивановичъ, Ярославской губ. Секретарь окружнаго суда въ Вологдѣ.

23. Никольскій Александръ Герасимовичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь въ Читѣ (Забайкальской области).

24. Никольскій Петръ Мироновичъ, Владимір. губ, Кандид. на судебн. должн. при прокурорѣ судебной палаты въ Москвѣ.

*25. Окновскій Шлема Лейзеровичъ, Сувалкской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*26. Покровскій Иванъ Александровичъ, Нижегородской губ. Судебный слѣдователь въ Княгининѣ.

*27. Поповъ Константинъ Θеодоровичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го участка Пошехонскаго уѣзда.

28. Проскурниковъ Константинъ Васильевичъ, Харьковской губерніи. Судебный слѣдователь въ Зміевѣ.

29. Райскій Василій Дмитріевичъ, Кіевской губерніи. Засѣдатель окружнаго суда въ Тобольскѣ.

30. Слюсаревъ Викентій Ивановичъ, Харьков. губ. Состоя канд. на судебн. должн. при окр. судѣ въ Лубнахъ, ум. въ 1890 г.

*31. Смирновъ Александръ Андреевичъ, Смоленской губерніи. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Смоленскѣ.

32. Соколовъ Леонидъ Андреевичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Вельскѣ.

33. Солнцевъ Александръ Лаврентьевичъ, Тульской губерніи. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Тулѣ.

34. Соловьевъ Константинъ Адріановичъ, Московской губ. Умеръ въ 1887 году, не поступивъ на службу.

35. Софоновъ Сергѣй Ивановичъ, Томской губерніи. Судебный слѣдователь въ Тобольской губерніи.

*36. Сперанскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь 1-го участка Пошехонскаго уѣзда.

37. Томашевичъ Андроникъ Семеновичъ, Волынской губерніи. Судебный слѣдователь въ Любимѣ.

38. Успенскій Николай Флегонтовичъ, Костромской губерніи. Судебный слѣдователь въ Ветлугѣ.

39. Чичинадзе Сергѣй Константиновичъ, Кутаисской губерн. Помощникъ мироваго судьи въ Зугдиди.

Пятнадцатый выпускъ—1888 года.

1. Архангельскій Василій Павловичъ, Ярославской губерн. Кандидатъ на судебн. долж. при окружн. судѣ въ Кашинѣ.

2. Добрянскій Андрей Николаевичъ, Черниговской губерн. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Гродно.

*3. Карауловъ Дмитрій Николаевичъ, Ярославской губерн. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Ярославлѣ.

4. Кацауровъ Сергѣй Николаевичъ, Московской губерніи. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Варшавѣ.

5. Коровинъ Иванъ Аристарховичъ, Пермской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Екатеринбургѣ.

*6. Надѣинскій Александръ Павловичъ, Ярославской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ковно.

7. Невскій Сергѣй Александровичъ, Владимірской губерніи. Умеръ въ 1888 году, не поступивъ на службу.

8. Нечаевъ Иванъ Ивановичъ, Тульской губерніи. Судебный слѣдователь Епифанскаго уѣзда.

9. Никольскій Сергѣй Степановичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь въ Ардатовѣ, Нижегородской губерніи.

10. Поповъ Павелъ Николаевичъ, Пермской губерніи. Судебный слѣдователь въ Соликамскѣ.

11. Пьянковъ Павелъ Алексѣевичъ, Пермской губерніи. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Перми.

12. Рудинскій Леонидъ Семеновичъ, Ярославской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ярославлѣ.

*13. Тартаковскій Александръ Сергѣевичъ. Херсонской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Ковно.

14. Тутолминъ Петръ Дмитріевичъ, Курской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Шапиро Николай Сергѣевичъ, Минской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Перми.

Шестнадцатый выпускъ—1889 г.

*1. Абдуловъ Николай Николаевичъ, Орловской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при прокур. судебной палаты въ Москвѣ.

2. Базыкинъ Александръ Константиновичъ, Тверской губ. Счетный чиновникъ Либаво-Роменской желѣзной дороги въ Минскѣ.

3. Балашевъ Владиміръ Андреевичъ, Тульской губ Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Ригѣ.

*4. Бычковъ Василій Игнатьевичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Гутманъ Лейба Михелевичъ, Волынской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*6. Даниловъ Иванъ Сергѣевичъ, Орловской губ. Кандид. на суд. должн. при прокурорѣ судебной палаты въ Москвѣ.

7. Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ, Самарской губерніи. Дѣлопроизводитель областнаго правленія въ Уральскѣ.

8. Доренговскій Николай Касперовичъ, Витебской губерніи. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Сувалкахъ.

*9. Жариковъ-Красовскій Дмитрій Ѳомичъ, Кіевской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Могилевѣ.

10. Затурскій Александръ Францевичъ, Полтавской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*11. Киринъ Алексѣй Даниловичъ, Тамбовской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Тамбовѣ.

*12. Коганъ Илья Григорьевичъ, Екатеринославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

13. Кормилицынъ Дмитрій Александровичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Крѣпкогорскій Андрей Васильевичъ, Саратовской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ковно.

15. Бурловъ Борисъ Григорьевичъ, Орловской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ во Владимірѣ.

*16. Ледницкій Александръ Клеменсовичъ, Минской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*17. Лейнвангендлеръ Товія Израилевичъ, Варшавской губ. Частный повѣренный въ Ярославлѣ.

*18. Маминъ Владиміръ Наркиссовичъ, Пермской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ирбити.

*19. Марчевскій Михаилъ Семеновичъ, Иркутской губерніи. Помощникъ мироваго судьи въ Кутаисѣ.

20. Матвѣевъ Венедиктъ Аристарховичъ, Донской области. Свѣдѣній не доставилъ.

21. Михайловъ Александръ Ѳомичъ, Могилевской губ. Состоя столоначальникомъ казенной палаты въ Люблинѣ, ум. въ 1892 г.

22. Олейниковъ Антонъ Максимовичъ, Минской губ. Канд. на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Вологдѣ.

23. Олторжевскій Иванъ Степановичъ, Черниговской губерн. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Нѣжинѣ.

24. Первухинъ Владиміръ Петровичъ, Тверской губерніи. Помощникъ столоначальника казенной палаты въ Твери.

25. Розовъ Николай Флегонтовичъ, Костромской губерніи. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Ярославлѣ

26. Ружицкій Тадеушъ Францевичъ, Петраковской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Семеновъ Яковъ Ивановичъ, Черниговской губерніи. Судебный слѣдователь въ Томской губерніи.

*28. Серебренниковъ Венедиктъ Николаевичъ, Тобольской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Самарѣ.

29. Совѣткинъ Аѳанасій Митрофановичъ, Пермской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*30. Удинцовъ Всеволодъ Аристарховичъ, Пермской губерн. Стипендіатъ Лицея для приготовл. къ каѳедрѣ Торговаго права.

*31. Фалькъ Эдуардъ Германовичъ, Ярославской губерніи. Занимается частными дѣлами.

*32. Шаланинъ Валентинъ Михайловичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Кашинѣ.

*33. Шереметевъ Николай Борисовичъ, Московской губерніи. Секретарь при прокурорѣ судебной палаты въ Москвѣ.

34. Шубинъ Александръ Яковлевичъ, Ярославской губерн. Подпоручикъ Романовскаго Резервнаго баталіона.

35. Ѳедоровъ Николай Яковлевичъ, Рязанской губерніи. Въ акцизномъ управленіи въ Тулѣ.

Семнадцатый выпускъ—1890 года.

1. Аксаковъ Василій Сергѣевичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Алякринскій Сергѣй Артамоновичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ во Владимірѣ.

3. Ачкасовъ Викторъ Павловичъ, Владимірской губерніи. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Елизаветградѣ.

4. Бурменскій Іосифъ Александровичъ, Донской области. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Таганрогѣ.

5. Вахрамѣевъ Михаилъ Гермогеновичъ, Ярославской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ярославлѣ.

6. Введенскій Яковъ Григорьевичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Вишняковъ Александръ Андреевичъ, Московской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Воронцовъ-Вельяминовъ Николай Андреевичъ, Тамбовской губерніи. Свѣдѣній не имѣется.

9. Воскресенскій Василій Алексѣевичъ, Полтавской губ. Засѣдатель окружнаго суда въ Маріинскѣ, Томской губерніи.

10. Городцовъ Петръ Алексѣевичъ, Рязанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Оренбургскомъ уѣздѣ.

*11. Ивановъ Алексѣй Прокофьевичъ, Костромской губерніи. Судебный слѣдователь въ Яренскѣ, Вологодской губерніи.

12. Камерницкій Владиміръ Даниловичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

13. Кожевниковъ Петръ Михайловичъ, Тамбовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Козновъ Петръ Сергѣевичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*15. Колесовъ Константинъ Александровичъ, Московской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Москвѣ.

16. Кратировъ Александръ Григорьевичъ, Вологодской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Ярославлѣ.

*17. Крыловъ Николай Дмитріевичъ, Ярославской губерніи. Секретарь окружнаго суда въ Ярославлѣ.

18. Легейда Николай Павловичъ, Полтавской губ. Кандид. на судебн. должн. при прокурорѣ судебной палаты въ Москвѣ.

*19. Листратовъ Николай Андреевичъ, Владимірской губерн. Кандид. на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Москвѣ.

20. Марковъ Константинъ Петровичъ, Амурской области. Свѣдѣній не доставилъ.

21. Мебесъ Августъ Павловичъ, Минской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Костромѣ.

22. Мейеръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Милицынъ Петръ Алексѣевичъ, Оренбургской губерніи. Канд. на судебн. должн. при прокур. судебн. палаты въ Москвѣ.

24. Монвижъ-Монтвидъ Аполлонъ Станиславовичъ, Харьковской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*25. Невскій Александръ Александровичъ, Ярославской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Ярославлѣ.

26. Осинскій Левъ Граціановичъ, Херсонской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Осинскій Михаилъ Граціановичъ, Херсонской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

28. Павловъ Михаилъ Константиновичъ, Лифляндской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ригѣ.

*29. Перошковъ Василій Васильевичъ, Кіевской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Черниговѣ.

30. Поваренныхъ Иванъ Авксентьевичъ, Тобольской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Костромѣ.

*31. Половцовъ Левъ Викторовичъ, Новгородской губ. Помощникъ присяжн. повѣрен. въ Ярославлѣ и стипендіатъ Лицея.

32. Прусовъ Николай Александровичъ, Оренбургской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

33. Ржевскій Николай Николаевичъ, Ярославской губерніи. Контролеръ табачной фабрики въ Нижнемъ-Новгородѣ.

34. Соболевъ Дмитрій Константиновичъ, Ярославской губ. Чиновникъ особыхъ порученій казенной палаты въ Ярославлѣ.

*35. Стригалевъ Геннадій Владиміровичъ, Костромской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Костромѣ.

36. Томашевскій Александръ Евфимовичъ. Черниговск. губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Петербургѣ.

37. Троицкій Николай Θедоровичъ, Псковской губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Псковѣ.

38. Ушаковъ Леонидъ Петровичъ, Ярославской губерніи. Въ Московской конторѣ Государственнаго Банка.

38. Фирсовъ Андрей Ивановичъ, Тульской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Тулѣ.

40. Хлѣбниковъ Александръ Васильевичъ, Могилевской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

41. Шуманскій Василій Клементьевичъ, Бессарабской обл. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Кишеневѣ.

Восемнадцатый выпускъ—1891 года.

*1. Айзенштейнъ Зеликъ Ароновичъ, Гродненской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Анненковъ Θедоръ Ивановичъ, Пензенской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*3. Антикъ Павелъ Самуиловичъ, Ковенской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

4. Ассъ Абрамъ Моисеевичъ, Виленской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*5. Астровъ Павелъ Ивановичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

6. Бартеневъ Геннадій Алексѣевичъ, Костромской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*7. Бейленсонъ Гилель Мовшевичъ, Могилевской губерніи. Свѣдѣній не имѣется.

*8. Березниковъ Алексѣй Александровичъ, Московской губ. Пом. секр. губ. по городск. дѣламъ присутствія въ Ярославлѣ.

9. Борейша Болеславъ Болеславовичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*10. Бочкаревъ Вячеславъ Александровичъ, Псковской губ. Стипендіатъ Лицея для приготовленія къ профессорской каѳедрѣ,

11. Браиловскій Николай Николаевичъ, Екатеринославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*12. Бреславъ Гирша Герцовичъ, Витебской губерніи. Свѣдѣній не имѣется.

*13. Валькевичъ Іосифъ Антоновичъ, Минской губерніи. Кандидатъ на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Одессѣ.

*14. Вармундъ Николай Карловичъ, Петербургской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Васильевъ Петръ Ахиллієвичъ, Воронежской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Вейклевичъ Фридрихъ Яковлевичъ, Курляндской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*17. Вереденко Θедоръ Θедоровичъ, Кіевской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

18. Вобликовъ Владиміръ Васильевичъ, Кутаисской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*19. Войтенковъ Владиміръ Николаевичъ[1]), Харьковск. губ. Кандид. на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Москвѣ.

20. Гарскій Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губерніи. Пом. правителя канцеляріи губернатора въ Витебскѣ.

*21. Гурляндъ Илья Яковлевичъ[2]), Кіевской губерніи. Стипендіатъ Лицея для приготовленія къ профессорскому званію.

*22. Дворковичъ Аронъ Мовшевичъ, Ковенской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Домерниковъ Павелъ Васильевичъ, Костромской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*24. Донченко Петръ Дмитріевичъ. Харьковской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

25. Дубяга Михаилъ Михайловичъ, Полтавской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

[2]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

*26. Еропкинъ Рафаилъ Дмитріевичъ, Тульской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Зайковскій Людвигъ Іосифовичъ, Витебской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

28. Зислакъ Германъ Іогановичъ, Курляндской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

29. Ивановъ Иванъ Авимовичъ, Симбирской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Казани.

30. Израельсонъ Максъ Беньяминовичъ, Курляндской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*31. Канель Савелій Васильевичъ, Ковенской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

32. Каннъ Яковъ Файбишевичъ, Витебской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

33. Канторъ Бейнашъ Янкелевичъ, Ковенской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*34. Канторъ Маркусъ Якубовичъ, Ковенской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*35. Кинеловскеръ Лейзеръ Абрамовичъ, Виленской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*36. Коганъ Владиміръ Моисеевичъ [1]), Херсонской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

37. Колесовъ Николай Александровичъ, Московской губ. Умеръ въ 1892 г. не поступивъ на службу.

38. Колотиловъ Михаилъ Николаевичъ, Енисейской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*39. Кофманъ Іегошія Зельмановичъ, Херсонской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*40. Кочоровскій Станиславъ Адольфовичъ, Кіевской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

41. Кошлаковъ Василій Петровичъ, Ярославской губерніи. Подпоручикъ Романовскаго резервнаго баталіона.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

*42. Кренгаузъ Лейба Еселевичъ, Могилевской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*43. Купферъ-фонъ Эрцдорфъ Иванъ Александровичъ, Петербургской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Лыжинъ Николай Александровичъ, Петербургской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*45. Майзельсъ Веніаминъ Аароновичъ, Минской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ

*46. Максимовскій Александръ Ксенофонтовичъ, Костр. г. Ум. въ 1892 г. состоя канд. на суд. долж. при Яросл. прокурорѣ.

*47. Мейлаховскій Михаилъ Владиміровичъ, Петербургской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

48. Милашевскій Алексѣй Владиміровичъ, Саратовской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

49. Миничъ Антонъ Даниловичъ, Минской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

50. Можаровскій Мееръ Владиміровичъ, Екатеринославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

51. Можевитиновъ Леонидъ Александровичъ, Оренбургской губ. Помощн. секретаря окружнаго суда въ Ригѣ.

52. Московенковъ Николай Матвѣевичъ, Саратовской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

53. Мулинъ Иванъ Косьмичъ, Тифлисской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

54. Никоровичъ Ѳедоръ Ѳеофиловичъ, изъ Буковины. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ригѣ.

55. Нюренбергъ Аркадій Григорьевичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

56. Ордуханьянцъ Семенъ Микиртичъ, Эриванской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

57. Орѣховъ Сергѣй Александровичъ, Нижегородской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

58. Островскій Павелъ Алексѣевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*59. Пескинъ Михаилъ Анисимовичъ, Иркутской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

60. Петропавловскій Леонидъ Ѳеодосіевичъ, Костромской губерніи. Канд. на судебн. долж. при судебной палатѣ въ Казани.

*61. Подпаловъ Иванъ Прокофьевичъ, Полтавской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*62. Прусаковъ Хаимъ Мовшевичъ, Витебской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

63. Пузикъ Вячеславъ Викторовичъ, Самарской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*64. Путята Всеволодъ Владиміровичъ, Смоленской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

65. Раденъ (баронъ) Александръ Эдмундовичъ, Харьковской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

66. Разумовъ Михаилъ Степановичъ, Нижегородской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

67. Рогалевичъ Юзефъ-Янъ, Тифлисской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*68. Розенкранцъ Соломонъ Нахмановичъ, Минской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*69. Розовскій Исай Боруховичъ [1]), Виленской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*70. Рубинштейнъ Гилель Лейбовичъ, Минской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

71. Рѣпниковъ Александръ Александровичъ, Саратовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*72. Сабининъ Леонидъ Христофоровичъ, Воронежской губ. Канд. на судебн. долж. при окружномъ судѣ въ Воронежѣ.

73. Силецкій Иванъ Владиміровичъ, Самарской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

74. Смоленскій Владиміръ Ивановичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

*75. Сорокинъ Иванъ Геннадіевичъ Ярославской губерніи. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Ярославлѣ.

*76. Талалай Абрамъ Янцелевичъ, Могилевской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

77. Тульчинскій Лейба Ицковичъ, Херсонской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

78. Файвишевичъ Наумъ Осиповичъ, Терской области. Свѣдѣній не доставилъ.

*79. Фейдманъ Михель Абрамовичъ, Таврической губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*80 Фрадкинъ Соломонъ Залмановичъ, Витебской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*81. Шейнфайнъ Ааронъ Лейбовичъ. Волынской губерніи. Умеръ въ Берлинѣ въ 1892 году.

*82 Штейнбергъ Хаимъ Ицковичъ, Минской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*83. Щуровъ Сергѣй Николаевичъ. Ярославской губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Кашинѣ.

*84. Юровскій Іосифъ Наумовичъ, Херсонской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*85. Яровицкій Александръ Іоасафовичъ. Ярославской губ. Въ Канцеляріи Кассаціоннаго Департамента Сената.

Всего въ теченіи 18 лѣтъ окончило въ Лицеѣ курсъ 709, изъ коихъ кандидатами юридическихъ наукъ 215, а остальные 494 дѣйствительными студентати. Изъ окончившихъ курсъ находятся нынѣ на службѣ:

По Министерству Юстиціи: судебными слѣдователями 152, кандидатами на судебныя должности 54, товарищами прокуроровъ 37, мировыми судьями 25, помощниками секретарей въ палатахъ, и судахъ 14, членами окружныхъ судовъ 12, городскими судьями 10, секретарями окружныхъ судовъ и при прокурорахъ 9, уѣздными членами окружныхъ судовъ 8, помощниками мироваго

судьи 8, членами соединенныхъ палатъ 5, засѣдателями окружныхъ судовъ 5, причисленными къ Министерству Юстиціи 3, предсѣдателями мировыхъ съѣздовъ 3, старшими нотаріусами 3, окружными судьями 2, товарищами предсѣдателя губернскихъ судовъ 2, секретарь при прокурорѣ судебной палаты 1, въ канцеляріи кассаціоннаго департамента сената 1, помощникомъ старшаго нотаріуса 1, совѣтникомъ губернскаго суда 1, столоначальникомъ въ Министерствѣ Юстиціи 1, почетнымъ мировымъ судьей 1, судебнымъ приставомъ 1, итого 359. Кромѣ того состоятъ присяжными повѣренными 25, помощниками присяжныхъ повѣренныхъ 14 и частнымъ повѣреннымъ 1.

По Министерству Финансовъ: податными инспекторами 6, помощниками акцизнаго надзирателя 6, контролерами въ акцизныхъ управленіяхъ 5, дѣлопроизводителями акцизныхъ управленій 2, окружными акцизными надзирателями 2, помощн. контролера въ акцизѣ 2, столоначальникомъ казенной палаты 1, столоначальникомъ въ Министерствѣ Финансовъ 1, чиновникомъ особыхъ порученій казенной палаты 1, помощникомъ столоначальника казенной палаты 1, помощникомъ бухгалтера уѣзднаго Казначейства 1, директоромъ земельнаго банка 1, въ конторѣ государственнаго банка 1, въ управленіи Волжско-Камскаго банка 1, итого 31.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія: учителями реальныхъ училищъ 5, занимаютъ профессорскія каѳедры 4, готовящихся къ профессорскому званію 4, дѣлопроизводителями въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія 3, инспекторомъ народныхъ училищъ 1, библіотекаремъ (въ Лицеѣ) 1, столоначальникомъ въ канцеляріи попечителя учебнаго округа 1, итого 19.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ: земскими начальниками 3, исправникомъ 1, правителемъ канцеляріи губернатора 1, чиновникомъ особыхъ порученій губернатора 1, секретаремъ уѣзднаго съѣзда 1, дѣлопроизводителемъ областнаго правленія 1, помощникомъ секретаря губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія 1, помощникомъ правителя канцеляріи губернатора 1, итого 10.

По Государственному Контролю: счетными чиновниками контрольной палаты 2, канцелярскимъ чиновникомъ палаты 1, дѣлопроизводителемъ въ государственномъ контролѣ 1, старшимъ ревизоромъ въ контрольной палатѣ 1, итого 5.

По вѣдомству Православнаго исповѣданія: секретарями духовныхъ консисторій 3, іеромонахомъ 1, итого 4.

По Военному Министерству: подпоручиками арміи 2, кандидатомъ на судебныя должности при военномъ прокурорѣ 1, итого 3.

По Министерству Императорскаго Двора: столоначальникомъ въ Министерствѣ 1.

По Министерству Государственныхъ Имуществъ: чиновникомъ особыхъ порученій въ управленіи государ. имуществъ 1.

Наконецъ счетный чиновникъ на желѣзной дорогѣ 1, занимаются частными дѣлами 2, въ отставкѣ 6, свѣдѣній не доставили 179 и умерло 48.

СПИСОКЪ

окончившихъ курсъ въ 1892 г.

Со степенью Кандидата юридическихъ наукъ:

1. Араканьянцъ Гавріилъ Даніиловичъ, родомъ Ставропольской губерніи.
2. Боголюбскій Ѳедоръ Николаевичъ, Ярославской губ.
3. Быховскій Владиміръ Владиміровичъ, Каменецъ-Подольской губерніи.
4. Виркау Карлъ Карловичъ, Ярославской губерніи.
5. Золотаревъ Александръ Павловичъ [1]), Московской губерн.
6. Куклинъ Михаилъ Михайловичъ, Забайкальской области.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

7. Михалевичъ Хрисанфъ Львовичъ, Калужской губерніи.
8. Рыбинъ Алексѣй Павловичъ, Тобольской губерніи.

Съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій:

9. Абдуловъ Арсеній Николаевичъ, Московской губерніи.
10. Агаповъ Василій Васильевичъ, Смоленской губерніи.
11. Горбенко Леонидъ Моисеевичъ, Донской области.
12. Золотаревъ Александръ Сергѣевичъ, Донской области.
13. Ивановъ Николай Ивановичъ, Архангельской губерніи.
14. Ивановъ Петръ Ивановичъ, Архангельской губерніи.
15. Костылевъ Николай Васильевичъ, Тифлисской губерніи.
16. Меценатовъ Николай Клавдіевичъ, Ярославской губерн.
17. Песковъ Владиміръ Ивановичъ, Тамбовской губерніи.
18. Прялухинъ Михаилъ Васильевичъ, Архангельской губ.
19. Романовъ Иванъ Степановичъ, Владимірской губерніи.
20. Сергѣевъ Иванъ Степановичъ, Воронежской губерніи.
21. Сущевъ Николай Константиновичъ, Ярославской губ.
22. Фоссъ Евгеній Николаевичъ, Уфимской губерніи.
23. Цвилинскій Петръ Евстафьевичъ. Тверской губерніи.
24. Чекмаревъ Николай Дмитріевичъ, Воронежской губерн.
25. Чистяковъ Константинъ Михайловичъ, Ярославск. губ.
26. Шевелевъ Евгеній Николаевичъ, Люблинской губерніи.
27. Эмдинъ Яковъ Абрамовичъ, Могилевской губерніи.

Нижеслѣдующіе удостоены званія дѣйствительнаго студента:

28. Бабіевскій Евгеній Николаевичъ, Тифлисской губерніи.
29. Буткисъ Адольфъ Венедиктовичъ, Ковенской губерн.
30. Ветчининъ Виталій Георгіевичъ, Орловской губерніи.
31. Войшицкій Михаилъ Антоновичъ, Кіевской губерніи.
32. Вольферцъ Александръ Юльевичъ, Казанской губерніи.
33. Воробъевъ Сергѣй Николаевичъ, Новгородской губерніи.
34. Ершевъ Сергѣй Константиновичъ, Полтавской губерніи.
35. Караваевъ Николай Васильевичъ, Пермской губерніи.

36. Контовтъ Казиміръ Матеушевичъ, Ковенской губерніи.
37. Кочоровскій Феликсъ, Антонъ Адольфовичъ, Кіевск. г.
38. Кюнъ Карлъ Фридриховичъ, Курляндской губерніи.
39. Макарычевъ Василій Петровичъ, Оренбургской губерніи.
40. Овсецовскій Константинъ Ивановичъ, Ярославской губ.
41. Сидоровъ Анатолій Петровичъ, Воронежской губерніи.
42. Соболевъ Николай Ксенофонтовичъ, Ярославской губ.
43. Троцкій Владиміръ Павловичъ, Кіевской губерніи.
44, Херцъ Владиміръ Константиновичъ, Бессарабской губ.
45. Шукшто Казиміръ Константиновичъ, Ковенской губерніи.

Въ 1892—93 учебномъ году будутъ читать въ Лицеѣ:

Директоръ, заслуженный ординарный профессоръ, докторъ Государственнаго права, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ С. М. *Шпилевскій*—Исторію Русскаго права на 1-мъ курсѣ 6 часовъ въ недѣлю; Семейное и наслѣдственное право на 4 курсѣ 2 часа.

Ординарный профессоръ, докторъ Каноническаго права, Статскій Совѣтникъ Н. С. *Суворовъ*—на 3-мъ курсѣ Церковное Законовѣдѣніе 6 часовъ; Римское право на 2-мъ курсѣ 4 часа; Гражданское право на 3-мъ курсѣ 3 часа и на 4 курсѣ 2 часа.

Профессоръ Богословія, магистръ Богословія, протоіерей Н. А. *Тихвинскій*—Богословіе на 1-мъ курсѣ 3 часа.

И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Государственнаго права, Коллежскій Совѣтникъ В. Г. *Щегловъ*—на 1-мъ курсѣ Энциклопедію права 4 часа и Всеобщую исторію права 2 часа.

И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Уголовнаго права, А. К. *Вульфертъ*—Уголовное право на 3-мъ курсѣ 5 часовъ.

И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Финансоваго права, Э. Н. *Берендтсъ*—Государственное и Административное право на 2-мъ курсѣ 4 часа.

И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Политической Экономіи, В. Ф. *Левитскій*—на 2 и 3-мъ курсахъ вмѣстѣ—Политическую Экономію 4 часа.

И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, Коллежскій Ассесоръ М. А. *Липинскій*—на 2-мъ курсѣ Исторію Русскаго права 3 часа; на 4-мъ курсѣ Торговое право и Гражданское судопроизводство по 4 часа.

И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, Титулярный Совѣтникъ А. Е. *Минервинъ*—на 1-мъ курсѣ Исторію Римскаго права и Институціи Римскаго права по 3 часа.

И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, М. М. *Катковъ*—Римское право на 3-мъ курсѣ 5 часовъ.

Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, П. Ѳ. *Бесѣдкинъ*—на 3-мъ курсѣ Уголовное право 1 часъ и на 4-мъ курсѣ Уголовное судопроизводство 3 часа.

Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, А. Р. *Свирщевскій*—на 2-мъ курсѣ Финансовое право 3 часа.

Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ А. В. *Шмидтъ*—Международное право на 4-мъ курсѣ 3 часа.

Въ день Лицейскаго акта—30 августа 1892 года получены были телеграммы отъ слѣдующихъ лицъ:

Изъ Балашова—Въ день славной годовщины шлю родному Лицею и его дѣятелямъ свой привѣтъ. *Телегинъ*.

Изъ Белебея—Изъ далекой Башкиріи, въ непрестанной борьбѣ съ противу-общественными элементами, душою обращены мы нынѣ къ дорогому торжеству нашего Лицея.—Судебные слѣдователи *Феликсовъ и Никольскій*.

Изъ Владикавказа—Поздравляемъ дорогой Лицей, пьемъ здоровье директора, профессоровъ, инспектора и студентовъ. *Миничъ, Вобликовъ, Файвишевичъ*.

Изъ Газенпота—Поздравляю дорогой Лицей съ годовщиной, желаю процвѣтанія на многія, многія лѣта. *Всеволодъ Богородицкій*.

Изъ Душана—На пути изъ Фергана вспоминаю годовщину Лицея, шлю горячія пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія. Присяжный повѣренный *Глаголевъ*.

Изъ Казани—Дорогому Лицею шлю сердечный привѣтъ. Благодарный *Петропавловскій*.

Изъ Каменецъ-Подольска—Привѣтствуя Лицей съ праздникомъ, съ благодарностію вспоминаю годы студенчества, проведенные въ его стѣнахъ. *Марковъ.*

Изъ Камышина—Привѣтствуемъ Лицей съ праздникомъ. Городской судья *Лебедевъ*, товарищъ прокурора *Сементовскій.*

Изъ Кологрива--Шлемъ душевный привѣтъ дорогому Лицею и искреннія пожеланія всего лучшаго. Студенты выпусковъ 3—*Богдановъ* и 17—*Стригалевъ.*

Изъ Корчевы—Поздравляю директора, профессоровъ и студентовъ. Бывшій профессоръ *Лодыженскій.*

Изъ Мамадыша—Шлю дорогому Лицею поздравленіе съ новой годовщиной и пожеланіе дальнѣйшаго процвѣтанія. Товарищъ прокурора Казанскаго окружнаго суда *Скопинскій.*

Изъ Петербурга—Привѣтствую съ новой годовщиной дорогой Лицей. Константинъ *Колесовъ.*

Изъ Риги—Въ день годовщины шлю сердечный привѣтъ дорогому Лицею, его директору, профессорамъ, инспектору и студентамъ. Благодарный питомецъ—*Никоровичъ.*

Изъ Романовъ-Борисоглѣбска—Въ настоящій торжественный день шлемъ дорогому Лицею свой привѣтъ и отъ души желаемъ ему процвѣтанія на долгіе годы. *Граціановъ, Соколовъ, Архангельскій.*

Изъ Сергіева—Чувствуя глубокую признательность, приношу Лицею искреннее поздравленіе съ годовщиной и желаю процвѣтать ему многія лѣта. Андрей *Фирсовъ.*

Изъ Слободскаго—Шлю сердечное пожеланіе о благоденствіи дорогихъ – Лицея, директора, профессоровъ, инспектора и студентовъ. Слободской городской судья *Лубнинъ.*

Изъ Смоленска—Просимъ принять нашъ сердечный привѣтъ дорогому Лицею и глубокую благодарность за присылку лѣтописей. Александръ *Бѣляевъ*, Константинъ *Фортунатовъ*, Павелъ *Четыркинъ.*

Изъ Томска—Привѣтствуетъ Лицей въ день его годовщины Товарищъ предсѣдателя губернскаго суда *Ляхницкій*, окружный судья *Бѣлоровскій*, судебные слѣдователи *Сабининъ и Семеновъ.*

Изъ Умани — Шлю привѣтъ и лучшія пожеланія дорогому Лицею. Окружный акцизный надзиратель *Глѣбовъ.*

Изъ Устьсысольска — Привѣтствую дорогой Лицей съ торжествомъ. Благодарный воспитанникъ — *Голосовъ.*

Изъ Уфы — Съ дальняго Востока привѣтствуемъ свою Alma Mater съ годичнымъ торжествомъ; да будетъ она не увядаемымъ разсадникомъ знанія честныхъ, самоотверженныхъ дѣятелей на народной нивѣ. Членъ палаты *Мирмиковъ,* судебный слѣдователь *Смирновъ.*

Изъ Уфы — Шлю наилучшія пожеланія, поздравляю директора, профессоровъ, инспектора, товарищей съ годовщиной Лицея. Благодарный бывшій студентъ *Фоссъ.*

Изъ Царицына — Съ низовья Волги шлю скромный свой привѣтъ Лицею, директору, профессорамъ, инспектору и студентамъ. Бывшій питомецъ — *Рѣпниковъ.*

Изъ Шкуды — Привѣтствуемъ Лицей въ его годовщину. *Калашниковъ и Сербскій.*

Изъ Яренска — Съ сѣвера дальняго, изъ края Зырянскаго шлю теплый привѣтъ дорогому Лицею и желаю ему на вѣчныя времена служить разсадникомъ права и правды въ отчизнѣ своей. Судебный слѣдователь Алексѣй *Ивановъ.*

Больце такъ же мало приложима къ государству и къ большей части корпорацій, какъ и теорія Сальковскаго. Затѣмъ не только лежачему наслѣдству, но и институтамъ Больце отказываетъ въ юридической личности. Справедливо разсуждая, что въ отношеніи къ институту долженъ возникать неизбѣжный вопросъ о томъ, что принадлежитъ институту и что нѣтъ, а равнымъ образомъ что должна возникать для институтной администраціи неизбѣжная необходимость въ заключеніи обязательственныхъ сдѣлокъ, Больце совершенно несправедливо полагаетъ, что администрація не имѣетъ никакихъ правъ, а только обязанности: какъ же можно заключать обязательственныя сдѣлки, не имѣя правъ на то? Затѣмъ справедливо же разсуждая, что не цѣль, сама по себѣ, не цѣленазначеніе учредителя, а лишь поддержаніе этого цѣленазначенія объективнымъ правомъ можетъ объяснить существованіе института, Больце несправедливо полагаетъ, что институтъ не нуждается въ личности, и что наступающія въ отношеніи къ институтному имуществу юридическія послѣдствія наступаютъ прямо въ силу распоряженія закона, какъ и при лежачемъ наслѣдствѣ. Однако при лежачемъ наслѣдствѣ и законъ имѣетъ въ виду наслѣдника, какъ собственника: спрашивается, какого же собственника имѣютъ въ виду распоряженія закона, относящіяся до институтнаго имущества?

Вскорѣ послѣ Больце сдѣлалъ попытку построенія понятія юридическаго лица Леонгардъ [202]), въ связи съ понятіемъ субъективнаго права. Послѣднее онъ старается установить такъ, чтобы подъ него подходили и права малолѣтнихъ и безумныхъ. Субъективное право, по мнѣнію Леонгарда, есть такое состояніе, когда, благодаря юридически осуществимому принужденію, обезпечено существу невозбранное совершеніе дѣйствій, или принятіе ожидаемаго исполненія. Отсюда дѣ-

[202]) Ein Beitrag etc.

лаются слѣдующіе выводы: 1) для чтобы быть юридическимъ субъектомъ, не требуется ни воли (furiosi nulla voluntas est), ни духовной способности, ни даже способности пользованія, ни вообще способности къ дѣятельности или къ чувствованію (такъ какъ существуютъ болѣзни, разрушающія всякую способность къ пользованію и однако не дѣлающія безправными), а предполагается только и единственно способность имѣть потребности, объ удовлетвореніи которыхъ можно позаботиться посредствомъ осуществленія права; 2) субъективное право не есть нѣчто активное, а есть простое состояніе, слѣдовательно нѣчто пассивное, такъ что, строго говоря, нужно бы было говорить не „имѣть право", а „быть въ правѣ"; 3) дальнѣйшій выводъ — тотъ, что мы можемъ, безъ всякой фикціи, объявлять юридическія лица за субъекты правъ, ибо хотя они не могутъ ничѣмъ пользоваться, но для ихъ блага могутъ быть употребляемы имущественныя массы. Такимъ образомъ юридическія лица суть реальности; это суть постоянныя состоянія управленія имущественнымъ комплексомъ, отдѣленнымъ отъ всякихъ другихъ имущественныхъ массъ. Не имущественная масса есть юридическое лицо, а напротивъ имущественная масса принадлежитъ юридическому лицу. Точно также и цѣль, которой служитъ имущество, не есть юридическое лицо. Цѣль и институтъ, который ей служитъ, суть двѣ различныя вещи. Частное лицо можетъ всецѣло поставить себя на служеніе цѣли и черезъ это не становится юридическимъ лицомъ. Наконецъ и дестинатары, и администраторы не суть юридическое лицо, даже если послѣдніе образуютъ изъ себя коллегію, господствующую надъ имуществомъ по силѣ статутовъ. Напротивъ, юридическое лицо есть просто состояніе, именно такое состояніе, когда есть постоянные административные органы, и когда имѣется попеченіе о томъ, чтобы эти органы результатъ осуществленія извѣстныхъ правъ обращали на поддержаніе особой кассы или имущественной массы, которая

особо управляется въ виду цѣли. Гдѣ имѣется въ наличности такое состояніе съ такими органами и съ такимъ попеченіемъ, тамъ во внѣшнемъ мірѣ существуетъ реальная самостоятельная сила, выступающая въ экономической жизни, какъ контрагентъ и какъ судебная сторона, и становится въ рядъ съ силою живыхъ юридическихъ субъектовъ, осуществляя въ отношеніи къ третьимъ тѣже самыя функціи, какъ и живой хозяинъ (personae vice). Подобно тому какъ въ государственной жизни о республикахъ должно упоминать наряду съ монархіями, что онѣ представляютъ собой силу, такъ и въ юридической жизни указанныя, искуственно созданныя и поддерживаемыя, организаціи, въ качествѣ средоточій особой экономической дѣятельности въ пользу обособленной массы, становятся въ рядъ съ человѣческими юридическими субъектами. Положимъ, юридическія лица въ послѣдней инстанціи существуютъ для физическихъ дестинатаровъ; но такъ какъ эти дестинатары отчасти принадлежатъ лишь будущимъ поколѣніямъ, то и интересамъ ихъ всего лучше служитъ то, что самостоятельная имущественная сила съ собственными юридическими средствами и потребностями, независимо отъ живущихъ въ данный моментъ дестинатаровъ, становится на ряду съ ними, какъ координированный факторъ юридической жизни. Логически это построеніе юридическаго лица, какъ надѣется Леонгардъ, вполнѣ возможно, ибо и субъективное право, и юридическое лицо, суть равно состоянія: возможно, что выгоды, проистекающія изъ существованія одного состоянія (защищаемаго государствомъ осуществленія права) обращаются въ пользу поддержанія другаго состоянія (самостоятельнаго имущественнаго управленія безъ живыхъ хозяевъ).—Всматриваясь въ это построеніе Леонгарда, безъ особаго труда можетъ усмотрѣть въ немъ перефразировку идей безхозяйнаго имущества и безсубъектныхъ правъ. Для того, кто не можетъ мыслить право безъ субъекта, невозможно мыслить также и

состояніе безъ субъекта, который бы находился въ этомъ состояніи. Малолѣтки, безумные и сумасшедшіе напрасно смущаютъ цивилистовъ, и попытка отыскать такое понятіе субъективнаго права, подъ которое подходили бы и дѣеспособные, и недѣеспособные люди, едва ли плодотворна. Не нужно забывать, что малолѣтокъ, безумный и проч. есть все таки *человѣкъ*, съ естественными задатками разумѣнія и воли, а человѣкъ именно и служитъ центромъ всѣхъ опредѣленій права. Если гражданское право въ понятіи лица, какъ выше было замѣчено, дѣлаетъ абстракцію отъ человѣческаго существа, отвлекая именно сознаніе и волю, какъ необходимыя качества гражданской личности, то это значитъ только, что сознательная и самоопредѣляющаяся въ своихъ дѣйствіяхъ личность человѣка, соотвѣтствующая нормальному состоянію человѣческаго существа, есть общее правило, отъ котораго уклоняются люди съ неразвитымъ или отсутствующимъ сознаніемъ, съ неразвитою или отсутствующею волею. Но и эти люди не перестаютъ быть людьми, для которыхъ создано самое понятіе личности, и вызываютъ лишь необходимость опредѣленій объективнаго правв относительно восполненія недостающихъ сознанія и воли для подобныхъ людей. Къ какимъ бы конструкціямъ субъективнаго права ни прибѣгали, въ результатѣ всегда получится неизбѣжный выводъ: субъективныя права, связываемыя гражданскимъ правомъ *съ личностію человѣка*, равно какъ и самое понятіе личности, созданное *для человѣка, аналогически переносятся* на такіе субъекты, которые не суть отдѣльные люди. Могутъ ли быть такими субъектами „состоянія"? Логика, на которую надѣется Леонгардъ, рѣшительно не допускаетъ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, а подсказываетъ, что и юридическое лицо можетъ находиться въ томъ или другомъ состояніи. Логика затѣмъ не допускаетъ, чтобы „состояніе", какъ нѣчто „пассивное", вдругъ превратилось какъ будто волшебствомъ въ „силу", какъ

иначе еще называетъ Леонгардъ юридическое лицо, въ силу контрагирующую и процессирующую, однимъ словомъ *дѣйствующую* въ юридическомъ мірѣ, наряду съ живыми людьми, а не съ состояніями. Да и самъ творецъ этой теоріи, повидимому, забылъ о томъ, что раньше говорилъ, когда въ нижеслѣдующемъ изложеніи [203]) разсуждаетъ такимъ образомъ: „субъективное право есть состояніе, защищаемое въ объективномъ правѣ; субъектъ правъ есть *тотъ, кто* защищается объективнымъ правомъ *въ какомъ либо состояніи*". Попробуемъ въ послѣднемъ опредѣленіи замѣнить слово: „юридическій субъектъ" словомъ: „состояніе", какъ опредѣляетъ Леонгардъ понятіе юридическаго лица, и мы получимъ слѣдующій абсурдъ: юридическое лицо есть то *состояніе*, которое защищается въ *какомъ либо состояніи* объективнымъ правомъ. Свое сродство съ приверженцами безсубъектнаго имущества Леонгардъ подтвердилъ еще, кромѣ того, своими разсужденіями о правахъ животныхъ. Съ точки зрѣчнія логики, онъ не находитъ никакихъ препятствій къ признанію правъ за животными, препятствія существуютъ лишь со стороны положительнаго права и этики; впрочемъ, добавляетъ Леонгардъ, легатъ собакѣ стоялъ бы рѣшительно наравнѣ съ стипендіей въ пользу собаки, такъ что и права животныхъ должны бы были войдти въ понятіе институтовъ, Однако вѣдь и легаты въ пользу собаки немыслимы юридически, а не только стипендіи; легатаромъ можетъ быть только человѣкъ sub modo, т. е. съ наказомъ отъ завѣщателя исполнить что либо для обезпеченія существованія собаки. Если же существуютъ подобныя общества, какъ общества покровительства животнымъ, то, конечно, подобными обществами преслѣдуется не осуществленіе „правъ" животныхъ—а высшій гуманатарный интересъ – смягченіе *человпческихъ* нравовъ. Неосновательно наконецъ проведеніе па-

---

[203]) Стр. 30.

раллели между физическими и юридическими лицами съ одной стороны и монархіями и республиками съ другой, ибо и республику никогда никто не признавалъ за нѣчто безличное.

Въ послѣднее время явились двѣ цѣнныя работы объ юридическихъ лицахъ Гирке и Карловы: для исторіи литературы объ юридическихъ лицахъ важна въ особенности работа перваго изъ нихъ, представляющая собою, такъ сказать, твердыню германизма.

Въ 1887 г. *Гирке*, въ дополненіе къ его громадному сочиненію: „Das deutsche Genossenschaftsrecht", издалъ обширное также сочиненіе: „Die Genossenschaftstheorie und die deutsche Rechtsspechung" [204]), въ которомъ старается исправить недостатки и восполнить пробѣлы, допущенные прежними германистами въ ученіи объ юридическихъ лицахъ, напримѣръ отсутствіе юридической конструкціи для институтовъ. Гирке исполненъ вѣры въ плодотворную силу германской „Genossenschaft" и полагаетъ, что подобно тому какъ въ естественной исторіи изученіе болѣе сложныхъ и развитыхъ организмовъ облегчается изученіемъ болѣе простыхъ, такъ и изученіе германской Genossenschaft [205]) плодотворнымъ обра-

---

[204]) Попытку изложить содержаніе этого обширнаго сочиненія сдѣлалъ Л. Гервагенъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" за 1891 г., іюль—августъ.

[205]) Выше было уже замѣчено (стр. 55), что Безелеръ и Блунчли отличаютъ Genossenschaft отъ римской universitas. Тоже самое и еще съ большею силою дѣлаетъ и Гирке. Напротивъ Штоббе (I, 404 и ср. Heusler, Jnstitutionen des deutschen Privatrechts, Leipz. 1885, B. I, 281), котораго также нужно отнести къ германистамъ, разсуждаетъ иначе. Между тѣмъ какъ, говоритъ онъ, корпораціи публичнаго права преслѣдуютъ общія цѣли, существуетъ много такихъ корпорацій, при образованіи которыхъ члены имѣютъ въ виду достиженіе имущественныхъ выгодъ путемъ общенія и пользованіе общимъ имуществомъ. Однако, не смотря на это экономически различное значеніе и различные интересы, нѣтъ никакого основанія объявлять эти корпораціи за особую юридическую формацію и отдѣлять ее, подъ названіемъ „Genossenschaft", отъ собственно-юридическихъ лицъ. Означенныя корпораціи суть равнымъ образомъ universitates, хотя, вслѣдствіе ихъ особой цѣли, существо ихъ можетъ быть нормируемо съ уклоненіемъ отъ римскихъ принциповъ, которые въ сущности развиты были для корпорацій публичнаго права. Къ этому слѣдуетъ добавить, что и римская

зомъ отразится на изученіи природы государства. Въ восполненіе корпоративной теоріи (Genossenschaftheorie) прежнихъ германистовъ, Гирке выставляетъ еще институтную теорію (Anstaltstheorie), что же касается Stiftungen, считаетъ ихъ особую формою заведеній (Anstalten)[206]). Всѣ вообще институтныя единства суть реальные носители воли, способные быть особыми юридическими субъектами, — всѣ они, въ качествѣ организованныхъ союзовъ съ единою союзною волею, получаютъ одушевленное тѣло, ибо даже и простѣйшая стипендія нуждается въ устройствѣ, которое связываетъ людей въ опредѣленномъ направленіи и побуждаетъ къ дѣйствіямъ. Въ институтахъ, какъ въ корпораціяхъ, субъектомъ именно можетъ быть только *воплощенная*, а не безтѣлесная воля; воля учредителя, не смотря на ея признаніе объективнымъ правомъ,

---

община сама была первоначально тѣмъ, что германисты называютъ Genossenschaft, такъ какъ права populi въ ager publicus были не что иное, какъ сумма правъ полноправныхъ гражданъ на отдѣльныя доли общественной земли. Съ русской точки зрѣнія нужно бы было отнести къ этому типу союзовъ не только клубы, акціонерныя общества и т. п., но и сельскую общину, въ которой каждый членъ имѣетъ опредѣленную долю въ общественной землѣ. Но что сельская община есть корпорація и притомъ,—употребляя терминъ Штоббе,—корпорація публичнаго права, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

[206]) Между нѣмецкими юристами до сихъ поръ не послѣдовало соглашенія на счетъ смысла обоихъ терминовъ: „Anstalt“ и „Stiftung“. Дернбургъ (I § 62 Anm. 1) различаетъ ихъ такимъ образомъ, что въ Stiftung личность связывается съ имуществомъ, возникаетъ только благодаря предоставленію имущества въ пользу какой нибудь цѣли и уничтожается вмѣстѣ съ уничтоженіемъ имущества, а Anstalt, напр. гимназія, имѣетъ юридическую личность, даже если бы она и не имѣла никакого имущества. Впрочемъ, добавляетъ Дернбургъ: „diese Terminol gie ist jedoch keine feststehende“. Можно бы было, повидимому, разсуждать такъ, что Anstalten суть заведенія, Stiftungen—капиталы, предназначенные на ту или другую цѣль. Но Виндшейдъ (I, 159—160) ставитъ въ одинъ рядъ съ Stiftungen не только лежачее наслѣдство, но и фискъ, который, конечно имѣетъ даже не одно, а цѣлую совокупность организованныхъ учрежденій для завѣдыванія государственнымъ хозяйствомъ. Съ точки зрѣнія русскаго права, которое не искусилось ни въ какихъ фикціяхъ и за лежачимъ наслѣдствомъ никогда не признавало юридической личности, можно переводить нѣмецкій терминъ „Anstalten“ словами: „заведенія, установленія“, а „Stiftungen“—словомъ: „капиталы“, тѣ и другіе подводя подъ болѣе общій терминъ: „институты“ или „учрежденія“.

оставалась бы мертвою и безсильною, если бы она не создала для себя живаго институтнаго тѣла, въ которомъ и увѣковѣчивается. Вообще юридическими субъектами могутъ быть только носители человѣческой волевой силы, такъ что и самое объективное право, органомъ котораго (а не господиномъ надъ нимъ) является государство, получаетъ, такъ сказать, готовый и обязательный для себя матеріалъ въ этихъ носителяхъ, которые не имъ создаются, а облекаются лишь со стороны его личностію. Образованіе корпораціи, равно какъ и возникновеніе института, хотя бы имъ предшествовали договорныя соглашенія и сдѣлки частнаго права, суть процессы не частнаго, а общественнаго права. Жизнь человѣка есть вмѣстѣ и индивидуальная, и общественная: человѣкъ раздвояетъ свою волю и сферѣ обособленнаго существованія отдѣльной воли противопоставляетъ сферу связанности ея общею волею. Такъ онъ производитъ общественныя тѣла, проникающіяся самостоятельною волею цѣлаго, въ противоположность индивидуальнымъ волямъ членовъ, такъ что эта воля цѣлаго дѣлаетъ ихъ способными къ единой жизни. Впрочемъ, образованіе подобныхъ соціальныхъ носителей воли можетъ совершаться въ различныхъ формахъ, первоначально на основаніи естественныхъ связей, при посредствѣ болѣе или менѣе безсознательныхъ процессовъ воли,—таковы всѣ союзные организмы, происхожденіе которыхъ теряется въ мракѣ временъ,—затѣмъ въ наше время сознательно, и при этомъ въ двухъ формахъ: корпоративной и институтной. Первое имѣетъ мѣсто тогда, когда множество воль порождаетъ изъ себя единую волю: отдѣльныя воли въ отношеніи къ той ихъ части, которую они вносятъ въ союзъ, сливаются въ новое волевое единство. Напротивъ институтное новообразованіе слѣдуетъ обратному направленію, именно такъ, что единая воля часть себя самой пересаживаетъ въ объединяемое ею множество. Однако и путемъ соединенія можетъ возникнуть институтъ, и путемъ учрежденія кор-

порація. Первое бываетъ напр. тогда, когда общеполезный институтъ учреждается единственно изъ добровольныхъ взносовъ только для этой цѣли созываемымъ собраніемъ жертвователей; послѣднее возможно въ тѣхъ случаяхъ, когда высшая воля извнѣ сплачиваетъ союзъ, а потомъ предоставляетъ его самоопредѣленію вызванной въ немъ общей воли. Во всякомъ случаѣ, при возникновеніи и корпораціи, и института, дѣло идетъ о творческихъ процессахъ соціальнаго права, которые не могутъ быть подчинены правиламъ индивидуальнаго права [207]).

Гирке рѣшительно несогласенъ съ тѣмъ воззрѣніемъ, будто юридическое лицо, какъ искуственный индивидъ, ограничивается частно-правовою или имущественною способностію и только въ этомъ направленіи можетъ быть самостоятельнымъ субъектомъ. Корпорація, даже и сама по себѣ разсматриваемая, какъ таковая, кромѣ имущественныхъ правъ, имѣетъ извѣстный законный рангъ, мѣстожительство, печать и гербъ, купеческій и ремесленный значекъ, права авторскія, наконецъ честь, которой напрасно старались лишить ее юристы, и которая не только издревле играла всемірно-историческую роль, но и донынѣ дѣйствуетъ въ качествѣ живаго политическаго, соціальнаго и этическаго понятія. Далѣе слѣдуетъ цѣлая серія правъ и обязанностей, проистекающихъ изъ отношеній, въ которыхъ состоитъ союзное цѣлое къ своимъ членамъ. При всемъ разнообразіи союзовъ, отъ самаго незначительнаго ферейна до государства вверхъ включительно, во всѣхъ ихъ есть нѣчто общее: между государственною и корпоративною властію, между правами величества государства въ отношеніи къ подданнымъ и правами корпоративной власти въ отношеніи къ членамъ, между государственнымъ правомъ законодательства и корпоративнымъ правомъ установленія статутовъ,

---

[207]) Стр. 10 и сл. 24—26.

между всѣми вообще составными частями государственнаго управленія и соотвѣтствующими частями корпоративнаго самоуправленія есть извѣстная аналогія. Но есть и еще третья категорія правъ и обязанностей, проистекающихъ изъ того подчиненнаго, членнаго положенія, которая сама корпорація, какъ субъектъ, можетъ занимать по отношенію къ высшему общественному организму, въ который она сама инкорпорирована, какъ членъ. Примѣръ церковныхъ членныхъ тѣлъ показываетъ, что въ этомъ отношеніи можетъ развиться чрезвычайное богатство формъ. Можно сказать болѣе: всѣ общенія являются членами единаго сувереннаго общенія—государства, обнимающаго союзы, какъ и индивидовъ, если только и само государство не является членомъ болѣе сложнаго организма (въ Staatenbund). Юридическія лица, наряду съ физическими, состоятъ въ отношеніяхъ подданства, обязаны повиновеніемъ и имѣютъ право на юридическую защиту, уплачиваютъ налоги, могутъ подавать голосъ на выборахъ, наряду съ индивидами[208]). Изъ этого положенія корпорацій, какъ членовъ въ государственномъ организмѣ, а не изъ опеки по образцу индивидуальнаго права, должно быть объясняемо вліяніе государства на корпоративную жизнь. Теорія опеки стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ воззрѣніемъ на юридическое лицо, какъ на искуственный субъектъ, неспособный къ волѣ, подобный дѣтямъ и безумнымъ. Если бы серьезно смотрѣть на государство, какъ на опекуна, то слѣдовало бы ожидать, что государство, какъ и подобаетъ опекуну, будетъ вторгаться, въ положительномъ или отрицательномъ направленіи, въ жизнь корпорацій и провѣрять цѣлесообразность процессовъ корпоративной жизни съ точки зрѣнія интересовъ самихъ корпорацій. А на самомъ дѣлѣ мы видимъ не то: государство преслѣдуетъ тутъ *свой собственный интересъ*. Даже полицейское

---

[208]) Стр. 145—152.

государство, спускавшееся на точку зрѣнія опеки, на самомъ дѣлѣ не смотрѣло на корпорацію, какъ на неспособнаго къ волѣ опекаемаго, а напротивъ смотрѣло на нее, какъ на существо, настолько способное къ самостоятельному хотѣнію и дѣйствованію, что противъ его эгоизма находило нужнымъ защищать интересы общаго блага; поэтому и провѣрка цѣлесообразности корпоративныхъ дѣйствій обсуждивалась на самомъ дѣлѣ съ точки зрѣнія salutis publicae, а не съ точки зрѣнія интересовъ опекаемой корпораціи [209]). Германисты, говоритъ Гирке, поколебали безспорное почти дотолѣ ученіе романистовъ, по которому юридическія лица, какъ простая фикція, не имѣютъ волеспособности и дѣеспособности и, подобно ребенку или безумному, получаютъ возможность юридическаго обнаруженія своего бытія только благодаря представительству, устроенному по образцу опеки. Юридическій субъектъ — все равно индивидъ или союзъ людей — имѣетъ въ своей основѣ волю, какъ пружину внѣшнихъ движеній [210]). Отнюдь нельзя поставлять отличіе юридическаго лица отъ физическаго въ томъ, что первое можетъ хотѣть и дѣйствовать только черезъ органы: вѣдь въ такомъ же положеніи находится и индивидъ. Личность, въ ея недѣлимомъ и непрерывающемся духовномъ единствѣ недоступная всякому чувственному воспріятію, вторгается въ видимый міръ лишь черезъ посредство тѣлесныхъ органовъ, и въ юридической жизни, равно какъ и во всякомъ другомъ жизненномъ отношеніи, только при помощи абстракціи постигается какъ истинный субъектъ хотѣнія и дѣйствованія. Но только должно помнить, что юридическое лицо имѣетъ органы *въ юридическомъ смыслѣ.* Органы отдѣльнаго лица фунгируютъ сообразно съ строемъ индивидуальнаго человѣческаго организма, какъ орудія одушевляющаго ихъ единства; органы юридическаго лица проявляютъ хотящее и дѣй-

[209]) Стр. 643—644.
[210]) Стр. 603 и сл.

ствующее въ нихъ единство въ юридической сферѣ сообразно съ юридическимъ строемъ соціальнаго человѣческаго организма. Органъ юридическаго лица не имѣетъ себѣ образца въ индивидуальномъ правѣ и не можетъ быть поясненъ или замѣненъ какимъ либо внѣ соціальнаго права возникшимъ юридическимъ понятіемъ. Онъ имѣетъ специфическое юридическое содержаніе и равенъ только себѣ самому [211]).

У романистовъ, говоритъ Гирке, представляющихъ союзную личность искуственнымъ субъектомъ, и слѣдовательно чѣмъ-то чуждымъ для соединенныхъ лицъ, понятіе *органа* исчезло въ понятіи *представительства*. Органъ у нихъ заступаетъ или представляетъ юридическое лицо точно такъ же, какъ одинъ индивидъ заступаетъ другаго, причемъ все таки только отчасти возможно приложеніе принциповъ мандата, въ концѣ же концовъ оказывается необходимымъ прибѣгать къ законному уполномоченію, ибо вѣдь юридическое лицо даже и къ дачѣ—то мандата нуждалось бы въ представительствѣ, такъ что получается основанная непосредственно на законѣ власть представительства въ родѣ опеки [212]). Можно пожалуй говорить и о представительствѣ юридическаго лица его органомъ, но не нужно забывать, что это представительство специфически различно отъ всякаго мыслимаго между отдѣльными людьми представительства, чѣмъ, однако, не отрицается, что юридическому лицу, поскольку оно приравнивается къ индивиду, доступны и всѣ формы представительства индивидуальнаго нрава. Корпоративное хотѣніе и дѣйствованіе является обнаруженіемъ жизни личности, имманентной союзу, —личности, которая въ юридической сферѣ обнаруживаетъ себя дѣйствующею постольку, поскольку выражаетъ ее призванный пра-

---

[211]) Стр. 615. Это разсужденіе Гирке вызвано, очевидно, желаніемъ избѣжать того нареканія въ мистицизмѣ, которому подвергся Блунчли, проводившій параллель между членами человѣческаго тѣла и органами государства.

[212]) Стр. 618—621.

вомъ внѣшній органъ — и въ томъ объемѣ, въ которомъ состоялось это выраженіе, хочетъ и дѣйствуетъ черезъ свой органъ *само союзное лицо.* О представительствѣ одного лица другимъ, извнѣ поставленнымъ на служеніе ему, о перенесенномъ лишь quoad effectum хотѣніи и дѣйствованіи за другихъ, о представительствѣ цѣлаго противопоставленнымъ ему равнороднымъ цѣлымъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ общественное цѣлое *обладаетъ въ каждомъ органѣ частицей самого себя,* хотящая и дѣйствующая личность вполнѣ покрывается функціонирующимъ притомъ органомъ; союзъ, какъ цѣлое, представляется частію, насколько именно этою частію осуществляется единая жизнь цѣлаго. Поэтому, *объемъ*, въ которомъ юридически возможно представительство юридическаго лица его органами, необходимо *долженъ совпадать съ объемомъ открытой такому лицу вообще* сферы юридическаго обнаруженія жизни. По сравненію съ индивидуальнымъ представительствомъ, полномочія органа превышаютъ мѣру всякаго представительства. Юридическое лицо посредствомъ своихъ органовъ можетъ постановлять и приводить въ исполненіе такія рѣшенія, при которыхъ просто на просто требуется *собственная дѣятельность субъекта, и вмѣненіе актовъ чужой воли немыслимо.* Такъ оно можетъ распорядиться на счетъ собственнаго своего существованія, можетъ сдѣлаться виновнымъ въ недозволенныхъ дѣйствіяхъ, способно къ добросовѣстности и недобросовѣстности, можетъ впасть въ ошибку и допускается къ присягѣ [213]). Подобно корпораціи, и всякій, надѣленный личностію, институтъ волеспособенъ и дѣеспособенъ, хочетъ и дѣйствуетъ черезъ свои компетентные органы. Ибо и Anstalt или Stiftung есть живой соціальный организмъ, который потому именно и признается объективнымъ правомъ за лицо, что онъ воплощаетъ въ себѣ самостоятель-

---

[213]) Стр. 623—627.

ную человѣческую волевую силу, поставленную наряду съ индивидуальными волями. Тутъ, правда, вмѣсто воли общенія, зерно единой воли составляетъ извнѣ установленная и неизмѣнно продолжающая дѣйствовать въ заведеніи воля; но и это волевое единство есть психическая реальность, распознаваемая изъ ея послѣдствій. И если призванные администраторы, черезъ которыхъ институтная воля, въ сообразность юридическимъ нормамъ, изливается въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, стоятъ прежде всего на почвѣ учредительнаго акта и приводятъ въ исполненіе разъ навсегда наложенное на институтную жизнь волевое рѣшеніе, лишь въ рамкахъ его допуская новое образованіе воли: то и они, подобно корпоративнымъ органомъ, суть органы соціальнаго права, въ которыхъ союзная личность непосредственно проявляется, какъ хотящее и дѣйствующее существо.

Подъ замѣтнымъ вліяніемъ теоріи Гирке, но также съ замѣтнымъ соображеніемъ взглядовъ Іеринга, а равно приверженцевъ цѣлевого имущества, составилъ свою теорію Карлова.

Карлова[214]) не одобряетъ идеи безсубъектныхъ или безличныхъ правъ, безсубъектнаго или безличнаго имущества, и рѣшительно одобряетъ мысль Іеринга, который выдвинулъ моментъ интереса, пользы, а съ другой стороны, столь же рѣшительно не сходится и съ Іерингомъ въ томъ, будто юридическое лицо не имѣетъ интересовъ, и будто пользованіе должно быть включено въ понятіе личности. Ничто, пустота, vacuum, на мѣстѣ лица не удовлетворяетъ, говоритъ Карлова, нашей мыслительной способности, которая требуетъ чего либо такого, въ чемъ имущество могло бы находить дла себя центральный и опорный пунктъ. Опорнымъ пунктомъ для самостоятельнаго цѣлевого имущества можетъ быть не любая цѣль, а лишь такая, которая можетъ предъявить претензію

---

[214]) Zeitschr. f. Pr. u. oeff. R. der Gegenwart, XV.

быть самоцѣлью и, въ качествѣ таковой, признается объективнымъ правомъ. Не всѣ интересы, которые могутъ и должны быть преслѣдуемы въ человѣческой жизни, и для преслѣдованія которыхъ требуются также и экономическія средства, совпадаютъ, съ индивидуальными интересами отдѣльныхъ людей. Гдѣ существуетъ человѣческое общежитіе, тамъ образуются и общіе интересы и потребности, требующія своего удовлетворенія экономическими средствами. Такіе человѣческіе общіе интересы, болѣе узкаго и болѣе широкаго и самаго разнообразнаго характера, заслуживаютъ быть признанными, при извѣстныхъ предположеніяхъ, за самоцѣли, или за имущественные центры, съ такимъ же правомъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, съ его индивидуальными интересами, признается за имущественный центръ. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ надобности дѣлать, подобно Бринцу, различіе между имуществами, принадлежащими лицу и цѣли, такъ какъ за субъектъ правъ и имуществъ всегда принимается (значитъ и по отношенію къ имуществу индивидульнаго лица) центръ человѣческихъ интересовъ, все равно тѣлесный или не тѣлесный. *Общіе интересы*, признаваемые за самоцѣль, и суть юридическія лица. Изъ этого слѣдуетъ, что нельзя включать понятіе пользованія въ опредѣленіе понятія личности, какъ это сдѣлали Іерингъ и Беккеръ: способенъ къ пользованію только одаренный сознаніемъ и чувствующій тѣлесный индивидъ; напротивъ центромъ интересовъ не отдѣльный только человѣкъ можетъ быть, а существуютъ и не тѣлесные центры интересовъ [215]). Такимъ образомъ изъ сказаннаго вытекало бы, что юридическое лицо есть безличный центръ интересовъ, настолько безличный, что даже и естественный человѣкъ, не самъ по себѣ, есть юридическій субъектъ, а поскольку онъ есть центръ свойственныхъ и принадлежащихъ ему интересовъ. Далѣе, однако, начинается довольно неожи-

---

[215]) Стр. 389—394.

данное облиłженіе Карловы съ Гирке. Говоря о нетѣлесныхъ центрахъ интересовъ, продолжаетъ Карлова, нужно различать корпоративное и институтное имущество, а не смѣшивать ихъ подобно Бринцу, для котораго и то и другое суть одинаково цѣлевыя имущества. Корпорація возникаетъ вслѣдствіе того, что отдѣльный человѣкъ имѣетъ и такіе интересы, которые ведутъ его за предѣлы его ограниченной индивидуальной личности къ соединенію съ другими: тѣмъ самымъ ему ставятся задачи, которыхъ онъ своими отдѣльными силами не можетъ разрѣшить [216]). Но общіе человѣческіе интересы могутъ вступать въ жизнь, въ качествѣ самоцѣлей и имущественныхъ центровъ, и такимъ образомъ, что не множество лицъ является носителемъ связующихъ ихъ, объединяющихъ челевѣческихъ интересовъ,—они могутъ быть созданы государственнымъ или общиннымъ актомъ, а также актомъ отдѣльнаго частнаго лица, или нѣсколькихъ такихъ частныхъ лицъ. Человѣческій общій интересъ, намѣченный основателемъ института въ актѣ учрежденія, напр. попеченіе о больныхъ въ предѣлахъ опредѣленнаго округа или о больныхъ опредѣленной категоріи, воспитаніе глухонѣмыхъ и т. п. есть нѣчто установленное и признанное какъ самоцѣль, какъ центръ интересовъ. Въ институтахъ носителемъ правъ является не отдѣльное физическое лицо и не союзъ людей, а сама учредительная воля, которая и проявляется въ институтѣ, дѣйствуетъ именно постольку, поскольку она, разъ проявившись, произвела непрерывающійся эффектъ и какъ бы окаменѣла. Собственно же говоря, то, что продолжаетъ дѣйствовать,—это общечеловѣческій интересъ, призванный къ жизни, въ качествѣ самоцѣли и ставшій, по волѣ учредителя, центромъ интересовъ. Что учредительный актъ продолжаетъ жить,—это можно сказать только въ томъ же смыслѣ, въ какомъ отецъ продолжаетъ жить въ своемъ сынѣ, раждаю-

[216]) Стр. 395.

щее въ порожденномъ. Затѣмъ всякій центръ интересовъ, если только не желаютъ превратить его въ нѣчто парящее въ воздухѣ, въ нѣчто нереальное, долженъ опираться на какія нибудь средства власти, могущія стать основой, зерномъ для удовлетворенія интересовъ. Физическому лицу эти средства даны съ самаго рожденія въ его духовныхъ и тѣлесныхъ дарахъ, хотя вначалѣ эти дары находятся еще въ неразвитомъ состояніи. Корпорація имѣетъ эти средства мощи съ самаго ея основанія въ составляющихъ ее людяхъ. Что же касается институтовъ, то одной воли учредителя еще недостаточно для того, чтобы доставить институту эти средства; требуется напротивъ, чтобы учредитель или нѣсколько учредителей посредствомъ вкладовъ составили имущество и этотъ, призываемый учредительнымъ актомъ къ жизни, центръ интересовъ поставили, въ качествѣ опорнаго пункта для его мощи [217]). Съ точки зрѣнія Карловы и лежачее наслѣдство должно обсуживаться какъ кругъ интересовъ, переживающій индивида. Человѣкъ имѣетъ права и имущество не только самъ для себя, какъ отдѣльное существо, но и для жены, для дѣтей: единство продолжающихся интересовъ наслѣдодателя и есть тотъ субъектъ, который держитъ имущество до вступленія наслѣдника [218]).

Карлова, вслѣдъ за Гирке, не считаетъ возможнымъ разсматривать, какъ частно-правовыя сдѣлки, то рѣшеніе участвующихъ, которое призываетъ корпорацію къ жизни, а равно и тотъ учредительный актъ, которымъ призывается къ жизни институтъ. Основывающій корпорацію актъ воли есть актъ автономіи учредителей. Простая частно-правовая сдѣлка не можетъ основать объективнаго права и не можетъ создать юридическаго субъекта; автономическій актъ можетъ это сдѣлать подъ контролемъ государства [219]). Въ отношеніи къ ин-

---

[217]) Стр. 398 и сл.
[218]) Стр. 400—402.
[219]) Стр. 408.

ституту нужно сказать тоже самое. Воля учредителя направляется на то, чтобы опредѣленные, означенные имъ, человѣческіе интересы существовали какъ самоцѣль, какъ центръ самостоятельнаго имущества, слѣдовательно какъ юридическій субъектъ. Таково содержаніе этого акта, выходящее изъ предѣловъ содержанія всякихъ частно-правовыхъ сдѣлокъ, даже имѣющихъ наибольшее значеніе и наибольшій объемъ [220]). Поэтому и основаніе самостоятельнаго частнаго института есть актъ автономіи, который, въ виду служенія обще-человѣческимъ интересамъ, признается, при извѣстныхъ предположеніяхъ, и за отдѣльнымъ человѣкомъ. Но между тѣмъ какъ causa efficiens при возникновеніи корпораціи есть исключительно воля соединяющихся лицъ, *контролируемая* лишь государствомъ, causa efficiens институтной личности не исключительно, а только главнымъ образомъ, principaliter, есть воля учредителя, въ качествѣ же придаточнаго *содѣйствующаго фактора* является государственная власть, одобреніе которой требуется не только для признанія за институтомъ юридической личности, но и для фактическаго вступленія его въ жизнь [221]).

Карлова присоединяется къ Гирке и въ томъ отношеніи, что поддерживаетъ различіе между органомъ и представителемъ, — различіе, о которомъ, какъ говоритъ Карлова, учебники пандектовъ ничего не знаютъ. Представительство устанавливается для лица, по своей природѣ способнаго къ хотѣнію и дѣйствованію, хотя бы волеспособность этого лица находилась еще въ неразвитомъ состояніи, или была парализована душевною болѣзнію. Дѣти и безумные не ко всякому дѣйствованію неспособны. Къ такимъ дѣйствіямъ, которыя не имѣютъ юридическаго значенія, какъ напр. благодарность, поздравленія, приглашеніе на праздникъ, они способны, не

---

220) Стр. 412.
221) Стр. 414.

не неспособны и къ осуществленію правъ, напр. сервитутнаго. Напротивъ корпораціи и институты неспособны ко всякому непосредственному дѣйствованію. Даже и такія дѣйствія, которыя не имѣютъ юридическаго значенія, могутъ быть предпринимаемы корпораціями и институтами только черезъ органовъ. Органъ не только лишь дѣйствуетъ во имя лица: въ предѣлахъ отведенной ему компетенціи онъ замѣняетъ юридическое лицо, *существуетъ* вмѣсто него, такъ что предпринятый имъ актъ воли принадлежитъ юридическому лицу [222]). Органомъ юридическаго лица можетъ быть только человѣкъ, или корпорація, собраніе, учрежденіе, которыя своею волею, своимъ дѣйствованіемъ въ предѣлахъ указанной сферы выражаютъ волю юридическаго лица. Но органомъ юридическаго лица не можетъ считаться отдѣльный членъ, подающій голосъ въ собраніи, воля котораго выражаетъ волю юридическаго лица. Обнаруживающаяся въ подачѣ голоса воля члена есть всегда только его воля, содѣйствующая установленію той воли, которая принимается за волю юридическаго лица; даже и частицей воли юридическаго лица она не считается, ибо вѣдь членъ меньшинства точно такъ же подаетъ свой голосъ, какъ и членъ большинства, а между тѣмъ противное большинству мнѣніе меньшинства, очевидно, не есть составной элементъ воли юридическаго лица. Воля юридическаго лица, устанавливаемая рѣшеніемъ большинства есть воля единства, отличнаго отъ суммы членовъ [223]). Наконецъ Карлова рѣшительно согласенъ съ Гирке и въ томъ, что юридическія лица могутъ быть оскорбляемы. Интересы, признанные юридическимъ порядкомъ за самоцѣль, имѣютъ также притязаніе и на уваженіе къ себѣ. Повидимому, въ отношеніи къ такимъ самоцѣлямъ нельзя говорить объ уваженіи и неуваженіи, такъ какъ неуваженіе должно быть чувствуемо, а къ чувствованію способно только фи-

[222]) Стр. 420.
[223]) Стр. 422.

зическое лицо, но это возраженіе теряетъ силу, какъ скоро мы будемъ различать понятіе органа отъ понятія представителя. Органъ, въ предѣлахъ круга его компетенціи, существуетъ вмѣсто юридическаго лица,—ему и принадлежитъ рѣшеніе вопроса о томъ, должна ли быть преслѣдуема обида, нанесенная юридическому лицу, или нѣтъ [224]). Сообразно съ вышесказаннымъ, Карлова признаетъ и деликтоспособность юридическихъ лицъ, хотя и не въ столь широкомъ объемѣ, въ какомъ защищаетъ ее Гирке [225]).

Изъ представленнаго очерка развитія понятія объ юридическихъ лицахъ видно, что новѣйшая юриспруденція разными пріемами и способами стремилась упразднить фикцію въ этомъ ученіи. Слѣдуетъ добавить, что и нѣкоторые ученые, не писавшіе спеціальныхъ монографій и статей объ юридическихъ лицахъ и не высказывавшіеся въ пользу которой либо изъ выше разсмотрѣнныхъ теорій, въ своихъ учебникахъ и руководствахъ даютъ такое опредѣленіе юридическихъ лицъ, въ которомъ нельзя не подмѣтить желанія обойтись безъ фикціи и въ тоже время сдѣлать удареніе на реальности юридическихъ лицъ. Такъ *Зродловскій* [226]), опредѣливъ сначала существо юридическаго лица отрицательно (т. е. что оно есть лицо безъ человѣческой индивидуальности), продолжаетъ: „положительное опредѣленіе этого существа берется изъ *опыта*, который учитъ, что существуютъ *жизненныя силы, жизненныя цѣли и жизненныя явленія*, которыя не составляютъ собою жизненнаго круга опредѣленнаго индивида, но, переходя за границы индивида, принадлежатъ къ жизненному кругу, обнимающему множество индивидовъ,—такой союзный жизненный кругъ мы называемъ корпораціей“ [227]). *Дернбургъ*

[224]) Стр. 424—426.

[225]) Стр. 428.

[226]) I, § 39.

[227]) Выше было замѣчено (см. примѣч. 86), что Зродловскій отвергаетъ юридическую личность институтовъ.

опредѣляетъ юридическія лица, какъ „имѣющія самостоятельную правоспособность организаціи, принадлежащія человѣческимъ обществамъ, хотя и представляемыя только въ мышленіи, но не фиктивныя“ [228]). *Штоббе* говоритъ, что лица, обыкновенно называемыя, въ противоположность физическимъ, идеальными, мистическими или моральными, „не суть фикція, не суть созданіе положительнаго права, но право признаетъ лишь наличность субъекта, лица, имѣющаго волеспособность и имущественную правоспособность, подобную же, но болѣе ограниченную сравнительно съ человѣкомъ“. „Такого рода не тѣлесныя не фичическія лица“, продолжаетъ Штоббе, „принадлежатъ какъ публичному, такъ и часгному праву; безъ сомнѣнія, государство, политическія общины, церковныя общины возникли не благодаря фикціи, не фикціи обязаны своимъ существованіемъ, не суть созданіе права, но суть дѣйствительные юридическіе субъекты, — существа, обладающія волею и могущія пріобрѣтать права“. [229]). Эта же самая мысль, какъ мы видѣли, развивалась Лассономъ, Больце, германистами и съ особенною подробностію и обстоятельностію Гирке. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что жизнь корпорацій и институтовъ не замыкается предѣлами имущественнаго права. Не видимъ ли мы въ дѣйствительности, что корпоративные и институтные органы, кромѣ обладанія имущественными правами, заключенія гражданскихъ сдѣлокъ и защиты гражданскихъ интересовъ передъ судомъ, осуществляютъ разныя другія функціи административнаго (а въ государствѣ и законодательнаго) характера и кромѣ того еще входятъ съ петиціями, обращаются съ вѣрноподданнѣйшими

---

[228]) „Ausser dem menschlichen Individuum haben eine selbstständige Rechtsfähigkeit gewisse den menschlichen Gesellschaften angehörende Organisationen. Solche Organisationen pflegt man derzeit juristische Personen zu nennen“. (I, 134, а на стр. 136: „sociale Organisationen“).

[229]) I, 378—379.

адресами, дѣлаютъ пожертвованія подъ вліяніемъ патріотическихъ и религіозныхъ чувствъ, держатъ дисциплинарный судъ и т. п.? Почему напримѣръ правленіе университета, въ одномъ и томъ же засѣданіи рѣшающее хозяйственныя и дисциплинарныя дѣла, для однихъ дѣлъ нуждалось бы въ фикціи, а для другихъ обходилось бы безъ ея помощи, въ однихъ дѣлахъ дѣйствовало бы principaliter, какъ компетентный публичный органъ, въ другихъ какъ представитель какого-то фиктивнаго существа? Безспорно, что наука гражданскаго права имѣетъ въ виду только частно-правовую сторону жизни корпорацій и институтовъ и дѣлаетъ неизбѣжную абстракцію, обособляетъ въ мышленіи эту сторону жизни, отъ другихъ сторонъ. „Der tiefe und grosse Gedanke ein Organ des Staates, das Civilgericht bei Streitigkeiten über das Vermögen der Gemeinde den übrigen Staatsorganen überzuordnen ist dem römischen Gemeinwesen fremd", — такъ выразился Моммзенъ о римскомъ республиканскомъ государствѣ [230]). Отвлеченіе частно-правовой стороны отъ другихъ сторонъ государственной и корпоративной жизни было дѣйствительно великою и глубокою мыслію, громаднымъ прогрессомъ въ области гражданскаго оборота. Но отвлеченіе это нельзя понимать такъ, чтобы путемъ абстракціи создавалось существо, отличное отъ того существа, изъ полноты жизни котораго сдѣлано технически необходимое отвлеченіе. Государство не перестаетъ быть государствомъ, хотя и отказывается отъ своего величества, по выраженію Гирке, для гражданскихъ своихъ отношеній съ частными лицами; строго говоря, оно даже не разоблачается и отъ величества, такъ какъ суверенитетъ государства представляется государственнымъ же судомъ, на разсмотрѣніе котораго восходятъ взаимныя претензіи фискальныхъ чиновниковъ и частныхъ лицъ. Если бы считать государство фиктив-

---

[230]) Staatsr. I, 171.

нымъ на томъ основаніи, что для гражданскихъ отношеній оно сравняло себя съ частными лицами, въ такомъ случаѣ нужно бы было видѣть фикцію и въ томъ, что напр. министръ въ гражданскихъ его отношеніяхъ разсматривается наравнѣ съ частными лицами. Тѣмъ менѣе можно бы было затрудняться обособленіемъ частно-правовой стороны во всѣхъ корпораціяхъ, не облеченныхъ суверенитетомъ. Справедливо замѣчено было Лассономъ, что юридическое понятіе *лица*, даже и въ примѣненіи къ отдѣльному естественному человѣку, есть абстракція, въ томъ смыслѣ, что изъ полноты качествъ и сторонъ жизни человѣческаго существа берутся только тѣ качества и стороны, которыя необходимы для сферы гражданскихъ отношеній [231]), точно такъ же, какъ государственное право оперируетъ надъ понятіями *гражданина* и *подданнаго*. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы путемъ абстракціи въ томъ и другомъ случаѣ создавалось какое-то искуственное, фиктивное существо, отличное по природѣ отъ естественнаго человѣка.

Изъ упомянутыхъ въ предшествующемъ очеркѣ ученыхъ сначала Іерингъ, потомъ Гирке и за нимъ Карлова, вышли изъ границъ частнаго права, при разъясненіи понятія юридическихъ лицъ, и стали на точку зрѣнія публичнаго или общественнаго права, различивъ въ человѣкѣ индивида и общественное существо. Эту точку зрѣнія нужно признать правильною; къ сожалѣнію названные ученые или ограничиваются недоказанными положеніями, какъ Іерингъ, или не дѣлаютъ надлежащихъ выводовъ изъ своихъ твердо поставленныхъ положеній, какъ Гирке и Карлова, и всѣ вмѣстѣ не разъ впадаютъ въ самопротиворѣчіе. Іерингъ желаетъ включить всѣ союзы и институты въ публичное право на томъ основаніи, что публичное есть все то, что касается цѣлей всѣхъ

---

[231]) Ср. *Дюверну*, 257.

и всѣхъ вызываетъ къ соединенной дѣятельности, и что природа всѣхъ общественныхъ союзовъ, со включеніемъ государства и церкви, одинакова, а если и есть различіе, то различіе только въ цѣли—функціональное. Эти соображенія подкрѣпляются еще указаніемъ на историческій фактъ, что дѣло призрѣнія и первоначальное обученіе были сначала частнымъ дѣломъ, затѣмъ дѣломъ союзовъ и наконецъ стали государственнымъ дѣломъ: это обстоятельство даетъ Іерингу возможность предсказывать, что поглощеніе государствомъ всѣхъ общеполезныхъ союзовъ есть лишь вопросъ времени. Затѣмъ, однако, оказывается, что и государство, поглощающее въ себѣ всѣ общеполезные союзы (въ томъ числѣ слѣдовательно и церковь), само обнимается обществомъ и слѣдовательно является членомъ или частію высшаго цѣлаго. Справедливо, что общество, въ теоретическомъ смыслѣ, принадлежитъ къ категоріи человѣческихъ союзовъ и представляетъ собою одну изъ формъ человѣческаго общежитія, которое является такимъ образомъ высшимъ понятіемъ, сравнительно съ понятіемъ государства, но отсюда никакихъ юридическихъ выводовъ не вытекаетъ. Справедливо далѣе, что публичное есть все то, что касается цѣлей всѣхъ и всѣхъ вызываетъ къ соединенной дѣятельности, но несправедливо было бы утверждать, что всѣми человѣческими союзами преслѣдуются такія всеобщія цѣли. Ограниченные мѣстнымъ райономъ и небольшимъ числомъ членовъ, не включенные въ высшій организмъ, въ которомъ бы они исполняли органическія функціи объединяющаго ихъ цѣлаго, союзы не могутъ быть ставимы на одну линію съ государствомъ и церковью. Государство стремится къ устроенію земнаго благополучія не отдѣльныхъ какихъ либо группъ и союзовъ, а всѣхъ вообще гражданъ; церковь стремится сдѣлать доступнымъ спасеніе для всѣхъ людей, даже и за предѣлами государственной территоріи, причемъ насколько она сама составляетъ часть государственнаго порядка въ данной

территоріи и исполняетъ государственныя функціи, содѣйствуя государственному порядку, о ней можно сказать, что и она обнимается государствомъ, а напротивъ невозможно сказать, что цѣль церкви будетъ когда либо поглощена государствомъ. Этого невозможно сказать даже и о прочихъ человѣческихъ союзахъ, въ томъ смыслѣ, чтобы преслѣдованіе ихъ цѣлей стало исключительнымъ достояніемъ органовъ государственнаго правительства, и чтобы не оставалось мѣста для общественной самодѣятельности. Дѣло призрѣнія и дѣло первоначальнаго обученія сдѣлались для современнаго государства предметомъ правительственныхъ попеченій, и если поглощеніе государствомъ всѣхъ общеполезныхъ союзовъ понимать въ томъ смыслѣ, что государство признаетъ цѣли ихъ важными для себя, то такое поглощеніе уже и въ настоящее время наступило съ расширеніемъ и разъясненіемъ культурныхъ задачъ государства. Это однако не дѣлаетъ излишними усилія болѣе или менѣе значительныхъ общественныхъ группъ или отдѣльныхъ людей стремиться къ тѣмъ же самымъ цѣлямъ, такимъ образомъ и къ призрѣнію ближняго, и къ первоначальному обученію, и если Іерингъ предсказываетъ поглощеніе государствомъ не только всѣхъ общеполезныхъ цѣлей, но и всѣхъ общеполезныхъ союзовъ, слѣдовательно наступленіе такого времени, когда всѣ общеполезныя цѣли будутъ достигаться исключительно органами правительства, то позволительно усумниться въ исполненіи этого пророчества. Въ минувшемъ прошломъ дѣйствительно была такая эпоха, когда государство (т. н. полицейское) брало на себя, т. е. на правительственныхъ органовъ своихъ, не только всеобъемлющее представительство всѣхъ интересовъ управляемаго народа, но и монополію знать и исключительно своими средствами проводить то, что требуется для общаго благополучія. Полицейское эвдемоническое государство было въ свое время прогрессомъ сравнительно съ предшествующимъ государствомъ, которое ограничивало свою

задачу защитой права; полицейское государство обняло всѣ культурныя задачи, — и въ этомъ его хорошая сторона; но чтобы въ будущемъ повторилась та же ошибка, въ которую оно впало, монополизировавъ правительственнымъ органамъ достиженіе всякаго человѣческаго благополучія, этого, нужно надѣяться, никогда не случится. Впрочемъ, Іерингъ во всякомъ случаѣ правъ въ томъ отношеніи, что общественные союзы и институты выходятъ за предѣлы частнаго права.

Иначе относятся къ вопросу объ юридическихъ лицахъ Гирке и Карлова. Въ возникновеніи корпорацій и институтовъ они видятъ „акты общественной автономіи“, „процессы соціальнаго права“, справедливо разсуждая, что индивидуальная воля лица, какъ субъекта гражданскаго права, не можетъ сама по себѣ породить ни корпораціи, ни института, и проводятъ различіе между органами юридическихъ лицъ и представителями или повѣренными гражданскаго права, дѣйствующими на основаніи мандата [232]). Въ развитіи своихъ мыслей Гирке однако впадаетъ въ замѣтное самопротиворѣчіе. Онъ проводитъ параллель между внутренними отношеніями всѣхъ вообще корпорацій и находитъ, что даже и въ вольныхъ союзахъ наблюдается аналогія съ отношеніями государства къ подданнымъ, съ государственною законодательною, административ-

---

232) Löning (Die Haftung des Staates u. s. w. 105) находитъ несостоятельнымъ различіе между органомъ и представителемъ. Противъ Штоббе, который утверждалъ, что чиновникъ, осуществляющій публичныя государственныя правомочія, есть *органъ государства*, а фискальный чиновникъ по веденію государственнаго хозяйства есть *представитель государства*, Ленингъ говоритъ, что чиновникъ, заступающій казну, состоитъ въ совершенно такомъ же отношеніи къ государству, какъ и чиновникъ, имѣющій осуществлять государственныя права верховенства, что оба они одинаково исполняютъ ввѣренныя имъ функціи и оба одинаково суть *представители* государства. Несомнѣнно, что тотъ и другой чиновникъ исполняютъ ввѣренныя имъ функціи; но отсюда слѣдуетъ, что оба они дѣйствуютъ въ силу даннаго имъ полномочія, т. е. какъ делегаты въ смыслѣ публичнаго права, а не на основаніи довѣренности, т. е. не какъ мандатары гражданскаго права, и слѣдовательно оба они суть одинаково *органы государства*.

ною и судебною властію. О государствѣ Гирке говоритъ, что оно, какъ суверенное общеніе, обнимаетъ собою всѣ союзы, какъ и всѣхъ индивидовъ, и что слѣдовательно всѣ союзы состоятъ въ членныхъ отношеніяхъ къ государству, т. е. *являются членами цѣлаго* по отношенію къ государству[233]). Когда, однако, приходится провести границы между публичнымъ и частнымъ правомъ, Гирке различаетъ корпораціи, вчлененныя въ государственный организмъ и привлеченныя на службу государству, отъ союзовъ, *не поставленныхъ ни въ какія органическія отношенія къ государству*[234]). Разсуждая объ этихъ послѣднихъ, и именно не объ имущественныхъ ихъ отношеніяхъ, которыя безъ всякаго сомнѣнія входятъ въ частное право, а о другихъ сторонахъ ихъ жизни, объ общественныхъ ихъ элементахъ (gemeinheitliche Elemente), какъ выражается Гирке, онъ объясняетъ, что государство область публичнаго права простираетъ на всѣ общительныя и членныя правоотношенія, принадлежащія къ его собственному общежитію (Gemeinleben), слѣдовательно и на тѣ общія и особенныя отношенія, въ которыхъ корпораціи состоятъ, какъ его члены или органы. За этими же предѣлами вопросъ рѣшается отрицательно. Поэтому публичныя корпораціи суть только тѣ, которыя или являются интегрирующими частями государственнаго организма, или въ какомъ либо отношеніи фунгируютъ какъ государственные органы, или, даже не имѣя государственнаго призванія, по причинѣ ихъ значенія для государственной жизни, трактуются какъ корпораціи публичнаго права, каковы напр. допущенныя христіанскія церкви и ихъ частичныя тѣла. Въ этихъ корпораціяхъ статуты, органы, должностныя лица и проч. суть составныя части публичнаго порядка[235]).

---

[233]) Стр. 152.
[234]) Стр. 155.
[235]) Стр. 166.

Гирке допускаетъ, что современное публичное право не совпадаетъ съ государственнымъ правомъ, — иначе пришлось бы и церкви или разсматривать какъ государственныя учрежденія, или отослать въ частное право, — допускаетъ далѣе, что въ теоріи простаго и вѣрнаго критерія для опредѣленія частной или публичной природы корпоративныхъ правоотношеній не существуетъ, и что все здѣсь зависитъ отъ опредѣленій положительнаго права [236]), которое въ отношеніи къ негосудар-

[236]) Rosin, Das Recht der oeffentlichen Genossenschaft, Freiburg, 1886, стр. 16 и сл. находитъ этотъ критерій въ *обязанности* корпораціи передъ государствомъ. „Публичная корпорація есть та, которая несетъ на себѣ публичныя обязанности, которая именно обязана предъ государствомъ выполненіемъ своей цѣли; публичная корпорація живетъ не только для себя, но и для государства, она есть часть государства и служитъ государству осуществленіемъ своей цѣли. Не качествомъ цѣли и не внутреннимъ отношеніемъ этой цѣли къ цѣли государства опредѣляется существо публичной корпораціи, а обязанностію достигать этой цѣли въ интересѣ государства. Особый надзоръ государства за такими корпораціями и особыя привилегіи, которыми государство можетъ ихъ надѣлить, суть только выводы изъ этой обязанности. Напротивъ частная корпорація не обязана передъ государствомъ достигать своей цѣли, и государство состоитъ къ подобнымъ корпораціямъ въ чисто отрицательномъ отношеніи, принимая лишь мѣры къ предовращенію опасностей, которыя могли бы возникнуть для него изъ законопротивнаго образа дѣйствій корпорацій“. Повидимому, это дѣйствительно наиболѣе вѣрный критерій. Но очень странно то приложеніе, которое Розинъ дѣлаетъ изъ своего критерія въ отношеніи къ общеполезнымъ заведеніямъ. По мнѣнію Розина, какъ для учредителя, такъ и для основаннаго имъ заведенія не существуетъ обязанности передъ государствомъ выполнять свою задачу; государство контролируетъ дѣйствія администраторовъ заведенія не непосредственно для охраненія собственныхъ правъ, а въ интересѣ чужой воли, какъ это оно дѣлаетъ при опекѣ. Вѣрнаго въ этомъ разсужденіи лишь то, что учредитель не обязанъ передъ государствомъ основывать на свои средства больницу, богадѣльню, народную читальню, художественную галлерею, сельскохозяйственный музей и т. п. Но разъ учрежденіе основано, администраторы обязаны передъ государствомъ и обществомъ выполнять задачу этого учреждеденія, и государство, контролируя дѣйствія администраторовъ, дѣйствуетъ не въ интересахъ воли умершаго учредителя, а въ интересахъ общества и вмѣстѣ въ своихъ собственныхъ, такъ какъ, уже при самомъ вступленіи института въ жизнь, давая ему санкцію, признало его общеполезность. Даже объ акціонерныхъ обществахъ нельзя сказать, чтобы единственно цѣлью ихъ была выгода акціонеровъ, какъ утверждаетъ Розинъ. Возможно, что сами акціонеры, кромѣ этой цѣли, никакой другой не имѣютъ въ виду; но невозможно сказать о государствѣ, чтобы оно, давая концессію, имѣло въ виду только выгоды концес-

ственному соціальному праву прилагаетъ масштабъ большаго или меньшаго значенія корпораціи для государственной жизни и, смотря по исходу этой оцѣнки, опредѣляетъ, насколько это негосударственное соціальное право должно быть признано, или не должно быть признаваемо, составною частію возвышеннаго надъ частно-правовымъ порядкомъ публичнаго юридическаго порядка. Изъ того, что цѣли всѣхъ общеполезныхъ союзовъ обнимаются цѣлями государства, и что всѣ союзы находятся въ членныхъ отношеніяхъ къ государству, повидимому, слѣдовало бы, что всѣ вообще общеполезные союзы своими „общественными элементами" стоятъ внѣ области частнаго права. Однако, для нѣкоторыхъ союзовъ, каковы акціонерныя общества, вспомогательныя кассы, Гирке не находитъ другаго мѣста, кромѣ частнаго права. Ихъ соціальное право, говоритъ Гирке, имѣетъ для государства значеніе не публичнаго, а частнаго права, хотя тѣмъ самымъ ихъ общественныя и членныя отношенія къ сочленамъ и другимъ корпораціямъ частнаго права „отнюдь не лишаются своей соціально-правовой своеобразности". Это соціальное право имѣетъ для государства то же значеніе, какъ и индивидуальное право, и образуетъ, подобно этому послѣднему, составную часть частнаго права. Союзъ, какъ цѣлое, и члены, какъ индивиды, являются предъ государственнымъ судомъ, какъ носители равноцѣнныхъ интересовъ. Правда, и корпорація частнаго права во внутреннихъ корпоративныхъ отношеніяхъ обладаетъ правами общественной власти, но эти права, на взглядъ государства,

---

сіонеровъ и акціонеровъ. Необходимымъ предположеніемъ всякой концессіи служитъ общеполезность предпріятія, и если это предположеніе въ дѣйствительности забывалось нерѣдко, какъ это бывало въ эпохи акціонерной горячки въ западной Европѣ, то отсюда слѣдуетъ только, что государство не вдругъ выработало себѣ правильную точку зрѣнія на акціонерныя общества. Поэтому совершенно правильно, хотя и довольно неожиданно, Розинъ замѣчаетъ, что обязанность акціонернаго общества построить и эксплоатировать желѣзную дорогу, согласно концессіи, есть лишь обратная сторона дарованнаго ему государствомъ исключительнаго права.

не суть права верховенства, а особенная частная власть. Хотя корпорація пользуется автономіей и порождаетъ нормы, которыя для ея области составляютъ объективное право, но эти статутарныя нормы въ глазахъ государства суть частныя нормы и никоимъ образомъ непричастны публицистическимъ качествамъ законовъ. Хотя корпорація имѣетъ органы, учрежденія, должностныхъ лицъ, но предъ лицомъ государственныхъ законовъ это суть частные органы, частныя учрежденія, частныя должностныя лица. Хотя въ корпораціи существуетъ устройственное и административное право, а можетъ быть даже карательное и процессуальное; но всѣ отсюда вытекающія отношенія остаются съ частно-правовою природою и могутъ дѣйствовать лишь въ предѣлахъ отведенной частному праву сферы. Такъ возникаетъ обширная область „частно-праваго соціальнаго права", которое, по своей внутренней структурѣ, сродно съ публичнымъ правомъ, но, по своему дѣйствію, стоитъ на равной ступени съ индивидуальнымъ правомъ, составляя „своеобразную и самостоятельную составную часть частнаго права" [237]).

Все это мало убѣдительно. Какимъ образомъ индивидъ, преслѣдующій свои собственныя цѣли, и союзъ людей, преслѣдующій общеполезныя цѣли, хотя и въ ограниченной географическимъ райономъ и числомъ членовъ сферѣ, могутъ оказаться носителями равноцѣнныхъ интересовъ,—понять довольно трудно. Что общественная власть союза не соединена съ правами верховенства, это само собою разумѣется; но правами верховенства обладаетъ только государственная власть,— такихъ правъ не имѣетъ даже и общественная власть публичныхъ корпорацій, напр. городскихъ и сельскихъ общинъ, и Гирке долженъ бы былъ сдѣлать отсюда тотъ выводъ, что общественная власть и въ этихъ послѣднихъ корпораціяхъ есть частная, а не публич-

---

[237]) Стр. 163—165.

ная, и въ такомъ случаѣ совершенно отказаться отъ надежды провести какія либо границы между корпораціями публичнаго и частнаго права. Окончательный его выводъ, что „своеобразное соціальное право, по внутренней своей структурѣ сходное съ публичнымъ“, есть все таки видъ частнаго права, другой видъ котораго составляетъ индивидуальное право, невольно вызываетъ вопросъ: не было ли бы логичнѣе считать соціальное право на самомъ дѣлѣ своеобразною вѣтвію права, занимающею середину между публичнымъ и частнымъ правомъ? Римляне, какъ намъ извѣстно, строго различали jus publicum и jus privatum и чего либо средняго между этими двумя областями не знали, такъ что даже и вольные союзы, какъ это хорошо разъяснено самимъ Гирке въ его Genossenschaftsrecht [238]), старались прикрѣпляться, такъ сказать, къ публичной почвѣ, принявъ на себя видъ союзовъ, преслѣдующихъ публичныя цѣли государства въ области культа или ремесла. Но современное государство тѣмъ именно и отличается отъ римскаго государства, что въ этомъ послѣднемъ общественная жизнь была неразвита, сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, и для какого либо общественнаго права, которое стояло бы наряду съ публичнымъ и частнымъ правомъ, не было мѣста въ Римѣ. Полицейское государство также не давало мѣста общественному праву не потому, чтобы оно такъ же узко понимало свои задачи, какъ римское государство, а потому, что, исходя изъ широкаго принципа достиженія всеобщаго благополучія, оно принципіально возлагало на органы государственнаго правительства осуществленіе этого принципа. Характернымъ памятникомъ этой эпохи служитъ общій прусскій ландрехтъ, который знаетъ только двоякую альтернативу: или договорное соединеніе частныхъ лицъ, не имѣющее юридической личности, или существованіе

---

[238]) См. выше стр. 21—22.

союза, облегченнаго юридическою личностію, въ качествѣ публичной корпораціи, т. е. государственнаго учрежденія, или части государства[239]). Если позднѣйшее т. н. правовое государство отказалось отъ монопольнаго достиженія общественнаго благополучія органами правительства и предоставило достиженіе многихъ задачъ органамъ общественнымъ, получающимъ юридическую личность, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, что указанная двоякая альтернатива должна быть поддерживаема въ прежней силѣ[240]); напротивъ болѣе естественный выводъ будетъ тотъ, что въ срединѣ между публичнымъ и частнымъ правомъ должно находиться „своеобразнее общественное право“. Уже то одно обстоятельство, что нѣкогда государство осуществляло тѣ задачи, которыя въ настоящее время достигаются общественными органами, говоритъ противъ частно-правовой природы этихъ органовъ.

Разсматривая корпораціи и институты съ точки зрѣнія общественнаго права, мы не будемъ поставлены въ непремѣнную

---

239) Rosin, 30 и сл.

240) Розинъ опять возбуждаетъ недоумѣніе, разсуждая слѣдующимъ образомъ (стр. 33): „если современное правовое государство отказывается отъ монополизированія всякой общей цѣли и всякой общей власти въ государствѣ, если оно признаетъ, что между нимъ и индивидомъ могутъ существовать общенія, которыя свое жизненное содержаніе не отъ него производятъ, то оно должно придти и къ тому выводу, чтобы признать независимое отъ него, хотя и государственнымъ правомъ нормируемое, провожденіе жизни“. Все это можно бы было относить только къ одной церкви, цѣль которой не можетъ быть поглощена цѣлями государства, и которая свое жизненное содержаніе не отъ государства производитъ. Что же касается всѣхъ остальныхъ союзовъ, то цѣли ихъ обнимаются всеобъемлющею цѣлію государства, и правовое государство вовсе не отказывается отъ монополизированія всякой общей цѣли и тѣмъ болѣе всякой общей власти въ государствѣ, отнюдь не признаетъ независимаго отъ него существованія союзовъ, а только пришло къ убѣжденію, что органы правительства не въ состояніи, безъ самодѣятельности общественныхъ органовъ, достигать всѣхъ тѣхъ задачъ общественнаго благополучія, которыя обнимаются всеобъемлющею государственною цѣлію. Въ этомъ и состоитъ отличіе правоваго государства отъ полицейскаго, а не въ „отказѣ отъ монополизированія всякой общей цѣли и всякой общей власти въ государствѣ“ и не въ признаніи „независимаго“ отъ государства существованія союзовъ.

необходимость отрицать государственное содѣйствіе при возникновеніи юридическихъ лицъ. Гирке, какъ и предшествующіе германисты, за нимъ Карлова, но также и нѣкоторые романисты[241]) отрицаютъ необходимость дарованія государствомъ юридической личности каждому союзу въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но если бы даже союзъ возникалъ безъ спеціальной концессіи, на основаніи общихъ правилъ, установленныхъ государствомъ, такъ что государство довольствовалось бы лишь полученіемъ свѣдѣній о возникшемъ союзѣ и контролемъ, хотя бы отрицательнымъ только, за его дѣятельностію, нельзя было бы сказать ни того, что союзъ возникъ не по волѣ государства, ни того, что общественная автономія означаетъ нѣчто независимое отъ государства. Слѣдовало бы сказать только, что государство установило свободныя условія возникновенія и широкія границы дѣятельности общественныхъ союзовъ, но что въ принципѣ государство даетъ свое молчаливое одобреніе возникающему союзу и молчаливо же допускаетъ свободную дѣятельность въ болѣе или менѣе широкой сферѣ.

Напротивъ съ точки зрѣнія общественнаго права легко оправдать то различіе между органами и представителями, которое дѣлаютъ Гирке и Карлова. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни была установлена теоретическая граница между публичными и частными корпораціями, положительное право разныхъ государствъ въ дѣйствительности отличаетъ такія корпораціи, которыя являются частію государственнаго правительства въ разныхъ инстанціяхъ, хотя бы и съ участіемъ общественныхъ силъ, каковы городскія и сельскія общины, избирающія своихъ излюбленныхъ людей для веденія администраціи, вмѣсто того чтобы получать должностныхъ лицъ по назначенію отъ правительства, и такія корпораціи, которыя не находятся ни въ какомъ соотношеніи съ правительственными инстанціями,

---

[241]) Напр. Пухта, Унгеръ и другіе. Ср. еще объ этомъ ниже въ главѣ 3-й.

возникаютъ по собственному почину и по собственному же почину могутъ прекратить свое существованіе, которыя наконецъ въ достиженіи своихъ задачъ состоятъ лишь подъ общимъ надзоромъ правительства. Въ отношеніи къ первымъ легко усмотрѣть, что выборные органы, изъ которыхъ нѣкоторые даже получаютъ утвержденіе правительства, дѣйствуя въ корпоративномъ управленіи, осуществляютъ предоставленное имъ полномочіе, не въ качествѣ мандатаровъ гражданскаго права, а въ качествѣ должностныхъ лицъ или делегатовъ публичнаго или общественнаго права, заимствующихъ свои полномочія изъ самой должности, къ которой они призваны. Но этого мало. Сами избиратели, подавая голоса на выборахъ въ пользу тѣхъ или другихъ кандидатовъ, осуществляютъ не правомочіе гражданскаго права, а полномочіе публичнаго или общественнаго характера, предоставленное законами государства и по мѣрѣ этихъ законовъ. Избранныя должностныя лица избираются затѣмъ не для заключенія только гражданскихъ сдѣлокъ или для веденія процессовъ, какъ повѣренные гражданскаго права, а для цѣлой совокупности дѣлъ общественной администраціи, чѣмъ не исключается, конечно, возможность и даже необходимость обращаться къ услугамъ повѣренныхъ, какъ процессуальныхъ представителей, для защиты корпоративныхъ интересовъ на судѣ. Отсюда слѣдуетъ, что какъ во всей массѣ остальныхъ дѣлъ, такъ и въ имущественныхъ отношеніяхъ гражданскаго права, должностныя лица корпорацій дѣйствуютъ не потому, чтобы корпорація была нѣчто фиктивное и недѣеспособное, нуждающееся въ представителѣ или даже въ опекунѣ, а потому что они имѣютъ законное полномочіе на свои должностныя дѣйствія. Было бы нелегко указать основаніе, почему напр. городская дума, устраивая школу въ городѣ, или издавая разныя обязательныя постановленія для горожанъ, дѣйствовала бы на основаніи полномочія безъ всякой помощи фикціи, а вступая въ

договоръ подряда и поставки съ частнымъ контрагентомъ, становилась бы представителемъ фиктивнаго и недѣеспособнаго существа. Но тоже самое нужно сказать и о всѣхъ вообще союзныхъ образованіяхъ, облеченныхъ качествомъ юридическаго лица, хотя бы и не имѣющимъ, по положительному праву, характера публичныхъ корпорацій. Общее собраніе членовъ, избирая администраторовъ на основаніи статутовъ, или устава, — все равно получилъ ли этотъ уставъ спеціальное утвержденіе государственнаго правительства, или пользуется молчаливымъ его признаніемъ, — осуществляетъ правомочіе не частно-правоваго характера, а общественнаго; частное право ничего не знаетъ о подобныхъ избирательныхъ правомочіяхъ, которыя не могутъ быть подведены ни подъ одну категорію субъективныхъ правъ въ цивильномъ смыслѣ. А равнымъ образомъ и избранные администраторы осуществляютъ правомочіе не гражданскаго, а общественнаго характера, проходя общественную должность, къ которой они призваны довѣріемъ общества. Черезъ нихъ дѣйствуетъ общество между прочимъ и при заключеніи сдѣлокъ гражданскаго права и при защитѣ его имущественныхъ интересовъ, не какъ фиктивное и недѣеспособное само по себѣ существо, которое бы нуждалось въ опекунѣ, а потому, что веденіе дѣлъ всею массою членовъ общества есть нѣчто нецѣлесообразное, и чѣмъ многочисленнѣе и сложнѣе составъ общества, тѣмъ съ большею ясностію выступаетъ необходимость сосредоточенія деталей управленія въ рукахъ сравнительно немногихъ лицъ, которыя, бывъ избраны обществомъ на основаніи статутовъ или устава, облекаются должностными полномочіями и принимаютъ на себя должностную обязанность думать за общество и дѣйствовать въ пользу общества, которое тѣмъ самымъ не отказывается отъ контроля за ними и, въ случаѣ какихъ либо особо важныхъ дѣлъ, можетъ само войдти въ обсужденіе ихъ и вновь уполномочить администраторовъ дѣйствовать въ томъ или дру-

гомъ направленіи. Въ такъ называемыхъ universitates inordinatae, т. е. въ обществахъ наименѣе сложныхъ и съ наименьшимъ составомъ членовъ, въ которыхъ нѣтъ даже особой выборной администраціи для завѣдыванія дѣлами, гдѣ слѣдовательно дѣла обсуживаются и рѣшаются каждый разъ всѣмъ обществомъ, еще труднѣе было бы усмотрѣть фиктивное существо и указать представляющаго его интересы опекуна. И эти общества, конечно, не лишены организаціи, потому что безъ организаціи была бы толпа людей, а не общество, но организація въ universitates inordinatae ограничивается тѣмъ, что, существуетъ органъ, которому принадлежитъ право созванія членовъ на собраніе (напр. на сельскій сходъ).

Тоже самое наконецъ, и даже въ большей степени, нужно сказать объ институтахъ. Гирке едва ли многое выяснилъ своею дополнительною Anstaltstheorie. Сближеніе между корпораціями и институтами, какъ мы видѣли, Гирке усматриваетъ въ томъ, что въ корпораціяхъ „множество воль порождаетъ изъ себя единую волю", а въ институтахъ „единая воля часть себя самой переживаетъ въ объединяемое ею множество", такъ что слѣдовательно, по мысли Гирке, и институтъ можетъ получить видъ корпоративный. Другими словами, учредитель основываетъ напр. богоугодное заведеніе и, обезпечивая своими средствами непрерывное его существованіе, выражаетъ въ актѣ учрежденія свою волю и относительно администраціи этого заведенія, которая должна имѣть коллегіальный характеръ, такъ что эта коллегія администраторовъ и будетъ тѣмъ „множествомъ", которое „объединяется" волею учредителя [242]). Однако администрація института можетъ быть и не коллегіаль-

---

[242]) Впрочемъ, Гирке, какъ упомянуто было выше, даже и о „простѣйшей стипендіи" говоритъ, что оно нуждается въ устройствѣ, которое „связываетъ людей въ опредѣленномъ направленіи и побуждаетъ къ дѣятельности". Можетъ быть, онъ имѣетъ тутъ въ виду связь стипендіатовъ съ раздающими стипендію, подобно тому какъ въ средніе вѣка юриспруденція склонна была дестинатаровъ заведенія разсматривать, какъ коллегію.

ная. Гирке, повидимому, забылъ то, что говорилъ одинъ изъ предшествующихъ германистовъ, Блунчли, который причислялъ къ юридическимъ лицамъ должности и даже поставлялъ заслугу каноническаго права въ томъ, что оно выработало руководящія идеи относительно этого рода юридическихъ лицъ [243]). Сближенія институтовъ съ корпораціями на самомъ дѣлѣ нужно искать не въ этомъ пунктѣ, а во многихъ другихъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Что же касается занимающаго здѣсь насъ вопроса о характерѣ правомочій администраторовъ заведеній, то прежде всего слѣдуетъ указать на часто встрѣчающуюся между юристами неточность въ опредѣленіи значенія учредительной воли. Многіе понимаютъ это значеніе такъ, что и дарованіе жизни институту есть актъ учредителя, и втеченіе всего дальнѣйшаго существованія института въ управленіи его дѣйствуетъ таже самая воля учредителя [244]). Учредитель, хотя бы онъ, по выраженію Іеринга и Гирке, дѣйствовалъ какъ общественное существо и совершалъ, по выраженію Карловы, актъ автономіи своимъ учрежденіемъ, не можетъ придать опредѣленіямъ своей воли значенія объективнаго права. Пожертвованіе матеріальныхъ средствъ на учрежденіе есть дѣло исключительно доброй воли учредителя, но созданіе новаго юридическаго субъекта не входитъ въ сферу правъ человѣка, хотя бы и разсматриваемаго въ качествѣ общественнаго существа: юридическое вступленіе института въ жизнь предполагаетъ, что государство оцѣнило общеполезность этого института и дало свою санкцію на его существованіе. Эта санкція и составляетъ ту твердую объективную почву, на которую становится учрежденный институтъ въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи и въ своемъ непрерывномъ дѣйствованіи. Этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что учредитель можетъ выговорить себѣ, или своимъ наслѣдникамъ, или

---

[243]) Bluntschli, Privatr., 105.

[244]) См. напр. Roth, Ueber Stiftungen, 205, и др.

какимъ либо другимъ лицамъ, по его желанію, извѣстныя права по отношенію къ институтному управленію. Государство имѣетъ въ виду, что учредитель дѣйствуетъ не въ своихъ личныхъ интересахъ, а на пользу общества и слѣдовательно на пользу самого государства, и поэтому уважаетъ выраженную учредителемъ волю. Аналогію можно указать напр. въ западно-католическомъ церковномъ патронатѣ: церковь изъ признательности къ фундатору предоставляетъ ему извѣстныя права въ отношеніи къ патронируемой церкви, изъ чего вовсе не слѣдуетъ, что патронатъ есть учрежденіе частной воли, а не церковный институтъ. Уставъ или статутъ заведенія поддерживаются въ своей силѣ не волею учредителя, а волею государства, санкціонировшаго этотъ уставъ, хотя бы даже молчаливымъ образомъ, т. е. даже въ такомъ случаѣ, если бы, по положительному праву той или другой страны, не требовалось спеціальнаго разрѣшенія правительства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возникновенія института. Достаточно было бы и того, чтобы государство установило общія законныя условія для возникновенія институтовъ: возникающій въ сообразность этимъ условіямъ институтъ тѣмъ самымъ становился бы на твердую почву объективнаго права и вступалъ въ рядъ общественныхъ учрежденій. Учредитель, пока онъ не учредилъ института, можетъ прямо раздать свое имущество бѣднымъ; какъ скоро же институтъ вступилъ въ юридическую жизнь, самъ ли учредитель, или назначенные имъ администраторы, раздавшіе институтное имущество бѣднымъ, поступили бы въ противность объективному праву. Отсюда объясняется и характеръ правомочій администраторовъ заведенія: это не правомочія гражданскаго характера, а полномочія общественныя, и государство поддерживаетъ въ силѣ статьи устава или статута не въ интересахъ чужой воли, а въ интересахъ общества и слѣдовательно въ своихъ собственныхъ интересахъ. Учредитель удовлетворилъ общественной потребности и ис-

полнилъ то, что должно было бы иначе сдѣлать общество, или даже само государство на свои собственныя средства, и институтъ, возникшій благодаря доброму начинанію частнаго лица, тѣмъ не менѣе получаетъ характеръ общественный.

Но если на коллегію администраторовъ можетъ быть возложено полномочіе общественнаго характера, то нѣтъ теоретическихъ препятствій и къ тому, чтобы такое полномочіе было возложено на единичное лицо, а не на колегіальное учрежденіе. Предпочтеніе одного органа другому есть единственно дѣло цѣлесообразности. Въ особенности это должно сказать о полномочіяхъ публичнаго характера въ государствѣ и въ церкви. Здѣсь именно нужно искать объясненія того явленія, что должность можетъ выступать въ качествѣ юридическаго лица. Что бы ни говорили теоретики[245]), въ области церковнаго права, признаваемаго и государствомъ въ качествѣ публичнаго, нѣкоторымъ единоличнымъ должностямъ, напр. должности епископской (а по западному каноническому праву и церковно-приходской должности и даже должностямъ отдѣльныхъ канониковъ въ капитулѣ) усвояется качество юридическихъ субъектовъ[246]). Было бы, конечно, напраснымъ трудомъ конструировать это юридическое лицо съ точки зрѣнія корпоративной, разсуждая такимъ образомъ, что юридическимъ лицомъ является здѣсь мыслимое единство всѣхъ послѣдовательныхъ преемниковъ въ должности[247]), потому что это мы-

---

[245]) Нѣкоторые цивилисты не признаютъ должности юридическимъ лицомъ, напр. Унгеръ (Oesterr. Privatr. I, 325), Пухта (Vorlesungen, I, 65), Цительманъ, (стр. 109. 110), Больце (стр. 30). Другіе оставляютъ вопросъ о должностяхъ, какъ юридическихъ лицахъ, подъ сомнѣніемъ, напр Беккеръ (System I, 211—212), Баронъ (стр. 57).

[246]) Впрочемъ и у насъ въ пользу церковныхъ причтовъ, которые весьма часто состоятъ изъ двухъ лицъ, могутъ быть оставляемы капиталы, для пользованія процентами. Изъ этого нужно заключить, что причту, или, можетъ быть, каждой изъ должностей, входящихъ въ составъ причта, усвояется значеніе юридическаго лица.

[247]) См. *Виндшейдъ*, I, стр. 157—158 и ср. *Штоббе*, I, 385.

слимое единство никогда не можетъ составить общаго собранія для осуществленія корпоративныхъ правъ. Должность является какъ полномочіе отъ церковнаго правительства осуществлять извѣстныя церковно-правительственныя функціи въ извѣстныхъ территоріальныхъ границахъ, и облеченіе этой должности правами юридическаго субъекта гражданскаго права означаетъ, что существованіе этой должности обезпечивается на вѣчныя времена связаннымъ съ этою должностію имуществомъ, которое и принадлежитъ должности, какъ локализованной вѣтви церковнаго правительства. Что этотъ родъ юридическихъ лицъ возникъ въ церкви, а не въ государствѣ, это объясняется свойствомъ духовныхъ должностей, выводимыхъ изъ божественнаго учрежденія и слѣдовательно не допускающихъ упраздненія ихъ, или замѣны ихъ другими должностями подъ другими названіями, что возможно по отношенію къ государственнымъ должностямъ. Однако, что касается главы государства, то уже римское право, какъ мы увидимъ ниже, различало имущество, принадлежавшее принцепсу, какъ таковому, и переходившее отъ каждаго императора къ его преемнику, въ отличіе отъ остальнаго имущества, которымъ императоръ могъ распорядиться по своему усмотрѣнію, напр. въ пользу другихъ членовъ своей фамиліи. Въ этомъ несомнѣнно сказалась мысль объ императорскомъ престолѣ, какъ постоянномъ юридическомъ учрежденіи, которое, въ лицѣ своего носителя, для области гражданскаго права имѣетъ качество юридическаго субъекта [248]) Объ единоличныхъ должностяхъ, насколько онѣ признаются положительнымъ правомъ за юридическія лица, точно такъ же, какъ и объ административныхъ коллегіяхъ институтовъ, нельзя сказать, чтобы они были представителями какого-то фиктивнаго въ дѣйствительности

---

[248]) По этому-то римскіе юристы и говорили, что легатъ въ пользу императора, если бы императоръ умеръ, не получивъ его, получается его преемникомъ. См. выше прим. 162.

не существующаго лица [249]). Они суть общественные, или даже публичные органы, съ которыми и связывается олицетвореніе, дѣлающее ихъ цивильнымъ центромъ имущественныхъ отношеній.

Между корпораціями и институтами въ дѣйствительности существуютъ различныя точки соприкосновенія. Корпорацію принято опредѣлять, какъ такое юридическое лицо, которое имѣетъ своимъ субстратомъ союзъ физическихъ лицъ, и за волю котораго принимается соединенная воля всѣхъ членовъ корпораціи. А напротивъ институтъ опредѣляется обыкновенно, какъ такое юридическое лицо, субстратомъ для котораго служитъ имущество, и за волю котораго принимается воля учредителя, выраженная въ учредительномъ актѣ. Насколько послѣднее не точно, было указано выше; но если бы даже учрежденіе возникало и въ самомъ дѣлѣ по волѣ только учредителя, а не по волѣ государства, то и въ такомъ случаѣ было бы неправильно говорить, что въ гражданскихъ сдѣлкахъ по куплѣ—продажѣ, найму, поставкѣ и т. п., которыя собственно и имѣлись въ виду гражданскимъ правомъ, при выработкѣ понятія юридическаго лица, дѣйствуетъ воля учредителя. Покупаетъ и продаетъ, нанимаетъ и сдаетъ въ наемъ, конечно, не учредитель, а администрація, точно такъ же какъ отъ администраціи зависитъ пріемъ бѣдныхъ или больныхъ въ богадѣльни или въ больницы и т. п. Но немного вѣрнѣе и первое.

Скажемъ прежде всего о государствѣ. Древнее римское государство до императорскаго періода отожествлялось съ ро-

---

[249]) Демеліусъ (Ueber fingirte Persönl. 124), выходя изъ неправильнаго положенія, что юридическое лицо есть имущество и не имѣетъ никакой воли, употребилъ удачное выраженіе: „представители цѣлеваго имущества principaliter хотятъ того, что имѣетъ быть съ цѣлевымъ имуществомъ“. Правильнѣе же всего было бы сказать, что органы юридическаго лица principaliter, а не какъ представители или мандатары, выражаютъ въ своихъ юридическихъ дѣйствіяхъ волю юридическаго лица.

pulus romanus, который въ своей организаціи былъ дѣйствительно корпораціею: въ этой корпораціи рѣшающее значеніе имѣла воля народа, т. е. гражданъ въ организованныхъ комиціяхъ, магистраты же, сосредоточивавшіе въ своихъ рукахъ отдѣльныя вѣтви управленія, производили свою власть изъ воли народа, причемъ всѣ отношенія корпораціи регулировались публичнымъ правомъ, и не дѣлалось различія между государствомъ, какъ верховною властію, и государствомъ, какъ собственникомъ, кредиторомъ и должникомъ. Императорская власть замѣнила и комиціи, и высшихъ республиканскихъ магистратовъ. Государство осталось тоже самое, хотя организація его измѣнилась. Теоретически и власть императора производилась изъ полномочія народа: „quod principi placuit, legis habet vigorem, cum lege regia, quae de imperio ejus lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem concessit“, —такъ говорится еще въ институціяхъ императора Юстиніана[250]). Практически же воля народа, разъ проявившаяся въ перенесеніи на императора высшихъ республиканскихъ магистратуръ, должна была потомъ потерять всякое значеніе, такъ что сенатъ, нѣкоторое время замѣнявшій комиціи и раздѣлявшій власть императора, утратилъ это положеніе безъ всякаго новаго акта народной воли. Уже языческій императоръ, причислявшійся къ богамъ, сталъ въ дѣйствительности источникомъ всякихъ правительственныхъ полномочій въ государствѣ. Къ этому присоединились христіанскія воззрѣнія. Апостолы учили, что власть происходитъ отъ Бога и даже въ языческомъ императорѣ видѣли органъ божественнаго міроправленія. На этой почвѣ развилось церковное воззрѣніе на царя, какъ на помазанника Божія. Для корпоративной идеи не осталось никакого мѣста: не соединенная воля народа, а власть свыше управляетъ черезъ

---

[250]) § 6. J I, 2.

своихъ уполномоченныхъ, всѣми дѣлами государства, не исключая и имущественныхъ его отношеній, обособленіе которыхъ отъ публичнаго права знаменательнымъ образомъ совпадаетъ съ началомъ императорскаго періода. Но этого мало. Даже и въ новѣйшихъ республиканскихъ государствахъ, гдѣ палаты и президентъ производятъ свои полномочія изъ воли народа, и гдѣ истинною верховною властію считается суверенный народъ, было бы напрасно отыскивать корпоративную идею въ ея чистомъ видѣ. Populus romanus, пока онъ не выходилъ изъ предѣловъ города Рима, могъ образовать корпорацію. Напротивъ, съ распространеніемъ права гражданства на обширныя массы населенія другихъ территорій, уже римское государство, даже если бы оно не испытало переворота и осталось республиканскимъ, потеряло бы корпоративный характеръ, такъ какъ громадная масса гражданъ на пространствѣ цѣлаго государства оказалась бы въ положеніи не членовъ корпораціи, а дестинатаровъ правительственныхъ учрежденій. И въ современныхъ республиканскихъ государствахъ избиратели, осуществляющіе свое публичное правомочіе при выборѣ депутатовъ въ палаты, составляютъ всегда меньшинство гражданъ; кромѣ того и сами избиратели, осуществивъ разъ въ теченіе извѣстнаго періода времени свое правомочіе, становятся въ то же положеніе дестинатаровъ правительственныхъ учрежденій. Выше было упомянуто[251]), какія контроверсы существуютъ между учеными относительно государственнаго имущества: одни говорятъ, что имущество принадлежитъ государству, какъ корпораціи, другіе полагаютъ, что государство ad hoc, т. е. для имущественныхъ его отношеній, превращается въ институтъ, называемый фискомъ, казной, третьи учатъ, что самое имущество государственное олицетворяется, такъ что подъ фискомъ нужно понимать олице-

---

[251]) См. прим. 192.

творенное государственное имущество. Но едва ли не проще всего было бы имущество считать имуществомъ, принадлежащимъ государству, т. е. государственной власти, которая управляетъ имъ черезъ своихъ уполномоченныхъ, причемъ для этихъ уполномоченныхъ должностныхъ лицъ изъ ихъ должностнаго полномочія вытекаютъ права на веденіе имущественныхъ дѣлъ государства и на заключеніе гражданскихъ сдѣлокъ, а также обязанность блюсти интересы государства. Въ случаѣ нарушенія этихъ интересовъ, государство, конечно, не оказалось бы фикціей и поступило бы съ нарушителемъ должностныхъ обязанностей по силѣ законовъ. Это имущество, принадлежащее государственной власти и служащее для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ, нужно отличать отъ имущества, связаннаго съ престоломъ и переходящаго къ каждому новому преемнику на тронѣ, и наконецъ отъ этого послѣдняго личное имущество царствующаго государя, которымъ онъ можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію.

Перейдемъ теперь къ такъ называемымъ публичнымъ корпораціямъ. Мы не будемъ говорить о церквахъ, которымъ обыкновенно въ западной юриспруденціи усвояется значеніе публичныхъ корпорацій, и которыя на самомъ дѣлѣ могутъ давать очень мало мѣста корпоративному элементу. Только въ евангелической церкви корпоративный строй получилъ значительное развитіе [252]). Въ римско-католическомъ церковномъ правѣ нѣчто подобное развилось подъ именемъ капитула. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Гирке [253]), капитулъ, по своему существу, былъ всегда церковнымъ институтомъ, хотя и съ корпоративнымъ устройствомъ. Корпоративный элементъ состоитъ здѣсь на служеніи духовному институту, который получаетъ свое бытіе свыше и извнѣ; капитулъ существуетъ не ради себя самого, а ради епископской церкви; поэтому да-

---

[252]) См. *Суворовъ*, Курсъ церковнаго права т. II, 407.

[253]) Genossenschaftsr. II, 556. Ср. Savigny, System, II, 244.

же и особая юридическая личность, признанная за капитуломъ, есть не что иное, какъ получившее самостоятельность развѣтвленіе церковной личности. Еще болѣе институтный отпечатокъ носятъ монастырскія корпораціи, такъ какъ монахи, не имѣющіе полной гражданской правоспособности, сами по себѣ, не могли бы составить и корпораціи, и если въ дѣйствительности они проявляютъ жизнь въ корпоративныхъ формахъ (напр. въ избраніи на должности, въ обсужденіи разныхъ вопросовъ), то лишь какъ органы института, съ которыми связывается юридическое олицетвореніе. Въ примѣръ публичныхъ корпорацій возьмемъ городскія общины. Вопервыхъ, далеко не всѣ граждане имѣютъ активное избирательное право, такъ что многіе не участвуютъ въ корпоративномъ строѣ и остаются въ положеніи дестинатаровъ, въ пользу которыхъ дѣйствуетъ городское управленіе. Вовторыхъ, общее собраніе гласныхъ или дума не есть такое корпоративное собраніе, соединенная воля котораго имѣла бы рѣшающее значеніе при заключеніи всякихъ гражданскихъ сдѣлокъ. Заключеніе гражданскихъ сдѣлокъ отъ имени города, равно какъ и другія детали городскаго управленія, входятъ въ компетенцію управы, дума же при этомъ имѣетъ значеніе не столько инстанціи непосредственно дѣйствующей, сколько инстанціи разрѣшающей, контролирующей и расширяющей компетенцію управы относительно такихъ дѣлъ, въ которыхъ управа была бы некомпетентна. Въ третьихъ, — и это самое главное, — оба городскіе органа существуютъ какъ учрежденія, задачи которыхъ указаны государствомъ. Государственные законы, въ которыхъ начертаны права и обязанности органовъ городскаго самоуправленія, означены цѣли, къ которымъ они должны стремиться, потребности, которымъ они должны удовлетворяться, а также и средства, которыми они могутъ располагать, имѣютъ такое же значеніе для городскихъ администраторовъ, какое имѣетъ учредительный актъ для администра-

торовъ заведенія. Здѣсь новое доказательство неправильности того положенія, что въ институтахъ, въ отличіе отъ корпорацій, дѣйствуетъ воля учредителя. Воля учредителя дѣлаетъ не болѣе того, что дѣлаетъ городовое положеніе: указывая цѣли и средства, воля учредителя точно такъ же не дѣлаетъ излишнею волю администраторовъ при веденіи дѣлъ заведенія, какъ городовое положеніе не дѣлаетъ излишнею волю городскихъ администраторовъ при управленіи дѣлами городскаго хозяйства. Тѣ и другіе дѣйствуетъ своею, а не чужою волею, но ограниченные высшею волею, указавшею имъ предѣлы движенія установленіемъ цѣлей и средствъ къ достиженію этихъ цѣлей.

Если мы обратимся теперь къ обществамъ не публичнаго характера, преслѣдующимъ разныя общественныя цѣли, независимо отъ органовъ государственнаго правительства, за которымъ остается лишь общее право надзора, клонящееся къ тому, чтобы общества не нарушали государственныхъ законовъ, то и въ этихъ обществахъ мы замѣтимъ черты, сближающія ихъ съ институтами. И чѣмъ сложнѣе составъ общества, чѣмъ шире развѣтвилась его дѣятельность, тѣмъ яснѣе выступаютъ эти черты. Управленіе дѣлами обществъ принадлежитъ обыкновенно совѣтамъ, правленіямъ и т. п., т. е. сравнительно небольшому числу лицъ, уполномоченныхъ къ тому обществами, почтившими ихъ своимъ довѣріемъ. Допустимъ, что здѣсь нѣтъ дестинатаровъ, что каждый членъ общества покрайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ осуществляетъ свое корпоративное право, что не только участвуетъ въ избраніи администраціи, но и имѣетъ голосъ въ общемъ собраніи, которое выслушиваетъ отчетъ о дѣятельности администраціи и слѣдовательно контролируетъ эту дѣятельность, а также даетъ свое согласіе на принятіе такихъ мѣръ, которыя изъяты изъ компетенціи администраціи. Тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, что самое управленіе дѣлами ведется такимъ же порядкомъ,

какъ и управленіе дѣлами институтовъ. Сходство еще далѣе увеличится, если принять въ соображеніе, что и каждое частное общество имѣетъ свой уставъ, играющій такую же роль въ отношеніи къ обществу, какую играютъ законы для публичныхъ корпорацій и учредительный актъ для институтовъ. О нѣкоторыхъ обществахъ можно даже сказать, что они имѣютъ вполнѣ институтный характеръ, такъ что получается ясно распознаваемый типъ корпоративнаго института. Если напр. частный благотворитель учреждаетъ на свои средства пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ, то едва ли кто либо будетъ отрицать, что учрежденный пріютъ подойдетъ подъ категорію институтовъ, или, еще точнѣе, заведеній. Но тоже самое можетъ сдѣлать и общество, т. е. цѣлый союзъ лицъ, члены котораго своими періодическими взносами доставляютъ средства для возникновенія и для дальнѣйшаго существованія института. Уставъ такого общества имѣетъ буквально такое же значеніе, какъ и учредительный актъ заведенія, основаннаго по волѣ частнаго лица на его частныя средства. Тоже самое нужно сказать о попечительствахъ для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, ученикамъ и т. п. Наконецъ и исторія засвидѣтельствовала близкое соприкосновеніе институтовъ съ корпораціями, представляя намъ примѣры перехода одного типа юридическихъ лицъ въ другой. Такъ мы прослѣдили превращеніе корпоративнаго римскаго государства въ институтное. Затѣмъ извѣстно, что средневѣковые университеты были первоначально корпораціями, и именно въ разныхъ странахъ то корпораціями учащихъ, то корпораціями учащихся [254]); въ новое же время университеты сдѣлались государственными учебными заведеніями. Наоборотъ, институтное церковное имущество католической церкви въ странахъ, принявшихъ реформацію, превратилось въ корпо-

---

[254]) Savigny, System, II, 215.

ративное имущество, такъ какъ субъектомъ церковнаго имущества была признана въ этихъ странахъ церковная община, какъ корпорація [255]). Подобный же переходъ можетъ быть наблюдаемъ и въ корпораціяхъ не публичнаго же характера: напр. акціонерное общество, на первыхъ порахъ выступающее какъ учрежденіе, послѣ того какъ основной капиталъ пополнился совершенно подпиской на акціи, принимаетъ формы корпоративныя, именно созывается общее собраніе акціонеровъ, на которомъ избираются члены правленія и наблюдательнаго совѣта [256]).

Если такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію близкое соприкосновеніе институтовъ съ корпораціями и корпорацій съ институтами, то отсюда нужно заключить о возможности установленія общихъ признаковъ, въ виду которыхъ тѣ и другія одинаково подводятся подъ понятіе юридическихъ лицъ. Римское право знало только союзы лицъ, какъ юридическіе субъекты, и возникшія въ христіанское время богоугодныя заведенія подводило подъ тоже понятіе союзовъ (universitates, corpora, collegia). Средневѣковая юриспруденція держалась за тоже самое понятіе, хотя оно еще менѣе соотвѣтствовало юридическимъ формаціямъ дѣйствительной жизни, чѣмъ въ христіанскомъ римскомъ государствѣ. Западно-европейская

---

[255]) Richter—Dove, Lehrbuch des Kirchenrechts, § 302, стр. 1277 и сл. Нѣкоторыя превращенія возможны и у насъ, какъ показываетъ практика св. синода. Такъ напр. опредѣленіемъ св. синода существовавшій въ Москвѣ пріютъ для иногородныхъ монахинь—сборщицъ, учрежденный на средства княжны Голицыной, возведенъ въ общежительный женскій монастырь, съ тѣмъ чтобы этотъ послѣдній, согласно желанію учредительницы, по прежнему служилъ пріютомъ для иногородныхъ монахинь—сборщицъ (Церков. Вѣдом. за 1890 г. № 10). Или напр. опредѣленіемъ же св. синода женскія богадѣльни переименовываются и превращаются въ женскія общины, съ тѣмъ чтобы при этихъ послѣднихъ, согласно желанію учредителей, всегда существовали богадѣльни для убогихъ и престарѣлыхъ женщинъ. (Тамъ же, № 18, опредѣленія отъ 15 марта—6 апрѣля и 22 марта—6 апрѣля).

[256]) См. *К. П. Побѣдоносцевъ*, Курсъ гражд. права, т. III, Спб. 1890, стр. 524 и сл.

юриспруденція нынѣшняго столѣтія провела рѣзкую черту различія между видами юридическихъ лицъ: въ однихъ субстратъ есть союзъ физическихъ лицъ, соединенная воля которыхъ принимается за волю юридическаго лица; въ другихъ субстратъ есть имущество, за волю же ихъ принимается воля учредителя. Общая же черта, въ виду которой корпораціи и институты подводятся подъ одно понятіе юридическихъ лицъ, есть главнымъ образомъ отрицательная, именно то, что и тѣ и другіе суть юридическія лица, не будучи естественными человѣческими лицами. Эта отрицательная черта сходства не возбуждала ни въ комъ никакихъ сомнѣній; напротивъ, что касается положительной характеристики, обобщающей оба вида юридическихъ лицъ, единства взглядовъ въ юриспруденціи не составилось и до сихъ поръ, какъ можно видѣть изъ сдѣланнаго выше историческаго очерка развитія понятія объ юридическихъ лицахъ. Изъ разныхъ дефиницій юридическихъ лицъ наиболѣе удачною представляется выше упомянутая дефиниція Дернбурга, хотя самъ Дернбургъ не только не обосновалъ и не развилъ ея, а высказалъ нѣчто, въ корень противорѣчащее этому опредѣленію, считая общественныя организаціи, какъ онъ опредѣлилъ юридическія лица,—недѣеспособными, и хотя не фиктивными, однако и нереальными, а лишь въ мышленіи представляемыми [257]). Общая положительная черта сходства между институтами и корпораціями дѣйствительно заключается въ томъ, что тѣ и другія суть общественныя организаціи. Тѣ и другія одинаково преслѣдуютъ достиженіе общественныхъ и слѣдовательно государственныхъ задачъ въ широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ всѣ общественныя задачи, не выходящія за предѣлы земнаго благополучія человѣка и человѣческаго общества, обнимаются всеобъемлющею цѣлію государства. Поскольку и церковь съ

---

[257]) См. выше стр. 109.

ея институтами содѣйствуетъ государственному порядку и слѣдовательно земному благополучію человѣка, постольку и церковные институты обнимаются цѣлію государства, которое и вводитъ ихъ въ публичный строй и придаетъ имъ не только общественное значеніе, которое они сами по себѣ имѣютъ, но публичное значеніе. И корпораціи, и институты одинаково одарены волеспособностію и дѣеспособностію, необходимыми для достиженія ихъ цѣлей. Дѣйствующіе въ нихъ органы дѣйствуютъ на основаніи полномочія, выводимаго изъ должности или изъ общественнаго избранія, или изъ того и другаго источника, какъ скоро должности замѣщаются исключительно путемъ выборовъ. Эти органы, какъ со стороны ихъ общественныхъ функцій представляютъ собою нѣчто единое, подобно всѣмъ коллегіальнымъ учрежденіямъ государства, о фиктивной природѣ которыхъ никто никогда не говорилъ, но и въ области гражданскаго права являются единицами, которыя олицетворяются, т. е. въ области гражданскаго права разсматриваются наравнѣ съ физическими лицами, какъ другой родъ юридическихъ субъектовъ. Наличные органы этихъ общественныхъ организацій суть субъекты имущественныхъ правъ, точно такъ же какъ въ послѣдовательномъ теченіи времени смѣняющіе ихъ органы будутъ также субъектами за время ихъ существованія. Съ понятіемъ органа, хотя бы и корпоративнаго, необходимо связывается институтная идея, т. е. мысль, что организація должна существовать постоянно, пока не достигнуты цѣли общества. Съ этого пункта начинается различіе между корпораціями и институтами. Всякій институтъ всегда учреждается для преслѣдованія постоянной цѣли, требующей непрерывающагося достиженія, т. е. такой цѣли, о которой никогда нельзя сказать, что она достигнута и исчерпана, и которая во всѣ будущія времена должна достигаться точно такъ же, какъ она достигалась въ прошедшемъ и достигается въ настоящемъ, если только не послѣдуетъ перемѣны въ

фактическихъ предположеніяхъ, при которыхъ учрежденъ институтъ; напримѣръ можетъ случиться, что цѣль, которая казалась полезною при учрежденіи института, впослѣдствіи можетъ утратить этотъ свой характеръ, или напр. институтное имущество будетъ уничтожено вслѣдствіе какихъ нибудь событій. Изъ корпорацій такое постоянное существованіе имѣютъ только тѣ, которыя имѣютъ публичное значеніе, которыя занимаютъ опредѣленное мѣсто въ строѣ государственныхъ учрежденій, и которыя слѣдовательно должны имѣть столь же постоянное существованіе, какъ постоянна ввѣренная имъ функція государственнаго управленія, причемъ само собою разумѣется, что, при измѣненіи въ государственномъ строѣ и при замѣнѣ однихъ органовъ другими подъ другими названіями, мѣсто прежней организаціи должна занять новая, которая будетъ продолжать дѣятельность прежней, поскольку функція осталась та же самая. Таковы городскія, земскія, сословныя корпораціи, которыя, будучи корпораціями, въ тоже время занимаютъ опредѣленное мѣсто въ строѣ государственномъ. Другіе общественные союзы могутъ задаваться цѣлями, достижимыми втеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, напр. осуществленіемъ какого нибудь общеполезнаго предпріятія, и, съ достиженіемъ этой цѣли, прекращаютъ свое существованіе; а равнымъ образомъ возможно и то, что общества, возникшія свободно, по собственному почину, даже и не достигнувъ цѣли, или находя свои средства недостаточными для достиженія хотя бы и не преходящей, а постоянной цѣли, могутъ свободно же и по собственному почину прекратить свое существованіе. Другая черта различія между корпораціями и институтами заключается въ томъ, что въ корпораціяхъ, кромѣ органовъ администраціи, есть члены общества, изъ которыхъ каждый имѣетъ право и возможность проявить свои корпоративныя права, покрайней мѣрѣ въ избраніи администраторовъ, въ выслушаніи ихъ от-

четовъ и въ обсужденіи на общихъ собраніяхъ болѣе важныхъ дѣлъ, касающихся общества. Въ институтахъ, кромѣ администраторовъ, нѣтъ никакихъ членовъ; контроль за дѣйствіями администраторовъ принадлежитъ, смотря по различію устава, тѣмъ или другимъ правительственнымъ ооганамъ, въ томъ числѣ и органамъ самоуправленія, напр. городскимъ. Корпораціи публичнаго права и въ этомъ отношеніи занимаютъ середину между корпораціями чистаго типа и институтами чистаго же типа. Въ отличіе отъ институтовъ, корпораціи публичнаго права имѣютъ не только администраторовъ, но и членовъ; въ отличіе отъ корпорацій въ собственномъ смыслѣ, не каждому члену общества принадлежитъ осуществленіе корпоративныхъ правъ, даже и въ той формѣ, въ какой оно возможно для каждаго члена общественныхъ союзовъ не публичнаго характера; масса напримѣръ городскаго населенія остается, какъ выше было замѣчено, въ положеніи деспинатаровъ городскаго управленія. Здѣсь не принадлежность къ обществу въ качествѣ члена, а извѣстный цензъ даетъ корпоративныя права: цензъ этотъ по положительному праву разныхъ государствъ опредѣляется различно, то болѣе высокій, то пониженный, тѣмъ не менѣе онъ существуетъ вездѣ. Такимъ образомъ институты и корпораціи имѣютъ различную организацію, и даже эти послѣднія различаются между собою относительно организаціи, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ всѣмъ членамъ принадлежатъ корпоративныя права, въ другихъ не всѣмъ. Тѣмъ не менѣе и объ институтахъ, и о корпораціяхъ, можно очевидно безъ всякаго риска утверждать, что и тѣ и другія имѣютъ организацію. Даже и отдѣльная должность, какъ институтъ церковнаго права, есть извѣстная организація, такъ какъ функціи ея поставлены въ органическое соотношеніе съ инстанціями церковнаго правительства и съ его задачами. Сказать, что корпораціи, институты, должности, олицетворяются, это значитъ сказать, что корпораціи,

институты, должности, олицетворяются въ лицѣ ихъ органовъ и должностныхъ лицъ, или, иначе говоря, самые эти органы и должностныя лица фигурируютъ въ гражданскомъ правѣ какъ юридическіе субъекты, наравнѣ съ физическими лицами.

Органы могутъ получать свои полномочія или отъ правительства или отъ общества, или изъ того и другаго источника вмѣстѣ, и самая организація можетъ получить различный видъ: въ обществахъ, не имѣющихъ публичнаго характера, и въ такъ называемыхъ universitates inordinatae каждый членъ до извѣстной степени является дѣятельнымъ членомъ организаціи; въ корпораціяхъ публичнаго права, кромѣ членовъ, участвующихъ въ организаціи, есть уже дестинатары, причемъ и сами члены посколько они, въ качествѣ лицъ, принадлежащихъ къ корпораціи, могутъ пользоваться выгодами корпоративнаго управленія, оказываются дестинатарами того же управленія; въ институтахъ совсѣмъ нѣтъ такихъ членовъ, которые, участвуя въ организаціи, въ тоже время пользовались бы выгодами управленія. Выгоды институтнаго управленія обращаются исключительно въ пользу дестинатаровъ, непричастныхъ организаціи, члены же организаціи суть должностныя лица, дѣятельность которыхъ обращена на интересы этихъ самыхъ дестинатаровъ.

Отсюда, повидимому, долженъ возникать вопросъ: можно ли принимать за субъектъ гражданскихъ правъ наличную организацію общества или института, безъ явной опасности для общественнаго и институтнаго имущества? Можно, какъ кажется, отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, если мы только отрѣшимся отъ представленія о собственности, какъ о дискреціонной власти собственника распоряжаться имуществомъ по его усмотрѣнію. Русскому гражданскому праву извѣстенъ институтъ ограниченной собственности въ такъ называемыхъ заповѣдныхъ и майоратныхъ имуществахъ и отчасти въ родовыхъ имѣніяхъ, поскольку

владѣлецъ родоваго имѣнія ограничивается въ распоряженіи родовымъ имѣніемъ. Едва ли можно отказывать владѣльцу заповѣднаго имѣнія въ правахъ собственности, и однако отсюда не слѣдуетъ, чтобы владѣлецъ могъ распоряжаться, какъ ему угодно, заповѣднымъ имѣніемъ: онъ долженъ распоряжаться имъ въ сообразность закону, которымъ учреждено это имѣніе, и которымъ опредѣлены тѣ границы, въ которыхъ можетъ свободно двигаться наличный владѣлецъ имѣнія. Наличный владѣлецъ имѣетъ въ виду, что имѣніе въ цѣлости должно перейдти къ его правопреемнику, причемъ нѣтъ надобности конструировать „мыслимое единство" наличнаго владѣльца со всѣми его будущими правопреемниками, для того чтобы отыскать какой либо идеальный субъектъ правъ, отличный отъ наличнаго владѣльца. Собственность этого послѣдняго не есть собственность фиктивнаго лица, а есть собственность въ дѣйствительности существующаго лица, но ограниченная закономъ въ интересахъ правопреемниковъ, которые будутъ такими же реальными лицами, какъ и наличный владѣлецъ. Въ сводѣ законовъ россійской имперіи [258]) говорится, правда, что „заповѣдное имѣніе признается *собственностію не одного настоящаго владѣльца, но всего рода*, для коего оно учреждено, т. е. всѣхъ принадлежащихъ къ тому роду лицъ, какъ уже родившихся, такъ и имѣющихъ впредь родиться"; но отсюда не слѣдуетъ заключать, что законъ признаетъ собственникомъ заповѣднаго имущества родъ, какъ юридическое лицо, именно какъ олицетворенную мыслимую совокупность всѣхъ членовъ рода, постоянныхъ и будущихъ. Если бы это было такъ, то законъ не назвалъ бы наличнаго владѣльца собственникомъ, потому что *собственность юридическаго лица не есть собственность отдѣльныхъ членовъ*, его составляющихъ Мысль закона не болѣе и не менѣе какъ въ

---

[258]) I ч. X т. ст. 485.

томъ состоитъ, что наличный владѣлецъ есть собственникъ, но собственникъ, ограничиваемый въ осуществленіи своей собственности интересами будущихъ правопреемниковъ. Изъ сказаннаго нѣтъ надобности дѣлать непремѣнно тотъ выводъ, что имущество юридическихъ лицъ есть имущество заповѣдное, или тождественно съ заповѣднымъ [259]), но проведеніе параллели между тѣмъ и другимъ вполнѣ естественно. Для насъ важно именно знать, что гражданскимъ правомъ допускается возможность существованія такой собственности, собственникъ которой ограничивается въ распоряженіи ею, въ виду интересовъ будущихъ правопреемниковъ. Общественные органы, администраторы заведеній и должностныя лица, занимающія въ данный моментъ извѣстную должность, съ которою связана извѣстная имущественная масса, въ качествѣ именно таковыхъ органовъ, администраторовъ, должностныхъ лицъ, а не въ качествѣ частныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои частные интересы, владѣютъ корпоративнымъ, институтнымъ и должностнымъ имуществомъ, въ сообразность государственнымъ или церковнымъ законамъ, статутамъ или уставамъ, ограничиваемые въ своихъ распоряженіяхъ интересами настоящихъ и будущихъ членовъ общества, настоящихъ и будущихъ дестинатаровъ, будущихъ преемниковъ въ должности, вообще же въ тѣхъ видахъ, чтобы данный публичный или общественный органъ дѣйствовалъ, не прерывая указанной ему объективнымъ правомъ публичной или общественной функціи. Римскіе юристы находили же возможнымъ называть на-

---

[259]) Кавелинъ неправильно разсматриваетъ заповѣдное имущество, какъ юридическое лицо, понятіе котораго онъ прилагаетъ также къ фабрикамъ и заводамъ, въ виду того, что заповѣдныя имущества, фабрики и заводы, не смотря на смѣну владѣльцевъ, остаются неизмѣнными. (Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ, Спб. 1879, стр. 21). Отчего въ такомъ случаѣ не считать и бумагу на предъявителя юридическимъ лицомъ? Фабрика, бумага на предъявителя, заповѣдное имущество, всегда останутся *имуществомъ*, принадлежащимъ наличному владѣльцу, естественному или юридическому лицу, какъ государство, компанія, и никогда не могутъ сдѣлаться лицомъ.

слѣдникомъ не только то лицо, которому, по намѣренію наслѣдодателя, должно было достаться наслѣдство (heres fideicommissarius), но и то лицо, которое должно было получить наслѣдство лишь затѣмъ, чтобы вручить его кому слѣдуетъ, и на добросовѣстность котораго разсчитывалъ наслѣдодатель (heres fiduciarius). Организація юридическаго лица, состоящая въ данный моментъ изъ такихъ-то и такихъ-то физическихъ лицъ, точно также можетъ быть разсматриваема какъ субъектъ—фидуціаръ, имѣющій въ виду интересы позднѣйшихъ организацій и поколѣній. Опасности для общественныхъ интересовъ эта конструкція не представляетъ, такъ какъ всякая общественная организація, получившая юридическое олицетвореніе, не безконтрольно распоряжается имуществомъ, въ корпораціяхъ же непубличнаго характера даже и все общество въ полномъ составѣ имѣетъ возможность до извѣстной степени быть активнымъ членомъ организаціи. Объ опасности здѣсь можно говорить не болѣе, чѣмъ по поводу прохожденія любой должности любымъ должностнымъ лицомъ. Злоупотребленія возможны всегда и вездѣ, но источникъ едва ли въ теоретической конструкціи. А между тѣмъ указанная конструкція избавляетъ отъ необходимости прибѣгать къ неестественнымъ построеніямъ, каково олицетвореніе цѣли или имущества, признаніе юридическихъ лицъ, въ противность опыту и здравому смыслу, недѣеспособными, неправильное игнорированіе другихъ сторонъ въ жизни и дѣятельности юридическихъ лицъ, кромѣ имущественной. Любопытно, что теорія фиктивнаго олицетворенія цѣли, созданная въ средніе вѣка, разработывалась только въ нѣмецкой литературѣ. Французская юриспруденція напротивъ никогда не обнаруживала склонности углубляться въ тонкости этой теоріи: допуская олицетвореніе, въ римскомъ смыслѣ, разныхъ союзовъ и учрежденій, французскіе юристы принимаютъ эти союзы и учрежденія за субъекты правъ, отличные отъ лица физическаго, и

затѣмъ занимаются въ особенности изслѣдованіемъ и интерпретаціей относящихся къ нимъ постановленій положительнаго права [260]). Не менѣе любопытно также то обстоятельство, что, около пятнадцати лѣтъ тому назадъ, французъ (швейцарскій) [261]), предпринявшій изслѣдованіе объ юридическихъ лицахъ, по ознакомленіи съ теоріями всѣхъ выдающихся германскихъ ученыхъ, пришелъ къ тому выводу, что истинный субъектъ правъ въ лицѣ юридическомъ суть тѣ лица, волю которыхъ мы видимъ постоянно дѣйствующею и опредѣляющею, всякій разъ какъ дѣло идетъ о помѣщеніи капиталовъ, объ отчужденіяхъ, о пріобрѣтеніяхъ и т. д., однимъ словомъ органы или администраторы. Не значитъ ли это, спрашиваетъ Серманъ, отдать имущество на произволъ этихъ лицъ? Исходъ не неизбѣжный, отвѣчаетъ онъ. При такомъ взглядѣ, администраторамъ не предоставляется бо́льшихъ правъ, чѣмъ по большей части другихъ теорій. Право есть власть, но не безпредѣльная. Обыкновенныя права, предоставляемыя индивидамъ, въ виду ихъ интересовъ, находятъ свой предѣлъ въ сосуществованіи другихъ правъ, предназначенныхъ для удовлетворенія другихъ интересовъ. Даже самое право собственности, наиболѣе полное изъ всѣхъ, отдаетъ вещь въ распоряженіе того, кто обладаетъ ею, лишь постольку, поскольку онъ, дѣлая изъ нея употребленіе, не затрогиваетъ правъ другихъ. Права же, которыя мы считаемъ возможнымъ разсматривать, какъ принадлежащія арминистраторамъ, находятъ еще болѣе тѣсный предѣлъ не только въ сосуществованіи другихъ правъ, но и въ томъ фактѣ, что самыя эти права должны осуществляться не въ интересѣ самихъ субъектовъ ихъ, но въ интересѣ, болѣе или менѣе имъ чуждомъ. Въ области права имущественнаго, продолжаетъ Серманъ, всякія права, какъ вещныя, такъ и обязательственныя, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ

[260]) Serment, Associations et corporations, стр. 14.

[261]) Названный авторъ, стр. 43 и сл.

доставленіе намъ извѣстныхъ выгодъ, экономическихъ или матеріальныхъ, поставленіе насъ съ вещами внѣшняго міра, съ имуществами, въ отношеніе прямое или непрямое, которое дозволяло бы намъ пользоваться ими для осуществленія нашихъ интересовъ. Этими имуществами субъектъ правъ можетъ пользоваться для удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ (это обыкновенный случай), или употреблять ихъ въ виду внѣшней цѣли. Въ юридическомъ лицѣ это исключеніе становится правиломъ, такъ что администраторы, субъекты правъ, обязаны посвящать корпоративной или институтной цѣли тѣ имущества, въ отношеніи къ которымъ воля ихъ имѣетъ опредѣляющее значеніе. Возьмемъ напр. собственника земли. Онъ можетъ обращать доходы съ имѣнія на собственное употребленіе, но можетъ тратить ихъ и на внѣшнюю какую либо цѣль, напр. на раздачу бѣднымъ. Допустимъ теперь, что послѣднее не есть добровольно взятое на себя землевладѣльцемъ дѣло, отъ котораго онъ могъ бы отказаться, а обязанность, признанная и возложенная закономъ: мы получимъ здѣсь институтъ. Право на землю въ этомъ случаѣ не есть право собственности, потому что обладатель его не имѣетъ jus utendi et abutendi, тѣмъ не менѣе онъ остается субъектомъ права на эту вещь. Его воля разсматривается всегда какъ опредѣляющая въ отношеніи къ данной вещи, въ противоположность другимъ волямъ,—только власть, предоставленная этой волѣ, не есть власть абсолютная, а ограничена въ осуществленіи извѣстнымъ направленіемъ: лицомъ къ лицу съ нею стоитъ *обязанность* употреблять вещь и доходы съ нея на преслѣдованіе опредѣленной цѣли. Такимъ образомъ истинный отличительный характеръ правъ администраторовъ состоялъ бы въ томъ, что они ограничиваются обязанностію употреблять такъ или иначе вещи, находящіяся въ обладаніи ихъ субъектовъ. Обязанность эта не устанавливаетъ цивильнаго обязательства; она не соотвѣтствуетъ какому либо праву, ко-

торое бы принадлежало третьему. Это есть долгъ моральный, но признанный правомъ, которое требуетъ исполненія его. Это есть фактъ, имѣющій сингулярную природу, но не невозможность и не аномалія; изъ сингулярной природы вытекалъ бы тотъ выводъ, что въ области вещныхъ правъ право собственности, какъ право употреблять и злоупотреблять, не принадлежитъ администраторамъ, которые могутъ употреблять имущество юридическаго лица только въ виду его цѣли, а не распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, говоритъ Серманъ, что имущества юридическихъ лицъ суть имущества безъ собственниковъ, или что администраторы имѣютъ собственность формальную и номинальную, т. е. въ отношеніи къ третьимъ, но не собственность матеріальную и экономическую. Въ отношеніи къ правамъ обязательственнымъ, администраторовъ можно бы было считать истинными кредиторами въ томъ смыслѣ, что они одни могутъ пріобрѣтать права требованія для юридическаго лица и требовать экзекуціи, но эти права имѣютъ особую природу, ибо субъекты ихъ должны употреблять сумму, на которую простирается требованіе, въ пользу корпораціи. Въ пассивныхъ обязательствахъ юридическаго лица точно также можно бы было представлять администраторовъ должниками въ томъ смыслѣ, что къ нимъ однимъ лично обращается экзекуція; но такъ какъ долги эти заключены не въ ихъ интересѣ, а исключительно въ интересѣ внѣшней цѣли, они не обязаны уплачивать ихъ изъ собственнаго имущества. Окончательный выводъ, къ которому приходитъ Серманъ, заключается въ томъ, что истинный субъектъ правъ въ лицѣ юридическомъ — не опредѣленное какое либо разъ навсегда лицо, но индивиды, опредѣляемые тѣмъ фактомъ, что они находятся въ тотъ или другой моментъ въ такомъ или другомъ положеніи, по аналогіи съ тѣмъ, что мы видимъ въ сервитутахъ, т. е. субъекты не суть опредѣленныя разъ навсегда

лица, а суть лица, опредѣляемыя устройствомъ: эти лица пользуются, въ виду цѣли, извѣстными правами, которыя можно назвать правами администраціи, въ фикціи же нѣтъ никакой надобности. Въ подкрѣпленіе своего воззрѣнія, Серманъ ссылается еще на то обстоятельство, что англичане и американцы незнакомы ни съ олицетвореніемъ цѣли, ни съ олицетвореніемъ имущества, а просто на просто олицетворяютъ органъ института или кураторовъ [262]). Послѣднее обстоятельство и въ самомъ дѣлѣ любопытно и служитъ къ подтвержденію выше сдѣланнаго замѣчанія, что теорія фикціи, возникшая въ средніе вѣка, нашла себѣ пріемъ и защиту только въ нѣмецкой литературѣ, да и то, какъ выше было разъяснено, весьма многіе изъ нѣмецкихъ юристовъ стараются изгнать фикцію изъ ученія объ юридическихъ лицахъ. Впрочемъ, собственную аргументацію Сермана нельзя признать ни ясною, ни послѣдовательною, ни убѣдительною. Справедливо, что собственность не необходимо понимать, какъ безграничное jus utendi et abutendi. Напротивъ невѣренъ взглядъ, будто цѣль юридическаго лица чужда администраторамъ, и будто обязанность администраторовъ по управленію имуществомъ юридическаго лица есть долгъ моральный. Не говоря о тѣхъ ассоціяціяхъ, которыя германистами называются Genossenschaften, гдѣ съ интересами корпораціи, какъ цѣлаго, тѣсно связываются интересы отдѣльныхъ членовъ, даже и въ отношеніи къ администраторамъ общеполезныхъ институтовъ нельзя было бы сказать, что интересы заведеній суть нѣчто чуждое администраторамъ ихъ. Правда, интересы эти не суть интересы эгоистическіе, но это не мѣшаетъ администраторамъ вкладывать въ администрацію весь запасъ разумѣнія и силъ, такъ сказать всю душу. Серманъ незнакомъ съ идеей юридическихъ лицъ, какъ общественныхъ организацій: отдѣльные

———

262) Стр. 52.

администраторы, вступая въ ту или другую общественную организацію, въ качествѣ членовъ, проникаются интересами этой организаціи, какъ своими собственными, и исполненіе ими обязанностей административныхъ есть не только нравственный долгъ, но и обязанность должностная, общесгвенная или государственная, которая въ томъ же смыслѣ и въ той же мѣрѣ носитъ на себѣ юридическій характеръ, какъ и обязанности всѣхъ лицъ, состоящихъ на всякаго рода государственной и общественной службѣ. Сальковскій, Гирке и др. совершенно правильно разсуждаютъ въ этомъ случаѣ, что въ самомъ человѣкѣ нужно различать индивида, съ его индивидуальными интересами, и члена общенія съ его общественными интересами. Различать затѣмъ собственность формальную или номинальную отъ матеріальной или экономической можно лишь въ томъ смыслѣ, что собственность олицетворяемыхъ общественныхъ организацій есть собственность ограниченная, подобно тому какъ ограничена собственность владѣльца заповѣднаго имѣнія, и что формальный элементъ собственности, усвояемой юридическимъ лицамъ (устраненіе всѣхъ третьихъ лицъ отъ неправомѣрнаго вліянія на эту собственность путемъ виндикаціи и негаторнаго иска) выступаетъ на первый планъ, тогда какъ матеріальный элементъ понятія собственнотти въ примѣненіи къ юридическимъ лицамъ (пользованіе и распоряженіе) ограничивается цѣлесообразнымъ извлеченіемъ выгодъ изъ наличнаго имущества и вообще цѣлесообразнымъ управленіемъ, но не въ томъ смыслѣ, что имущества юридическихъ лицъ суть имущества безъ собственниковъ, какъ это допускаетъ Серманъ съ явнымъ самопротиворѣчіемъ себѣ самому. И чѣмъ болѣе данная общественная организація принимаетъ публичныя черты, тѣмъ болѣе съуживаются правомочія, составляющія матеріальный элементъ понятія собственности, тѣмъ болѣе даже неподвижный характеръ пріобрѣтаетх наличное имущество данной организаціи, какъ учрежде-

нія, преслѣдующаго постоянную цѣль и удовлетворяющаго одной изъ непрерывающихся потребностей государственной жизни, а поэтому нуждающагося въ постоянныхъ средствахъ и въ прочномъ матеріальномъ обезпеченіи, на которое наличная администрація должна смотрѣть только и исключительно съ точки зрѣнія цѣлесообразнаго управленія, а не съ точки зрѣнія частнаго собственника, имѣющаго jus utendi et abutendi. Сравненіе наконецъ имущества юридическихъ лицъ съ предіальнымъ сервитутомъ безполезно съ точки зрѣнія уясненія и, кромѣ того, рискованно въ томъ отношеніи, что сравненіе это можетъ повести къ ложной мысли объ олицетвореніи самаго имущества. Извѣстно, что нѣкоторые юристы считаютъ самые поземельные участки субъектами сервитутнаго права и такимъ образомъ включаютъ praedia въ рядъ юридическихъ лицъ[263]. Связь сервитутнаго права съ имѣніемъ, независимо отъ смѣны владѣльцевъ этого имѣнія, все равно какъ связь права требованія съ бумагой на предъявителя, независимо отъ смѣны держателей этой бумаги, отнюдь не дѣлаетъ этого имѣнія, и слѣдовательно вещи, лицомъ. Установленное выше понятіе объ юридическихъ лицахъ, какъ об-

---

[263]) Напр. Гейзе, (см. выше стр. 51), Бёккингъ (Pandekten—Grundriss, 1861, I, § 38). Однако большинство выдающихся юристовъ противъ олицетворенія поземельныхъ участковъ, какъ Савиньи, (II, 380), Пухта (Vorlesungen, I, 66), Кирульфъ (130), Унгеръ (Oesterr. Privatr. I, 325), германисты Безелеръ (234), Блюнчли (67) и Штоббе (I, 391), а равно романисты Арндтсъ (§ 41 прим. 5), Виндшейдъ (I, § 57 прим. 10) и др. Выраженія источниковъ римскаго права, какъ „fundo.. servitus adquiritur (fr. 12 D. VIII, I), „sententia praedio detur“, (fr. 30 (31) § 7 D. III, 5) „in vectigalidus ipsa praedia non personas conveniri“ (fr. 7 pr. D. XXXIX, 4) и т. п., на которыхъ думали обосновать причисленіе поземельныхъ учкстковъ, какъ серьитутно-управомочепныхъ или обязанныхъ, къ юридическимъ лицамъ, ничего не доказываютъ, подобно тому какъ ничего не доказываютъ выр женія: „pecori debetur appulsus“ (fr. I, § 18 D. XLIII, 20), „ager itineri aut actui servit“ (fr. 13, § 1 D. VIII, 3), и т. п. Каждый наличный собственникъ praedii dominantis есть субъектъ сервитутнаго права, отъ котораго онъ можетъ отказаться, которое онъ можетъ утратить вслѣдствіе non usus, которое можетъ наконецъ прекратиться вслѣдствіе конфузіи, т. е. слиянія сервитутнаго права съ собственностію въ одномъ и томъ же лицѣ.

щественныхъ организацій, предохранитъ насъ отъ подобныхъ ненужныхъ и неприличныхъ персонификацій [264]).

Могутъ ли капиталы подойдти подъ установленное нами понятіе юридическихъ лицъ? Капиталъ, самъ по себѣ, есть имущество, которое никогда не можетъ быть лицомъ. Однако капиталъ можетъ быть имуществомъ именно юридическаго лица. Употребленіе капитала въ видахъ достиженія указанной ему цѣли, напр. для того чтобы на проценты съ него выдавалась ежегодно стипендія, необходимо предполагаетъ цѣлесообразную организацію, дѣло которой и должно состоять въ томъ, чтобы обращать капиталъ на указанное ему употребле-

---

[264]) Тѣмъ самымъ я отказываюсь отъ мнѣнія, высказаннаго мною въ Курсѣ церковнаго права, т. II, стр. 416, что отъ управленія имуществомъ юридическаго лица нельзя заключать къ собственности. Напротивъ, администраторы или органы, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается управленіе имуществомъ, должны быть принимаемы за (фидуціарныхъ) хозяевъ этого имущества въ разъясненномъ смыслѣ. Въ отношеніи къ церковнымъ учрежденіямъ, по поводу которыхъ было высказано мною приведенное мнѣніе, вопросъ о субъектѣ церковнаго имущества долженъ быть разрѣшаемъ слѣдующимъ образомъ: 1) въ архіерейскихъ домахъ, какъ имуществѣ, предназначенномъ для постояннаго обезпеченія существованія епископской должности, или епископской каѳедры, въ извѣстномъ географическомъ районѣ, субъектомъ имущественныхъ правъ является каждый наличный архіерей (а не экономъ, какъ сказано у меня въ Курсѣ на стр. 434, ибо экономъ есть только довѣренный архіерея помощникъ по управленію имуществомъ, принадлежащимъ архіерею, какъ должностному лицу; 2) въ монастыряхъ, которые, не смотря на ихъ институтный характеръ, проявляютъ свою жизнь въ корпоративныхъ формахъ, субъектомъ имущественныхъ правъ является корпоративная монастырская организація въ лицѣ настоятеля или настоятельницы съ совѣтомъ братіи и сестеръ; 3) въ церквахъ приходскихъ имущественный субъектъ есть организація, составляющаяся изъ двухъ элементовъ: духовно-должностнаго (причта), получающаго свои полномочія отъ церковнаго правительства, и мірскаго или общественнаго (старосты и другихъ представителей отъ прихожанъ), заимствующаго свои полномочія изъ общественнаго избранія,—все равно, будутъ ли эти оба элемента объединены юридически въ одномъ церковно-приходскомъ совѣтѣ, или останутся въ томъ же положеніи, въ какомъ они находятся въ настоящее время, разница можетъ быть лишь въ меньшей, или въ большей степени цѣлесообразности управленія. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ русское церковное право, подобно другимъ современнымъ церковнымъ законодательствамъ, отступаетъ отъ римскаго права эпохи христіанскихъ императоровъ, которое вообще не допускало участія общественнаго элемента въ организаціи приходовъ.

ніе, подобно тому какъ администрація заведенія обращаетъ институтное имущество на указанное же ему учредителемъ употребленіе. Повидимому, въ отношеніи къ стипендіямъ можно бы было говорить лишь о зависимомъ цѣлевомъ имуществѣ, находящемся въ собственности органовъ другаго института, именно администраціи учебнаго заведенія, которой принадлежитъ раздача стипендій. Особаго административнаго аппарата при стипендіи нѣтъ. Но это обстоятельство едва ли имѣетъ существенное значеніе. Тѣ же административные органы, которые завѣдуютъ дѣлами учебнаго заведенія, составляютъ необходимый аппаратъ и для стипендіи. Вѣдь возможно же представить себѣ, что кто либо учредилъ бы стипендію вмѣстѣ съ указаніемъ тѣхъ лицъ, которые должны рѣшать вопросъ объ ея присужденіи, помимо администраціи учебнаго заведенія, или даже пожертвовалъ бы капиталъ съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него не только выдавалась стипендія, но и содержалась администрація по выдачѣ стипендіи. Какъ скоро въ учрежденіи стипендіи право присужденія ея не оговорено никому другому, кромѣ администраціи учебнаго заведенія, то это значитъ, что администрація заведенія въ отношеніи къ стипендіи является тѣмъ органомъ, съ которымъ связывается юридическое олицетвореніе, и который долженъ руководиться, при ея присужденіи, не общими учебными правилами, а выраженною въ учрежденіи волею учредителя [265]).

---

[265]) Въ сообразность сказанному, должно быть исправлено то, что изложено мною на стр. 416 втораго тома Курса церк. права, относительно капиталовъ, находящихся въ управленіи св. синода. Капиталы вообще могутъ быть разсматриваемы только какъ имущества, а не какъ лица. Если капиталъ основанъ самимъ же церковнымъ правительствомъ на его средства, то на него нужно смотрѣть какъ на обособленное (аналогическое съ пекуліарнымъ) имущество, не выходящее изъ собственности основавшаго его лица. Если же капиталъ учрежденъ не самимъ церковнымъ правительствомъ, а кѣмъ либо другимъ, съ указаніемъ ему опредѣленнаго назначенія, то субъектомъ его будетъ тоже церковное правительство, но уже руководящееся въ употребленіи этого капитала волею учредителя.

Понимая юридическія лица, какъ общественныя организаціи и защищая ихъ волеспособность и дѣеспособность, мы не имѣемъ надобности опровергать воззрѣніе Лассона, по которому корпораціи суть безсознательныя потенціи и цѣли, не имѣющія воли и разумѣнія. Всякое вообще юридическое лицо, понимаемое какъ общественная организація, дѣйствуетъ съ разумѣніемъ и волею, въ виду ясно сознаваемой цѣли. Но тутъ мы неизбѣжно встрѣчаемся съ вопросомъ о возможности совершенія деликтовъ юридическими лицами. Гирке, согласно съ средневѣковыми воззрѣніями, защищаетъ деликтоспособность юридическихъ лицъ, разсуждая такимъ образомъ, что разъ объективное право предоставляетъ юридическому лицу извѣстную сферу дѣятельности, опредѣляетъ для него жизненную цѣль и открываетъ для него возможность достиженія этой цѣли,—тѣмъ самымъ оно открываетъ для юридическаго лица возможность преслѣдованія цѣли и нечистыми средствами. Наложеніе обязанностей — на юридическое ли лицо или на индивида — немыслимо безъ возможности нарушенія ихъ, точно такъ же какъ предоставленіе правъ всегда соединено съ возможностію злоупотребленія. Такимъ образомъ, говоритъ Гирке, съ возникновеніемъ корпоративной жизненной сферы, возникаетъ вмѣстѣ и область деликтовъ, которые можетъ совершать корпорація, не переступая тѣхъ границъ, за которыми бы она не считалась уже дѣйствующею въ глазахъ объективнаго права [266]). Эта послѣдняя фраза возбуждаетъ недоумѣніе, особенно если сопоставить ее съ тѣмъ, что говоритъ Гирке въ другомъ мѣстѣ: „индивиду вмѣняется юридически всякое дѣйствіе, вмѣняемое ему въ естественномъ смыслѣ, причемъ не принимается во вниманіе отношеніе этого дѣйствія къ человѣческой жизненной цѣли, напротивъ союзное лицо, какъ скоро оно движется за предѣлами отведенной для

266) Genossenschaftstheorie, 756.

него сферы, въ юридическомъ смыслѣ вообще *не дѣйствуетъ*... слѣдовательно объективное право указываетъ союзному лицу область дѣйствій, внѣ которой *оно не только не должно, но и не можетъ дѣйствовать*“ [267]). Должно признаться, что вопросъ о томъ, могутъ ли юридическія лица совершать деликты, принадлежитъ къ числу весьма спорныхъ между юристами. Какого взгляда держалось римское право по этому предмету, будетъ изложено въ четвертой главѣ настоящаго изслѣдованія. Что же касается взглядовъ новѣйшей юриспруденціи, то вмѣненіе уголовно-наказуемыхъ дѣйствій юридическимъ лицамъ считается немыслимымъ въ силу того уже соображенія, что наказаніе всегда должно падать только на виновнаго, между тѣмъ какъ, при наложеніи наказанія на юридическія лица, могли бы потерпѣть и невинные, не участвовавшіе въ преступномъ рѣшеніи, или даже подававшіе голосъ противъ него. Кромѣ того, несомнѣнно, что соціальныя организаціи, называемыя юридическими лицами, должны двигаться лишь въ предѣлахъ отведенной имъ закономъ сферы дѣйствій, и дѣйствія каждаго органа сводятся къ законнымъ полномочіямъ, полномочія же на совершеніе деликтовъ немыслимы. Если бы даже всѣ члены какого либо общества постановили на общемъ собраніи законопротивное рѣшеніе, такое рѣшеніе не имѣло бы юридической силы, а администраторы, которые привели бы въ исполненіе подобное рѣшеніе, отвѣчали бы каждый лично за совершенное ими преступленіе, какъ главные виновные, причемъ и каждый членъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, могъ бы быть привлеченъ къ отвѣтственности по правиламъ о соучастіи. Возможно, что и самое общество, обнаружившее преступное направленіе, было бы упразднено правительствомъ, но это не былъ бы актъ уголовнаго правосудія и судебной власти, а правительственная

---

[267]) Стр. 633.

мѣра. Такимъ образомъ для отрицанія уголовной наказуемости юридическихъ лицъ, нѣтъ надобности прибѣгать къ указанію на фиктивную природу юридическаго лица и основывать аргументацію на томъ положеніи, что юридическое лицо, какъ простое понятіе, въ дѣйствительности не существующее, не имѣющее дѣеспособности, не можетъ и преступленій совершать. Приведенное выше соображеніе, что полномочія на совершеніе деликтовъ немыслимы, должно быть относимо и къ деликтамъ, основывающимъ гражданскую отвѣтственность. Но извѣстно, что даже и въ договорныхъ отношеніяхъ возможны dolus и culpa, слѣдовательно они должны быть возможны и въ договорахъ, заключаемыхъ юридическими лицами. Возможно напримѣръ, что администраціи заведенія извѣстенъ какой нибудь недостатокъ въ принадлежащемъ заведенію зданіи, и однако администрація, при сдачѣ его въ аренду, умалчиваетъ объ этомъ недостаткѣ, для полученія съ арендатора возможно большей платы. Или напр. общество отчуждаетъ позомельную дачу, завѣдомо не принадлежащую къ общественному имуществу и т. п. Савиньи отвѣтственность юридическихъ лицъ въ подобныхъ случаяхъ основывалъ на томъ, что dolus и culpa суть модификаціи, неотдѣлимыя отъ главнаго обязательства[268]). Ленингъ считаетъ это основаніе недостаточнымъ, ибо органъ юридическаго лица, въ противность своему полномочію и внѣ границъ своей компетенціи, напр. фискальный чиновникъ, директоръ правленія, экзекуторъ, по собственной винѣ, могутъ модифицировать такимъ образомъ содержаніе предположеннаго обязательства; изъ выставленнаго у Савиньи основанія не вытекало бы, что юридическое лицо должно принять на себя послѣдствія такого, принявшаго иной видъ, обязательства, развѣ только юридическое лицо добавочнымъ образомъ вступило бы въ это обязательство въ томъ именно видѣ, какой оно при-

[268]) System, II, 317. Ср. Pfeifer, стр. 102.

няло, благодаря представителю. По мнѣнію Лепинга, третій контрагентъ въ состояніи провѣрить, уполномоченъ ли представитель, и какъ далеко простираются его полномочія, но онъ не можетъ провѣрить, не виновенъ ли тотъ въ умышленной недобросовѣстности (dolus) въ предѣлахъ своего полномочія, и не можетъ помѣшать его небрежности (culpa); поэтому-то и должно отвѣствовать за dolus и culpa юридическое лицо, для котораго заключается такой договоръ, и имущественное положеніе котораго было руководящимъ для третьяго контрагента мотивомъ вообще при заключеніи этого договора [269]. Слѣдуетъ впрочемъ добавить, что въ положительномъ правѣ и въ судебной практикѣ отвѣтственность юридическихъ лицъ, напримѣръ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ, признается въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ какіе указываются теоріей [270].

Еще нѣсколько словъ о лежачемъ наслѣдствѣ. Для германскаго права и для германской юриспруденціи римское право имѣло значеніе дѣйствующаго права, образуя собою главную составную часть общаго германскаго права. Но мы видѣли, что многіе юристы отвергаютъ юридическую личность лежачаго наслѣдства даже по римскому праву [271]. Нѣкоторые, допуская юридическую личность лежачаго наслѣдства по римскому праву, говорятъ, что въ ней нѣтъ никакой надобности по германскому праву [272]. Тѣмъ менѣе въ ней надобности по русскому праву, которому никогда не была извѣстна фикція личности лежачаго наслѣдства, или фикція продолженія наслѣдствомъ личности наслѣдодателя, а между тѣмъ наслѣдство всегда охранялось закономъ въ интересахъ наслѣдника. Не было у насъ и тѣхъ поводовъ, которые побу-

---

[269]) Löning, Haftung des Staates, 61—62.

[270]) См. Becker, Pandekten, I, 223; Zrodlowski, I, 288; Windscheid, I, 168—169. *К. П. Побѣдоносцевъ*, III, 604 и сл.

[271]) См. выше примѣч. 96—101.

[272]) Напр. *Безелеръ* (I, 235).

дили римскихъ юристовъ къ олицетворенію наслѣдства, не было ни узукапіи pro herede, ни различія въ testamenti factio, благодаря которому возникалъ бы практическій вопросъ о томъ, чьею правоспособностію опредѣляется правоспособность раба, получающаго наслѣдство hereditate jacente, не было извѣстно и самое оставленіе наслѣдства наслѣдственнымъ рабамъ, равно какъ не были извѣстны стипуляціи наслѣдственныхъ рабовъ въ пользу наслѣдства или будущаго наслѣдника. Въ настоящее время, когда и рабовъ никакихъ въ наслѣдственной массѣ не можетъ быть, и когда законъ прямо говоритъ, что наслѣдство принадлежитъ наслѣднику съ момента смерти наслѣдодателя [273]), нѣтъ рѣшительно никакой нужды ни практической, ни теоретической, въ искуственной конструкціи промежуточнаго состоянія наслѣдства между его открытіемъ и вступленіемъ въ него наслѣдника [274]). Развѣ объективное право недостаточно суверенно, справедливо говоритъ Виндшейдъ, чтобы совокупность связанныхъ между собою правъ и обязанностей поддержать въ этомъ ихъ единствѣ, при отсутствіи господствующаго надъ ними субъекта [275]) когда притомъ извѣстно, что субъектъ этотъ въ дѣйствительности существуетъ? Объективное право поддерживаегъ цѣлость и единство имущества безвѣстно отсутствующаго лица даже втеченіе болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ сколько продолжается состояніе лежачаго наслѣдства, не смотря на то, что безвѣстно—отсутствующій, можетъ быть, не находится уже и въ

[273]) Ст. 1254 ч. 1 т. X св. зак.: „право на открывшееся наслѣдство принадлежитъ наслѣдникамъ съ самой кончины владѣльца“.

[274]) *Кавелинъ* (стр. 21—22), впрочемъ, настаиваетъ на необходимости признанія лежачаго наслѣдства за юридическое лицо „въ виду практическихъ потребностей, именно по отношенію къ срокамъ исполненія обязательствъ и давности, особливо погашающей право иска“. Но для этой цѣли совершенно достаточно постановленій закона, охраняющаго интересы наслѣдника и признающаго за наслѣдникомъ право на наслѣдство съ момента смерти наслѣдодателя, такъ что для другаго субъекта тутъ нѣтъ мѣста.

[275]) Die ruhende Erbschaft, стр. 186.

живыхъ, а между тѣмъ никто никогда не находитъ нужнымъ прибѣгать здѣсь къ фикціи юридической личности, какъ и римское право не считало нужнымъ дѣлать это по отношенію къ имуществу военно-плѣннаго.

Послѣ всего сказаннаго о существѣ юридическихъ лицъ, естественно спросить себя: если между корпораціями и институтами существуютъ различныя точки соприкосновенія, и если даже тѣ и другіе могутъ быть подводимы подъ общее понятіе общественныхъ организацій, то не на правильной ли точкѣ зрѣнія стояло римское право, подводившее всѣ вообще юридическія лица подъ корпоративную схему, особенно если вычеркнуть изъ ряда юридическихъ лицъ лежачее наслѣдство, которое вносило явный диссонансъ въ римское построеніе, и въ олицетвореніи котораго въ настоящее время нѣтъ никакой надобности? И если такъ, то въ чемъ же состоитъ прогрессъ новѣйшей юриспруденціи, сравнительно съ римскою, въ опредѣленіи понятія юридическихъ лицъ? Правильною точку зрѣнія римскаго права нельзя назвать потому, что понятіе общественной организаціи шире понятія корпораціи. Вопервыхъ, съ корпораціей связывается идея организованнаго союза людей, общественная же организація возможна и при единоличномъ носителѣ. Вовторыхъ, даже и коллегіально организованные институты, проявляющіе свою юридическую жизнь въ корпоративныхъ формахъ, должны быть отличаемы отъ корпорацій въ собственномъ смыслѣ по различію самой организаціи. Это различіе состоитъ въ томъ, что корпоративная организація обнимаетъ не только администраторовъ, но и всѣхъ или многихъ членовъ, которые различными способами выражаютъ свое участіе въ корпоративной жизни: то въ правѣ избранія на должности, то въ контролѣ за дѣятельностію администраторовъ, то въ общемъ голосованіи и рѣшеніи важныхъ корпоративныхъ вопросовъ, между тѣмъ какъ институтную организацію составляютъ единственно администраторы, дѣятель-

ность которыхъ можетъ быть контролируема лишь правительственными инстанціями. Въ третьихъ, существуетъ различіе и между цѣлями корпорацій и институтовъ. Съ корпоративными цѣлями обыкновенно идутъ рука объ руку интересы отдѣльныхъ членовъ корпораціи, въ томъ числѣ и администраторовъ (такъ напр. не говоря о такихъ обществахъ, какъ акціонерныя, даже въ городскихъ корпораціяхъ городское благоустройство имѣетъ интересъ для каждаго члена городскаго общества, не исключая и администраторовъ), между тѣмъ какъ институтныя цѣли суть цѣли альтруистическаго характера, которымъ администраторы могутъ посвящать всѣ свои силы, не преслѣдуя притомъ эгоистическихъ интересовъ. Впрочемъ, было уже упомянуто, что возможны переходныя формы, совершенно неизвѣстныя римскому праву: есть такія *общества*, которыя, по характеру ихъ цѣлей, должны бы быть отнесены къ институтамъ (таковы напр. всѣ общества для пособія разнаго рода нуждающимся), но въ организацію которыхъ, въ выше разъясненномъ смыслѣ, входятъ не одни только администраторы, а и всѣ члены.

Прогрессъ новѣйшей юриспруденціи во всякомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что она поставила рядъ вопросовъ, которыми римскіе юристы совсѣмъ не задавались, и выдвинула разные моменты въ понятіи юридическихъ лицъ, пытаясь подойдти къ нему съ разныхъ сторонъ и разными путями и изученіемъ явленій жизни собирая обширный матеріалъ для установленія и формулированія этого понятія.

Глава II-я.

Виды юридическихъ лицъ.

Въ настоящей главѣ будутъ подробно исчислены виды юридическихъ лицъ по римскому праву императорскаго періода, и въ особенности съ догматической точки зрѣнія источниковъ юстиніанова права. Къ юридическимъ лицамъ относятся именно: государство, императорскій престолъ, политическія общины, вольные союзы, церковныя учрежденія и богоугодныя заведенія, лежачее наслѣдство.

А. *Государство*. Государство въ области имущественныхъ отношеній получило въ императорскія времена названіе фиска. Мы видѣли [1]), что государственная казна республиканскаго времени носила названіе эрара. Въ переходное отъ республики къ имперіи время, при Августѣ, состоялся, какъ извѣстно, раздѣлъ провинцій между сенатомъ, какъ органомъ старой республики, и принцепсомъ: въ свою очередь раздѣлъ провинцій, изъ которыхъ стекались въ Римъ главные доходы государства, сдѣлалъ необходимою и двоякую государственную казну—сенатскую и императорскую [2]). Первою оставался эраръ Сатурна, состоявшій въ управленіи сената; вторая получила названіе фиска [3]), распоряженіе которымъ принадле-

---

1) См. выше стр. 8.

2) Marquardt, II, 293.

3) Фискъ собственно означаетъ плетеную корзину, и такъ какъ римляне пользовались такими корзинами для храненія и транспортированія большихъ денежныхъ суммъ, то названіе это переносилось на всякую кассу,—поэтому и кас-

жало принцепсу, такъ что онъ даже и съ точки зрѣнія теоріи права не обязанъ былъ сенату и народу отчетомъ объ употребленіи фискальныхъ денегъ [4]). Фискальное имущество считалось частнымъ имуществомъ принцепса, какъ перваго гражданина римскаго народа, между тѣмъ какъ въ отношеніи къ эрару субъектомъ имущественнаго права оставался populus въ лицѣ сената [5]). Этотъ порядокъ вещей продолжался не долго: ни фискальное имущество не осталось съ характеромъ частнаго имущества принцепса, какъ перваго гражданина, ни дѣленіе провинцій съ соотвѣтствующимъ дѣленіемъ эрара и фиска не удержалось. Напротивъ, съ утвержденіемъ императорской власти, эраръ болѣе и болѣе переходилъ въ вѣдѣніе императора, такъ какъ и фискальныя средства въ сущности расходовались на государственныя же нужды, какъ-то на содержаніе войска, флота, жалованье должностнымъ лицамъ, снабженіе столицы хлѣбомъ, на устройство военныхъ дорогъ и проч. [6]). При Северахъ, какъ полагаютъ [7]), окончательно исчезло различіе между императорскими и сенатскими провинціями и доходы со всѣхъ провинцій стали поступать въ императорскую казну, за которою попрежнему удержалось названіе фиска [8]); сенатскій же эраръ утратилъ свое обще-

---

са императорская была названа fiscus Caesaris. А такъ какъ затѣмъ объ этомъ фискѣ чаще была рѣчь, чѣмъ о всякомъ другомъ, то императорскую кассу стали просто называть фискомъ. Savigny, Syst. II, 273.

[4]) Karlowa, I, 504.

[5]) Heyrovsky, 71. Даже Ульпіанъ выражался еще: „res fiscales quasi propriae et privatae principis sunt", fr. 2 § 4 D. XLIII, 8.

[6]) Marquardt, II, 296.

[7]) Marquardt, II, 294—295. Если Юлій Павелъ титулъ 12-й книги V-й своихъ „Receptae Sententiae" озаглавилъ: „De jure fisci et populi", то, какъ замѣчаетъ Савиньи (Syst. II, 274), отсюда не слѣдуетъ, чтобы въ III столѣтіи поддерживалась еще старинная противоположность между эраромъ и фискомъ: выраженіе Павла является просто переживаніемъ, или историческимъ воспоминаніемъ о существовавшей нѣкогда противоположности.

[8]) Впрочемъ, и позднѣе словоупотребленіе бывало смѣшанное: фискъ иногда назывался эраромъ (l. 2. 3. C. VII, 37. § 14 J. II, 6).

государственное значеніе и превратился въ римскую городскую кассу. Однако, непродолжительный моментъ въ исторіи римскаго государственнаго имущества, когда фискъ разсматривался, какъ res privata principis, не прошелъ безслѣдно для государства, какъ субъекта имущественныхъ правъ: въ императорское именно время судъ по процессамъ фиска сблизился съ ординарною юрисдикціей по имущественнымъ дѣламъ частныхъ лицъ, хотя до полнаго уравненія государства съ частнымъ лицомъ въ области имущественныхъ отношеній римская юриспруденція никогда не доходила и даже никогда ясно и отчетливо не ставила государства въ рядъ допускавшихся ею юридическихъ олицетвореній. Фискъ пользовался, не считая такихъ правъ, какъ право на выморочное наслѣдство, слѣдующими привилегіями: 1) онъ имѣлъ законное залоговое право въ имуществѣ своихъ должниковъ, безъ предварительнаго съ ними соглашенія о залоговомъ обезпеченіи [9]); 2) по контрактамъ онъ взималъ съ должниковъ проценты, безъ особаго соглашенія объ этомъ, тогда какъ самъ онъ, наоборотъ, не платилъ процентовъ даже и въ случаѣ morae [10]); 3) фискъ, въ отношеніи къ защитѣ его интересовъ, пользовался привилегіями, предоставленными несовершеннолѣтнимъ (jura minorum), въ особенности привилегіей возстановленія въ прежнее состояніе [11]); 4) фискъ переносилъ на правопреемниковъ право собственности на такую вещь, на которую самъ онъ не имѣлъ права собственности, т. е. если казна отчуждала частному лицу такое имущество, на которое сама она не имѣла права собственности, то право пріобрѣтателя тѣмъ не менѣе должно было оставаться неприкосновеннымъ на случай эвикціи, заинтересованному же предоставлялось, втеченіе

---

9) L. 2 C. VIII, 14.
10) Fr. 17 §§ 5. 6. D. XXII, 1; fr. 13 eod.
11) L. 4 C. II, 53.

4-хъ лѣтняго срока, предъявить свои претензіи къ казнѣ [12]). Впрочемъ, постановленіе рѣшеній противъ казны, по спорнымъ ея дѣламъ съ частными лицами, не считается *преступленіемъ:* „non puto“, говоритъ Модестинъ (fr. 10 D. XLIX, 14), „eum delinquere, qui in dubiis quaestionibus contra fiscum facile responderit“. Несомнѣнно одно, что подъ фискомъ, съ точки зрѣнія догмы римскаго права, нужно понимать государство, какъ хозяина государственнаго имущества [13]). Напротивъ, отдѣльныя фискальныя учрежденія (stationes fisci), хотя они, въ видахъ практическаго удобства и цѣлесообразности, обособлялись одно отъ другаго [14]), въ дѣйствительности были не самостоятельными субъектами, а обособленными кассами одного и того же хозяина—государства. Это начало съ ясностію выражено въ томъ мѣстѣ источниковъ, гдѣ говорится, что поручители освобождаются отъ своего обязательства, какъ скоро фискъ является правопреемникомъ и кредитора и должника, хотя бы преемствовали два различныя фискальныя учрежденія [15]), т. е. конфузія права требованія съ долгомъ,

---

[12]) L. 2 C. VII, 37; § 14 J. II, 6.

[13]) Поэтому фискъ въ источникахъ называется sacratissimus: l. 2 C. VII, 37; § 14 J. II, 6.

[14]) Такъ, если кто имѣетъ право требованія въ отношеніи къ одному фискальному учрежденію и состоитъ въ долгу передъ другимъ, то зачета не допускается: l. 1 C. IV, 31.

[15]) L. 2 C. VIII, 42. Беккеръ (System, I, 148) съ нѣкоторымъ торжествомъ указываетъ на l. 1 § 1 C. X, 5, откуда видно, что двѣ stationes fisci могутъ вступать въ процессъ одна съ другою: добросовѣстнымъ приверженцамъ господствующаго ученія объ юридическихъ лицахъ, говоритъ Беккеръ иронически, мѣсто это не по вкусу, оттого-то оно рѣдко и цитируется. Въ самомъ дѣлѣ, обособленность кассъ доводится здѣсь до крайнихъ предѣловъ, но единство фиска, какъ хозяина обѣихъ кассъ не опровергается, а скорѣе подтверждается этимъ мѣстомъ: тутъ говорится, что если разъ кто либо купилъ вещь у казеннаго учрежденія и заплатилъ за эту вещь надлежащую цѣну, то, въ случаѣ возникновенія спора по поводу этой вещи, не только учрежденіе продавшее не можетъ безпокоить покупщика, но и другое казенное учрежденіе; обоимъ представляется вѣдаться между собою, не безпокоя покупщика (in his venditionibus emptore non inquietato officia inter se possint experiri).

слѣдовательно погашеніе главнаго обязательства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и придаточнаго къ нему обязательства—поручительства, наступаетъ въ томъ случаѣ, когда одно фискальное учрежденіе сукцедируетъ кредитору въ правѣ требованія, а другое должнику въ долгѣ, все равно какъ если бы оба эти учрежденія были одно и тоже лицо.

B. *Императорскій престолъ*. При Северахъ же, ко времени которыхъ относится поглощеніе древняго народнаго эрара императорскимъ фискомъ, состоялось важное также, съ юридической точки зрѣнія, обособленіе императорскаго короннаго имущества отъ императорскаго частнаго имущества. Кромѣ фискальнаго имущества, которое принадлежало государству въ лицѣ императора, послѣдній имѣлъ свое особое имущество, patrimonium, которымъ онъ могъ свободно распоряжаться inter vivos и mortis causa. Однако, при смерти каждаго императора, долженъ былъ возникать вопросъ, какою частію своего имущества онъ могъ распорядиться въ пользу своихъ дѣтей или родственниковъ, исключенныхъ отъ престолонаслѣдія, и какую часть онъ долженъ былъ сохранить для своего преемника на престолѣ, тѣмъ болѣе что многія пріобрѣтенія въ пользу императорскаго имущества дѣлались именно въ виду положенія принцепса, какъ принцепса, а не какъ частнаго лица. Септимій Северъ различилъ частное имущество императора, которымъ онъ можетъ распоряжаться въ пользу не имѣющихъ права на престолонаслѣдіе дѣтей и родственниковъ, отъ неотчуждаемаго короннаго имущества, которое должно было переходить отъ каждаго царствовавшаго императора къ каждому преемнику его на императорскомъ престолѣ [16]): patrimonium и res privata principis [17]). Вслѣдствіе обособленія

---

[16]) Marquardt, II, 300. Karlowa, 505.

[17]) Моммзенъ и Марквардтъ подъ patrimonium понимаютъ коронное имущество, подъ res privata principis частное имущество императора, а Карлова наоборотъ въ patrimonium видитъ частное имущество, въ res privata principis—коронное.

короннаго отъ частнаго императорскаго имущества, первое, конечно, не стало лицомъ, а осталось имуществомъ; но въ этомъ обособленіи выразилась та идея, что самый императорскій престолъ существуетъ какъ постоянное юридическое учрежденіе, требующее для себя столь же постояннаго обезпеченія опредѣленнымъ имуществомъ, субъектъ котораго есть каждый царствующій государь, какъ таковой. Поэтому и легатъ, оставленный императору и не полученный имъ за смертію, получается послѣдующимъ императоромъ [18]). Привилегіи, которыя предоставлены были фиску, перенесены были и на имущество императора, какъ коронное, такъ и частное, и даже на имущество императрицы [19])—ясный знакъ, что привилегіи коренились не въ идеѣ юридическаго лица, потому что напр. въ отношеніи къ полученію легата между императоромъ и императрицей дѣлается различіе, а въ суверенитетѣ, носителемъ котораго является императоръ съ императрицей. Съ этой точки зрѣнія находили нужнымъ даже теоретически поддерживать привилегированное положеніе императора и императрицы въ имущественныхъ отношеніяхъ, все равно о какомъ бы имуществѣ ни шла рѣчь—о фискальномъ, о коронномъ, или о частномъ императорскомъ.

C. *Политическія общины*. Сюда относятся:

1) города и колоніи. Городъ обозначается въ источникахъ разными названіями: civitas [20]), respublica [21]), municipium [22]), municipes. Это послѣднее выраженіе есть наиболѣе часто встрѣчающійся терминъ [23]) для обозначенія городовъ, встрѣчающій-

---

[18]) См. выше стр. 24 прим. 62.

[19]) Fr. 6 § 1 D. XLIX, 14 (Ульпіанъ): „quodcunque privilegii fisco competit, hoc idem et Caesaris ratio et Augustae habere solet“. Ср. l. 3 C. VII, 37; § 14 J. II, 6.

[20]) Fr. 3. 8 D. III, 4; fr. 6 § 1 D. I. 8; fr. 10 D. L, 1.

[21]) Fr. 1 § 1 fr. 2 D. III, 4; fr. 31 § 1 D. XLVII, 2; fr. 38 § 1 D. XLII, 5.

[22]) Fr. 22 D. XLVI, I. Pauli Rec. Sent. IV, 6 § 2.

[23]) См. напр. fr. 2. 7. 9 D. III, 4; fr. 15 § 1 D. IV, 3. fr. 4 D. XLIII, 16.

ся даже и тогда, когда требовалось бы именно обозначить города, какъ организованное цѣлое, въ противоположность отдѣльнымъ гражданамъ [24]). Выраженіе „municipes“ употребляется также и въ примѣненіи къ колоніямъ [25]), о которыхъ слѣдовательно нужно сказать тоже самое, что и о городахъ. На города перенесены были jura minorum [26]), а равно городамъ предоставлено право предпочтительнаго передъ другими кредиторами удовлетворенія изъ имущества должника (privilegium exigendi) [27]) и законное залоговое право въ имуществѣ должника [28]). Савиньи полагаетъ, что городскія куріи или коллегіи декуріоновъ, которыя въ источникахъ представляются обыкновенно органомъ города, какъ юридическаго лица, и сами по себѣ могли быть особыми корпораціями съ собственнымъ имуществомъ, отличнымъ отъ городскаго имущества [29]). Но мѣста изъ источниковъ, на которыхъ онъ утверждаетъ свое мнѣніе [30]), какъ кажется, не необходимо обязываютъ къ этому выводу. Въ первомъ мѣстѣ говорится, что смѣна членовъ не имѣетъ значенія для юридическаго тожества куріи, какъ и другихъ universitates; но курія, даже и въ качествѣ коллегіальнаго органа городскаго управленія, должна была представляться римскимъ юристамъ не иначе, какъ организованнымъ цѣлымъ, слѣдовательно какъ universitas, и значитъ о ней можно было сказать, подобно всякой universitas, что перемѣна въ ней отдѣльныхъ членовъ не нарушаетъ единства universitatis [31]). Изъ другаго мѣста видно,

---

[24]) Напр. fr. 1 § 7 D. XLVIII, 18: „servum m u n i c i p u m posse in caput c i v i u m torqueri“ etc. На это выраженіе справедливо указываютъ, какъ на доказательство того, что римскимъ понятіямъ чуждо было олицетвореніе фикціи.

[25]) *Савиньи*, II, 249; *Арндтсъ*, § 42_2 пр. 2.

[26]) Fr. 9 D. XLIX, 1; l. 1 C. I, 50; l. 4 C. II, 53; l. 3 C. XI, 30.

[27]) Fr. 38 § 1 D. XLII, 5.

[28]) L. 2. C. XI, 33.

[29]) II, 250.

[30]) Fr. 7 § 2. D. III, 4; l. 2 C. X, 33.

[31]) Ср. выше фрагм. юриста Альфена о судѣ и проч. стр. 24.

что курія могла пріобрѣтать наслѣдство. Если, однако, принять въ соображеніе, что декуріоны императорскаго времени вели городское хозяйство на свой страхъ, или, точнѣе говоря, несли на себѣ финансовыя тягости, такъ что казенныя недоимки должны были пополнять изъ собственныхъ личныхъ средствъ, городское же населеніе находилось въ положеніи дестинатаровъ, можно думать, что и въ l. 2 C. X, 33, поздняго притомъ времени[32]), когда города фактически перестали быть корпораціями, о куріи говорится, какъ объ органѣ же городскаго управленія, который не могъ получать какого либо имущества въ наслѣдство для себя собственно, а не въ видахъ городскихъ интересовъ.

2) Селенія (vici). Селенія въ политическомъ отношеніи не имѣли самостоятельнаго существованія, такъ какъ признавались составными частями городскаго округа[33]), но въ области имущественныхъ отношеній они получали права юридическаго лица[34]).

3) Напротивъ въ источникахъ юстиніанова права не упоминается о разныхъ другихъ общинахъ, какъ то о praefecturae, castella, fora, conciliabula[35]), имѣвшихъ вѣроятно права юридическаго лица. Подъ префектурами разумѣлись тѣ общины, которыя не имѣли собственныхъ магистратовъ, или имѣли такихъ, которые вполнѣ или отчасти лишены были юрисдикціи, и поэтому должны были получать юрисдикцію изъ Рима, т. е. de jure онѣ подлежали юрисдикціи городскаго претора, который осуществлялъ таковую черезъ своихъ praefecti juri dicundo. Castella были укрѣпленныя селенія. Fora—маленькія городскія поселенія, основанныя римскими магистратами на военныхъ дорогахъ. Conciliabula—сельскія об-

---

[32]) Это законъ Θеодосія и Валентиніана 428 г.
[33]) Fr. 30 D. L, 1. Savigny, II, 250.
[34]) Fr. 73 § 1 D. de leg. I; l. 2 § 5 C. II, 58 (59).
[35]) См. Jul. Pauli, Sent. IV, 6, § 2. и *Савиньи*, II, 251 прим. n.

щины съ отмежеванными полями; названіе свое получили отъ мѣста собранія обывателей, гдѣ была ярмарка, совершались религіозныя празднества, производился судъ и свидѣтельствовалось способное къ службѣ мужское поколѣніе [36]).

4) Провинціи. Въ ѳеодосіевскомъ кодексѣ есть ясныя указанія на то, что провинціи, т. е обширные округа, обнимавшіе нѣсколько городовъ, разсматривались, какъ юридическое цѣлое и въ области имущественныхъ отношеній [37]) (commune provinciae). Въ провинціальныхъ собраніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ митрополіи, или главномъ городѣ провинціи, уполномоченные отъ городовъ обсуждали общія дѣла цѣлой корпораціи; прошенія, по поводу разныхъ затрудненій, адресовались къ императорамъ, и отвѣтный императорскій рескриптъ также непосредственно адресовался къ commune [38]).

D. *Вольные союзы.* Подъ вольными союзами нужно разумѣть тѣ общества, коллегіи, которыя не составляли интегрирующей части государственнаго устройства, но которыя тѣмъ не менѣе носили, или старались придать себѣ болѣе или менѣе публичный характеръ связью съ культомъ, или эксплоатаціей ремесла, важнаго съ точки зрѣнія государственной жизни. Но даже и эти послѣднія усвояли себѣ большею частію сакральныя черты, такъ какъ имѣли свой культъ (sacra) и свои религіозныя торжества [39]). Въ частности должны быть упомянуты: коллегіи религіозныя въ собственномъ смыслѣ, коллегіи похоронныя, коллегіи ремесленниковъ, коллегіи или декуріи подчиненнаго служебнаго персонала, товарищества публикановъ, т. е. государственныхъ откупщиковъ или мытарей.

---

[36]) Karlowa, Rechtsg. I, 300—301.

[37]) См. lib. XII, tit. 12 Cod. Theod. и коммент. Готофреда къ этому титулу, на стр. 612 и сл. а также *Дирксенъ*, 15.

[38]) Dirksen, 16—17.

[39]) Dirksen, 19.

думы во всѣхъ дѣлахъ управленія [1]). „Быть можетъ князю, справедливо замѣчаетъ проф. Загоскинъ, было и не по сердцу такого рода допущеніе бояръ къ законодательству, но онъ долженъ былъ волею-неволею терпѣть его, такъ какъ къ этому принуждала его фактическая необходимость" [2]). Князья не могли заставить дружину поступать посвоему: отношенія между ними были договорныя, совершенно свободныя. Князь долженъ былъ при вступленіи на престолъ рядиться, кромѣ земщины, еще съ дружиной и могъ быть въ случаѣ неудовольствія и ссоры съ дружинниками оставленнымъ ими и даже изгнаннымъ съ княженія. Проф. Загоскинъ допускаетъ, что въ рядныхъ грамотахъ князей съ волостями, которыя составлялись при вступленіи князя на престолъ, помѣщались условія объ ограниченіи законодательной власти князя въ пользу дружины и земщины [3]),— предположеніе, имѣющее за себя большую долю вѣроятности въ виду указанныхъ неразрывныхъ отношеній князя съ его дружиной и его зависимости отъ нея во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и дѣлахъ управленія. Конечно, политическое значеніе боярской думы „никогда въ тѣ вѣка не выражалось въ видѣ непремѣннаго условія, точно формулированнаго боярскаго права", но тѣмъ не менѣе совѣщанія бояръ съ княземъ были „практическою для него необходимостью" [4]). А изъ неоднократнаго повторенія случаевъ такой „практической необходимости", постоянной нужды князей прибѣгать къ совѣту и испрашивать согласія у бояръ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и дѣлахъ управленія долженъ былъ сложиться въ удѣльную эпоху соотвѣтственный юридическій обычай. Этотъ обычай не нуждался для своего обязательнаго выполненія въ писанныхъ хартіяхъ и уставахъ и долгое время служилъ опредѣленной и прочной нормой политической жизни на югѣ

1) В.-Будановъ, 46 с., Рецензія etc., 118—120 с. 2) Загоскинъ: „Исторія права москов. государства", 36 с. 3) Загоскинъ, ibidem. 4) Ключевскій, 54—55 и 75 с.

Руси и въ московскомъ государствѣ, въ послѣднемъ долго и по окончаніи удѣльно-вѣчевой эпохи русской исторіи.

Въ то время, какъ въ сѣверо-восточной Россіи складывалось могущественное московское великое княжество, на ея сѣверѣ образовалось нѣсколько самостоятельныхъ и независимыхъ волостей, изъ которыхъ *Новгородъ* игралъ долго большую роль въ сѣверной Руси, обладалъ здѣсь такимъ большимъ политическимъ значеніемъ, съ которымъ должны были считаться даже сильные московскіе князья. Въ Новгородѣ сложилась демократическая форма политическаго быта, хотя и съ нѣкоторымъ аристократическимъ оттѣнкомъ. Причинами этого факта были: уединенное, изолированное отъ остальной Руси положеніе Новгорода на далекомъ сѣверѣ, слабое развитіе здѣсь княжеской власти и раннія торговыя сношенія съ сѣверо-германскими народными общинами [1]). Во главѣ всего общества стояло въ Новгородѣ еще до призванія Рюрика сословіе земскихъ бояръ, которые были богатыми землевладѣльцами [2]), назывались лучшими, вятщими, передними, старѣйшими людьми и нарочитыми боярами [3]) и обладали значительнымъ политическимъ вліяніемъ (напр., Гостомыслъ) [4]). Съ развитіемъ торговли Новгорода съ нѣмецкими городами и особенно ганзейскимъ союзомъ усилилось значеніе новгородскаго боярства, ставшаго теперь еще и торговой аристократіей, противъ которой такъ часто возставали народныя массы въ Новгородѣ [5]). Земскіе бояре въ древнемъ Новгородѣ были въ каждой улицѣ, изъ которыхъ состояли концы, какъ части цѣлой новгородской общины [6]). Бояре были представителями

---

1) В.-Будановъ: „Обзоръ исторіи русскаго права", 60 с., Б.-Рюминъ, I, 332 с. 2) Б.-Рюминъ, 345 с., Бѣляевъ, Разсказы etc., II, 50 с. и сл. 3) П. С. Р. Л., III (Новгор. I), стр.: 4, 21, 33, 50, 55, 68, 71, 77, 85 и др., Собр. гос. гр. и дог., I, № 1—3, 6—11, 13. См. договоръ Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV (1471 г.) въ Swod'ѣ Jireček'a, 88 с. 4) Бѣляевъ, Разсказы, II, 56, 62 с. и др., Иловайскій, II, 172—173 с. 5) Гильфердингъ, II, 441 с. 6) Яблочковъ, 57—58 с.

и защитниками интересовъ своихъ улицъ сначала на вѣчѣ улицы, потомъ кончанскомъ и, наконецъ, общемъ вѣчѣ [1]). Сначала Новгородъ зависѣлъ отъ кіевскаго князя, который посылалъ отъ себя туда своего намѣстника [2]); или же въ Новгородъ являлись княжить сами южно-русскіе князья. Такъ, напр., въ 1182 г. пришелъ съ юга княжить въ Новгородѣ Ярославъ, „сынъ Владиміра и внукъ великаго Мстислава", въ 1196 г.,—Ярополкъ Ярославовичъ изъ Чернигова и т. д.[3]). Отдаленное положеніе Новгорода отъ кіевской Руси, богатство новгородцевъ и постоянныя стремленія новгородскихъ князей на югъ, въ Кіевъ [4]) уменьшали ихъ политическій авторитетъ и ослабляли ихъ власть при безпрерывныхъ столкновеніяхъ князей съ могущественнымъ новгородскимъ вѣчемъ, которое обладало опредѣленными правами законодательства, управленія и суда [5]). Новгородцы сами избирали себѣ князей, сами и изгоняли ихъ, когда они были недовольны ихъ управленіемъ [6]). Князь и его дружина жили не въ самомъ Новгородѣ, а внѣ его—въ Городищѣ. Вслѣдствіе того, что князья были пришлымъ элементомъ въ Новгородѣ, ни одинъ княжескій домъ не могъ здѣсь утвердиться [7]). Власть князя была ограничена властью вѣча [8]) и посадника. „А безъ посадника ти, княже, говорилось въ договорахъ Новгорода съ своими князьями, суда ни судити, ни волостей раздаяти, ни грамотъ ти даяти" [9]). Но само вѣче, въ свою очередь, находилось подъ сильнымъ вліяніемъ новвородскихъ бояръ. При всей своей преобладающей политической роли въ Новгородѣ вѣче, какъ и всякое примитивное народное собраніе, было безпорядочнымъ и часто бурнымъ въ своей дѣятельности [10]). Поэтому всѣ важнѣйшія дѣла дол-

---

1) Бѣляевъ, ibidem, (0 с. 2) Новгор., I, 1119,1120 гг. и др. 3) Новгор., I, 18, 24, 37, 41 с. и др. 4) Новгор., I, 32, 35, 41, 50 с. 5) В.-Будановъ, 50—54 с., Латкинъ, 4—7 с. 6) Новгор., I, 24, 29, 32, 37, 38, 55, 58, 62 с. и др. 7) Ключевскій, 187 с., Яблочковъ, 58 с. 8) В.-Будановъ, 61—62 с. 9) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 1—3 и др. 10)) Новгор., I, 30, 35, 44, 55 с. и др.

жны были разсматриваться предварительно въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ русскихъ земляхъ, въ тѣсномъ собраніи наиболѣе вліятельныхъ въ общинѣ лицъ—земскихъ бояръ [1]). Этимъ объясняется, почему около большаго вѣча (народнаго собранія), упоминаемаго въ лѣтописяхъ [2]), существовало малое вѣче—правительственный совѣтъ [3]). Земскіе бояре занимали въ Новгородѣ всѣ важнѣйшія правительственныя должности; высшія изъ нихъ—должности степеннаго посадника и тысяцкаго замѣщались наиболѣе богатыми и могущественными боярами, избранными народомъ. Степенный посадникъ былъ главнымъ и полнымъ представителемъ Новгорода во внѣшнихъ дѣлахъ; онъ судилъ и раздавалъ волости вмѣстѣ съ княземъ и управлялъ въ его отсутствіе городомъ [4]). Изъ бояръ состоялъ въ Новгородѣ упомянутый *совѣтъ* или *сенатъ*; въ этомъ совѣтѣ было нѣсколько сотъ членовъ (300) и онъ назывался въ нѣмецкихъ источникахъ Herren-Rath, въ русскихъ думою [5]). Боярскій совѣтъ или боярская дума сначала (въ XI—XIII с.), когда власть князя была значительна, собирался въ Городищѣ, но потомъ съ усиленіемъ вѣча (въ XIV ст.) былъ переведенъ въ городъ и поставленъ около посадника [6]). Въ это время составъ совѣта сдѣлался болѣе опредѣленнымъ и его дѣятельность болѣе правильною, благодаря образованію званія стараго посадника и тысяцкаго: это званіе получали бояре, бывшіе степенными посадниками и тысяцкими [7]). Старые посадники и тысяцкіе сдѣлались первыми и пожизненными членами совѣта, который состоялъ кромѣ того изъ новгородскаго владыки, княжескаго намѣстника и пяти кончанскихъ старостъ [8]). Бояр-

---

1) Б.-Рюминъ, 336 с. 2) П. С. Р. Л., IV, 8 с. 3) Соловьевъ, III, 30 с. 4) Б.-Рюминъ, 337 с., Бѣляевъ, Разсказы, II, 168 и 175 с. 5) Никитскій: „Очерки изъ жизни великаго Новгорода“, Ж. М. Н. П., 1869, 10 кн., 299 с. 6) Неволинъ: „Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго“, 115 с. 7) Никитскій, 296 с., Ключевскій, 202 с. Яблочковъ, 61 с. 8) Ключевскій, 206 с., Никитскій, 301 с.

скій совѣтъ разсматривалъ всѣ дѣла, подлежащія рѣшенію вѣча, а нѣкоторыя изъ нихъ рѣшалъ и самъ. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на всѣ дѣла, законодательныя и административныя, особенно же на послѣднія: сенатъ былъ не только распорядительнымъ совѣтомъ при вѣчѣ, но и его руководителемъ. Онъ обсуждалъ вопросы текущаго законодательства, входилъ въ сношенія съ иностранцами, участвовалъ въ выборахъ правительственныхъ лицъ, вмѣшивался въ судъ и даже военныя дѣла и иногда облекался чрезвычайною властью. Новгородскій совѣтъ былъ аристократическимъ учрежденіемъ, ограничивавшимъ власть князя въ періодъ ея упадка, а потомъ и—посадника [1]). Какъ постоянное и сословное учрежденіе съ опредѣленною властью, совѣтъ въ Новгородѣ служилъ противовѣсомъ противъ нерѣдкихъ насилій толпы на вѣчахъ. Такимъ образомъ, совѣтъ изъ послушнаго, повидимому, орудія вѣча сталъ на самомъ дѣлѣ его руководителемъ [2]), какъ бояре изъ перваго класса общества сдѣлались самостоятельнымъ сословіемъ съ своими особенными интересами, отличными отъ интересовъ народа. Господство Москвы надъ Новгородомъ началось при помощи новгородскихъ бояръ—сторонниковъ московскихъ князей и самое паденіе „господина великаго Новгорода“ (1478 г.) произошло по ихъ же винѣ, вытекло изъ розни новгородцевъ съ своими боярами, которые въ борьбѣ съ Иваномъ Васильевичемъ III выказали много энергіи, но въ тоже время не переставали тѣснить народъ, отдавшійся рѣшительно подъ защиту великаго князя московскаго [3]).

---

1) Никитскій, 305—306 с. 2) Ключевскій, 213—216 с., Никитскій, 308-309 с., В.-Будановъ, Рецензія, 122 с., Яблочковъ, 60 с. 3) Многіе изъ новгородскихъ бояръ занимали первое мѣсто въ древнѣйшей колоніи Новгорода—*Полотскѣ*, гдѣ они завладѣли большимъ количествомъ земли. Вмѣстѣ съ мѣстными земскими боярами новгородскіе бояре были въ Полотскѣ вліятельными членами вѣча, которое не составлялось безъ нихъ, принимали участіе въ внутреннемъ управленіи и судѣ и внѣшнихъ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами. Съ

Псковъ, бывшій сначала пригородомъ Новгорода, а потомъ (въ XIV ст.) ставшій самостоятельною волостью съ своимъ княземъ, имѣлъ одинаковое общественное и политическое устройство съ Новгородомъ. Весь городъ былъ раздѣленъ также на концы, которые составляли особыя общины съ своимъ особеннымъ управленіемъ [1]). Высшее мѣсто въ общинѣ занимали земскіе бояре,—богатые землевладѣльцы, долго обладавшіе большимъ политическимъ значеніемъ (до XIV ст.) [2]). Псковитяне сначала управлялись княземъ и посадникомъ, посылаемыми изъ Новгорода, пока бояре, дававшіе направленіе всей общественной жизни Пскова и стремившіеся къ независимости отъ Новгорода [3]), не достигли этой цѣли при помощи народа. Воспользовавшись затруднительными обстоятельствами новгородцевъ, псковскіе бояре вынудили у Новгорода (въ 1348 г.) признаніе Пскова его „молодшимъ братомъ“ съ правомъ самостоятельнаго управленія и суда [4]). Впрочемъ, псковичи и ранѣе сами иногда призывали и изгоняли князей, особенно литовскихъ. Первымъ изъ нихъ былъ литовскій изгнанникъ *Довмонтъ* (1266—1299), явившійся съ своею дружиной въ Псковъ и крестившійся съ нею, „помысли съ своими бояры“ [5]). Но другимъ литовскимъ княземъ, Андреемъ, сыномъ Ольгерда псковичи остались недовольны за то, что онъ самъ не жилъ въ городѣ, а правилъ имъ посредствомъ намѣстника [6]). Послѣ отдѣленія Пскова отъ Новгорода псковичи стали относиться

переходомъ полотской земли въ руки литовскихъ князей полотскіе бояре вступили въ ряды литовской аристократіи, пользовавшейся исключительнымъ вліяніемъ на все управленіе литовскаго княжества (Бѣляевъ, IV, I ч., 138—148 и 327—330 с.). 1) Никитскій: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“, Спб., 1873, 115 с., Б.-Рюминъ, 367—368 с. 2) Бѣляевъ: „Разсказы изъ русской исторіи“, Ш, 30 и 36 с. 3) Никитскій, 96 и 104 с. 4) Новг. л., Ш, 227 с., Новг. л., IV, 58—59 с. 5) Псков., I, 180 с. 6) „А нынѣ, говорили псковичи князю Андрею, оже тобѣ не угодно сѣсти у насъ, индѣ собѣ княжишь, а Псковъ повергъ, то уже еси самъ лишилъ Пскова, намѣстниковъ твоихъ не хотимъ“ (Псков., I, 190 с.).

къ своимъ князьямъ еще болѣе безцеремонно. Такъ, напр., въ 1439 г. они выгнали изъ города князя Владиміра Даниловича и приняли на его мѣсто, Александра Ивановича Тверскаго [1]). Вообще князь никогда не имѣлъ въ Псковѣ самостоятельной власти. Въ первоначальный періодъ до отдѣленія Пскова отъ Новгорода князь былъ просто кормленщикъ, простой слуга псковскаго вѣча, который получалъ извѣстные доходы („княжескую пошлину“) при отправленіи суда; князь не имѣлъ никакого вліянія на ходъ управленія и долженъ былъ кромѣ суда думать еще лишь о защитѣ страны отъ непріятелей. Тотъ же характеръ княжеская власть сохранила и послѣ возникновенія самостоятельности Пскова [2]). Князь судилъ вмѣстѣ съ посадникомъ, также ограничивавшимъ его власть, и сотскими и вмѣстѣ съ ними входилъ въ составъ *псковской господы* [3]). Это названіе примѣнялось одинаково и къ псковскому боярскому *совѣту* [4]), дѣятельность котораго имѣла тѣсную связь съ судомъ. Псковскій совѣтъ, подобно новгородскому, назывался малымъ вѣчемъ и собирался обыкновенно въ „сѣняхъ“ Троицкаго храма во Псковѣ [5]). Въ псковскомъ боярскомъ совѣтѣ, также какъ и въ Новгородѣ, первое мѣсто занимали старые посадники и тысяцкіе—представители боярскихъ фамилій [6]). Старые посадники и тысяцкіе держали въ своихъ рукахъ и должностныхъ лицъ во Псковѣ—посадниковъ и тысяцкихъ, избиравшихся изъ среды бояръ же [7]) и даже однѣхъ и тѣхъ же боярскихъ фамилій [8]). Однимъ изъ средствъ для усиленія политическаго значенія псковскихъ бояръ [9]) былъ выборъ двухъ посадниковъ, введенный

1) Псков., 1, 211 с. 2) Никитскій, 118—126 и 131 с. 3) Псковская судная грамота (1467 г.), 4, 6, 13, 30 и 104 статьи, Никитскій 122 с. 4) Ключевскій, 207—208 с, В-Будановъ, Рецензія etc., 122 с. 5) Никитскій, 143—144 с. 6) Бѣляевъ, 116 с. 7) Никитскій, 179 с., Яблочковъ, 63 с., Бѣляевъ, 132 с. 8) Никитскій, 146—149 с. 9) Княжескіе бояре не оказывали вліянія на ходъ управленія въ Псковѣ, какъ и Новгородѣ, и едва-ли присутствовали въ совѣтахъ обоихъ этихъ городовъ (Ключевскій, 204 с.).

во Псковѣ въ XIV ст. и продолжавшій существовать до конца политической самостоятельности Пскова (1510 г.): властвующая партія бояръ противопоставляла одного степеннаго посадника другому для того, чтобы имѣть возможность управлять обоими [1]). Для этой же цѣли былъ назначенъ краткій срокъ службы, на который избирались степенные посадники во Псковѣ [2]). Боярскій совѣтъ (господа), ограничивавшій власть посадника [3]), правилъ городомъ, судилъ и даже законодательствовалъ [4]). Бояре участвуютъ во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ вмѣстѣ съ горожанами на вѣчахъ [5]), но въ лѣтописяхъ сохранились слѣды и ихъ болѣе самостоятельной правительственной дѣятельности, хотя они дѣйствовали, повидимому, только по порученію вѣча. Такъ въ 1411 г. посадники: Ларіонъ, Иванъ и Микула съ боярами ѣздили заключать миръ съ нѣмцами (въ Кирьяпягѣ) [6]). Въ 1424 г. было подобное же посольство изъ бояръ и посадниковъ къ московскому князю Василію Димитріевичу и кромѣ того еще въ 1426 г. къ литовскому князю, Витовту [7]), въ 1432 г.—къ литовскому же князю, Свидригайлѣ [8]), въ 1434 г.—въ Новгородъ [9]). Въ 1463 г. бояре Яковъ Кротковъ и Матута вмѣстѣ съ посадниками, Тимофеемъ и Стефаномъ отправлялись къ Ивану Васильевичу III „просити князя во Псковъ по псковской старинѣ, который князь Пскову любъ“ [10]). Бояре же съ посадниками провожали московскаго воеводу, князя Θеодора Юрьевича, пріѣзжавшаго на помощь Пскову противъ нѣмцевъ [11]) и потомъ княжившаго въ немъ по просьбѣ псковскихъ бояръ у Ивана Васильевича [12]). Бояре отправлялись для разбора различныхъ пограничныхъ споровъ съ Новгородомъ и Литвой [13]). Мы видимъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ бояре

1—2) Никитскій, 150—151 и 153 с. 3) Бѣляевъ, 116 с. 4—5) Ключевскій, 214 и 194 с. 6—9) Псков. л., II, 21, 24 с. и Псков., 1, 204 с., 27, ср. 32 и 43—45 с. 10—13) Псков. л., 1, 222, 226—227, 231, 233—235 и 247 с.

являются представителями вѣча, его посланниками; на самомъ же дѣлѣ псковскіе бояре, какъ и новгородскіе, руководили вѣчемъ: въ ихъ рукахъ были всѣ правительственныя должности и они прямо заставляли вѣче подчиняться своей волѣ, когда это было имъ нужно [1]). Такъ въ 1484—1486 г. бояре, задумавшіе увеличить свое значеніе на вѣчѣ посредствомъ допущенія смердовъ, которые жили на боярскихъ земляхъ, къ участію въ вѣчѣ, составили сами безъ вѣдома вѣча новую уставную грамоту и для того, чтобы придать ей законодательную силу, положили грамоту на ларь св. Троицы. Въ вспыхнувшей вслѣдъ за такимъ самовольнымъ поступкомъ псковскихъ бояръ борьбѣ между ними и вѣчемъ побѣда осталась за боярами, благодаря поддержкѣ со стороны Ивана Васильевича III [2]). Вслѣдствіе непродолжительнаго существованія политической самостоятельности Пскова въ немъ не могла образоваться сильная демократическая партія, которая могла бы соперничать съ могущественнымъ вліяніемъ на управленіе псковскихъ бояръ съ органомъ ихъ власти—совѣтомъ [3]). Политическое ихъ значеніе признавали и московскіе князья. При присоединеніи Пскова къ Москвѣ (1510 г.) великій князь Василій Ивановичъ, желая предотвратить возможность сопротивленія жителей Пскова, приказалъ арестовать на „владычнемъ дворѣ“ посадниковъ и бояръ. И только послѣ того Псковичи, видя, что „не мощно рука воздвигнути противъ государя, а посадники и бояре и лутчіе люди вси у него“, рѣшились покориться Василію Ивановичу [4]).

При всемъ руководящемъ характерѣ дѣятельности бояръ въ Новгородѣ и Псковѣ она ограничивалась здѣсь вѣчемъ, особенное политическое значеніе котораго развилось въ обоихъ городахъ съ наибольшею силою по сравненію съ осталь-

---

1) Ключевскій, 215—216 с. 2) Псков. I, 266—267 с. и II, 43—46 с. 3) Никитскій, 141 с. 4) Псков. I, 284—285 с.

ною Русью [1]). Наоборотъ, въ юго-западной Руси—Волынской и Галицкой землѣ и, отчасти, южной (Кіевской) надъ вѣчемъ и княземъ беретъ рѣшительный перевѣсъ власть бояръ [2]). Причиной того факта, что бояре образовали въ *Галичѣ* сильное сословіе было то обстоятельство, что они рано сдѣлались здѣсь осѣдлыми и богатыми землевладѣльцами. На развитіе аристократическихъ тенденцій въ средѣ галицкаго боярства вліяли, далѣе, существованіе въ галицкой области самостоятельныхъ земель (напр., Болоховской), малочисленность княжескихъ земель и обширность территоріи, управляемой почти самостоятельными княжескими намѣстниками. Рано утвердившееся въ Галичѣ, обособившееся отъ остальной Руси, господство одного княжескаго рода (Ростиславичей) также способствовало образованію въ Галицкомъ княжествѣ аристократіи, членамъ которой князь раздавалъ въ управленіе отдѣльные города. Наконецъ, сосѣдство Польши и особенно Венгріи, гдѣ въ XII ст. царила аристократія (магнаты), тоже помогало усиленію правительственнаго значенія галицкихъ бояръ [3]). Галицкое боярство было могущественнымъ сословіемъ, которое самостоятельно управляло княжествомъ и произвольно распоряжалось судьбою галицкихъ князей и всего населенія [4]). „Бояре галицкіе Даніила княземъ себѣ называху, говоритъ лѣтописецъ, а сами всю землю держаху. Доброславъ же вокняжился и Судьичъ, поповъ внукъ. . вшедъ въ Бакоту, все Понизье прія безъ княжа повелѣнья, а Григорій Васильевичъ себѣ горную страну перемышльскую мышляше одержати“ [5]). Когда Даніилъ, узнавъ объ этомъ, уп-

1) В.-Будановъ, Обзоръ etc., 50 с. 2) Сергѣевичъ: „Вѣче и князь“, 8 с., В.-Будановъ, 56 с. 3) Соловьевъ, III, 16 с., Иловайскій, II, 33 с., Гильфердингъ, II, 433 с., Линниченко: „Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV столѣтія“, Кіевъ, 1884, 200 с., В.-Будановъ, ibidem. 4) Соловьевъ, II, 305—317 и 361—562 с., Ключевскій, 70 с., Костомаровъ, I, 124 с., Зубрицкій: „Исторія древняго галичско-русскаго княжества“. Львовъ, 1852—55, II ч., 63 с. 5) Ипат., 179 с.

рекнулъ Доброслава въ самовольномъ образѣ дѣйствій и запретилъ ему отдавать кому-либо соляныя копи въ Колымаѣ, составлявшія княжескую регалію, Доброславъ не послушался князя и отдалъ ихъ двумъ незнатнымъ боярамъ [1]). Галицкіе бояре пользовались значительною властью еще въ концѣ XII ст. при основателѣ политическаго могущества галицкаго княжества, Ярославѣ Осмосмыслѣ, сынѣ Владиміра Володаревича. Когда Ярославъ умиралъ (въ 1187 г.), то въ присутствіи бояръ онъ отказалъ Галичъ своему старшему сыну, Олегу, а младшему Владиміру далъ Перемышль. Но по смерти Ярослава, „сдумавше мужи съ Володиміромъ" выгнали Олега изъ Галича, „а Володиміръ сѣде въ Галичѣ". Но и Владиміръ не угодилъ боярамъ, которые не любили его за то, что онъ не совѣтовался въ дѣлахъ правленія съ ними: „думы не любяшеть съ мужми своими" [2]). Раздорами между княземъ и боярами рѣшился воспользоваться Романъ, князь сосѣдней съ Галичемъ Волынской земли [3]) для того, чтобы захватить въ свои руки Галичъ: „Романъ же слашеть безъ опаса къ мужемъ галицкимъ, подътыкая ихъ на князя своего, да быша его выгнали изъ отчины своея, а самого быша пріяли на княженіе" [4]). Галицкіе бояре приняли предложеніе Романа и „возсташа на князь свой". Владиміръ убѣжалъ въ Венгрію. Но Романъ недолго удержался въ Галичѣ; онъ былъ выгнанъ отсюда венгерскимъ королемъ, который посадилъ въ Галичѣ сына своего, Андрея. Недовольные такимъ оборотомъ дѣла, галицкіе бояре пригласили на галицкое княженіе Ростислава Берладника, который погибъ скоро въ битвѣ съ венграми. Послѣ этого галичане (т. е., бояре) „почаша тужити вельми и много каяшася прогнавше

1, 2 и 4) Ипат., 136—139 с. 3) Въ Волынской землѣ бояре до Романа также оказывали большое вліяніе на дѣла управленія. Такъ Ингварь Луцкій, двоюродный братъ Романа долженъ былъ уступить г. Владиміръ князю Александру Бѣлзскому потому, что бояре не любили Ингваря (Ипат., 157 с.). Но Романъ погубилъ сильныхъ бояръ и забралъ власть въ свои руки (Соловьевъ, II, 305 с.).

князя своего“, Владиміра, котораго они и призвали снова въ Галичъ [1]). По смерти Владиміра Романъ опять сдѣлался съ помощью поляковъ княземъ галицкой земли (въ 1198 г.), съ которой онъ соединилъ Волынскую землю [2]). Романъ относился къ галицкимъ боярамъ страшно жестоко, быть можетъ, изъ мести за то, что они такъ долго препятствовали его желанію захватить Галичъ въ свои руки [3]). Романъ умеръ въ 1205 году. Послѣ его смерти бояре по совѣту боярина Владислава „кормиличича, иже бѣ загналъ князь Романъ“, посадили на княжескомъ столѣ Игоревичей: Владиміра въ Галичѣ, а Романа въ Звенигородѣ. Вдова же Романа съ малолѣтними сыновьями, Даніиломъ и Василькомъ, убѣжала въ г. Владиміръ. Владиміръ Игоревичъ, „хотяще искоренити племя Романово“, по совѣту съ боярами, послалъ сказать владимірцамъ, чтобы они выдали ему Романовичей, если они желаютъ спасти свой городъ отъ разрушенія. Владимірцы вознегодовали, а княгиня, узнавъ о посольствѣ Владиміра, поспѣшила оставить городъ и удалилась къ польскому королю, Лешку [4]). Но и съ Игоревичами галицкіе бояре не могли долго ужиться. Задумавъ упрочить за собою галицкое княженіе и обезпечить свою власть отъ всякихъ на нее посягательствъ со стороны бояръ, Игоревичи рѣшились перебить тѣхъ изъ нихъ, которыхъ они считали для себя наиболѣе опасными. „Убіенъ же бысть Юрій Витановичъ, Илья Щепановичъ, иніи величіи бояре, убьено же ихъ бысть числомъ 500, а иніи разбѣгошася“. Въ числѣ послѣднихъ былъ бояринъ Владиславъ, который убѣжалъ къ венгерскому королю, Андрею и просилъ его помочь Даніилу, проживавшему съ матерью въ Венгріи, завладѣть Галичемъ. Андрей далъ на помощь Даніилу войско; Святославъ и Романъ Игоревичи были схвачены и по настоянію бояръ „мсти ради“

---

1) Ипат., 136—139 с. 2) Ипат., 155 с., Зубрицкій, III, 18 с., Иловайскій, II, 39 с. 3) Костомаровъ, I, 125 с. 4) Ипат., 156—159 с.

повѣшены. Даніилъ же былъ посаженъ въ Галичѣ боярами, галицкими и владимірскими [1]). Бояре не допустили матери Даніила остаться въ Галичѣ и она должна была уйти въ Бѣльзъ „Владиславлимъ совѣтомъ: хотяще бо княжити сама". Вскорѣ тотъ же Владиславъ рѣшился на неслыханный въ древней Руси поступокъ: воспользовавшись отсутствіемъ изъ Галича Даніила, Владиславъ „въѣха въ Галичъ, и вокняжеся и сѣде на столѣ" [2]). Услыхавъ объ этомъ, Лешко замѣтилъ съ негодованіемъ: „не есть лѣпо боярину княжити въ Галичѣ" и, чтобы покончить съ Владиславомъ, предложилъ Андрею, королю венгерскому отдать свою дочь за его сына, Коломана и послать его княжить въ Галичъ. Андрей согласился на это предложеніе Лешка. Владиславъ былъ выгнанъ изъ Галича Лешкомъ и умеръ въ заточеніи. Галичъ же достался сначала Коломану, а потомъ имъ овладѣлъ Мстиславъ Удалой, новгородскій князь. Бояре продолжали производить смуту въ странѣ и при этомъ князѣ. Такъ въ 1226 году одинъ изъ нихъ Жирославъ оклеветалъ Мстислава предъ всѣми боярами въ томъ, что будто-бы „онъ хощетъ предати ихъ тестеви своему Котяну (половецкому хану) на избіеніе". Бояре, „емше вѣру, отъидоша въ землю перемышльскую, въ горы Кавокасскія, рѣкше въ Угорскія, на рѣку Днѣпръ". Мстиславъ долженъ былъ оправдываться предъ боярами, которыхъ потомъ привелъ обратно въ Галицію княжескій посолъ, Тимофей [3]). Но и послѣ того отношенія бояръ къ Мстиславу остались враждебными. Бояринъ Судиславъ, совѣтуя князю отдать свою дочь за венгерскаго королевича, а вмѣстѣ съ нею и Галичъ, говоритъ Мстиславу: „не можешь бо держати (городъ) самъ, а бояре не хотятъ тебе" [4]) По смерти Мстислава (1228 г.), Даніилъ, долго владѣвшій одною Волынью, сдѣлался, наконецъ, и галиц-

---

1—4) Ипат., 156—159, 165—166 с.

кимъ княземъ, но боярскія крамолы продолжались во все остальное время его княженія. Одинъ изъ бояръ, Судиславъ въ отсутствіе Даніила изъ Галича завладѣлъ Понизьемъ. Возвратившись, Даніилъ засталъ Судислава уже въ Галичѣ, который онъ долженъ былъ осаждать, чтобы возвратить его себѣ обратно. На этотъ разъ на сторону князя сталъ весь народъ галицкой земли, бросавшій въ Судислава, который бѣжалъ изъ города, камнями и провожавшій его криками: „изыде изъ града, мятежниче земли“ [1]). Въ 1230 году бояре составили съ непримиримымъ врагомъ Даніила, Александромъ Бѣлзскимъ заговоръ противъ своего князя, только случайно неудавшійся. Неуваженіе бояръ къ Даніилу простиралось до того, что на пиру у князя „одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею: и то ему стерпѣвшу“ [2]). Даніилъ прибѣгъ къ помощи вѣча (1231 г.) для того, чтобы смирить крамольныхъ бояръ, но, благодаря измѣнѣ, долженъ былъ самъ оставить Галичъ. Даніилъ снова сталъ галицкимъ княземъ, спустя уже нѣсколько лѣтъ (въ 1235 г.) и опять благодаря поддержкѣ галицкаго населенія, которому опротивѣли боярскія крамолы. Сами бояре должны были теперь волею-неволею покориться Даніилу: „пришедше, падше на ногу его, просяще милости, яко согрѣшихомъ ти, иного князя держахомъ“. Даніилъ простилъ ихъ, но этимъ не избавился отъ боярскихъ козней, которыя возобновились при первомъ удобномъ случаѣ. Мы уже видѣли, какъ произвольно распоряжались областями и княжескими доходами бояре Доброславъ и Григорій Васильевичъ. Оба эти боярина укоряли другъ друга передъ княземъ въ измѣнѣ: „пріѣхаша съ великою гордынею, ѣдучю Доброславу во единой сорочцѣ, гордящу, ни на землю смотрящу, Галичаномъ же текущимъ у стремени его“. Оскорбленный высокомѣріемъ бояръ—со-

---

1—2) Ипат., 169, 170—171 с.

перниковъ, Даніилъ приказалъ схватить ихъ обоихъ и потомъ послалъ Кирилла печатника „исписати грабительства нечестивыхъ бояръ, утиши землю“ [1]). Но не смотря на то, что Даніилъ не былъ въ состояніи освободиться отъ вліянія бояръ во все свое княженіе, они не могли при немъ достигнуть окончательнаго преобладанія въ галицкой землѣ вслѣдствіе безпрерывныхъ взаимныхъ раздоровъ между собою [2]). Ярославская битва (въ 1249 г.) доставила Даніилу перевѣсъ надъ боярами [3]), хотя и послѣ того галицкіе бояре остались наиболѣе богатымъ землевладѣльческимъ сословіемъ, пользующимся значительнымъ вліяніемъ на управленіе [4]) и судьбу князей галицкихъ. Такъ бояре отравили одного изъ нихъ, Болеслава Мазовецкаго (1340 г.), который сурово обращался съ боярами [5]). Органомъ власти бояръ въ галицкомъ княжествѣ, какъ и другихъ русскихъ волостяхъ, была боярская дума или совѣтъ, состоявшій изъ галицкихъ вельможъ, епископа и князя [6]) и руководившій его дѣйствіями. Отъ имени членовъ боярской думы и своего собственнаго галицкій князь заключалъ договоры съ иностранными государствами [7]). Галиція недолго сохранила свою политическую самостоятельность: въ 1349 году она была присоединена къ Польшѣ ея королемъ, Казиміромъ [8]).

Послѣднею древне-русскою, аристократическою областью въ удѣльно-вѣчевой и почти весь московскій періодъ была *Литва*, въ которой аристократія получила исключительное политическое значеніе едва-ли не съ перваго момента ея политической самостоятельности вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей соціальной жизни Литвы. Различныя литовскія пле-

---

1) Ипат., 179 с. 2) Ключевскій, 71—72 с., Костомаровъ, I, 135 с. 3) Иловайскій, II, 459 с. 4) Филевичъ: „Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе“, Спб. 1890, 209—211 с. 5) Б.-Рюминъ, I, 298 с. 6) Ключевскій, 60 с., Зубрицкій, III, 253 и 314 с. В. Б, Антоновичъ: „Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи“, Кіевъ, 1885, I, 19 с. 7) Филевичъ и Зубрицкій, ibidem. 8) Б.-Рюминъ, ibidem.

мена (латыши, зимгола, пруссы, ятвяги, леви, куроны) издавна жили въ общинно-родовомъ быту; до половины XIII столѣтія они не составляли одного государства и объединялись только высшею духовною властью верховнаго жреца (Криве-Кривейто). Все литовское племя представляло собою массу небольшихъ волостей, управляемыхъ выборными старѣйшинами и мѣстными народными собраніями. У ливонцевъ старѣйшины управляли нерѣдко помимо народныхъ собраній, у пруссовъ была родовая знать, которая вмѣстѣ съ жрецами заправляла всѣми дѣлами; изъ ея же среды избирались предводители во время войны. Въ старѣйшины выбирались у всѣхъ литовскихъ племенъ представители родовъ, владѣвшихъ большимъ количествомъ земли и рабовъ. Могущественные, знатные и богатые роды литовскихъ землевладѣльцевъ, выдѣлившіеся изъ народной массы, носили названіе *бояръ*, которые „составляли зерно всей націи“ [1]). Изъ ихъ среды вышли первые литовскіе князья (кунигасы), которые дѣйствовали независимо другъ отъ друга и съ самаго начала ограничивались въ своей власти боярами [2]) Литва была сначала совершенно русскою землею: литовцы, завоевавъ русскія земли, переняли отъ побѣжденнаго населенія русскій языкъ, нравы и общественный порядокъ [3]). Однако, въ соціальномъ быту древнихъ литовцевъ скоро проявились и новыя черты, неизвѣстныя древней Руси. Бѣдность и дикость жителей Литвы побуждала ихъ предпринимать набѣги на сосѣднія страны,—Русь и Польшу. Въ это время образуется въ Литвѣ болѣе сильная княжеская власть, которая беретъ верхъ надъ жреческимъ сословіемъ [4]), но не надъ боярами. Политическое значеніе послѣднихъ должно было увеличиться даже еще бо-

---

1) Weber, VIII, 576 s. 2) Антоновичъ, 12 и 16 с., Дашкевичъ: „Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства“, Кіевъ, 1885, 17—25 с., Иловайскій, III, 111—114 с., Бѣляевъ, Разсказы, IV, 1, 65—103 с. 3) Б.-Рюминъ, II, 1, 53 с., Бѣляевъ, 65—70 с., Дашкевичъ, 99 с. 4) Иловайскій, II, 116—117 с.

лѣе вслѣдствіе столкновеній Литвы съ огромными силами крестоносцевъ, въ особенности же двухъ нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ—ливонскаго и тевтонскаго, съ которыми Литвѣ пришлось вести долгую и упорную борьбу за свою политическую и религіозную самостоятельность. Нуждаясь въ постоянно готовомъ на бой съ врагами многочисленномъ войскѣ, литовскіе князья должны были заботиться объ усиленіи своей дружины, служилаго сословія. Съ этою цѣлью литовскіе князья стали раздавать, подобно вождямъ германскихъ племенъ, своимъ дружинникамъ отдѣльные участки земли или же жаловать отъ себя грамоты на земли, уже принадлежащія имъ, съ обязательствомъ отправлять въ пользу князей военную службу и признавать ихъ верховную власть [1]). Великому князю литовскому было подчинено на такихъ условіяхъ много второстепенныхъ удѣльныхъ князей изъ дома, княжившаго въ Литвѣ. Эти князья, владѣвшіе огромными вотчинами, сохранили свое политическое значеніе въ періодъ политической самостоятельности Литвы и даже послѣ присоединенія ея къ Польшѣ, когда на ряду съ ними появились и князья завоеванныхъ литовцами русскихъ земель. Изъ второстепенныхъ литовско-русскихъ князей и важнѣйшихъ бояръ составлялся *совѣтъ* или *дума* великаго князя литовскаго Хотя въ дѣятельности великихъ литовскихъ князей, начиная съ Миндове и оканчивая Гедеминовичами, особенно Витовтомъ, и замѣчается стремленіе къ развитію сильной монархической власти [2]), однако, имъ не удалось лишить аристократію того преобладающаго вліянія на все управленіе, которымъ она издавна пользовалась въ государствѣ. Члены думы считали своимъ неотъемлемымъ правомъ участвовать во всѣхъ великокняжескихъ совѣтахъ и безъ нихъ великіе князья не могли рѣшить ни одного дѣла относительно

---

1) Б.-Рюминъ, II, 1, 53—54 с. 2) Дашкевичъ, 22—23 и 94—96 с.

управленія государствомъ. Самое занятіе литовскаго престола членами великокняжескаго дома зависѣло отъ согласія бояръ—членовъ совѣта. Все управленіе въ Литвѣ велось отъ имени великаго князя, но дѣйствительная власть въ государствѣ принадлежала литовской аристократіи, потомкамъ Игоревичей и Гедиминовичей. Но только знатнѣйшіе изъ литовскихъ бояръ участвовали въ постоянномъ совѣтѣ при великомъ князѣ; вся остальная литовская знать собиралась на сеймахъ, замѣнившихъ прежнія народныя собранія. Права этихъ послѣднихъ перешли теперь къ литовскому боярству [1]). Члены совѣта участвовали вмѣстѣ съ великими князьями литовскими (Витовтомъ, Свидригайлой) въ выдачѣ жалованныхъ грамотъ жителямъ Литвы [2]).

Политическое значеніе литовской аристократіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и органа ея власти—княжескаго совѣта увеличилось еще болѣе послѣ соединенія литовскаго королевства съ Польшей при Ягелло (1386 г.), когда Литва получила право самостоятельнаго внутренняго управленія, собственныхъ должностныхъ лицъ, особые финансы и войско [3]). Княжеская дума или совѣтъ сталъ теперь называться, какъ и въ Польшѣ, *радой* или *сенатомъ*, а сеймъ—посольской избой. Теперь въ Литвѣ вводится польскій политическій порядокъ, отличавшійся въ это время господствомъ въ государствѣ магнатовъ. Польскіе короли, стремившіеся къ тому, чтобы окончательно слить Литву съ Польшей, предоставили литовской знати всевозможныя льготы и преимущества въ сферѣ публичнаго и частнаго права посредствомъ такъ называемыхъ „привилеевъ". Длинный ихъ рядъ начинается грамотой Ягелло (1387 г.), въ которой онъ даруетъ нѣкоторыя новыя права литовскимъ боярамъ—католикамъ [4]). Что-

1) Бѣляевъ, IV, 1, 330—333 с. 2) Акты Западной Россіи, Спб., 1746, I, № 6, 9, 36 и 37. 3) Кояловичъ: „Лекціи по исторіи Западной Россіи", Москва, 1864, 145 с. 4) Иловайскій, III, 78 с.

бы еще болѣе привязать къ себѣ и Польшѣ литовскую аристократію, Ягелло на сеймѣ въ Городлѣ (1413 г.) сравниваетъ права литовскихъ бояръ—католиковъ съ правами польскихъ пановъ, предоставляетъ первымъ владѣть на правѣ собственности ихъ наслѣдственными землями [1]) и избирать короля вмѣстѣ съ польскими панами [2]), устанавливаетъ равенство литовскихъ сеймовъ и всѣхъ чиновъ и должностей съ польскими [3]) и надѣляетъ литовскихъ бояръ (католиковъ) польскими гербами и титулами [4]). Литовскіе вельможи пріобрѣтаютъ право быть поручителями за своихъ государей. Такъ въ 1430 и 1431 г. вмѣстѣ съ Свидригайломъ заключили договоръ съ Ягелломъ и литовскіе бояре [5]). Когда Сигизмундъ, братъ Витовта, заставилъ Свидригайла уступить ему литовскій престолъ (1432 г.) и сталъ преслѣдовать и казнить окружавшихъ его вельможъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ, противъ его жизни высшимъ сословіемъ литовскаго общества былъ составленъ заговоръ, который удался, благодаря князю Александру Чарторыжскому. Послѣ смерти Сигизмунда великимъ княземъ литовскимъ былъ избранъ *Казиміръ Ягеллоновичъ* (1440—1492), около котораго былъ поставленъ совѣтъ изъ знатнѣйшихъ литовскихъ бояръ [6]). При Казимірѣ происходитъ полное уравненіе всѣхъ правъ литовскихъ бояръ съ правами польской шляхты, независимо отъ религіозныхъ различій. Жалованной грамотой 1457 „княжатамъ, рыцарямъ, шляхтѣ и боярамъ" была гарантирована неприкосновенность личности и имущества, подтверждено полное право собственности на пожалованныя имъ имѣнія, которыя остаются въ родѣ по смерти ихъ владѣльцевъ, укрѣпляются права помѣщиковъ надъ крестьянами ихъ земель, которые освобождаются отъ разныхъ великокняжескихъ по-

---

1—4) Кояловичъ, 160 с. и приложеніе (Постановленія городельскаго сейма 1413 г., статьи: 4, 13, 11 и 15, 3 и 14), Бѣляевъ, 337 с. 5) Бѣляевъ, 334—335 с. 6) Кояловичъ, 168—172.

боровъ и прикрѣпляются къ мѣсту своего жительства. Кромѣ того, помѣщики получили право суда надъ своими крестьянами. Наконецъ, аристократіи предоставлено выѣзжать въ чужіе края для образованія и своихъ дѣлъ и только ей было дано право получать земли и должности въ литовскомъ княжествѣ [1]). По Судебнику Казиміра паны—рада литовская пріобрѣли право разбирать вмѣстѣ съ королемъ важнѣйшіе, сомнительные и спорные, случаи процессуальнаго права [2]). Самый Судебникъ былъ изданъ послѣ совѣщаній и согласія съ князьями и панами—радой великаго князя литовскаго („сгадавше, урядили есмо тако"...), который при помощи ихъ жалуетъ разныя „привилеи" (имущественные и судебные) литовскимъ удѣльнымъ князьямъ, шляхтичамъ и духовенству [3]). При Казимірѣ же мы встрѣчаемся съ договорными грамотами, которыя онъ заключалъ съ родственниками Витовта, русскими князьями, принятыми имъ къ себѣ на службу „по Витовтову докончанью". Въ этихъ грамотахъ, напоминающихъ собою договорныя грамоты московскихъ князей съ удѣльными, говорится, что великій князь литовскій принимаетъ подъ свое покровительство служилыхъ князей, которые сохраняютъ за собою полное право внутренняго управленія въ своихъ вотчинахъ [4]). При преемникѣ Казиміра, его сынѣ *Александрѣ* (1492—1506) власть литовскихъ вельможъ развилась до необычайныхъ размѣровъ, такъ что король очутился въ полной зависимости отъ литовской аристократіи. Самъ Александръ, извѣщая литовскую раду о кончинѣ своего отца, называетъ пановъ своими „милыми пріятелями" [5]). Александръ проситъ князей, пановъ и землянъ (шляхту) волынской земли избрать литовскаго князя, „сгодившеся посполу съ братьею своею, съ паны радою вели-

---

1) Акты Западной Россіи, I, № 61, 73—77. 2) См. 11 и 19 статьи Судебника въ Актахъ Зап. Россіи, I, № 68. 3) А. З. Р., I, №№ 45, 53, 54, 57, 60, 67, 70, 77, 81 и 85. 4) А. З. Р., I, №№ 43, 60 и 80. 5) А. З. Р. I, № 101.

каго князя литовскаго“ [1]). Избирая Александра Казиміровича великимъ княземъ литовскимъ, паны, твердо и долго отстаивавшіе вмѣстѣ съ остальнымъ населеніемъ Литвы право независимой отъ Польши самобытной, національной жизни [2]), обязали князя управлять государствомъ по литовскому обычаю и не предпринимать въ Литвѣ ничего важнаго безъ ихъ совѣта и согласія. И на самомъ дѣлѣ Александръ долженъ былъ сообразоваться въ своей дѣятельности съ литовскими законами и непреклонною волею литовскаго сената [3]). Въ первый же годъ своего вступленія на литовскій престолъ Александръ по требованію литовскихъ пановъ—рады подтвердилъ „права и вольности“ литовскихъ бояръ и шляхты, пожаловалъ имъ новыя привиллегіи и обязался безъ согласія съ панами—радой не отмѣнять старыхъ законовъ, не издавать новыхъ, не вступать въ дипломатическія сношенія съ иностранными государствами, не судить въ важнѣйшихъ случаяхъ и не распоряжаться государственной казной [4]). Въ томъ же 1492 г. Александръ пожаловалъ „привилей“ жмудской землѣ на права и вольности, который обезпечивалъ „шляхтѣ, боярамъ, кметамъ и всему поспольству“ свободу личности отъ произвола, а ихъ имуществу—отъ всякихъ податей и повинностей, а шляхтѣ, кромѣ того, право свободнаго распоряженія родовою собственностью и—самостоятельнаго мѣстнаго управленія [5]). Подобные же областные „привилеи“ были даны Александромъ, по примѣру своихъ предшественниковъ (Ягелло и Казиміра) [6]), Бѣльзской и Витебской землѣ [7]) и полоцкимъ боярамъ и мѣщанамъ [8]). Служилые князья пріобрѣли при Александрѣ также большія политическія права. Александръ жаловалъ имъ на вотчинномъ правѣ цѣлые города и воло-

1) Акты Западной Россіи, I, № 100. 2) См. назв. соч. Кояловича. 3) Бѣляевъ, IV, I, 336—337 с. 4) Б.-Рюминъ, II, I, 58, 65—66 с., Иловайскій, Ш, 79 с. 5) А. З. Р. I, № 103. 6) Иловайскій, Ш, 80 с. 7) А. З. Р., I, №№ 189 и 204. 8) Ibidem, №№ 175 и 185.

сти, которыми они могли распоряжаться, какъ хотѣли [1]). Изъ служилыхъ князей и остальныхъ знатныхъ литовскихъ бояръ состояла при Александрѣ литовская рада (сенатъ), съ согласія которой жаловались княземъ многочисленныя имущественныя привилегіи и судебныя льготы самой же аристократіи и остальному населенію литовскаго княжества [2]).

Важное политическое значеніе литовской аристократіи не уменьшается и при *Сигизмундѣ I* (1506—1544), который при своемъ вступленіи на престолъ поспѣшилъ подтвердить привиллегіи своихъ предшественниковъ [3]). Сигизмундъ еще болѣе увеличиваетъ политическую роль служилыхъ князей новыми пожалованіями вотчинъ и правительственныхъ правъ этимъ высшимъ членамъ литовской аристократіи [4]). Служилые князья, въ свою очередь, сами жалуютъ при Сигизмундѣ, какъ и ранѣе [5]) разныя привиллегіи населенію своихъ областей [6]). Вмѣстѣ съ ними Сигизмундъ продолжаетъ вести все дѣло управленія литовскимъ княжествомъ: разсматриваетъ и издаетъ всякаго рода уставы и жалованныя грамоты по дѣламъ военнымъ, финансовымъ, политическимъ, судебнымъ, церковнымъ, торговымъ, иностраннымъ и вопросамъ о правахъ жителей литовскихъ городовъ [7]). При Сигизмундѣ же I былъ изданъ литовскій статутъ (1529 г.), который подтвердилъ господствующее положеніе въ странѣ всей литовской аристократіи: статутъ былъ дарованъ „всимъ прелатомъ, и княжатомъ, и паномъ хоруговнымъ, вельможнымъ рыцеромъ, повышоннымъ шляхтѣ и всему поспольству“.

---

1) А. З. Р. I, №№ 121, 139, 158, 167, 172, 181, 191, 205, 208 и 218. 2) А. З. Р., I, №№ 120, 126, 139, 144, 145, 159, 163, 165, 170, 171, 173, 175, 176, 181, 182, 185, 189, 191, 198, 201, 204, 207, 210, 213 и 218. 3) Б.-Рюминъ, ibidem, 69 с. 4) А. З. Р., II, №№ 7, 29, 34, 35, 40, 44, 69, 118, 136, 139, 148 и 167. 5) А. З. Р., I, №№ 13, 28, 32, 62, 66, 72, 82, 96, и 178. 6) А. З. Р., II, №№ 21, 27, 63, 96, 103, 104, 105, 132, 142 и 176. 7) А. З. Р., II, №№ 8, 12, 28, 30, 31, 50, 53, 61, 65, 67—70, 71, 73, 79, 84, 99, 108, 109, 110, 112, 144, 151, 157, 164, 175, 202, 213, 221 и 231.

Король даетъ здѣсь торжественное обѣщаніе „пановъ рады ни въ чемъ не понижати“, не допускать „чужеземцевъ (поляковъ) къ владѣнію землями въ Литвѣ, совѣтоваться съ литовской радой обо всѣхъ новыхъ привиллегіяхъ, сохранить въ неприкосновенности „вольности княжатамъ, панятамъ, шляхтамъ и мѣщанамъ, простыхъ людей надъ шляхту не повышати“ и закрѣпить земли за аристократическими родами [1]). Кромѣ того, статутъ обезпечиваетъ цѣлый рядъ другихъ привиллегій въ сферѣ частнаго и уголовнаго права литовскимъ панамъ и ихъ семьямъ и, между прочимъ, крѣпостное право на населеніе ихъ земель [2]). Литовскіе чины, дворяне и рыцари предъявили на виленскомъ сеймѣ (1547 г.) *Сигизмунду II Августу* (1544—1572) требованіе о подтвержденіи всѣхъ прежде данныхъ имъ правъ, объ исправленіи въ ихъ интересахъ литовскаго статута, о выборѣ повѣтовыхъ судей и „вижовъ“, объ устраненіи духовенства отъ свѣтскихъ судовъ, а иноземцевъ отъ „урядовъ земскихъ“ и проч. [3]). Король согласился на большую часть требованій литовскихъ пановъ и выполнилъ ихъ на слѣдующихъ сеймахъ (1551, 1554, 1559 и 1563), гдѣ были заявлены панами и еще новыя просьбы (напр., объ обязательномъ одобреніи сеймомъ всѣхъ новыхъ учрежденій, освобожденіи имѣній шляхты отъ разныхъ повинностей и проч. [4]). Въ 1563 году литовское и русское дворянство и рыцарство православной вѣры (паны-рада, княжата, панята) были сравнены въ правахъ съ польской католической шляхтой [5]). При изданіи этого акта присутствовала масса пановъ—рады литовской, съ согласія которой происходило попрежнему все управленіе государствомъ при Сигизмундѣ [6]) и во время междуцарствія [7]). Литов-

1—2) Jirićek: „Swod zakonov slovanskych“, 109 с., Ш раздѣлъ, статьи: 1, 3, 6, 7, 9 и 10 и XI раздѣлъ, 13 статья. 3) А. З. Р., Ш, № 4. 4) Ibidem, №№ 11, 13, 24 и 33. 5) А. З. Р., Ш, № 32. 6) Ibidem, №№ 4, 5, 13, 32, 33 и 34. 7) А. З. Р. Ш, №№ 55, 56, 60—63.

ская аристократія зорко слѣдила за сохраненіемъ своихъ привиллегій и обыкновенно требовала немедленнаго ихъ подтвержденія отъ каждаго новаго государя литовской земли, который долженъ былъ обезпечить литовскихъ вельможъ въ ихъ правахъ и вольностяхъ. Тоже сдѣлалъ король *Генрихъ* [1]), а затѣмъ и *Стефанъ Баторій* (1576—1585) при своемъ вступленіи на литовскій престолъ, когда онъ далъ клятву охранять всѣ стародавнія права литовскихъ радныхъ пановъ, сановниковъ, дворянства и рыцарства [2]). Особенно часто паны—рада литовская совѣщались съ С. Баторіемъ о военныхъ дѣлахъ, которыми такъ любилъ заниматься этотъ знаменитый польскій король [3]); но паны—рада принимали при немъ участіе и въ рѣшеніи дѣлъ внутренняго управленія государствомъ [4]). Наконецъ, тотъ же порядокъ рѣшенія всѣхъ дѣлъ литовскимъ государемъ съ совѣта и согласія пановъ—рады мы видимъ и при *Сигизмундѣ III* (1588—1632), при которомъ сначала была дана королемъ жалованная грамота всѣмъ литовскимъ жителямъ о ненарушимости стародавнихъ ихъ правъ и вольностей [5]), а потомъ паны—рады были допущены къ рѣшенію разныхъ дѣлъ управленія [6]). При Сигизмундѣ и его преемникахъ Западная Русь, давно уже находившаяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ восточною—московскимъ государствомъ и даже желавшая имѣть своимъ княземъ сына Іоанна Васильевича IV, Θеодора Ивановича [7]), постепенно отпадаетъ отъ Польши и вмѣстѣ съ Юго-Западной Русью (Малороссіей) соединяется съ московскимъ государствомъ (XVII—XVIII ст.) [8]).

Сильно развитая власть литовской аристократіи до присоединенія Литвы къ Польшѣ и особенно послѣ этого ихъ соединенія основывалась, главнымъ образомъ, на владѣніи ли-

1) А. З. Р., III, № 59. 2) Ibidem, № 63. 3) Ibidem, №№ 82, 86, 90, 106, 108 и 128. 4) Ibidem, №№ 77, 117, 150 и др. 5) Ibidem, IV, № 3. 6) Ibidem, №№ 118, 136 и др. 7) А. З. Р., III, № 56. 8) Кояловичъ, 301 с. и сл.

товскою знатью громадными поземельными участками, которые занимали большую часть литовской территоріи и у отдѣльныхъ магнатовъ равнялись иногда цѣлымъ областямъ. Въ тоже время великій князь литовскій обладалъ сравнительно незначительнымъ количествомъ земли и его поземельныя владѣнія были разбросаны въ разныхъ мѣстностяхъ государства [1]). Аристократіи принадлежало въ Литвѣ право исключительнаго замѣщенія изъ своей среды важнѣйшихъ государственныхъ должностей, которыя занимались ими пожизненно и съ обширною властью надъ всѣмъ населеніемъ государства. Таковы были должности гетмана, канцлера и подскарбія, стоявшихъ во главѣ военнаго, гражданскаго и финансоваго управленія страной. На всѣ эти высшія государственныя должности всегда назначались члены высшей аристократіи— паны-рада; знати же принадлежало право занимать высшія областныя должности: воеводы или палатина, старосты, кастеляна и маршалка. Каждый изъ этихъ областныхъ правителей носилъ названіе державца [2]). Политическое значеніе высшаго слоя литовской аристократіи, крупныхъ землевладѣльцевъ—вельможъ увеличивалось въ Литвѣ еще оттого, что литовскіе сеймы состояли обыкновенно изъ членовъ рады — сенаторовъ, между тѣмъ какъ низшее литовское дворянство —бояре не имѣли на сеймахъ никакого значенія [3]). „Въ Литвѣ шляхта, говорилъ на люблинскомъ сеймѣ подлѣсскій воевода, Костецкій, не участвуетъ ни въ какихъ совѣщаніяхъ; тамъ сенаторы дѣлаютъ, что хотятъ“ [4]). И дѣйствительно литовская рада или сенатъ обладалъ высшею властью въ государствѣ, предъ которой долженъ былъ склониться великій князь литовскій, бывшій въ тоже время и польскимъ королемъ. Мы уже видѣли, какую важную роль

---

1) Бѣляевъ, Разсказы, IV, 1, 344—345 с. 2) Б.-Рюминъ, II, 1, 59—61 с., Бѣляевъ, ibidem, 345—360 с. и сл. 3) Иловайскій, III, 81—82 с., Кояловичъ, 209—210 с. 4) Б.-Рюминъ, ibidem, 59 с.

играла литовская рада въ государствѣ при всѣхъ великихъ литовскихъ князьяхъ, особенно же при Александрѣ Казиміровичѣ и первыхъ двухъ Сигизмундахъ. Литовскій сенатъ былъ высшимъ учрежденіемъ въ странѣ, безъ вѣдома котораго не предпринималось ничего важнаго въ дѣлахъ управленія. Паны—рада посылали отъ своего имени грамоты по разнаго рода государственнымъ дѣламъ разнымъ лицамъ и самому королю [1]). Они имѣли право избирать великихъ литовскихъ князей и предлагать литовскій престолъ иностраннымъ государямъ. Такъ, напр., въ 1572 г. послѣ смерти Сигизмунда II литовскіе радные паны предложили литовскую корону сыну Грознаго, Ѳеодору Ивановичу [2]). Паны—рада заботились о сохраненіи дружелюбныхъ отношеній съ иностранными государствами [3]). Рада обращалась съ великимъ княземъ литовскимъ, какъ съ себѣ равнымъ. Такъ она отправила въ Польшу къ Сигизмунду I (1526 г.) пословъ съ приглашеніемъ поспѣшить пріѣздомъ въ Литву для „рѣшенія многихъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ" [4]). Въ свою очередь, государи литовскіе посылали отъ себя пословъ къ литовской радѣ по различному поводу, считали своею обязанностью „ихъ милости панамъ—радѣ королевскую ласку повѣстити" и справляться объ ихъ здоровьи [5]). Король заступался за честь членовъ литовской рады въ случаѣ жалобъ на ихъ самовольныя дѣйствія [6]). Политическое могущество литовской знати, ослабляемое отъѣздами многихъ литовскихъ князей и бояръ изъ Литвы въ Москву до времени Василія Ивановича, при этомъ великомъ московскомъ князѣ должно было усилиться вновь вслѣдствіе увеличившагося наплыва въ Литву московскихъ бояръ, недовольныхъ абсолютистическими стремленіями мос-

---

1) Акты Зап. Россіи, II, №№ 10, 83, 144 и др., III, №№ 61—63, IV, № 184. 2) А. З. Р., III, №№ 55 и 56. 3) А. З. Р., I, № 110, II, №№ 84, 175. 4) А. З. Р., II, № 144. 5) А. З. Р., I, № 206, II, №№ 191 и 194. 6) А. З. Р., II, № 80.

ковскихъ государей [1]). Но эти послѣдніе въ XVI ст. и особенно XVII сдѣлались на столько могущественными, что скоро сами заставили подчиниться себѣ и Литву, и строптивыхъ московскихъ бояръ.

Мы уже видѣли, что московское боярство въ первую половину московскаго періода было на пути къ образованію высшаго въ государствѣ и самостоятельнаго сословія съ извѣстными, опредѣленными политическими правами, которыя признавались за ними самими московскими государями. По мѣрѣ того, какъ въ Москвѣ собираются князья удѣловъ, терявшихъ свою политическую самостоятельность, и ихъ бояре, и тѣ, и другіе вступаютъ въ ряды московскаго боярства, въ отношеніяхъ между всѣми членами боярскаго сословія устанавливается извѣстный порядокъ, опредѣляемый положеніемъ на службѣ у великаго князя каждаго боярина и родовыми счетами между боярами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, налагаемая теперь на каждаго изъ служилыхъ людей—бояръ, обязанность государственной службы связывается съ извѣстными землевладѣльческими привиллегіями и льготами, которыя отнынѣ стали принадлежать только одному боярскому сословію и получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилаго класса. Московскіе князья признали за боярами то различіе, которое вытекало изъ происхожденія отдѣльныхъ боярскихъ родовъ отъ знатныхъ служилыхъ князей (русскихъ и литовскихъ), пріѣхавшихъ въ Москву, бывшихъ удѣльныхъ князей и исконныхъ московскихъ бояръ: „государь жаловалъ за службу помѣстьемъ и деньгами, но не отечествомъ" [2]). Но эта привиллегированная московская аристократія, въ рукахъ которой было много политической силы еще при Иванѣ Васильевичѣ III и Василіѣ Ивановичѣ, не могла задержать без-

---

1) Дьяконовъ: „Власть московскихъ государей", 186—195 с., Загоскинъ: „Очеркъ организаціи и происхожденія служилаго сословія въ допетровской Руси", 109 с. 2) Ключевскій, 227—229 с.

прерывное развитіе могущественной власти московскихъ государей, энергично и настойчиво стремившихся къ этой цѣли своей многовѣковой политической дѣятельности. Боярство оказалось не въ состояніи противостоять дружному напору на ихъ сословныя привиллегіи со стороны московскихъ государей, хотя бояре еще долго не оставляли своихъ старинныхъ притязаній на господство въ государствѣ и заявляли о нихъ всякій разъ, какъ только складывались благопріятныя для этого обстоятельства. Послѣ самовластнаго управленія государствомъ въ малолѣтство Іоанна Васильевича IV бояре должны были выдержать упорную и ожесточенную борьбу за свои политическія права съ самымъ сильнымъ и опаснымъ своимъ противникомъ,—Іоанномъ Грознымъ. Слишкомъ крутыя и безпощадныя мѣры, примѣненныя Грознымъ при этомъ рѣшительномъ столкновеніи интересовъ монархической власти московскихъ государей и бояръ, нашли сочувствіе среди массы простаго народа, ожесточеннаго произволомъ бояръ въ эпоху малолѣтства Грознаго, и обезпечили дальнѣйшее развитіе неограниченной власти московскихъ царей въ ущербъ боярамъ. Но деспотическое правленіе Грознаго, подѣйствовавшее разрушительно на общественную жизнь, вызвало продолжительную реакцію дѣлу Грознаго въ средѣ общества, было причиной „смутнаго времени“ въ русской исторіи, въ теченіе котораго московское боярство рѣшилось всѣми мѣрами добиться исключительнаго политическаго вліянія въ обществѣ [1]). Московскіе бояре, воспользовавшись прекращеніемъ московской царской династіи Рюриковичей и другими благопріятными для ихъ властолюбивыхъ плановъ обстоятельствами, начинають стремиться къ тому, чтобы гарантировать свои политическія права законнымъ путемъ, посредствомъ договоровъ съ московскими государями, царствовавшими послѣ Грознаго. Заключеніе этихъ договоровъ облегчалось тѣмъ,

1) Соловьевъ, VI, 419 с., Бѣловъ, 288 и 296 с., Иловайскій, III, 330 с.

что на московскомъ престолѣ послѣ смерти послѣдняго Рюриковича (Ѳеодора Ивановича) появляются представители знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ боярскихъ фамилій: Борисъ Годуновъ и Василій Ивановичъ Шуйскій. Борьба за престолъ и за власть надъ государствомъ не прекращается даже въ тяжелую для всего русскаго народа эпоху междуцарствія (1610—1613), когда московскіе бояре не оставляютъ своего намѣренія сдѣлаться московскими царями или, по крайней мѣрѣ, стать первенствующимъ, господствующимъ сословіемъ въ государствѣ, добиться во что бы то ни стало юридическаго укрѣпленія за ними исключительнаго вліянія на дѣла управленія. Старинныя политическія притязанія московскаго боярства не исчезаютъ съ водвореніемъ на русскомъ престолѣ новой династіи *Романовыхъ*, продолжаютъ проявляться при всякомъ удобномъ случаѣ до конца московскаго періода и слѣды ихъ (переживанія) встрѣчаются даже въ императорскомъ періодѣ русской исторіи. Но весь ходъ ея, начиная почти съ перваго момента возникновенія московскаго государства, явно клонился, благодаря особеннымъ историческимъ условіямъ, къ развитію къ странѣ сильной и неограниченной власти московскихъ государей [1]). Это доминирующее направленіе русской исторіи бояре своими властолюбивыми планами могли только задержать на нѣкоторое время, но не остановить. Въ XVII столѣтіи власть московскихъ государей пріобрѣла полную силу и получила преобладаніе надъ боярствомъ, хотя она и не могла отрѣшиться совершенно отъ вліянія бояръ на государственное управленіе.

Каковы были отношенія московскихъ государей къ боярамъ и положеніе послѣднихъ въ московскомъ государствѣ въ это время, это хорошо изображается *Юріемъ Крижаничемъ*, прибывшимъ въ Россію въ царствованіе Алексѣя Ми-

1) Хлѣбниковъ: „О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи“, Спб. 1869, 38—39 с.

хайловича. Въ своемъ сочиненіи: „Разговоры объ владальству“ (1663 г.), написанномъ Крижаничемъ въ ссылкѣ (Сибири), послѣ обстоятельнаго изображенія экономическаго состоянія русскаго общества въ XVII столѣтіи [1]) Крижаничъ указываетъ на преимущества русскаго самодержавія предъ аристократическимъ правленіемъ въ Польшѣ [2]). Крижаничъ вѣритъ въ божественное происхожденіе власти московскихъ государей [3]), отдаетъ предпочтеніе монархіи предъ аристократіей и приписываетъ русскимъ монархамъ счастье и благосостояніе всего народа [4]). Но въ тоже время онъ вооружается противъ „людодерства“ или тиранніи („крутаго владанія“) нѣкоторыхъ московскихъ царей также, какъ и противъ злоупотребленій властью со стороны знати. „Людодерство“ состоитъ, говоритъ Крижаничъ, въ дурныхъ законахъ, которые хуже „лютыхъ мукъ“. Если царь уставитъ „лакомые, людодерскіе“ законы, то онъ будетъ тиранъ самъ и тиранами же останутся его преемники, если только они не отмѣнятъ тяжелыхъ для народа законовъ [5]). Въ доказательство этой своей мысли Крижаничъ приводитъ въ примѣръ („прилику“) царя Ивана Васильевича Грознаго, который былъ, по его словамъ, „лакомъ, нещаденъ, людодерецъ, лютъ, крутъ, безбоженъ мясарь (мясникъ), коволокъ (кровопійца) и мучитель“. Въ наказаніе за это („заразъ того“) „царю Ивану Богъ возбудилъ токмеца (соперника) болярина Бориса Өеодоровича.... и тако царство есть отпало отъ рода царя Ивана. Царь Борисъ возвысилъ самотержіе и всякое людодерство“, созидалъ церкви на награбленное добро, но „Богъ возбудилъ противъ него ни краля, ни болярина, ни именита человѣка коего, но инока еднаго разстригу“, который лишилъ Бориса

1) Безсоновъ: „Русское государство въ половинѣ XVII столѣтія“, Москва, 1859—1860, I, 1—21 раздѣлъ сочиненія Крижанича. 2) Крижаничъ, I, раздѣлъ 22, II, 49, 297—305 с. 3) Ibidem, I, 249—250 и 274 с. 4) Крижаничъ II, 41—45 и 69 с. 5) Ibidem, I, 28 раздѣлъ, 281—282 с.

царства, а затѣмъ и самъ „злымъ концемъ сгинулъ“. Крижаничъ описываетъ и дальнѣйшія слѣдствія, современнаго ему, господства на Руси „людодерства“, начало котораго онъ относитъ къ личности Грознаго („кій есть бо начальникъ сему крутому владанію“) [1]). Крижаничъ предсказываетъ погибель московскому государству, если государи его будутъ подражать царямъ Ивану Грозному и Борису, которые „для ради разсыпныхъ утратъ людодерскіе законы постановиша“ [2]). Вооружаясь противъ тиранніи Грознаго и Годунова, Крижаничъ не щадитъ и московскихъ бояръ (nobiles). Онъ называетъ „сарданапалами“ тѣхъ изъ нихъ, которые „думаютъ лишь о частныхъ наслажденіяхъ и удобствахъ, забываютъ объ общемъ благѣ, отклоняютъ всякія обязанности, выражаютъ притязанія на нелѣпѣйшія привиллегіи, низвергающія правительство, присваиваютъ себѣ недолжныя права, уменьшаютъ могущество своихъ государей, перенося его на себя, и каждый изъ нихъ мнитъ себѣ быть царемъ, и закономъ, и судьею“. Крижаничъ называетъ такихъ знатныхъ „стѣсняющихъ народъ свой самымъ терпкимъ и неправеднымъ рабствомъ“, также тиранами и противополагаетъ имъ „порядочныхъ знатныхъ, которые водятъ войска, сражаются, отправляютъ судебныя должности и служатъ въ *думѣ* царю и народу“. По представленію Крижанича обязанность знатнаго состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы „собирать съ своего помѣстья доходы, пользоваться ими въ праздности и не заботиться ни о чемъ другомъ: всякій знатный—намѣстникъ и служитель царя. Знатный всегда долженъ быть готовъ исполнять царскія повелѣнія своей думой, рукою, потомъ и кровью [3]). Недовольный существовавшимъ въ московскомъ государствѣ отношеніемъ монархической власти къ знати, Крижаничъ указываетъ идеалъ общественной и политической

1) Крижаничъ, I, 283—285 с. 2) Ibidem, 286—287 с. 3) Крижаничъ, назв. соч., II, 24—27 и 322—324 с.

жизни для русскаго народа. Въ его планѣ государственнаго устройства царь остается самодержавнымъ и единодержавнымъ государемъ [1]) и жалуетъ своему народу свободу, равныя права и льготы: только „слободины единъ щитъ супротивъ людодерскихъ думамъ" и необходимое средство для укрѣпленія самодержавія [2]). Но признавая необходимость самодержавія въ русской землѣ, Крижаничъ допускаетъ цѣлый рядъ ограниченій власти московскаго государя. Цари при вступленіи на престолъ должны давать присягу въ сохраненіи народной свободы; и только послѣ этого присягаетъ царю и народъ. Царь теряетъ право на престолъ при перемѣнѣ вѣры, выдачѣ дочери за иноземца и введеніи въ государство иностраннаго войска. Царь долженъ быть женатъ на природной русской или славянкѣ; его дочери не имѣютъ права на престолъ также, какъ и иноземцы. По смерти царя народный сеймъ оцѣниваетъ его правленіе и проситъ отъ его преемника исправленія уставовъ, противныхъ народному благу. Особенными привиллегіями должны пользоваться знатные: „гдѣ бо властели имѣютъ пристойныя себѣ слободы, прецѣнбу и большину надъ простое людство, тамъ королевская прецѣнба есть болѣе укрѣплена". Крижаничъ раздѣляетъ знать на князей, бояръ и племянъ (боярскихъ дѣтей); первые два ряда знати—именитые бояре и властели. Знать надѣляется имъ цѣлымъ рядомъ привиллегій, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ освобожденіе ея „отъ хлопскихъ тяготъ" и возстановленіе цѣльныхъ родовитыхъ именъ вмѣсто уменьшительныхъ и унизительныхъ прозвищъ московскихъ бояръ Ивашками, Борисками и проч.. Бояре освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній и кабалы. Только одни бояре имѣютъ право владѣть помѣстьями, носить особаго рода платье и различные почетные знаки, служить лишь въ теченіе из-

1—2) Крижаничъ, назв. соч., I, 332 с., I, 302—303 с.

вѣстнаго срока, обучаться „болярскимъ наукамъ“ (древнимъ языкамъ, философіи, политикѣ и др.) и строить города. Князья должны имѣть ближайшее право занятія престола въ случаѣ прекращенія царскаго рода, вельможи (бояре) и ближніе дворяне имѣютъ право быть совѣтниками государя и исполнителями его велѣній, но ни князья, ни бояре не могутъ имѣть собственнаго войска, имѣть болѣе одного города, управлять и судить независимо отъ короля, собирать народные сеймы и распоряжаться самовольно своими помѣстьями [1]).

Политическій идеалъ Крижанича заимствованъ имъ изъ хорошо ему знакомой западно-европейской жизни, гдѣ въ XVII вѣкѣ господствовала феодальная аристократія. Но въ него внесены авторомъ и черты изъ дѣйствительной жизни русскаго общества того времени: Крижаничъ выставляетъ принципъ самодержавія и единодержавія, какъ необходимый базисъ политическаго порядка на Руси [2]). Попытки ограниченія боярами (въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка) власти московскихъ государей могли быть извѣстны Крижаничу, который также знаетъ о различіи между слоями русской знати: князьями, боярами и боярскими дѣтьми, имѣвшимъ важное значеніе въ политической исторіи XV—XVII в., и объ униженномъ положеніи бояръ въ московскомъ государствѣ въ XVII вѣкѣ. Крижаничъ вѣрно опредѣляетъ обязанности тогдашнихъ „знатныхъ“ по отношенію къ русскому самодержавному монарху, но еще ближе къ дѣйствительности его изображеніе русскихъ „сарданапаловъ“ съ ихъ узко-сословными политическими стремленіями. Политическая теорія Крижанича о власти московскаго царя подтверждается извѣстіями о Россіи другаго иностранца, *Олеарія*, бывшаго въ ней при Михаилѣ Феодоровичѣ три раза (1634, 1636 и 1639 гг.), и русскаго

1) Крижаничъ, I, 309, 313–321 и 334 с., II, 382–385 с. 2) Другими принципами русской народной жизни, по Крижаничу, являются: православіе и народность, чуждая всякихъ иноземныхъ вліяній.

историка, *Котошихина.* Олеарій называетъ образъ правленія у русскаго народа монархическимъ неограниченнымъ: русскій государь, достигая короны по наслѣдству, „одинъ, говоритъ Олеарій, управляетъ всею страною и всѣ подданные его какъ князья и дворяне, такъ и простой народъ, граждане и крестьяне, суть его холопы и рабы, которыми онъ управляетъ и распоряжается, какъ глава семьи своими слугами“[1]). Наконецъ, Котошихинъ, неодобрявшій также образъ правленія Грознаго за то, что онъ „правилъ государствомъ въ ярости и во злобѣ сильной, тиранскимъ обычаемъ, много мучительства надъ князи и боляры своими и простыми людьми показа“[2]), сообщаетъ свѣдѣнія о второстепенномъ положеніи бояръ въ управленіи государствомъ неограниченными русскими государями,—въ царской думѣ и приказахъ, гдѣ главную роль играютъ дьяки[3]). Это уменьшеніе, пониженіе правительственнаго значенія боярства въ XVII ст. было результатомъ цѣлаго ряда причинъ.

Къ тѣмъ, извѣстнымъ намъ, обстоятельствамъ, которыя въ первую (удѣльную) половину московскаго періода препятствовали московскому боярству превратиться въ самостоятельное и замкнутое сословіе, обладающее политическими правами, во вторую половину присоединяются еще нѣсколько другихъ. Сюда, прежде всего, нужно отнести состояніе народнаго хозяйства въ XVI столѣтіи: до времени Бориса Годунова крестьяне не были прикрѣплены къ помѣщичьей землѣ и бояре, какъ главные землевладѣльцы въ странѣ, должны были нести на себѣ весь вредъ безпрерывныхъ переходовъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому[4]). Но и послѣ прикрѣпленія крестьянъ (1591—1597), предпринятаго Годуновымъ

---

1) Олеарій: „Путешествіе въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 гг.“. Переводъ П. Барсова, Москва, 1870, 216 стр. 2—3) Котошихинъ: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, Спб., 1840, I гл.; 1 статья, II гл., 5 ст. и VII гл., 1 ст. 4) Ключевскій, 317 стр.

съ фискальными цѣлями и вопреки желанію бояръ, они мало выиграли: теперь помѣщики—бояре отвѣчали за исправный взносъ податей всѣхъ крестьянъ, живущихъ на ихъ землѣ [1]). Необходимо замѣтить, что боярскіе роды, даже знатнѣйшіе между ними, не обладали большими поземельными участками, которые сосредоточились въ рукахъ московскаго государя [2]); низшій же слой боярскаго сословія—боярскіе дѣти были еще бѣднѣе знатныхъ бояръ [3]). Сравнительная необезпеченность боярскаго сословія ставила его въ экономическую зависимость отъ московскихъ государей, дворъ которыхъ былъ центромъ всей національной жизни. Бояре, какъ служилые люди, должны были сдѣлаться ближайшими помощниками московскихъ царей при тѣхъ безпрерывныхъ войнахъ, которыя постоянно велись Москвою противъ татаръ, Польши и Литвы [4]). Развитію политической силы московскаго боярства много вредили также взаимные раздоры и родовые, мѣстническіе счеты между боярами. Изъ за нихъ бояре забывали о сохраненіи за собою даже того политическаго вліянія, которое они успѣли пріобрѣсти въ Москвѣ въ удѣльную эпоху. „Боярство XVI ст., говоритъ профессоръ Ключевскій, имѣло въ своихъ рукахъ власть, но не заботилось объ ея упроченіи; оно является какой-то аристократіей безъ вкуса къ власти, безъ умѣнья или охоты влiять на общество, знатью, которую занимали больше взаимные счеты и ссоры ея членовъ, чѣмъ отношенія къ государю и народу“ [5]). Впрочемъ, въ концѣ XVI ст. и началѣ XVII—въ самую благопріятную пору для осуществленія боярскихъ политическихъ притязаній, въ эту критическую эпоху для московскаго боярства, когда рѣшался, и на этотъ разъ безповоротно, вопросъ о послѣдующей соціально-политической роли бояръ въ московскомъ государствѣ, они дошли до мысли обезпечить свои

---

1) Бѣляевъ, Лекціи, 479 с. 2) Соловьевъ, XIII, 30 с. 3—4) Хлѣбниковъ, назв. соч., 20 с. 3 сл., 34 и 8—9 с. 5) Ключевскій, 305 с.

политическія права формальными договорами съ нѣсколькими московскими царями. Но всѣ эти боярскія „записи“ не могли принести какую-либо пользу боярамъ, въ средѣ которыхъ продолжалась взаимная вражда между знатнѣйшими боярскими родами, царила страшная рознь между высшимъ и низшимъ слоями боярскаго сословія и полное его равнодушіе къ судьбѣ народныхъ массъ. Отсутствіе въ средѣ боярства сознанія общности интересовъ, которое могло бы связывать всѣхъ его членовъ въ одну плотную корпорацію, энергично отстаивавшую свои права, давало лишнее оружіе противъ всего боярскаго сословія московскимъ государямъ, которые продолжали въ XVI—XVII ст. послѣдовательно и неутомимо проводить свой планъ политическаго обезсиленія боярства и образованія изъ него постояннаго и правильнаго служилаго класса въ московскомъ государствѣ. Съ этою цѣлью московскіе государи стараются ослабить политическое значеніе боярскихъ родовъ, которые произошли отъ удѣльныхъ князей и тѣснили при дворѣ старинные роды московскихъ бояръ. Московскіе государи опасались потомковъ удѣльныхъ князей, еще незабывшихъ о недавнемъ времени политической самостоятельности своихъ дѣдовъ и отцовъ, и отдавали предъ ними преимущество древнимъ боярскимъ родамъ московскаго княжества [1]), интересы которыхъ было тѣсно связаны съ интересами московскихъ государей. Главное основаніе соціально-политической силы служилыхъ князей, какъ и исконныхъ московскихъ бояръ, составляли вотчины, съ которыми тѣ и другіе принимались на службу въ Москвѣ. На сколько было опасно для развитія власти московскихъ великихъ князей владѣніе вотчинами со стороны служилыхъ князей, это видно изъ рано установившагося, юридическаго ограниченія перехода ихъ съ вотчинами со службы московскихъ государей къ удѣльнымъ князьямъ. Запре-

1) Бѣляевъ, 102—104 с.

щеніе не принимать на службу князей съ ихъ вотчинами, запесенное въ междукняжескіе договоры, было потомъ распространено и на остальныхъ, нетитулованныхъ московскихъ бояръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивается далѣе принципъ обязательной государственной службы всѣхъ бояръ въ силу одного лишь владѣнія вотчинами, своими и вновь пожалованными московскими великими князьями. Со времени Ивана Васильевича III владѣніе помѣстьями, жалуемыми князьями, начинаетъ вытѣснять вотчинное—родовое, аристократическое землевладѣніе [1]). Московское правительство жалуетъ за заслуги, „верстаетъ" служилыхъ людей помѣстьями и денежными окладами—съ соблюденіемъ цѣлаго ряда правилъ, установленныхъ съ цѣлью сохраненія служебнаго характера за „верстаніемъ". Вмѣстѣ съ развитіемъ власти московскихъ государей помѣстья все болѣе и болѣе сближаются съ вотчинами: владѣльцы тѣхъ и другихъ одинаково обязаны были нести службу государеву [2]). Наконецъ, при Іоаннѣ Грозномъ происходитъ посредствомъ цѣлаго ряда указовъ (1557—1581) полное уравненіе службы князей, бояръ, боярскихъ дѣтей и дворянъ по ихъ вотчинамъ, помѣстьямъ и денежному жалованью, вслѣдствіе чего образуется однородный служилый классъ московскаго государства [3]).

Также постепенно совершается въ Москвѣ ограниченіе права свободнаго отъѣзда бояръ, которымъ они безпрепятственно пользовались во всю удѣльную эпоху. Хотя бояре юридически сохранили свое право отъѣзда до Іоанна Грознаго [4]), однако, фактически въ Москвѣ принимались еще при Иванѣ Васильевичѣ III извѣстныя мѣры къ стѣсненію этого права. Когда шло дѣло объ интересахъ Москвы, увеличеніи служилыхъ ея силъ, московское правительство поощряло прі-

---

1) Хлѣбниковъ, 8 с. 2) Загоскинъ, ibidem, 75—103 с. 3) В.-Будановъ, 119 с., Загоскинъ, ibidem, 76—79 с. 4) Дьяконовъ, 181—182 с.

ѣздъ къ нему на службу удѣльныхъ бояръ и особенно московскихъ служилыхъ князей (Бѣльскихъ, Одоевскихъ, Глинскихъ и др.) и щедро надѣляло послѣднихъ вотчинами. Московскіе государи даже сами провозглашаютъ начало полной свободы отъѣзчиковъ, но только не изъ Москвы, и стараются оправдать такой способъ своихъ дѣйствій разными соображеніями (старинною службою дѣдовъ и отцовъ пріѣхавшихъ изъ Литвы служилыхъ князей, религіозными ихъ притѣсненіями въ Литвѣ). Совершенно иначе относились московскіе правители къ отъѣзчикамъ изъ Москвы къ удѣльнымъ князьямъ и въ Литву, куда направлялась масса служилыхъ князей (бывшихъ литовскихъ и русскихъ удѣльныхъ) и московскихъ бояръ со второй половины княженія Василія Ивановича (1514 г.), когда явно стали обнаруживаться абсолютическія стремленія великаго князя московскаго [1]). Отъѣзчики изъ Москвы были строго наказываемы московскими князьями: отъѣзчика насильственно возвращали въ Москву, гдѣ его бросали въ оковахъ въ тюрьму, лишали его, какъ измѣнника, родословной чести, важнѣйшаго для служилаго человѣка права мѣстничества, или же онъ понижался въ мѣстѣ предъ своими соперниками [2]). Кромѣ всего этого, со времени Ивана Васильевича III въ Москвѣ вводится обычай требовать отъ бояръ, заподозрѣнныхъ въ желаніи отъѣхать отъ московскаго государя или же возвращенныхъ насильно изъ отъѣзда, клятвенную запись. Впервые такую запись долженъ быть дать въ 1474 г. князь Данила Дмитріевичъ Холмскій, задумавшій было отъѣхать отъ великаго князя: въ этой записи содержится обѣщаніе Холмскаго служить Ивану Васильевичу „до своего живота и ни къ кому отъ него не отъѣхати“, желать великому князю добра и выносить въ случаѣ вины отъ него наказаніе [3]).

1) Загоскинъ, 109 с. 2) Дьяконовъ, 190—191, 182—184 с. 3) Собр. гос. гр. и догов., I, № 103.

При Василіи Ивановичѣ и особенно Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ (въ 1547 г.) число подобныхъ клятвенныхъ записей сильно увеличивается [1]), что указываетъ, съ одной стороны, на большое число случаевъ отъѣзда при этихъ великихъ московскихъ князьяхъ, а съ другой на рѣшительное противодѣйствіе ему со стороны московскихъ государей. Всѣ эти клятвенныя записи отбирались обыкновенно отъ лицъ, относительно вѣрности которыхъ московское правительство имѣло основаніе сомнѣваться, что видно изъ самого ихъ содержанія: „се азъ (такой-то) есми преступилъ предъ своимъ государемъ“, говорилось въ началѣ этихъ записей. Чтобы еще болѣе обезпечить вѣрность себѣ служилыхъ людей—бояръ, московскіе государи прибѣгали къ поручительству за нихъ московскаго митрополита и другихъ членовъ высшаго духовенства, а также и товарищей подозрѣваемаго въ измѣнѣ боярина. Послѣдніе при этомъ должны были давать отъ своего имени особыя „поручныя записи“, въ которыхъ они обѣщались платить государю значительный денежный штрафъ въ случаѣ отъѣзда боярина, давшаго клятвенную запись. Такъ, напр., за князя Холмскаго поручился Иванъ Никитичъ Воронцовъ, обѣщавшій заплатить Ивану Васильевичу 250 р.[2]). Въ свою очередь, за поручившихся бояръ ручались иногда государю еще другіе бояре, *подручители*, которые также давали отъ себя подручныя записи. Записи послѣдняго рода, появившіяся при Василіи Ивановичѣ, вошли въ большое употребленіе при Грозномъ [3]), въ рукахъ котораго они были однимъ изъ средствъ борьбы его съ московскимъ боярствомъ, отстаивавшимъ упорно свои права. Клятвенныя, поручныя и подручныя записи служи-

---

1) Ibidem, №№ 145, 146, 149, 152, 153, 154, 157, 159, 162, 165—169, 172, 174, 177, 182, 189, 196 и 201. 2) Собр. гос. гр. и догов. I, № 104; см. еще №№ 155, 156, 166, 175, 178, 180, 184, 185, 186, 190, 194, 195 и 197. 3) Ibidem, №№ 155, 156, 176, 179, 181, 191 и 193.

лыхъ князей и бояръ замѣняютъ при Грозномъ договорныя грамоты между московскимъ государемъ и удѣльными князьями, которыя исчезаютъ теперь окончательно вмѣстѣ съ правомъ бояръ свободно отъѣзжать отъ московскаго государя безъ всякаго подозрѣнія въ государственной измѣнѣ. Но уже самый фактъ значительнаго количества клятвенныхъ записей при Грозномъ доказываетъ, что московскіе бояре отказались отъ своего права свободной, необязательной службы не безъ борьбы и сопротивленія московскому государю. Бывали случаи, что бояре, давшіе клятвенную запись не отъѣзжать изъ Москвы, все-таки, уѣзжали отсюда. Такъ при Василіѣ Ивановичѣ отъѣхалъ въ Польшу сначала князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1507 г.), а потомъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, нарушившій свою клятву черезъ два года послѣ того, какъ онъ далъ ее (1531 г.)[1]. Однимъ изъ средствъ для униженія родовитаго боярства было приближеніе великими князьями московскими къ себѣ тѣхъ бояръ, которые выдавались своими заслугами, замѣна родоваго принципа началомъ личныхъ заслугъ государству[2]. Василій Ивановичъ возвышаетъ литовскаго выходца, князя Михаила Глинскаго, на племянницѣ котораго, Еленѣ онъ потомъ женится. Великій князь называетъ Глинскаго своимъ „прямымъ слугою" и поручаетъ ему предъ своею смертью заботу о своей семьѣ[3]. Параллельно съ униженіемъ знатнѣйшихъ бояръ идетъ со времени Іоанна III привлеченіе въ государственную службу лицъ незнатнаго происхожденія, „людей худородныхъ"—дьяковъ[4], которые участвуютъ въ составленіи перваго Судебника (1497 г.)[5] и въ боярскомъ судѣ наравнѣ съ боярами[6]. Дьяки образуютъ

---

1) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 146, 157 и 159. 2) Хлѣбниковъ, 10 с. 3) П. С. Р. Л., VI, 271 с. 4) Бѣловъ, 104—105 с., Ключевскій: „Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ", Москва, 1866, 107—108 с, Загоскинъ, 111—112 с. 5) В.-Будановъ, 200 с., Загоскинъ: „Исторія права московскаго государства", 59 с. 6) См. 1 ст. обоихъ Судебниковъ.

потомъ особый правительственный классъ, завѣдующій цѣлыми отраслями управленія. Дьяки участвуютъ въ боярской думѣ на ряду съ старинными ея членами,—введенными боярами и окольничими, а также и новыми,—думными дворянами, появившимися въ XVI ст. и назначаемыми изъ числа неименитыхъ бояръ или боярскихъ дѣтей [1]). Думные дьяки, по словамъ Котошихина, „мыслятъ съ царемъ“ въ думѣ, записываютъ и закрѣпляютъ боярскіе приговоры о дѣлахъ [2]). Дьяки же сидятъ въ вновь появившихся въ XVI—XVII ст. центральныхъ административныхъ учрежденіяхъ—*приказахъ*[3]), въ которыхъ они были непремѣнными членами. Нѣкоторые важнѣйшіе приказы состояли только изъ однихъ дьяковъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ, который былъ „устроенъ для того, чтобы его царская мысль и дѣла исполнялися всѣ по его хотѣнію, а бояре бъ и думные люди о томъ ничего не вѣдали, сидѣли, вѣдали и дѣлали всякія дѣла царскія, тайныя и явныя, дьякъ съ десятью подъячими; а въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ“ [4]). Дьяки служатъ посредниками въ сношеніяхъ приказовъ съ царемъ, дѣлаютъ ему доклады по всякимъ дѣламъ, исполняютъ всѣ порученія государя и окружаютъ его постоянно до самой смерти [5]). Черезъ нихъ же ведутся и иностранныя сношенія московскаго государства [6]). Такимъ образомъ, дьяки пріобрѣтаютъ важное правительственное значеніе въ московскомъ государствѣ, лишая тѣмъ самымъ исключительнаго права на участіе въ управленіи членовъ боярскаго сословія, которое сохраняетъ теперь въ отличіе отъ дьяковъ только одну отеческую честь, право мѣстничества, также подвергшееся из-

---

1) Сергѣевичъ: „Юридическія древности“; 431—435, 486—492 и 509 стр. 2) Котошихинъ, II гл., 5 статья, 3) В.-Будановъ, 177 с.. Градовскій: „Высшая администрація XVIII в.“, 17—18 с. 4) Котошихинъ, VII гл., 1 ст. 5) Соф. л., II, 270 с. 6) Соловьевъ, VII, 45—46 с.

вѣстнымъ ограниченіямъ и зависящее иногда отъ тѣхъ же дьяковъ [1]). Что возвышеніе дьяковъ въ управленіи государствомъ въ глазахъ московскихъ государей имѣло значеніе противовѣса властолюбивымъ боярскимъ притязаніямъ, на это указываютъ слова Курбскаго въ его „Исторіи Іоанна Грознаго“. „Писари же наши русскіе, говоритъ онъ здѣсь, имъ же князь великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простого всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ“ [2]). Тотъ же протестъ противъ дьяковъ высказываетъ другой московскій бояринъ—отъѣзчикъ, Теренинъ, который писалъ въ Москву къ Морозову: „есть у великаго князя довѣренные люди—дьяки, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ [3]).

Наконецъ, не уцѣлѣло во вторую половину московскаго періода и важнѣйшее, самостоятельное право бояръ совѣщаться съ московскими князьями о всѣхъ дѣлахъ правленія. Московскіе государи, стремившіеся уничтожить всякіе слѣды самостоятельнаго, независимаго отъ нихъ, положенія боярскаго сословія въ обществѣ и обратить его исключительно въ служилое сословіе, не могли оставить за боярами права совѣщанія съ ними, которое связывало волю московскихъ повелителей. Впрочемъ, при *Иванѣ Васильевичѣ III* (1462—1505) бояре сохраняютъ это право совѣта съ этимъ великимъ княземъ, при которомъ они еще защищаютъ открыто свои сословные интересы. По смерти первой своей жены, Маріи, оставившей Ивану сына, Іоанна Младого съ внукомъ, Димитріемъ великій князь женился на греческой царевнѣ, Софьѣ Палеологъ, отъ которой у него родился сынъ, Василій. Съ этой второй женитьбой связывается переворотъ

1) Сергѣевичъ, 509—510 с. 2) Сказанія князя Курбскаго, 3 изд. Н. Устрялова, Спб., 1868, 43 с. 3) Соловьевъ, VII, 45 с.

въ отношеніяхъ Ивана Васильевича къ боярамъ, замѣченный современниками, русскими и иностранными, приписывающими Софьѣ значительное вліяніе на ея мужа. Такъ *Герберштейнъ* пишетъ о ней: „говорятъ, что Софья была весьма хитра и подъ ея вліяніемъ князь много дѣлалъ". По совѣту Софьи Іоаннъ рѣшился свергнуть иго татаръ и лишить права на московскій престолъ своего внука, Димитрія [1]). По внушенію Софьи Іоаннъ ввелъ при своемъ дворѣ этикетъ, который не могли нарушать его приближенные бояре. Тотъ же Герберштейнъ разсказываетъ, что когда Иванъ Васильевичъ дремалъ во время обѣда, „всѣ приглашенные къ столу отъ страха молчали" и могли говорить съ нимъ только послѣ того, какъ „великій князь просыпался и начиналъ шутить съ ними" [2]). Перемѣну въ обращеніи съ боярами Ивана Васильевича послѣ его второй женитьбы подмѣтилъ бояринъ Берсень и объ ней же говоритъ и князь Курбскій. Берсень жаловался Максиму Греку: „какъ пришла сюда (т. е. въ Москву) мати великаго князя (Василія Ивановича) великая княгиня Софья съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Цареградѣ при вашихъ царѣхъ". И когда Максимъ Грекъ указалъ на знатное происхожденіе Софьи отъ византійскихъ царей и герцоговъ феррарскихъ, Берсень отвѣчалъ: „какова-бы ни была, а къ нашему нестроенію пришла" [3]). Князь Курбскій, энергично отстаивавшій предъ Грознымъ политическую самостоятельность боярства, говоритъ, что „въ предобрый русскій княжескій родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами", и затѣмъ обвиняетъ Софью въ цѣломъ рядѣ преступленій (въ отравленіи Іоанна Младого, смерти его жены, Елены и „многолѣтнемъ" заключеніи въ темницу и насильственной смерти ихъ сына, Димит-

---

1—2) Герберштейнъ: „Записки о Московіи". Переводъ Анонимова, Спб., 1866, 19 и 22 с. 3) Акты Археогр. Экспедиціи, I, № 172.

рія)[1]). Въ виду такого сильнаго вліянія Софьи на великаго князя, опаснаго для знатныхъ бояръ, естественно было ожидать, что они примутъ всѣ мѣры для того, чтобы оттѣснить отъ престола сына Софьи, Василія и убѣдить Ивана Васильевича передать его послѣ себя Димитрію, сыну Іоанна Младого, любимаго боярами. Но, въ свою очередь, и партія великой княгини и ея сына была на сторожѣ и при первомъ же слухѣ о предполагаемомъ пожалованіи Димитрія титуломъ великаго князя поспѣшила немедленно обезпечить Василію московскій престолъ. На сторонѣ Софьи и Василія и въ заговорѣ противъ знатныхъ бояръ были дьяки: Строміловъ и Гусевъ и дѣти боярскіе: Яропкинъ, Поярковъ, Руновъ, Щавья-Травинъ и князь Палецкій. Рѣшено было „отъѣхать князю Василію отъ отца, разграбить казну великаго князя на Вологдѣ и Бѣлоозерѣ и надъ княземъ Димитріемъ, надъ внукомъ израда учинити“[2]). Однако, заговоръ былъ открытъ, Софья съ сыномъ была удалена отъ двора, а ихъ приверженцы были казнены на льду рѣки Москвы. Вслѣдъ за этимъ произошло торжественное вѣнчаніе на царство царевича Димитрія (1498 г.)[3]). Однако, и партія побѣдившихъ на этотъ разъ знатныхъ бояръ недолго торжествовала надъ соперниками. Скоро Софья примирилась съ мужемъ и родовитые, крамольные бояре: князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ съ дѣтьми, князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій потерпѣли „за высокоумничанье“ жестокое наказаніе отъ великаго князя. Князю Ряполовскому, который когда-то спасъ Ивана Васильевича отъ мстительной руки Шемяки, отсѣкли на льду рѣки голову, а князь Патрикѣевъ былъ постриженъ въ монахи[4]). Спустя нѣсколько времени, на Димитрія съ матерью была „положена великая опала“ (въ 1502 году), запрещено поминать ихъ въ литіяхъ и эктеніяхъ, у

---

1) Сказанія князя Курбскаго, 75—76 с. 2) Бѣловъ, 107 с. 3) П. С. Р. Л., VIII, 236 с. 4) Воскр., ibidem, 236—237 с.

Димитрія отнято званіе великаго князя и онъ вмѣстѣ съ матерью былъ посаженъ „за приставы". Василій же былъ объявленъ наслѣдникомъ московскаго престола [1]). Такъ властно сталъ теперь обходиться великій князь московскій съ своими боярами, безъ совѣта и согласія съ которыми князя прежде ничто не дѣлалось въ государствѣ. Но Иванъ Васильевичъ III еще не отнялъ у нихъ этого права и бояре при немъ принимали большое участіе въ управленіи. По словамъ Берсеня, Иванъ Васильевичъ „противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали" [2]). Князь Курбскій также хвалитъ Іоанна III, который расширилъ границы государства и свергъ татарское иго по причинѣ „многаго его совѣта съ мудрыми и мужественными синклиты его: бо зѣло глаголютъ его любосовѣстна быти и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта" [3]). Занятый, главнымъ образомъ, дѣломъ окончательнаго разрушенія удѣльно-вѣчевыхъ остатковъ на Руси, присоединеніемъ къ Москвѣ послѣднихъ удѣловъ и развитіемъ самодержавія московскаго государя [4]), Иванъ Васильевичъ III оставлялъ въ силѣ старый, обыкновенный порядокъ участія бояръ въ управленіи, спрашивалъ ихъ совѣта во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ [5]); число совѣтниковъ при немъ даже увеличилось [6]). Мы находимъ въ лѣтописяхъ много случаевъ совѣщаній великаго князя съ боярами по разному поводу. Такъ въ 1472 г. Иванъ Васильевичъ, „помысливъ" съ митрополитомъ, своею матерью, братьями и боярами, послалъ Фрязина въ Римъ свататься за царевну Софью [7]); съ боярами же и другими лицами онъ совѣщается о томъ, можно ли кардиналу Антонію, сопровождавшему царевну по Россіи, нести предъ собою латин-

1) Воскресен., 242 с. 2) А. Э. Э., I, ibidem. 3) Сказанія князя Курбскаго, 40 с. 4) Костомаровъ, I, 265—294 с. 5) Сергѣевичъ: „Юридическія древности", 71- 76 с, Дьяконовъ, 199—200 с, Бѣляевъ, Лекціи, 169 с., Б.-Рюминъ, II, 1, 145 с. и сл. 6) Неволинъ, VI т. сочиненій, 104 и 124 с. 7) П. С. Р. Л., VIII, 169 с.

скій крестъ (крыжъ) [1]). Въ 1477 г. Иванъ Васильевичъ вооружается на Новгородъ „по благословенію митрополита Геронтія, совѣтомъ матери своея и братьей своихъ думою, и бояръ своихъ князей и воеводъ“ [2]). Московскіе бояре служатъ посредниками въ переговорахъ съ Новгородцами предъ присоединеніемъ Новгорода къ Москвѣ (въ 1478 г.) [3]). Когда ханъ Ахметъ подступилъ къ Москвѣ (въ 1480 г.), Иванъ Васильевичъ совѣщался съ высшимъ духовенствомъ, матерью, дядею, Михаиломъ Андреевичемъ и со всѣми своими боярами [4]). Великій князь, „повинуяся мысли и думѣ“ своихъ совѣтниковъ, богатыхъ и тщеславныхъ бояръ, Ивана Васильевича Ощеры и Григорія Андреевича Мамона, которые напугали его разсказами о нападеніи татаръ на Москву при Димитріѣ Донскомъ и Василіи Васильевичѣ, уклонился отъ рѣшительнаго сраженія съ татарами на р. Окѣ и возвратился въ Москву [5]). Бояре вмѣстѣ съ великимъ княземъ просятъ прощенія предъ митрополитомъ Іоной чудовскому архимандриту Геннадію за самовольный его поступокъ [6]). Герберштейнъ называетъ бояръ, окружавшихъ царя при его торжественномъ пріемѣ, совѣтниками, которые, по его словамъ, избираются въ Москвѣ изъ числа знатныхъ лицъ [7]). Такіе бояре—совѣтники вели съ нимъ переговоры отъ имени государя [8]).

Василій Ивановичъ (1505—1533) пошелъ далѣе своего отца въ развитіи неограниченной власти московскаго государя и отстраненіи бояръ отъ дѣлъ управленія. Впрочемъ, въ началѣ своего царствованія онъ еще придерживался обычая совѣтоваться съ своими боярами. Въ 1506 г. Василій Ивановичъ, „посмотря въ шертныя грамоты Мингилирѣевы

---

1) П. С. Р. Л., VIII, 175 с. 2) П. С. Р. Л., VI, 206 с. 3) П. С. Р. Л., VI., 210, 214, 215, 217 и 218 с.; ср. VIII, 192 с. и сл. 4—6) П. С. Р. Л., VI, 224, 230 и 234 с. 7—8) Герберштейнъ, 187—189 и 202 с., Соловьевъ, V, 445 с.

царевы, что было съ отцемъ его, великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, о дружбѣ и братствѣ... приговорилъ съ братьею своею и бояры" послать въ Крымъ ближняго своего человѣка, Василія Наумова извѣстить Менгли-гирея о кончинѣ своего отца и просить о возобновленіи дружбы и братства [1]). По совѣту съ боярами Василій Ивановичъ развелся съ своей бездѣтной женой, Соломіей [2]) и послѣ насильственнаго ея постриженія женился на Еленѣ Глинской. Инокъ Вассіанъ (бывшій князь Патрикѣевъ), возставшій противъ развода великаго князя съ первой женой, былъ заточенъ имъ въ монастырь. Изъ числа свѣтскихъ совѣтниковъ противъ новаго брака былъ князь Семенъ Өеодоровичъ Курбскій, предокъ знаменитаго князя Андрея Михайловича Курбскаго. Рѣзкое порицаніе послѣднимъ Василія за то, что онъ развелся съ Соломіей вопреки совѣту нѣкоторыхъ знатныхъ бояръ (синклитовъ) [3]) указываетъ, что въ данномъ случаѣ были заинтересованы родовитые бояре: такъ какъ у Соломіи не было дѣтей, то послѣ Василія Ивановича московскій престолъ долженъ былъ наслѣдовать одинъ изъ его братьевъ, неспособный къ управленію, князь Юрій, при которомъ боярамъ можно было возвратиться къ старинѣ, заставить его совѣтоваться съ ними по всѣмъ государственнымъ дѣламъ [4]). Самъ Василій Ивановичъ скоро сталъ уклоняться отъ этого древняго московскаго обычая. Бояринъ Берсень жаловался Максиму Греку, что великій князь перемѣнилъ старые обычаи. „Государь упрямъ, говорилъ Берсень, и встрѣчи противъ себя не любитъ, кто ему встрѣчу говоритъ, онъ на того опаляется. Государь насъ запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ". Берсень былъ удаленъ Василіемъ Ивановичемъ отъ двора за встрѣчу о Смо-

---

1) П. С. Р. Л., VI, 244 с., VIII, 245 с. 2) П. С. Р. Л., IV (Псков. I), 296 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, 4—5 с. 4) Соловьевъ, V, 411—412 с., Бѣловъ, 109—110 с.

ленскѣ: „князь великій того не полюбилъ, да молвилъ (Берсеню), пойди прочь, смердъ, ненадобенъ ми еси“ [1]). Членами тайнаго совѣта Василія Ивановича были не родовитые бояре, а приближенные къ нему дворецкій Шигона-Поджогинъ и дьяки: Мишуринъ, Курицынъ, Путятинъ и др. [2]). Съ этими дьяками Василій не церемонился также, какъ и съ незнатными боярами, какъ скоро кто-либо изъ нихъ рѣшился ему противорѣчить. Такъ боярину Берсеню за его противорѣчіе и жалобы на перемѣны при Василіи Ивановичѣ отрубили голову, дьякъ Ѳеодоръ Жареный, также осмѣлившійся жаловаться, былъ битъ кнутомъ и ему отрѣзали языкъ, дьякъ Далматовъ, отказавшійся отъ поѣздки къ императору Максимиліану, былъ лишенъ имущества и заточенъ навсегда въ Бѣлоозерѣ [3]). Однако, при всемъ могуществѣ великаго князя и подчиненіи бояръ Василію Ивановичу, которое производило сильное впечатлѣніе на иностранцевъ [4]), онъ еще не трогалъ существовавшихъ до него общественныхъ отношеній. Василій Ивановичъ „имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ. Великій князь бранилъ своихъ совѣтниковъ смердами и прогонялъ ихъ изъ думы съ глазъ долой“, но въ тоже время онъ ввѣрялъ управленіе завѣдомо строптивымъ, но знатнымъ боярамъ, жаловалъ званіемъ боярина родовитѣйшихъ изъ членовъ боярскаго сословія [5]). Василій Ивановичъ называлъ себя самодержцемъ всея Руси, но не въ смыслѣ неограниченности своей власти внутри русскаго общества, а только въ смыслѣ своей политической самостоятельности, внѣшней независимости [6]). Василій Ивановичъ сознаетъ все еще важное политическое значеніе боярства, когда онъ предъ своею смертью призываетъ къ себѣ

---

1) А. Э. Э. I, № 172. 2) Соловьевъ, V, 41 с., Бѣловъ, 110 стр. 3) Соловьевъ, V, 437 с. 4) Герберштейнъ, 26—28 с., Ключевскій, Сказанія etc., 66—67 с. 5) Ключевскій: „Боярская Дума“, 261 с. 6) Ключевскій, ibidem, 259 с., Бѣловъ, 111—113 с.

сначала знатныхъ бояръ (Шуйскаго, Воронцова, Глинскаго, Тучкова) вмѣстѣ съ приближенными дьяками, а потомъ и всѣхъ московскихъ бояръ, съѣхавшихся ко двору великаго князя при слухѣ объ его тяжелой болѣзни. Василій Ивановичъ считаетъ необходимымъ дать политическій завѣтъ однимъ боярамъ. Отославши отъ себя митрополита и братьевъ, онъ говоритъ боярамъ: „вѣдаете сами, кое отъ великаго князя Владиміра кіевскаго ведется наше государство Владимірское и Новгородское и Московское, мы вамъ государи прироженные, а вы *наша извѣчная бояре;* а вы, братіе, постойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, была бы въ землѣ правда и въ васъ бы розни нѣкоторые не было“ [1]).

Опасенія Василія Ивановича за миръ между боярами оказались пророческими, а увѣщанія ихъ великимъ княземъ — напрасными: немедленно послѣ его смерти началась борьба изъ за власти въ государствѣ и страшная рознь между знатнѣйшими боярскими родами. Управленіе государствомъ перешло, повидимому, за малолѣтствомъ наслѣдника престола къ великой княгинѣ *Еленѣ* (1530—1538), но на самомъ дѣлѣ государство „держали бояре“ [2]), которые управляли всѣми дѣлами, устранивши съ своего пути обоихъ дядей великаго князя, Юрія Дмитровскаго князя и Андрея Старицкаго [3]). Послѣдній вздумалъ было возобновить въ Москвѣ старые удѣльные порядки. Князь Андрей сначала (1537) далъ клятвенное обѣщаніе правительницѣ не принимать къ себѣ на службу князей, бояръ, дѣтей боярскихъ и никого, кто отъѣдетъ изъ Москвы [4]). Но вскорѣ клятва была нарушена Андреемъ, который сталъ созывать къ себѣ московскихъ князей и бояръ и даже выступилъ съ своимъ войскомъ противъ Москвы. Однако, затѣя Андрея окончилась для него пла-

1) П. С. Р. Л., VI, 270—271 с. 2) П. С. Р. Л., VIII, 294 с. 3) Иловайскій, III, 154 с. 4) Собр. гос. гр. и дог., I, № 163.

чевно. Онъ былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму, гдѣ и погибъ, подобно своему брату, Юрію[1]). Таже участь постигла вслѣдъ за этимъ дядю Елены, князя Михаила Глинскаго, возставшаго противъ исключительнаго вліянія на управленіе князя Телепнева-Оболенскаго[2]), который пользовался особенною милостью у правительницы и стоялъ во главѣ партіи старинныхъ московскихъ бояръ[3]). Вскорѣ погибла, по словамъ Герберштейна, отъ отравы ядомъ[4]) и сама Елена, которую бояре ненавидѣли за то, что она сдерживала властолюбивыя ихъ притязанія и еще болѣе потому, что правительница находилась подъ единоличнымъ вліяніемъ князя Оболенскаго[5]). Это недовольство правленіемъ Елены выразилось при ея жизни въ бѣгствѣ въ Литву (1534) представителей двухъ знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ: князя Семена Бѣльскаго и—Ивана Ляцкого изъ рода Кошкиныхъ. Узнавъ объ этомъ, боярская дума приказала схватить брата Бѣльскаго, Ивана и князя Ивана Воротынскаго, которыхъ правительница подозрѣвала въ соумышленничествѣ съ бѣжавшими[6]). Послѣ смерти Елены настала *девятилѣтняя эпоха боярскаго правленія* (1538—1547), въ теченіе которой власть переходила нѣсколько разъ отъ одной боярской партіи къ другой (отъ князей Шуйскихъ къ Бѣльскимъ, снова къ Шуйскимъ и, наконецъ, къ Глинскимъ). Боярщина показала полную неспособность къ управленію государствомъ московскихъ бояръ, разбившихся на нѣсколько враждебныхъ другъ другу партій, изъ которыхъ каждая думала лишь о своихъ выгодахъ и о погибели своихъ соперниковъ. Бояре не съумѣли слить съ государственными интересами свои сословные интересы, до сознанія которыхъ они не были въ состояніи возвыситься. Своимъ эгоистическимъ поведеніемъ они

---

1 и 2) Соловьевъ, VI, 4, 9—14 и 38 с. 3) Бѣляевъ, Лекціи, 425 с. 4) Герберштейнъ, 43 с. 5) Бѣловъ, 114 с., Соловьевъ, VI, 9 с. 6) Соловьевъ, ibid., 8 с., Иловайскій, 154—155 с.

окончательно упрочили силу монархическаго начала, противъ котораго они такъ долго боролись [1]). Властвующая боярская партія спѣшила обогатиться на счетъ всего населенія и позволяла себѣ всякаго рода притѣсненія и насилія [2]). Впослѣдствіи Иванъ Васильевичъ Грозный писалъ Курбскому объ этомъ времени боярскаго правленія: „подвластные наши (то есть, бояре) хотѣніе свое улучивши, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, сами примѣсишася богатству и славѣ и тако скачаша другъ на друга". Грозный обвиняетъ бояръ—правителей еще въ томъ, что они избили многихъ приближенныхъ къ его отцу бояръ и воеводъ, захватили великокняжескія села и имѣнія „и казну матери нашея перенесли въ большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще". Упомянувши о томъ, что князья Василій и Иванъ Шуйскіе „самовольствомъ малолѣтнему царю въ береженье учинилися и тако воцаришася", а князь Василій Шуйскій „отца нашего и дьяка ближняго, Ѳеодора Мишурина изымавъ, позоровавши, убили; и князь Ивана Бѣльскаго и иныхъ многихъ въ разныя мѣста заточиша... и сами убо царствовати начаша", Иванъ Васильевичъ продолжаетъ описывать правленіе бояръ самыми мрачными красками. „Бояре, говоритъ онъ, на грады и села наскочиша и тако горчайшимъ мученіемъ... имѣнья ту живущихъ безъ милости пограбиша. Подвластныхъ же всѣхъ аки рабы себѣ сотвориша, своя жъ рабы аки вельможи устроиша; правити же мнящесь и строити и вмѣсто сего неправды и нестроенія многая устроиша, мзду же безмѣрную отъ всякихъ избирающе, и вся по мздѣ творяще и глаголюще" [3]). Въ такомъ же видѣ Іоаннъ представляетъ правленіе бояръ во время своего дѣтства въ своей рѣчи на лобномъ мѣстѣ (1550); и здѣсь онъ упрекаетъ сильныхъ бояръ и вельможъ въ томъ, что они „самовластны

1) Соловьевъ, VI, 63 с. 2) Бѣловъ, 240—241 с. Соловьевъ, ibidem, 84 с., Иловайскій, 160—165 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, 158—160 с.

были, сами себѣ саны и почести похитили царскимъ именемъ и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись“ [1]). Среди такихъ безпрерывныхъ боярскихъ крамолъ, треволненій и всякаго рода опасностей и неправдъ боярскаго правленія росъ Іоаннъ IV, обладавшій впечатлительной и богато одаренной натурой. Занятые личными счетами и взаимными интригами, бояре не заботились о воспитаніи царственнаго отрока, обращались съ нимъ самымъ грубымъ образомъ и нарочно поощряли жестокія его забавы съ животными и людьми, которыя отвлекали молодаго князя отъ дѣлъ правленія [2]). По словамъ князя Курбскаго, Іоаннъ уже въ 12 лѣтъ упражнялся въ мученіяхъ животныхъ, „а пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще“. Въ 15 же лѣтъ Іоаннъ „началъ человѣковъ уроняти... и воистинну дѣла разбойническія самыя творяще... ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: О! храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ!“ [3]). Самъ Іоаннъ писалъ потомъ Курбскому, что бояре о немъ и его братѣ (Георгіѣ) „никоего промышленія добротнаго не сподобиша“, что они заставляли голодать ихъ обоихъ, высокомѣрно обращались съ ними, особенно же князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, который при играхъ великихъ князей—братьевъ сидѣлъ на лавкѣ, „локтемъ опершися, отца нашего о постелю ногу положивъ; къ намъ же не преклоняяся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабское жъ, ниже начало обрѣтеся“. Іоаннъ описываетъ также, какъ бояре-правители присвоили себѣ великокняже-

1) Соловьевъ, VI, 60 с. Въ „Степенной Книгѣ“ (Москва, 1775) говорится про время боярщины: „бояре великаго князя и прочіе вельможи изволиша собрати себѣ множество имѣнія, кійждо себѣ различныхъ и высочайшихъ сановъ желаху, иніи же и получаху. И нача быти въ нихъ самолюбіе и неправда и воздвигоша крамолу между себе и властолюбія ради другъ друга коварствоваху и не токмо въ заточеніе посылаху или въ темницахъ затворяху и юзами облагаху, но и самой смерти предаваху“ (II, 244 с.). 2) Соловьевъ, ibidem, 45—47 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, 6 с.

скую казну и надѣлали изъ нея золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ [1]).

Послѣдствія потворства и поощренія со стороны бояръ развитію дурныхъ наклонностей натуры Іоанна не замедлили сказаться вскорѣ и, прежде всего, по отношенію къ самимъ же боярамъ. Тринадцатилѣтній Іоаннъ, возмущенный своеволіемъ Шуйскихъ, приказалъ схватить „первосовѣтника", князя Андрея Ивановича Шуйскаго и отдать его псарямъ, которые и убили его. Вслѣдъ за этимъ были казнены (1546) и другіе бояре, особенно же изъ партіи Шуйскихъ (князь Кубенскій, Воронцовъ и др.) [2]). Но эти казни были отдѣльными единичными случаями, неотнимавшими власти у бояръ: Іоаннъ былъ еще слишкомъ молодъ и неопытенъ въ дѣлахъ правленія, которое теперь находилось въ рукахъ бояръ Глинскихъ, продолжавшихъ притѣснять и грабить народъ также, какъ это дѣлали и ихъ предшественники (Шуйскіе) [3]). Вскорѣ, однако, Іоаннъ проявилъ свой самостоятельный и рѣшительный характеръ, заявивъ боярамъ о своемъ желаніи жениться и вѣнчаться на царство по примѣру своихъ прародителей. Вѣнчаніе Іоанна на царство произошло въ 1547 году, причемъ онъ принялъ многознаменательный для его времени титулъ „царя", вошедшій послѣ этого во всѣ государственные акты. Въ томъ же году Іоаннъ женился на Анастасіи Романовнѣ (изъ рода бояръ Захарьиныхъ-Романовыхъ), которая оказала благотворное, умиротворяющее вліяніе на пылкую натуру Іоанна въ теченіе недолгой съ нимъ жизни. Нравственный переворотъ въ душѣ Іоанна произошелъ еще и вслѣдствіе страшныхъ московскихъ пожаровъ лѣтомъ 1547 г. и народнаго возстанія противъ бояръ Глинскихъ, дозволявшихъ своимъ слугамъ совершать безнаказанно насилія надъ населеніемъ столицы.

1—2) Сказанія князя Курбскаго, 159—160 с. 3) Иловайскій, III, 171 с.

Мятежъ былъ усмиренъ, но теперь на дѣла правленія пріобрѣтаютъ рѣшительное вліяніе не знатные бояре, а два мужа простаго происхожденія: пресвитеръ Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ. Первый былъ взятъ ко двору Іоанномъ „совѣта ради духовнаго“ [1]). Про Адашева же царь писалъ впослѣдствіи Курбскому: „намъ же измѣны отъ своихъ вельможъ видѣвше, взявъ сего отъ гноища и учиниxъ съ вельможами, чающе отъ него прямыя службы“ [2]). Адашевъ былъ пожалованъ Іоанномъ въ окольничьи и царь поручилъ ему принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ съ помощью, избранныхъ самимъ Адашевымъ, „судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ“. „Не бойся сильныхъ и славныхъ“, говорилъ ему Іоаннъ, рѣшившійся править государствомъ безъ помощи крамольныхъ бояръ, которые въ его малолѣтство потеряли свое старинное право быть наслѣдственными совѣтниками государя [3]). О своемъ желаніи взять на себя всѣ дѣла управленія царь заявилъ въ рѣчи къ народу, которому онъ обѣщалъ быть „судьей и обороной“ во всѣхъ случаяхъ притѣсненій [4]). Но намѣреніе царя не могло скоро осуществиться: Сильвестръ и Адашевъ принадлежали къ сильнѣйшей партіи бояръ (сначала Бѣльскихъ, а потомъ Шуйскихъ) [5]), которая продолжала чрезъ нихъ оказывать въ своихъ интересахъ большое вліяніе на царя [6]). Это видно изъ переписки Курбскаго съ Іоанномъ, въ которой первый приписываетъ Сильвестру и Адашеву все лучшее въ правленіи Іоанна, а послѣдній, напротивъ, упрекаетъ ихъ за самовластное управленіе всѣмъ государствомъ и разрушеніе „уложенія дѣда“ царя (т. е., Ивана Васильевича III). „Сіе мужіе два (т. е. Сильвестръ и Адашевъ), говоритъ Курбскій, творятъ полезное землѣ оной

1—2) Сказанія князя Курбскаго, 162—163 с. 3 и 6) Бѣловъ, 241 и 255—256 с. 4—5) Соловьевъ, VI, 60—61 и 58—59 с.

(московскому государству), опустошенной и зѣло бѣдно сокрушенной, утверждаютъ царя, собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ; и сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту ничесоже устроити или мыслити. И нарицались тогда оные совѣтницы у него *избранная рада* (дума, совѣтъ) [1]); воистинну по дѣломъ и нареченіе имѣли, понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили. Нѣкоторые же отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на высшія степени возводились“ [2]). Совсѣмъ другую оцѣнку дѣятельности Сильвестра и Адашева даетъ самъ Іоаннъ, который говоритъ, что Сильвестръ, „поправъ священные обѣты.... восхитихся властью, нача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ. Сильвестръ и со Алексѣемъ сдружился и отай насъ вмѣсто духовныхъ мірская начаша совѣтовати и тако помалу всѣхъ васъ бояръ начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе“.... *и васъ почалъ причитати къ вотчинамъ, ко градомъ и къ селомъ, еже дѣда нашего великаго государя уложеніемъ, которыя вотчины у васъ взимали и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися, и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно, и то дѣда нашего уложеніе разрушилъ*, и тѣхъ многихъ людей къ себѣ примирилъ. И потомъ единомысленника своего, князя Димитрія Курлятева къ намъ въ синклитію припустилъ. Ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша, и тако во всемъ свое хотѣніе улучиша [3]). Вы хотѣсте, говоритъ Іоаннъ въ другомъ мѣстѣ, съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими всю русскую землю видѣти. Сами государилися, какъ хотѣ-

---

1) Членами этой рады были лица изъ среды знатнѣйшихъ княжескихъ—боярскихъ родовъ: князь Курлятевъ, князь Андрей Курбскій, Воротынскій, Серебрянный, Одоевскій, Шереметевъ и др. (Костомаровъ, I, 413 с.). 2) Сказанія князя Курбскаго, Исторія Іоанна, 9—10; ср. 2-е письмо Курбскаго къ Іоанну, 215 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, 163—164 с.

ли, а съ меня все государство сняли: словомъ азъ быхъ государь, а дѣломъ ничего не владѣлъ" [1]). Іоаннъ укорялъ Сильвестра и его сторонниковъ—бояръ также и за то, что они стали во время его болѣзни (1553 г.) на сторонѣ князя Владиміра Андреевича и не желали присягать сыну Іоанна, Димитрію, „въ великомъ береженьи держали и помогали" царскому „измѣннику", ростовскому князю, Симеону и даже хотѣли судить самого царя въ дѣлѣ боярина Сицкаго [2]).

Такимъ образомъ, Курбскій и Іоаннъ—два политическихъ противника—одинаково подтверждаютъ, ччо Сильвестръ и Адашевъ съ своими приверженцами (боярами) управляли всѣмъ государствомъ въ то время, когда они находились при царѣ. Необходимо, однако, замѣтить, что въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Іоанномъ и Курбскимъ о Сильвестрѣ и Адашевѣ, есть нѣкоторая доля преувеличенія, въ которое поневолѣ впадали оба противника, защищавшіе противоположные политическіе взгляды. Какъ ни было велико вліяніе на царя обоихъ любимцевъ, оно, все-таки, не было исключительнымъ. Далеко не все въ государствѣ дѣлалось по волѣ Сильвестра и Адашева и Іоаннъ вовсе не былъ игрушкой въ ихъ рукахъ, какъ это онъ старается доказать. Такъ послѣ взятія Казани, когда всѣ „мудрые и разумные" (сторонники Сильвестра) совѣтовали ему пробыть тамъ зиму для окончательнаго покоренія края, „онъ же совѣтъ мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ же совѣта шурей своихъ" возвратиться поскорѣе въ Москву къ царицѣ [3]). Ливонская война была предпринята Іоанномъ также вопреки совѣтамъ Сильвестра и Адашева, которые, наоборотъ, настаивали на томъ, чтобы царь поспѣшилъ воспользоваться слабостью крымскихъ хановъ и покорить Крымъ [4]). Курбскій приписываетъ упорство Іоанна въ этомъ случаѣ вліянію на царя

1—4) Сказанія князя Курбскаго, 194—195, 165—166, 195—196, 33—34 с. и 55—56 с.

епископа, Вассіана Топоркова [1]), сына знатнѣйшаго боярина при Иванѣ III, князя Ивана Юрьевича Патрикѣева. Конечно, не по совѣту Сильвестра и его партіи изъ бояръ Іоаннъ навѣстилъ Вассіана, ненавидѣвшаго бояръ, послѣ того, какъ выздоровѣлъ отъ тяжкой болѣзни, во время которой вполнѣ сказались вся рознь и интриги бояръ, а въ томъ числѣ и самого Сильвестра, отказавшагося присягать сыну Іоанна, Димитрію. Не смотря, однако, на проявленія самостоятельности въ дѣйствіяхъ Іоанна по отношенію къ Сильвестру и его партіи, несомнѣнно, что его вліяніе на царя и все управленіе было громадно, что и подтверждается единогласно источниками времени Іоанна Грознаго [2]). Въ правительственной дѣятельности Сильвестра бросается въ глаза особенно одна черта, которая наводитъ на мысль, что Сильвестру были близки болѣе интересы бояръ съ связанными съ ними удѣльными порядками, чѣмъ охраненіе и развитіе самодержавія и единодержавія московскаго государя. Такъ, мы уже знаемъ, что когда Іоаннъ по возвращеніи изъ Казани въ Москву тяжко заболѣлъ и пожелалъ, чтобы бояре присягнули на царство Димитрію, Сильвестръ неожиданно для царя уклонился отъ присяги и выступилъ сторонникомъ притязаній на московскій престолъ удѣльнаго князя Старицкаго, Владиміра Андреевича: Сильвестръ съ своей партіей изъ бояръ не желалъ въ случаѣ смерти царя повиноваться боя-

---

1) Сказанія князя Курбскаго, 37—38 с. 2) Такъ въ „Царственной книгѣ" говорится: „Сильвестръ былъ у государя въ великомъ жалованьи и *совѣтѣ* духовномъ *и въ думномъ и бысть яко все мога*, и вся его послушаху, и никто же смѣяше ни въ чемъ же противитися ему, ради царскаго жалованья. Указываше и митрополиту, и владыкамъ, и боярамъ, и приказнымъ людемъ, и воеводамъ, и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людемъ, и спроста рещи, всякія дѣла и власти святительскія и царскія правяше, и никтоже смѣяше ничтожъ рещи, ни сотворити не по его повелѣнію; *и всѣми владѣяше, обѣма властьми и святительскими и царскими, яко же царь и святитель, точію имени и сѣдалища не имѣяше*, но поповское имѣяще; но токмо чтимъ добрѣ всѣми и владѣяще всѣмъ съ своими совѣтники". (342 с.).

рамъ Романовымъ—Захарьинымъ, усиленія которыхъ онъ опасался въ малолѣтство наслѣдника Іоанна [1]). Сильвестръ видимо склонялся къ тому, чтобы возстановить преобладающее значеніе боярства удѣльнаго періода: не даромъ Іоаннъ обвинялъ его въ томъ, что Сильвестръ заключилъ дружбу съ боярами, раздавалъ имъ должности въ управленіи и „разрушилъ уложеніе“ дѣда Грознаго тѣмъ, что возвратилъ своимъ единомышленникамъ вотчины, города и селы, которые были отняты у бояръ великими князьями московскими,—предшественниками Грознаго [2]). Но независимо отъ этихъ узко-сословныхъ стремленій Сильвестра и его сторонниковъ —бояръ, которыя находили себѣ нѣкоторое оправданіе въ семивѣковой ихъ давности, краткая эпоха правленія Іоанна при помощи Сильвестра и Адашева (1547—1560) представляетъ собою дѣйствительно свѣтлую страницу въ его исторіи особенно по сравненію съ послѣдующимъ, продолжительнымъ и мрачнымъ временемъ царствованія Грознаго (1560—1584). Въ эти первые годы правительственной дѣятельности Іоанна былъ созванъ имъ земскій соборъ (1548—1550) съ цѣлью умиротворенія всего государства, сильно разстроеннаго боярскими крамолами и несправедливымъ боярскимъ управленіемъ въ малолѣтство царя. Выборные на этомъ первомъ земскомъ соборѣ совѣщались съ царемъ и избранной радой, слѣдствіемъ чего были многія послѣдующія реформы по упорядоченію государства и урегулированію отношеній между правительствомъ и землей [3]). Соборъ 1548—1550 г., сблизившій царя съ народомъ, ослабилъ правительственное значеніе боярскаго сословія и способствовалъ къ укрѣпленію самодержавія царской власти [4]). Въ томъ же 1550 г. былъ „исправленъ по старинѣ“ Іоанномъ Судебникъ его дѣда, Ивана Васильевича III. Судебникъ былъ составленъ („уложенъ“) Іоанномъ IV по со-

---

1) Соловьевъ, VI, 184—185 с. 2) Ср. Бѣлова, стр. 256. 3) Латкинъ, 70 с. 4) Загоскинъ: „Исторія права московскаго государства“ I, 216 с.

вѣту съ боярами и первая же его статья говоритъ о боярскомъ судѣ, на которомъ должны были присутствовать: бояре, окольничьи, дворецкій, казначей и дьяки [1]). Всѣ спорныя дѣла должны были рѣшаться по Судебнику, а новыя, неуказанныя въ немъ, „съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору“ [2]). Царскій судебникъ объявляетъ законъ единственнымъ источникомъ права, но точно также, какъ и Судебникъ 1497 г., содержитъ въ себѣ только процессуальное право и не исключаетъ обширнаго примѣненія нормъ обычнаго права [3]), а слѣдовательно и древняго обычая широкаго участія бояръ въ управленіи. Поэтому едва-ли достигалась вполнѣ цѣль изданія Судебника Іоанномъ, стремившимся посредствомъ него ограничить населеніе отъ притѣсненій вельможъ и разширить земское самоуправленіе [4]). Права отдѣльныхъ князей и бояръ были значительно ограничены Іоанномъ еще нѣкоторыми другими законодательными мѣрами [5]).

Мирныя отношенія Іоанна къ Сильвестру, Адашеву и боярамъ продолжались недолго. Уже при покореніи Казани царь выразилъ свое недовольствіе „мудрымъ и разумнымъ синклитамъ; на единаго разгнѣвася, таково слово рѣкъ: нынѣ боронилъ мя Богъ отъ васъ“ [6]) и поспѣшилъ оставить Казань, не слушая совѣтниковъ. Охлажденіе Іоанна къ боярамъ возрасло еще болѣе во время его болѣзни при видѣ того, какъ большинство бояръ съ Сильвестромъ во главѣ отказалось рѣшительно отъ присяги церевичу—младенцу и заявило желаніе видѣть преемникомъ Іоанна на московскомъ престолѣ Владиміра Андреевича. Съ этого времени Іоаннъ

---

1) Jireček: Sw. d etc., 234 c. По Судебнику 1497 г. боярскій судъ состоялъ изъ бояръ, окольничьихъ и дьяковъ. 2) Jireček, ibidem, 97 и 98 статьи, 3) В.-Будановъ: „Обзоръ исторіи русскаго права“, 202—204 с. 4) Неволинъ, VI т., 127 с., В.-Будановъ, 203—204 с. 5) Б.-Будановъ: „Христоматія по исторіи русскаго права“, III, 31 с. (см. постановленіе 1562 г., ограничивающее права княжатъ на ихъ вотчины). 6) Сказанія князя Курбскаго, 33 с.

потерялъ довѣріе къ Сильвестру и началъ относиться подозрительно къ окружавшимъ его боярамъ. Вопреки ихъ совѣтамъ царь отправился на богомолье по монастырямъ и подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія противъ бояръ заѣхалъ къ епископу Вассіану и, по словамъ Курбскаго, спросилъ его „како бы мнѣ добрѣ царствовати и великихъ и славныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?". На это Вассіанъ прошепталъ царю на ухо: „аще хощеши самодержцемъ быти, не держи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго себя: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣти мудрѣйшихъ близь себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ". Іоаннъ поцѣловалъ руку Вассіана и сказалъ: „О! аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми" [1]). Вопросъ Іоанна Вассіану и явное удовольствіе, обнаруженное царемъ при отвѣтѣ ему епископа, показываютъ, что Іоаннъ видимо тяготился своими совѣтниками, изъ которыхъ главнѣйшій—Сильвестръ сдѣлался настоящимъ для него опекуномъ, контролирующимъ чуть не каждый шагъ царя не только въ его публичной, но даже и въ семейной жизни. Перемѣнѣ въ обращеніи Іоанна съ боярами способствовали, далѣе, покореніе имъ Казани и побѣды царя надъ крымцами, усилившія въ немъ сознаніе своего могущества и неограниченной власти: Іоаннъ отдаляется отъ Сильвестра и перестаетъ обращать вниманіе на „дѣтскія страшилы",—угрозы наказаніемъ божіимъ, къ которымъ Сильвестръ прибѣгалъ ранѣе, чтобы удержать за собой вліяніе на царя [2]). Но окончательный разрывъ отношеній Іоанна съ Сильвестромъ произошелъ по смерти Анастасьи (1560 г.). Сильвестръ, „видѣвше своихъ совѣтниковъ ни во чтоже бывше" [3]), добровольно ушелъ въ Бѣлоозерскій

1—3) Сказанія князя Курбскаго, 37—38, 187 и 167 с.

монастырь; Адашевъ отправленъ воеводою въ ливонскій городъ Феллинъ. Скоро надъ бывшими царскими любимцами былъ назначенъ по проискамъ ихъ враговъ судъ изъ бояръ — противниковъ обоихъ и епископовъ („прелукавыхъ мниховъ“)[1]). Обвиняемымъ не было позволено явиться для личныхъ объясненій и оба они осуждены на заточеніе: Сильвестръ въ Соловецкій монастырь, Адашевъ въ Дерптъ, гдѣ онъ скоро и умеръ. Подъ вліяніемъ новыхъ совѣтниковъ — враговъ партіи Сильвестра (боярина Басманова, Афанасія Вяземскаго, Малюты Скуратова, князя Бѣльскаго и др.) царь кладетъ опалу на всѣхъ бояръ, принадлежавшихъ къ удаленной отъ двора партіи. Гнѣвъ Іоанна, раздраженнаго „измѣной“ своихъ бывшихъ любимцевъ, обрушивается на оставшихся при дворѣ ихъ родственниковъ и близкихъ друзей. Въ это время были казнены: братъ Алексѣя Адашева, Даніилъ съ сыномъ, князь Овчина-Оболенскій, Дмитрій Курлятевъ и др.)[2]). Отъ болѣе знатныхъ бояръ Іоаннъ требуетъ клятвеннаго обѣщанія служить вѣрно царю и его сыновьямъ и не отъѣзжать отъ него въ Литву и другія государства. Такія клятвенныя обѣщанія съ поручными и подручными по нимъ записями бояръ были взяты Іоанномъ съ князя Василія Михайловича Глинскаго, князя Ивана Бѣльскаго, князя Воротынскаго и боярина Шереметева[3]). Въ это время оставилъ Москву и удалился въ Литву (1564 г.) сторонникъ и другъ Сильвестра, князь *Андрей Михайловичъ Курбскій*, опасавшійся опалы себѣ отъ Іоанна, который сталъ теперь чрезвычайно подозрительнымъ и мстительнымъ. Вскорѣ послѣ своего бѣгства въ Литву Курбскій прислалъ съ своимъ вѣрнымъ слугой, Василіемъ Шибановымъ письмо къ Грозному. Тогда-то началась та знаменитая переписка отъѣхавшаго знатнаго боярина съ грознымъ царемъ, въ которой ясно вы-

---

1) Сказанія князя Курбскаго, 70 с. 2) Сказанія etc., VI гл. 3) Собр. гос. гр. и догов., I, №№ 172, 175—181.

разилась рѣзкая противоположность двухъ политическихъ принциповъ, служившихъ цѣлью вѣковой борьбы между московскими государями и боярами. Курбскій настаивалъ на сохраненіи за боярами ихъ древнѣйшаго и неотъемлемаго отъ бояръ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ права самостоятельнаго совѣта государю во всѣхъ дѣлахъ управленія, а также и другаго не менѣе важнаго и стариннаго права отъѣзда. Необходимо, однако, замѣтить, что Курбскій разумѣлъ подъ правомъ совѣта бояръ государю въ государственныхъ дѣлахъ не обычное и неотрицаемое самимъ Грознымъ право боярской думы въ рѣшеніи дѣлъ правленія, а право „встрѣчи“ государю, возраженій ему, которыя царь долженъ былъ принимать во вниманіе [1]). Курбскій придаетъ такое большое значеніе совѣтамъ бояръ, что приписываетъ все хорошее въ царствованіе Іоанна „мудрымъ совѣтникамъ“ (Сильвестру и Адашеву съ ихъ сторонниками изъ бояръ) и видитъ причину всего зла и несчастій въ московскомъ государствѣ и безнравственной жизни самого Іоанна въ удаленіи ихъ царемъ отъ двора. Курбскій напоминаетъ Іоанну о томъ времени, когда все удавалось царю, слушавшему „избраннаго совѣта нарочитыхъ синклитовъ“; когда же его „прельстили прелукавые ласкатели“, настали всякаго рода внутреннія бѣдствія и внѣшнія неудачи [2]). Во времена Сильвестра Іоаннъ одерживалъ побѣды, покорялъ царства, предъ нимъ трепетали его враги; теперь (1564—1579) царь окруженъ вмѣсто мудрыхъ совѣтниковъ „прескверными паразитами и маньяками“; вмѣсто „крѣпкихъ стратиговъ“ при дворѣ „богомерскіе“ Бѣльскіе, вмѣсто „храбраго воинства кровожадные опричники,—чтенія св. писанія и пѣнія молитвъ—скоморохи съ пѣсньми“ [3]). Въ своей „Исторіи Іоанна“ Курбскій проводитъ туже мысль о необходимости для царя выслушивать

1) Ясинскій: „Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ“, Кіевъ, 1889, 91 с. 2—3) Сказанія князя Курбскаго, 200—201, 214—216 с.

совѣты бояръ, хвалитъ его за то, что онъ слушалъ совѣтовъ „избранной рады“, небреженіе которыми было, по его мнѣнію, причиной неудачъ царя въ походѣ на Казань и рѣзкой и вредной для всѣхъ перемѣны въ характерѣ царя и образѣ его жизни [1]). Курбскій негодуетъ на Вассіана Топоркова, давшаго Іоанну коварный совѣтъ не держать около себя умныхъ совѣтниковъ, а поступать во всемъ посвоему. Указавъ на тѣ бѣдствія, которыя принесли Давиду и Ровоаму гордость и презрѣніе къ совѣтамъ ихъ вельможъ, Курбскій продолжаетъ: „царь же аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; убо не зритъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ“ [2]). Такимъ образомъ, Курбскій отрѣшается отъ узко-сословныхъ взглядовъ московскаго боярства, готовъ допустить въ среду царскихъ совѣтниковъ и людей изъ другихъ сословій, способныхъ давать разумные совѣты. Необходимость для царя совѣтниковъ Курбскій доказываетъ, наконецъ, цитатами изъ сочиненія Цицерона, „римскаго наилѣпшаго синклита“: „мудраго разумъ величествомъ совѣта, яко муромъ (стѣною каменною) огражденъ“ [3]).

Также энергично Курбскій отстаиваетъ и второе важнѣйшее право московскихъ бояръ служить по своей доброй волѣ у московскихъ государей,—право свободнаго отъѣзда. „А еще пишеши, говоритъ Іоанну Курбскій въ отвѣтъ на второе его письмо къ нему, имянующе насъ измѣнники для того, иже есмя принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловати, яко тамо есть у васъ обычай, аще бы кто не при-

1) Ibidem, 1—5 гл. „Исторіи Іоанна“. 2) Ibidem, 38—40 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, 205 и 207 с.

сягнулъ, горчайшею смертію да умретъ; на сіе отвѣтъ мой: всѣ премудрые о семъ согласуются, аще кто по неволѣ присягаетъ или клянется, не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ, аще бо и гоненія не было; аще ли кто, прелютаго рода гоненія, не бѣгаетъ, аки бо самъ себѣ убойца" [1]). Курбскій смотрѣлъ на дѣятельность царя по отношенію къ боярамъ, какъ на завершеніе попытокъ лишить бояръ всякаго политическаго значенія. Въ отвѣтъ на первое „широковѣщательное и многошумящее писаніе" Іоанна Курбскій говоритъ: „и уже не разумѣю, чего уже у насъ хощеши? Уже не токмо единоплеменныхъ княжятъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра, различными смертьми поморилъ еси, и движимыя стяжанія и недвижимыя, чего еще былъ дѣдъ твой и отецъ не разграбилъ, но и послѣднихъ срачицъ, могу рещи со дерзновеніемъ, по евангельскому словеси, твоему прегордому и царскому величеству не возбранихомъ" [2]). Курбскій называетъ здѣсь Іоанна „прегордымъ и царскимъ величествомъ",—титуломъ, который, очевидно, не нравился потомку удѣльныхъ князей [3]), упоминавшему не разъ въ своей перепискѣ о своемъ происхожденіи отъ великаго князя смоленскаго, Ѳеодора Ростиславича, и своемъ родствѣ съ самимъ Іоанномъ [4]). Курбскій даже противопоставляетъ свой княжескій родъ, въ которомъ „княжата не обыкли тѣло своего ясти и крови братіи своей пити кровопійственному роду" князей московскихъ [5]).

Въ своихъ отвѣтахъ на письма Курбскаго Іоаннъ, съ своей стороны, указываетъ на старинную, наслѣдственную вражду бояръ съ великимъ князьями московскими, его предшественниками. „Понеже убо извыкосте отъ прародителей своихъ измѣну чинити", говоритъ Іоаннъ Курбскому, и упоминаетъ затѣмъ объ „измѣнѣ" дѣду и отцу царя и „надмен-

---

1—2) Сказанія князя Курбскаго, 201 и 192 с. 3) Соловьевъ, VI, 212 с. 4—5) Сказанія etc., 133 и 202—203 с.

ныхъ словахъ“ Іоанну III и матери Грознаго предковъ Курбскаго, котораго царь называетъ „рожденіемъ исчадія ехиднаго“ [1]). Въ противоположность взгляду Курбскаго, что царь долженъ совѣтоваться съ боярами Іоаннъ доказываетъ, что его неизмѣнное право на „самодержство“ имѣетъ древнѣйшее происхожденіе отъ времени св. Владиміра и замѣчаетъ, что онъ родился „во царствіи, свое взяхомъ, а не чужое восхитихъ“. Іоаннъ защищаетъ ссылками на св. писаніе божественное происхожденіе и неограниченность своей царской власти: „россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи“ [2]). Іоаннъ выставляетъ выгоды самодержавія и укрѣпленія единодержавія сравнительно съ удѣльными порядками. „Тщужеся со усердіемъ, говоритъ онъ о себѣ, люди на истину и на свѣтъ наставити... а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, ими же царствіе растлѣвается. Аще убо царю не повинуются подвластные, никогда же отъ междоусобныхъ браней престанутъ. Или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злая творити междоусобными браньми и самовольствомъ“ [3]), спрашиваетъ Іоаннъ Курбскаго? „Како и самодержецъ наречется, аще ли ни самъ строитъ“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [4]). Въ отвѣтъ на упрекъ Курбскаго въ удаленіи отъ двора Сильвестра съ его друзьями—боярами Іоаннъ вспоминаетъ съ горечью боярскія крамолы во время своего дѣтства, свое униженіе предъ высокомѣрными боярами Шуйскими и обвиняетъ Сильвестра и Адашева въ самовольномъ захватѣ власти въ государствѣ [5]). „Или убо сіе *свѣтло*, спрашиваетъ царь Курбскаго, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо председаніемъ и царствія честію почтенну быти, властью же ничимъ же лучше быти раба? А се ли *тьма*, яко царю содержати повеленная?“ [6]).

1—6) Сказанія князя Курбскаго, стр.: 155, 136—141, 169, 149, 158—166.

Іоаннъ доказываетъ примѣрами изъ священнаго писанія весь вредъ господства духовенства въ свѣтскихъ дѣлахъ: „смотри же сего, говоритъ онъ, яко не подобаетъ священникомъ царская творити“ [1]). Царь беретъ аналогичные примѣры еще изъ исторіи древнихъ народовъ: персовъ, грековъ и др.: „царствующіе грады, замѣчаетъ при этомъ Іоаннъ, отовсюду въ утѣсненіи велицѣ начаша пребывати... епархомъ и синклиту всему не престающе отъ своего злаго перваго обычая никакоже, все лицо разорити царства помыслъ полагающе. Та же убо отовсюду греки во многихъ странахъ дани взимаху; потомъ же нестроенія ради, а не Бога ради, подобно и вашему злолукавому злому совѣту, сами дани даяти начаша, и тако убо царствующему граду во обтѣсненіи велицѣ пребывающу“ [2]). „Смотри же убо се и разумѣй, прибавляетъ Іоаннъ, каково правленіе составляется въ разныхъ началѣхъ и властѣхъ, и понеже убо тамъ быша царіе послушны епархомъ и синклитомъ, и въ какову погибель пріидоша. Многихъ владѣніе подобно женскому безумію: аще не подъ единою властью будутъ, аще и крѣпки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумію подобно есть“ [3]). Грозный отдаетъ справедливость мужеству и уму предковъ, современныхъ ему, бояръ, храбрость которыхъ „ни къ единому ихъ сонному видѣнію подобна“. Іоаннъ иронизируетъ надъ такими храбрыми и мудрыми людьми, которые „ни кѣмъ же понуждаеми, но своими хотѣніи и бранной храбрости хотимы тринадесять лѣтъ до нашего возраста (1547—1560) не могоша отъ варваръ христіанъ защитити“. Іоаннъ упрекаетъ Курбскаго и его товарищей въ томъ, что они ходили въ Казань „съ понужденіемъ, а не съ хотѣніемъ“, отвращали народъ отъ брани „безумными глаголы“, губили напрасно войско при осадѣ города и послѣ того, какъ онъ былъ взятъ,

1—3) Сказанія князя Курбскаго, стр. 144 и 150, 152—153 и 154.

бросились грабить жителей... „Егда же Алексѣева и ваша собацкая власть преста, тогда и тако нашему царствію государское во всемъ послушно учиниша [1]). Такожде убо тогда и отъ литовскія рати дѣтскими страшилы устрашистеся. А за такія ваши послуги достойны есте были многихъ опалъ и казней“ [2]).

Іоаннъ не забываетъ и права отъѣзда бояръ, съ которымъ онъ покончилъ еще въ 1553 году, когда по случаю приведенія къ присягѣ бояръ царевичу Димитрію была взята царемъ съ Владиміра Андреевича запись, въ которой послѣдній обѣщался Іоанну „не принимать къ себѣ его бояръ и служебныхъ людей безъ царскаго велѣнья“ [3]). Іоаннъ приводитъ въ видѣ укора Курбскому стойкость Шибанова при допросѣ и утверждаетъ, что князь своимъ отъѣздомъ „не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси: они, давъ свои души, до смерти своей служили и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служить и дѣда нашего дѣтемъ и внучатомъ“ [4]). Царь приписываетъ Курбскому и его товарищамъ „безчеловѣчное убіеніе“ Глинскаго и „доброхотныхъ бояръ“ царскихъ и называетъ Курбскаго „измѣнникомъ“ [5]). „А измѣнникамъ вездѣ казнь бываетъ и опала“ [6]). Іоаннъ считаетъ своимъ правомъ награждать вѣрныхъ своихъ слугъ и наказывать невѣрныхъ: „а жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жь есмя“ [7]). Грозный непоколебимо убѣжденъ и въ томъ, что царь не обязанъ „безсловесно смирятися“ предъ своими врагами. „Тако же и во благочестивыхъ царей временѣхъ, замѣчаетъ онъ, много обрящется злѣйшее мученіе“. Іоаннъ оправдывается въ казняхъ бояръ примѣромъ императора Константина, который казнилъ своего родного сына,—князя Ѳеодора Ростиславича, предка Курбскихъ, пролившаго въ Смоленскѣ мно-

1—2) Сказанія князя Курбскаго, стр.: 172—174 и 180. 3) Собр. гос. гр. и догов., I, № 167. 4—7) Сказанія etc., стр.: 140, 162, 180 и 156.

жество крови на Пасху,—Давида, который убилъ въ Іерусалимѣ всѣхъ, нехотѣвшихъ признать его царемъ. Тѣмъ болѣе должны быть казнены, по мнѣнію Іоанна, московскіе бояре, которые не приняли прирожденнаго сына царя, даннаго имъ Богомъ, нарушили крестную ему клятву и, „елико возможно злая сотвориша" [1]). Іоаннъ объясняетъ начало казней бояръ необходимостью „стать за себя" въ то время, когда бояре явно измѣнили ему и хотѣли было возвести на московскій престолъ Владиміра Андреевича. Послѣ этого „вы (Курбскій съ товарищами) почали противъ меня больше стояти, да измѣняти; и я потому жесточайше сталъ противъ васъ стояти: азъ хотѣлъ вы покорити въ свою волю" [2]). Іоаннъ заявляетъ, что онъ не желалъ казнить бояръ тотчасъ по удаленіи отъ двора Сильвестра и его друзей—бояръ: „исперва же убо казнію конечною ни единому коснухомся; всѣмъ же убо, иже къ нимъ не приставши, повелѣхомъ отъ нихъ отлучитися и къ нимъ не пристояти"; но такъ какъ бояре, „не токмо отсташа отъ тѣхъ измѣнниковъ, но и большими начаша помогати имъ и всячески промышлять, дабы ихъ на первый чинъ возвратити и на насъ лютѣйшее составити умышленіе; и понеже убо злоба неутолимая явися и разумъ непреклоненъ обличися, сего ради повинные по своей винѣ таковъ судъ пріяли" [3]).

Отъѣздъ Курбскаго, знаменитаго и ближайшаго къ царю „бояринa, совѣтника и воеводы" [4]) сильно повліялъ на Іоанна, развилъ въ немъ еще болѣе подозрительность и недовѣріе къ окружающимъ его боярамъ. Безпрекословное согласіе и послушаніе ихъ царскимъ приказаніямъ казались обманчивыми Іоанну, который былъ увѣренъ въ продолжавшемся при дворѣ вліяніи партіи Курбскаго. „Въ болярѣхъ же нашихъ, писалъ ему царь, несогласія нѣсть: развѣ друговъ и

1—4) Сказанія князя Курбскаго, стр.: 145—147, 196, 167—168 и 137.

совѣтниковъ вашихъ, яже нынѣ, подобно бѣсомъ, вся совѣты своя лукавые не престающе въ нощи содѣвающе" [1]). Въ глазахъ Іоанна Курбскій былъ главой цѣлой, враждебной ему партіи бояръ, которая имѣла опредѣленные политическіе взгляды, противорѣчащіе идеѣ о неограниченной царской власти, открыто заявляла о нихъ въ лицѣ князя Курбскаго и отстаивала свои старинныя политическія права всевозможными средствами: прямымъ вліяніемъ на царя чрезъ его любимцевъ (Сильвестра и Адашева), интригами и отъѣздами въ Литву. Эти отъѣзды недовольныхъ бояръ, уничтоженные Іоанномъ юридически [2]), продолжались фактически во все его царствованіе. Никакія клятвенныя, поручныя и подручныя записи, отбираемыя Іоанномъ отъ подозрительныхъ для него бояръ, не могли удержать ихъ и остальныхъ ихъ товарищей отъ попытокъ бѣжать изъ Москвы при первомъ же удобномъ случаѣ: только такимъ путемъ можно было многимъ изъ нихъ спасти себя отъ жесточайшихъ пытокъ, звѣрскихъ мученій и позорной смерти отъ руки опричниковъ или же и самого царя. Іоаннъ, сознавая все могущество своей царской власти, вступилъ въ рѣшительную борьбу съ своими политическими противниками—московскими боярами [3]), которыхъ онъ считалъ измѣнниками себѣ, хотя даже Курбскій не посягалъ на верховную власть московскаго царя и требовалъ только сохраненія за боярами стариннаго ихъ права совѣта царю и—необязательной, свободной ему службы. Однимъ изъ средствъ въ этой неравной борьбѣ Іоанна съ боярами, въ которой явное преимущество было на сторонѣ царя, явилось учрежденіе имъ опричнины (1565 г.), которому предшествовало внезапное удаленіе Іоанна съ своимъ дворомъ изъ Мо-

---

1) Сказанія etc., 189 с. 2) Собр гос. гр. и дог., I, №№ 182 (1565 г.), 184—186, 189—191 (1566 г.), 194—199 (1571 г.) и 201 (1581 г.). 3) Б.-Рюминъ, II, 1, 260—263 с., Р.-Славатинскій: „Русское государственное право", 2 изд., 53 стр.

сквы въ Александровскую слободу, откуда онъ вслѣдъ затѣмъ прислалъ въ столицу грамоту. Въ ней царь жалуется на расхищеніе во время его малолѣтства боярами помѣстій, вотчинъ и кормленій и на препятствія со стороны духовенства и бояръ къ наказанію Іоанномъ виновныхъ бояръ и служилыхъ людей. Въ этой же грамотѣ говорится, что царь, „не могши ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти“, оставляетъ государство. Въ другой грамотѣ, обращенной къ народу, заявлялось, что царь не держитъ на него гнѣва и опалы. Іоаннъ согласился снова управлять государствомъ только по усиленной просьбѣ высшаго духовенства и знатныхъ бояръ и подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы ему была предоставлена полная свобода поступать съ измѣнниками боярами, какъ ему угодно, и чтобы вся московская земля была раздѣлена на опричнину и земщину. Опричнина состояла изъ извѣстнаго числа (1000 человѣкъ) довѣренныхъ лицъ царя (князей, бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и служилыхъ дворовыхъ людей), которымъ были розданы въ помѣстья вотчины, — остатки бывшихъ удѣловъ, принадлежавшихъ княжескимъ фамиліямъ. Настоящіе же владѣтели вотчинъ были выведены изъ своихъ земель и получили помѣстья въ областяхъ, отдаленныхъ отъ прежнихъ ихъ земель, гдѣ они не могли имѣть какое-либо вліяніе [1]). Кромѣ вотчинъ, на содержаніе опричниковъ были отдѣлены еще извѣстные города и даже нѣкоторыя улицы и слободы въ Москвѣ, гдѣ должны были жить опричники. Все остальное въ государствѣ было названо земщиной и отдано въ управленіе знатнымъ боярамъ (князю Бѣльскому, князю Мстиславскому и др.). Въ 1575 г. во главѣ земщины былъ поставленъ съ титуломъ великаго князя всея Руси крещеный касимовскій царь, Симеонъ Бекбулатовичъ. Земскіе бояре завѣдовали всѣми текущими дѣлами и

---

1) Флетчеръ, см. въ „Русской Исторіи“ Б.-Рюмина, II, 1, 261 с., Соловьевъ, VI, 220—223 с.

только въ „ратныхъ вѣстяхъ или земскихъ великихъ дѣлахъ“ докладывали государю [1]). Такимъ образомъ, при всей враждѣ и полномъ недовѣріи къ боярамъ Грозный признаетъ политическое ихъ значеніе, какъ правительственнаго класса. Высшее управленіе государствомъ остается аристократическимъ. Боярская Дума руководитъ всей почти русской землей посредствомъ подчиненныхъ ей приказовъ и во многихъ дѣлахъ рѣшаетъ самостоятельно безъ доклада царю [2]). Но, съ другой стороны, Грозный, напуганный своеволіемъ бояръ во время своего дѣтства, заподозриваетъ всѣхъ бояръ, особенно въ виду протеста отъ всѣхъ нихъ въ лицѣ Курбскаго, въ намѣреніи ограничить его царскую власть и рѣшается отстранить отъ себя родовыхъ и знатнѣйшихъ изъ ихъ числа. Царь не могъ наложить безъ основаній опалу на всѣхъ бояръ, лишить ихъ должностей, сановъ, голоса въ думѣ и сослать въ заточеніе [3]). Не смотря на всю разрозненность въ средѣ московскаго боярства, политическая его сила была еще на столько велика, что самъ Грозный не возводилъ въ бояре лицъ низкаго происхожденія. Такъ Алексѣй Адашевъ былъ только окольничимъ. Іоаннъ долженъ былъ допустить и мѣстническіе счеты между боярами, усилившіеся съ уничтоженіемъ Грознымъ права ихъ отъѣзда [4]). Управленіе земщиной онъ поручаетъ также знатнѣйшимъ боярамъ. Но если нельзя было удалить отъ себя старинное вельможество, то оставалось, по замѣчанію Соловьева, одно средство—самому уйти отъ него; такъ Іоаннъ и сдѣлалъ, учредивши опричнину [5]), въ которой начало служебное,—заслуга было поставлено на мѣсто родоваго, кровнаго [6]). Не желая имѣть ничего общаго съ старыми вельможами, Іоаннъ избираетъ изъ среды преданныхъ ему опричниковъ весь штатъ своего новаго двора, опричнину противопоставляетъ

---

1) Соловьевъ, VI, 224 с., Б.-Рюминъ, ibidem, 264—265 с. 2) Ключевскій, 337 с., 3 и 5) Соловьевъ, ibidem. 4) Яблочковъ, 140 с. 6) Бѣловъ, 279—280 с.

земщинѣ, во главѣ которой остаются бояре,—царскіе „недоброхоты и измѣнники“. Своимъ полнымъ разрывомъ съ боярами Іоаннъ хотѣлъ показать народу, что интересы царской власти, отъ которыхъ не отдѣлимы и народные, отличаются рѣзко отъ узкихъ, сословныхъ стремленій боярства, что царь хотя и не можетъ удалить его отъ дѣлъ правленія, но за то самъ оставляетъ государство и народъ и предоставляетъ ему еще разъ извѣдать на дѣлѣ всѣ невыгоды боярскаго правленія. Отдѣлившись отъ бояръ съ своей опричниной, Іоаннъ могъ теперь свободно дѣйствовать противъ нихъ съ помощью новыхъ лицъ, интересы которыхъ совершенно совпадали съ царскими интересами[1]). Такъ какъ опричнина была въ рукахъ Іоанна орудіемъ борьбы противъ боярства, то понятно, что главною обязанностью каждаго опричника была безпрерывная вражда съ старыми вельможами, которую опричники должны были поддерживать въ самомъ царѣ[2]). Опричники не могли лишить бояръ правительственнаго ихъ значенія, признаннаго самимъ Грознымъ. Іоаннъ вооружался противъ боярскихъ политическихъ правъ[3]), но не могъ отнять ихъ у боярства. Но за то мести царя и опричниковъ подвергался каждый бояринъ, который навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ царю[4]). Съ помощью опричнины Іоаннъ начинаетъ истреблять всѣхъ тѣхъ бояръ, которые чѣмъ-либо возбудили гнѣвъ царя и подозрѣніе въ измѣнѣ. Достаточно было какому-либо боярину не угодить чѣмъ-либо грозному царю, чтобы подпасть опалѣ, за которой слѣдовали

---

1) Бѣляевъ, Лекціи, 478 с. 2) Соловьевъ, VI, 225 с. 3) Бѣляевъ, ibidem, 476 стр. Послѣ учрежденія опричнины Іоаннъ, желая уничтожить память о прежнемъ земскомъ значеніи бояръ, предпринялъ (1566 г.) уравненіе правъ старинныхъ боярскихъ родовъ съ правами остальныхъ служилыхъ людей. Съ этою цѣлью всѣ члены боярскихъ родовъ были переименованы въ дворянъ, а названіе боярскихъ дѣтей, которое со времени Василія Ивановича примѣнялось ко всѣмъ боярскимъ родамъ, было перенесено на низшихъ служилыхъ людей (Бѣляевъ, ibidem, 478 с.) 4) Ключевскій, 349 с.

обыкновенно кровавыя истязанія виновнаго, а еще чаще жестокая и мучительная его смерть отъ руки опричниковъ. Іоаннъ хотѣлъ истребить бояръ чуть не поголовно. Въ своей непримиримой ненависти и полномъ недовѣріи къ боярству онъ дошелъ до такого состоянія, что даже при рабскомъ подчиненіи царю всѣхъ окружающихъ [1]) ему всюду мерещились опасности отъ заговоровъ бояръ противъ его власти, которая была на самомъ дѣлѣ неограниченна. Грозный, хотя и поручилъ управленіе государствомъ земскимъ боярамъ, но въ дѣйствительности ничто въ государствѣ не дѣлалось безъ его воли [2]). Казни возобновлялись нѣсколько разъ въ теченіе остальнаго времени царствованія Іоанна (въ 1565, 1567, 1569, 1571 и 1577 г.г.), причемъ погибли знаменитый митрополитъ Филиппъ (изъ рода бояръ Колычевыхъ), рѣшившійся настаивать на уничтоженіи опричнины, князь Владиміръ Андреевичъ и масса знатныхъ и простыхъ бояръ [3]). Опричнина была уничтожена въ 1572 г., но опалы и казни продолжались до конца царствованія Іоанна. Послѣднимъ ужаснымъ актомъ звѣрской дѣятельности опричнины былъ страшный погромъ царемъ вмѣстѣ съ ними Новгорода (1570 г.), который навлекъ на себя гнѣвъ Іоанна своимъ сочувствіемъ опальному митрополиту Филиппу. При разграбленіи и безпощадномъ истребленіи жителей Новгорода наиболѣе пострадало отъ руки опричнины духовенство

---

1) При Грозномъ всѣ князья и знатные бояре должны были подписываться въ челобитныхъ и правительственныхъ актахъ холопами великаго государя и употреблять уменьшительныя имена (Соловьевъ, VII, 11 с., Ключевскій, Сказанія etc., 74 с.), между тѣмъ какъ лица остальныхъ низшихъ сословій сохранили полное названіе своего сословія. Такъ поселянинъ подписывался въ челобитной государю: „крестьянинъ твой такой-то“. Этотъ фактъ доказываетъ, что всѣ усилія Грознаго были направлены къ тому, чтобы лишить бояръ прежняго преобладанія въ государствѣ и низвести ихъ на степень своихъ слугъ (Ключевскій, 71 с.). 2) Маржеретъ: „Историческія записки“, Москва, 1830, 24 с., Бѣловъ, 295 с., Иловайскій, III, 263 с. 3) Сказанія князя Курбскаго, VII гл. „Исторіи Іоанна“.

вмѣстѣ съ своимъ главою—архіепископомъ Пименомъ: въ немъ Грозный видѣлъ центръ всего недовольства [1]).

Продолжительная, систематическая борьба Іоанна Грознаго съ московскимъ боярствомъ сначала путемъ законодательныхъ мѣръ, а потомъ безпрерывныхъ опалъ и казней потрясла весь общественный строй русской земли, всѣ „закоснѣнныя прародительствія земли“, по выраженію Грознаго [2]), но не разрушила ихъ окончательно. Грозный отвратилъ отъ Россіи опасность господства олигархіи [3]), хотя и не окончательно и не навсегда. Въ теченіе цѣлаго ряда послѣдующихъ царствованій, особенно во все смутное время (1605—1613) политическія притязанія московскаго боярства ожили вновь на столько, что съ ними пришлось считаться всѣмъ преемникамъ Грознаго. Въ эпоху же междуцарствія (1610—1613) въ рукахъ бояръ была даже судьба всего русскаго государства. Грозному наслѣдовалъ старшій сынъ его, *Θеодоръ Ивановичъ* (1584—1598), обладавшій слабымъ здоровьемъ и недальнимъ умомъ [4]). Сознавая его неспособность къ управленію государственными дѣлами, Иванъ Васильевичъ назначилъ для руководства сыну въ дѣлахъ управленія изъ числа знатнѣйшихъ бояръ пять совѣтниковъ, бывшихъ членами Думы: Мстиславскаго, Василія Ивановича Шуйскаго, Никиту Романова, Богдана Бѣльскаго и Бориса Годунова [5]). Θеодоръ Ивановичъ ненаслѣдовавшій отъ своего отца твердаго и рѣшительнаго характера, не могъ держать въ повиновеніи московскихъ бояръ, почуявшихъ свою силу тотчасъ же по кончинѣ Грознаго. Въ теченіе всего царствованія Θеодора продолжалась борьба изъ за власти, „за регентство“ [6]) между нѣсколькими знатными боярскими родами: Мстиславскими, Шуйскими и Годуновыми. Представитель боярской

1—3) Бѣловъ, 291—292, 296 и 236 с. 4) Соловьевъ, VII, 262 с., Иловайскій III, 332 с., Маржеретъ, 25 с. 5) Соловьевъ, VII, 264 с., Бѣловъ, назв. статья, Ж. М. Н. П., 1886, IV кн., 31 с. 6) Соловьевъ, VII, ibidem.

скаго рода Годуновыхъ, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, на сестрѣ котораго былъ женатъ Ѳеодоръ, пріобрѣлъ исключительное вліяніе на ограниченный умъ государя и отъ его имени управлялъ всѣмъ государствомъ. Борисъ Годуновъ постепенно удалилъ изъ Москвы своихъ соперниковъ—бояръ. Немедленно послѣ смерти Грознаго его малолѣтній сынъ, Димитрій вмѣстѣ съ своею матерью и родственниками, боярами Нагими былъ высланъ въ г. Угличъ. Но воспитатель Димитрія, бояринъ Богданъ Бѣльскій остался въ Москвѣ для управленія государственными дѣлами. Остальные старѣйшіе бояре: Мстиславскіе, Шуйскіе и др., не желая допускать господства въ государствѣ Годунова и Бѣльскаго, пустили слухъ, что Богданъ Бѣльскій „извелъ царя Ивана Васильевича, а нынѣ хочетъ бояръ побити и подыскати подъ царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ царства московскаго своему вѣрному совѣтнику Годунову“ [1]). Народъ и войско взволновались, подступили къ Кремлю и стали требовать выдачи Бѣльскаго: „онъ хочетъ извести царскій корень и боярскіе роды“ кричали бунтовщики [2]). Москва успокоилась только тогда, когда царь выслалъ къ народу боярина Мстиславскаго съ обѣщаніемъ выслать изъ города Бѣльскаго, который былъ назначенъ воеводой въ Нижній Новгородъ [3]). Вслѣдъ за этимъ были высланы изъ Москвы и заточены въ различныхъ областяхъ бояре, враждебные Б. Годунову: Мстиславскіе, Воротынскіе и Головины [4]). Не избѣгли той же участи и примирившіеся, повидимому, съ Годуновымъ бояре Шуйскіе, которые вздумали было послать царю Ѳеодору челобитную о томъ, чтобы онъ развелся съ безплодной Ириной и взялъ себѣ жену изъ другаго болѣе знатнаго боярскаго рода. Годуновъ успѣлъ отговорить митрополита Діонисія отъ подачи царю челобитной, но не „умягча своего сердца на Шуйскихъ“, которые были обвинены по доносу ихъ слуги въ заговорѣ про-

1, 2 и 4) Никонова лѣт., VIII, 6—9 с. 3) Иловайскій, III, 333 с.

тивъ царя, схвачены и отправлены въ ссылку [1]). Освободившись отъ всѣхъ своихъ соперниковъ, стремившихся къ ограниченію власти Годунова [2]), послѣдній достигъ высшаго положенія въ государствѣ. Годуновъ, награжденный богатыми помѣстьями, высокимъ званіемъ „великаго и ближняго боярина и слуги государева“ и правителя царствомъ казанскимъ и астраханскимъ, сталъ властно распоряжаться во всемъ государствѣ [3]). Опираясь на царскую власть Θеодора Ивановича, при помощи которой Годунову удалось взять верхъ надъ своими соперниками—знатными боярами [4]), онъ прилагалъ всѣ силы къ тому, чтобы умиротворить государство и развить благосостояніе всего населенія, за исключеніемъ боярскаго сословія. По совѣту Годунова были изданы Θеодоромъ Ивановичемъ указы (1591—1597 г) о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ [5]). Впослѣдствіи злѣйшій врагъ Годунова говорилъ: „царь Θеодоръ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ“ [6]). И дѣйствительно, эта мѣра, увеличивая податныя силы государства и способствуя экономическому развитію страны, какъ мы видѣли, отзывалась невыгодно на боярахъ—землевладѣльцахъ, несшихъ на себѣ всю отвѣтственность за уплату податей крестьянами. Съ учрежденіемъ патріаршества (1589 г.) Годуновъ пріобрѣлъ крѣпкую поддержку для своей власти въ новомъ патріархѣ Іовѣ и другихъ архіереяхъ, возвышенныхъ въ митрополиты или архіепископы [7]). Наконецъ, чтобы обезпечить за собой и своимъ потомствомъ московскій престолъ, Борисъ Годуновъ приказалъ умертвить царевича Димитрія, проживавшаго въ Угличѣ [8]).

---

1) Никонова лѣт., VШ, 6—9 с. 2) Хлѣбниковъ, 194 с. 3) Соловьевъ, VII, 272—273 с., Иловайскій, Ш, 337 с., Костомаровъ, I, 571 с., Яблочковъ, 173 с. 4) Соловьевъ, VII, 394 с. 5) Бѣляевъ, Лекціи, 479 с., Бѣловъ, 33 - 37 с., Яблочковъ, 177--179 с. 6) Бѣловъ, ibidem. 7) Иловайскій, 350 с. 8) Никонова лѣт., VШ, 15—19., Соловьевъ, VII, 441—452 с., Костомаровъ, I, 562—564 с., Иловайскій, 352—354 с., Маржеретъ, 27—28 с.

По смерти Θеодора Ивановича, съ которымъ прекратилась на русскомъ престолѣ династія Рюриковичей, народъ присягнулъ царицѣ Иринѣ Θеодоровнѣ, но она удалилась въ монастырь и тамъ постриглась. Тогда дьякъ, Василій Щелкаловъ вышелъ къ собравшемуся въ Кремлѣ народу и потребовалъ отъ него присяги на имя боярской думы, но получилъ въ отвѣтъ: „не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу". Когда же дьякъ объявилъ, что царица поступила въ монастырь, народъ закричалъ: „да здраствуетъ Борисъ Θеодоровичъ"[1]). Этотъ крикъ указываетъ, что среди московскаго населенія и войска были приверженцы Бориса, привлеченные на его сторону деньгами и различными обѣщаніями. Отъ простаго же народа только Борисъ рѣшился принять московскій престолъ, желая избѣжать какихъ-либо ограниченій своей власти со стороны ненавидѣвшихъ его бояръ (Шуйскихъ и др.)[2]). Мысль о такомъ ограниченіи могла зародиться въ умѣ бояръ, напуганныхъ жестокими казнями Грознаго и думавшихъ признать Годунова царемъ на нѣкоторыхъ условіяхъ[3]). Поэтому Борисъ до тѣхъ поръ не хотѣлъ слушать увѣщаній и просьбъ патріарха Іова съ боярами, предлагавшими ему московскую корону[4]), пока не собрался земскій соборъ. Здѣсь Іовъ и другіе сторонники Годунова, напомнивъ присутствующимъ о подвигахъ и заслугахъ Годунова, которые давали ему право на московскій престолъ, предложилъ просить Бориса принять его[5]), на что Годуновъ, наконецъ, согласился[6]). *Борисъ Годуновъ* (1598—1605), воспитанный при дворѣ Грознаго, понималъ ясно, что царь стремился путемъ опалъ и казней раз-

1) Соловьевъ, VIII, 4 с. 2) Лѣтописецъ прямо говоритъ: „Князи жъ Шуйскіе едиными не хотяху его (Бориса) на царство, узнаху его, что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію, онеже отъ него потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша" (Никонова л., VIII, 36 с.). 3) Соловьевъ, VIII, 10 и 502 с., Ключевскій, 359 с., Иловайскій, III, 360 с. 4) А. А. Э., II, № 7, Маржеретъ, 30—34 с. 5) А. А. Э., II, № 6. 6) Никон. л., VIII, 36—37 с.

рушить политическую силу боярства въ московскомъ государствѣ и сдѣлать свою власть вполнѣ неограниченною. Эту цѣль Годуновъ имѣлъ въ виду еще въ царствованіе Θеодора Ивановича, когда онъ удалялъ изъ Москвы своихъ соперниковъ наиболѣе родовитыхъ, знатныхъ бояръ, какъ заговорщиковъ противъ жизни царя. Сдѣлавшись самъ государемъ, Борисъ рѣшился продолжать тоже дѣло Грознаго, заставить всѣхъ бояръ признать верховную власть московскаго царя. Уже въ соборномъ опредѣленіи 1598 г. объ избраніи Годунова на царство бояре единогласно обязались „служить государю, царю и великому князю, Борису Θеодоровичу“ и всей его семьѣ, „и которымъ имъ государемъ впредь Богъ дастъ и въ послушаніи быти ихъ государскихъ повелѣній, головъ не щадити за нихъ государей и мимо ихъ государей своихъ иного государя не хотѣти и не искати и не мыслить, ни думать, ни которыми дѣлы, ни которою хитростью“ 1). Въ подкрестной записи рѣшительно уничтожается право отъѣзда, которое бояре считали, очевидно, своимъ неотъемлемымъ правомъ даже послѣ жестокихъ гоненій за него при Грозномъ. Бояре должны были „служити Борису Годунову до своего живота, прямити безъ всякія хитрости, измѣны никоторыя не учинити и отъ государя своего Бориса Θеодоровича, царицы и дѣтей его не отъѣхати ни къ которому государю, ни къ Турскому, ни къ Литовскому, ни къ цезарю, ни Ишпанскому... ни въ иные нѣкоторые государства и лиха и измѣны никоторыя не учинити“. Такое же подкрестное обѣщаніе обязаны были дать и бояре, служившіе въ пограничныхъ городахъ или участвующіе въ войнахъ; такіе бояре до Іоанна IV и даже при Грозномъ не разъ отъѣзжали въ чужія земли. Наконецъ, въ той же подкрестной записи говорится, что бояре, какъ и всѣ остальные жи-

---

1) А. А. Э., II, № 6.

тели московскаго государства должны заботиться о здоровьи Бориса Годунова и его семьи, не испортить царя и его семейныхъ „зельемъ лихимъ и кореньями и не умышляти волшебствомъ на нихъ“. Бояре не должны были „дружитися и ссылатися“ съ бывшимъ земскимъ царемъ, Симеономъ, сосланнымъ въ Тверь еще при Грозномъ [1]). До такой степени простиралась подозрительность и недовѣрчивость Бориса къ боярамъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ [2])! Годуновъ предпринималъ и другія мѣры для того, чтобы лишить родовитыхъ бояръ ихъ политическаго и общественнаго значенія и тѣмъ обезпечить свою династію на московскомъ престолѣ. Такъ въ 1601—1602 г. Борисъ снова дозволилъ вездѣ, кромѣ московскаго уѣзда, переходить извѣстнаго, равнаго числа крестьянамъ служилыхъ людей—мелкихъ, малочиновныхъ помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ къ такимъ же владѣльцамъ крестьянъ [3]). Тѣмъ же указомъ, повтореннымъ въ слѣдующемъ году (1603), былъ возстановленъ прежній срокъ перехода крестьянъ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянамъ бояръ и высшихъ чиновниковъ въ переходѣ отказано [5]), такъ что для нихъ послѣдствія указовъ 1591 и 1597 остались во всей силѣ. Борисъ Годуновъ, по примѣру Грознаго, отдавалъ при замѣщеніи важнѣйшихъ должностей въ государствѣ предпочтеніе людямъ простаго происхожденія предъ знатными, родовитыми людьми изъ боярскихъ фамилій. Во главѣ многихъ значительныхъ приказовъ при немъ стояли думные дьяки, а бояре и окольничьи занимали въ нихъ второстепенное мѣсто [6]). Не ограничиваясь юридическими ограниченіями власти бояръ, Борисъ удалилъ отъ дѣлъ управленія многихъ

---

1) А. А. Э., II, № 10. 2) Никонова лѣт., VШ, 15 с. 3) А. А. Э., II, № 20. Позволено было „возити межъ се я одному человѣку изъ за одного человѣка же, крестьянина одного или дву, а трехъ или четырехъ одному изъ за одного никому не возити“. 4) А. А. Э., ibidem, №№ 23 и 24. „А срокъ крестьяномъ отказывати и возити Юрьевъ день осенняго, да послѣ Юрьева дня двѣ недѣли“. 5) Ibidem. 6) Яблочковъ, 177 с.

изъ числа знатныхъ и сильныхъ бояръ, подстрекая слугъ ихъ доносить на своихъ господъ и награждая доносчиковъ „своимъ государевымъ жалованьемъ“. Такъ, напр., Борисъ, „повелѣ тайно научити доводити на боярина, князя Өеодора Шестунова человѣка его, Воинка“. Хотя доносъ послѣдняго на своего господина оказался неосновательнымъ, но Воинко былъ щедро награжденъ: было объявлено всенародно, что царь жалуетъ „за его службу и къ себѣ радѣнье“ помѣстье и приказываетъ ему „служити въ дѣтяхъ боярскихъ“ [1]). Послѣ этого случая „люди боярскіе всѣхъ дворовъ“ при видѣ явнаго поощренія доносовъ со стороны Бориса „начаху умышляти всякъ надъ своимъ бояриномъ“, сговаривались между собою и доносили на своихъ господъ. Однимъ изъ нихъ Борисъ жаловалъ за услуги помѣстья, другимъ „изъ казны даваше жалованье“. Тѣхъ же боярскихъ слугъ, которые оказывались вѣрными своимъ господамъ, было приказано подвергать разнаго рода пыткамъ“ [2]).

Особенно настойчиво Годуновъ добивался погибели бояръ Романовыхъ—братьевъ „Никитичей“, являвшихся опасными соперниками династіи Годуновыхъ: „царь же Борисъ, говоритъ лѣтопись, не мога ихъ видѣти, хотя и достальной корень царской известь и многихъ научаше людей ихъ на нихъ доводити“ [3]). Благодаря доносу слуги боярина Александра Романова, всѣ „Никитичи“, были схвачены и преданы суду. Въ 1601 г. старшій и наиболѣе предпріимчивый изъ Романовыхъ, Өеодоръ Никитичъ былъ насильно разлученъ съ своей семьею и постриженъ въ монахи; Александръ, Василій и Михаилъ были заточены въ отдаленные города, гдѣ они и умерли отъ притѣсненій и мученій и только одинъ Иванъ Никитичъ возвращенъ при Годуновѣ изъ Пелыми въ село Клинъ, Юрьевскаго уѣзда [4]). Вслѣдствіе до-

1—4) Никонова лѣт., VIII, 40—45 с.

носа же былъ сосланъ бояринъ Богданъ Бѣльскій, бывшій, вліятельнымъ членомъ думы при Θеодорѣ Ивановичѣ [1]); отправлены были въ ссылку Борисомъ также: князь Черкасскій, князья Сицкіе, Рѣпнины и др. [2]). Уничтожая всѣми мѣрами своихъ соперниковъ—бояръ, Годуновъ хотѣлъ въ тоже время пріобрѣсти себѣ любовь у народныхъ массъ своимъ вниманіемъ къ народнымъ нуждамъ и мудрымъ управленіемъ, бывшимъ продолженіемъ мирнаго царствованія Θеодора Ивановича. Но не смотря на разнаго рода льготы [3]), народъ не любилъ Годунова, приписывалъ ему всякія злодѣянія и ожидалъ всякихъ бѣдствій для Россіи отъ воцаренія на ея престолѣ династіи Годуновыхъ [4]). Съ другой стороны, родовитые бояре не могли помириться съ мыслью видѣть на московскомъ престолѣ потомка татарскаго мурзы, Чета, возвысившагося до званія боярина такъ недавно (при Грозномъ) [5]). При всемъ своемъ желаніи истребить всѣхъ знатныхъ (родовитыхъ) бояръ Борисъ не могъ этого сдѣлать и поэтому долженъ былъ употребить другія мѣры для ослабленія ихъ вліянія въ управленіи,—особенно двухъ знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій, ведущихъ свое происхожденіе отъ удѣльныхъ князей: ***Шуйскихъ*** (изъ рода князей суздальскихъ, Мономаховичей) и ***Мстиславскихъ*** (Гедиминовичей). Годуновъ вступилъ въ родство съ Шуйскими, но старшему брату, Василію Ивановичу Шуйскому запретилъ жениться. Подъ такимъ же запрещеніемъ находился и бояринъ Θеодоръ Ивановичъ Мстиславскій, занимавшій первое мѣсто въ боярской думѣ. Борисъ опасался, чтобы знатныя боярскія фамиліи, вступивъ между собою въ родство, не усилились въ государствѣ. Годуновъ нѣсколько разъ от-

1) Сол вьевъ, VШ, 68 -69 с. 2) Яблочковъ, 176 с. 3) Такой, напр., характеръ имѣлъ указъ 1603 г. объ отпускѣ холоповъ на прокормленіе съ отпускными отъ господъ (Бѣляевъ, 480 с.) и упомянутые указы 1601—1603 г. о переходахъ крестьянъ. 4) Костомаровъ, I, 601 с. 5) Бѣловъ, 37 с.

правлялъ въ ссылку Шуйскихъ и подвергалъ пыткамъ ихъ приближенныхъ даже и тогда, когда Шуйскіе были въ милости у Бориса. Лишь немногія знатныя боярскія фамиліи остались нетронутыми подозрительнымъ Борисомъ [1]). Въ связи съ такимъ враждебнымъ его отношеніемъ къ московскому боярству находится появленіе перваго Лжедимитрія во вторую бѣдственную для русскаго народа половину царствованія Годунова [2]). Самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ боярами—непримиримыми врагами Бориса; въ рукахъ бояръ, которымъ грозили ежечасно отъ Годунова тяжелая опала, заточеніе и смерть, самозванецъ былъ вѣрнымъ орудіемъ для погибели Бориса и его семьи и очищенія престола для себя [3]). Самъ Борисъ считалъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ [4]). Также думали и современники Годунова, который, по словамъ хронографовъ, „навелъ на себя негодованіе *чиноначальниковъ всея русскія земли* (т. е., бояръ): отсюда много ненастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую его красоту внезапно низложили“ [5]). Что бояре были виновниками появленія самозванца при Годуновѣ, это доказывается всѣмъ ихъ поведеніемъ во время нѣсколькихъ походовъ противъ Лжедимитрія, предпринятыхъ по приказанію Годунова. Еще до начала этихъ походовъ бояре отправили тайно въ Польшу Ляпунова съ просьбою о помощи самозванцу [6]). Князь Григорій Роща-Долгорукій съ Яковомъ Змѣевымъ въ Рыльскѣ „стали за прирожденнаго государя“ [7]), т. е., Лжедимитрія. Бояре Петръ Шереметевъ и Михаилъ Салтыковъ говорили Хрущеву, посланному на Донъ отговаривать казаковъ отъ помощи самозванцу, что „трудно противъ прирожденнаго государя воевать“ [8]). Царскіе воеводы, бояре Мстиславскій и Димитрій Шуйскій, предводительствовавшіе боль-

---

1) Маржеретъ, 130—131 и 152—155 с. 2—3) Соловьевъ, VIII, 78—82 и 87 с., Бѣловъ, 39 с. 4—6) Соловьевъ, ibidem, 87 и 96 с. 7) Никон. л., VIII, 62 с. 8) Соловьевъ, VIII, 102 с.

шимъ войскомъ сравнительно съ сбродной дружиной самозванца, уклонились отъ рѣшительнаго сраженія съ нимъ [1]). Когда же Борисъ упрекнулъ воеводъ въ бездѣйствіи, бояре и все войско оскорбились: „въ рати же стало мнѣніе и ужасть отъ царя Бориса, съ тоя же поры многіе начаша думати, какъ бы царя Бориса избыти, а тому окаянному служити Гришкѣ“ [2]). Теперь князь Михаилъ Салтыковъ самовольно отступилъ отъ Кромъ, „наровя тому окаянному Гришкѣ“ [3])

Послѣ неожиданной смерти Бориса (13 апр. 1605 г.) жители Москвы съ нѣкоторыми боярами присягнули безпрекословно сыну Бориса, Ѳеодору, но Петръ Басмановъ, князья Голицыны, Василій и Иванъ, и князь Михаилъ Салтыковъ передались съ войскомъ самозванцу, который началъ посылать въ Москву грамоты, гдѣ, между прочимъ, напоминалось о притѣсненіяхъ бояръ при царѣ Борисѣ. Здѣсь же Лжедимитрій даетъ обѣщаніе московскимъ боярамъ „честь и повышеніе учинить“, пожаловать ихъ прежними отчинами, прибавить къ нимъ новыхъ и держать ихъ и всѣхъ дворянъ и приказныхъ людей въ чести. „Гости, торговые люди и всѣ крестьяне“ также должны были получить отъ самозванца разныя льготы [4]). Одна изъ такихъ грамотъ Лжедимитрія, полученная въ Москвѣ, была прочтена публично на площади въ присутствіи „бояръ Мстиславскихъ, Шуйскихъ, Бѣльскаго и иныхъ“, посланныхъ для прекращенія народнаго возмущенія. Василій Ивановичъ Шуйскій сдѣлалъ еще болѣе такой молчаливой поддержки притязаній самозванца: онъ сталъ увѣрять народъ, что названный Димитрій—истинный сынъ Грознаго. Возбужденный народъ бросился въ Кремль, схватилъ Годуновыхъ и ихъ приближенныхъ бояръ и „даша ихъ за приставы“. Изъ Москвы къ самозванцу отправились

---

1) Соловьевъ, VIII, 104—105 с. 2—3) Никонова лѣт., VIII, 63—64 с. 4) А. Э. Э., II, № 34.

съ повинной головой отъ лица всего населенія города бояринъ Воротынскій и князь Телятевскій. Лжедимитрій же поспѣшилъ послать въ Москву заклятаго врага Годуновыхъ, князя Василія Голицына и князя Мосальскаго, которые свели съ патріаршескаго престола Іова, сторонника Годуновыхъ, и предали вдову Бориса и его сына позорной и мучительной смерти [1]). *Лжедимитрій I* (1605—1606), воцарившись въ Москвѣ, осыпалъ всѣхъ бояръ разными милостями [2]), обращался съ ними запросто, помиловалъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, приговореннаго къ смертной казни за распространеніе слуховъ объ его самозванствѣ [3]), и „мало помалу давалъ всѣмъ чувствовать, что значитъ свободное государство, управляемое государемъ милосердымъ" [4]). Власть Лжедимитрія не была ограничена боярами, но впослѣдствіи, при Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ бояре обвиняли Лжедимитрія въ томъ, что онъ посылалъ въ Польшу пословъ безъ вѣдома „сенаторей", членовъ боярской думы [5]). Слѣдовательно, бояре считали своимъ правомъ знать о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Московскіе бояре остались очень довольны, когда будущій тесть Лжедимитрія, сандомирскій воевода, панъ Мнишекъ, желая привлечь на свою сторону всѣхъ бояръ, послалъ сказать имъ, что будетъ хлопотать предъ своимъ зятемъ объ увеличеніи правъ бояръ и дворянъ [6]), которые только объ этомъ и думали. Не смотря на благосклонность Лжедимитрія къ московскимъ боярамъ, послѣдніе, особенно же родовитые бояре, не могли долго терпѣть его на царскомъ престолѣ, который они разсчитывали занять сами: самозванецъ былъ нуженъ боярамъ

---

1) Никонова л., ibidem, 67—70 с., Маржеретъ, 173—178 с. Соловьевъ VIII, 109—115 с., Костомаровъ, I, 605—608 с., Бѣловъ, 59—60 с. 2) Такъ, между прочимъ, боярамъ—помѣщикамъ были возвращены крестьяне, убѣжавшіе отъ нихъ не въ голодные годы (А. Э. Э., II, № 40). 3) Никонова лѣт., 71—72 с. 4) Маржеретъ, 181—185 с., Костомаровъ, I, 608 с. 5) Ключевскій, 358 с., Соловьевъ, ibidem, 205 с. 6) Ключевскій, 357 с.

только какъ орудіе для сверженія Годуновыхъ съ московскаго престола, претендентомъ на который явился теперь представитель одной изъ числа родовитѣйшихъ боярскихъ фамилій—Василій Ивановичъ Шуйскій. По его инициативѣ противъ самозванца былъ составленъ заговоръ, въ которомъ кромѣ Шуйскаго приняли участіе князь Василій Васильевичъ Голицынъ и князь Куракинъ. Заговорщики условились убить „ростригу, а кто будетъ послѣ него царемъ, тотъ не долженъ никому мстить за прежнія досады, но по общему совѣту управлять россійскимъ царствомъ“. Шуйскій прямо объявилъ заговорщикамъ, что бояре признали самозванца истиннымъ Димитріемъ только для того, чтобы освободиться отъ Годуновыхъ, но что онъ не можетъ быть царемъ: Лжедимитрій любитъ только иноземцевъ, презираетъ святую православную вѣру и древніе русскіе обычаи [1]).

Смерть Лжедимитрія доставила московскій престолъ, какъ и слѣдовало ожидать, главѣ заговора и знатнѣйшему между московскими боярами, *Вас. Ив. Шуйскому* (1606—1610) который, однако, „малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ излюбленъ бысть царемъ и никимъ же отъ вельможъ пререкованъ, ни отъ прочаго народа умоленъ“ [2]). Лѣтописецъ замѣчаетъ также, что князь В. И. Шуйскій „избранъ немногими бысть грады, а не всею землею: того ради не возлюбиша его мнози на земли русстѣй“ [3]). Но болѣе же всѣхъ,

---

1) Соловьевъ, VIII, 151 с. Двуличность и вообще низкій, безпринципный характеръ В. И. Шуйскаго дали поводъ В Бѣ—скому (Историч. Вѣстникъ, 1891, V кн., статья: Кто убилъ царевича Димитрія?) обвинить его въ убіеніи царевича Димитрія, который являлся препятствіемъ для достиженія престола Шуйскимъ, родовитѣйшимъ московскимъ бояриномъ. Не вдаваясь въ обсужденіе этого спорнаго въ русской исторіи вопроса, мы позволимъ себѣ только замѣтить, что и Б. Годуновъ не отличался высокою нравственностью, какъ это доказываетъ его поведеніе по отношенію къ боярамъ. Добиться же царскаго званія было для неродовитаго Годунова гораздо труднѣе, нежели для В. И. Шуйскаго,—Мономаховича и поэтому смерть Димитрія могла быть нужнѣе Борису, чѣмъ Шуйскому. 2) Ключевскій, 360 с. 3) П. С. Р. Л., V, 57 с.

прибавляетъ лѣтописецъ, „возненавидѣша его отъ боярскаго рода“ [1]). Причина этой ненависти бояръ къ царю Шуйскому была та, что въ переворотѣ, низвергнувшемъ Лжедимитрія съ престола, участвовало не все знатное боярство; да и многіе изъ тѣхъ, которые были въ числѣ заговорщиковъ, рѣшились дѣйствовать противъ самозванца вмѣстѣ съ Шуйскимъ и Куракинымъ въ виду распускаемыхъ ими слуховъ, что Лжедимитрій задумалъ перебить всѣхъ бояръ и лучшихъ людей московскихъ для того, чтобы самому царствовать на Руси неограниченно [2]). Можно думать, что нѣкоторые изъ родовитыхъ бояръ сами мечтали занять послѣ смерти Лжедимитрія московскій престолъ. Это предположеніе подтверждается разсказомъ Маржерета, что вскорѣ послѣ избранія В. И. Шуйскаго „въ Москвѣ происходили великіе раздоры у дворянства съ прочими касательно избранія на царство безъ ихъ согласія В. И. Шуйскаго, котораго по тому надлежало свести съ престола“ [3]). Бояре составили даже противъ него заговоръ въ пользу князя Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго, который „имѣлъ за себя при избираніи царя многіе голоса“ [4]). Вслѣдъ за этимъ заговоромъ произошла попытка возмутить народъ противъ Шуйскаго и свергнуть его съ престола [5]). Василій Ивановичъ былъ избранъ партіей знатныхъ бояръ, которые ограничили его власть боярской думой. Въ подкрестной записи царь далъ обѣщаніе боярамъ „всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, смерти не предати, и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ нимъ въ мысли не были... доводовъ ложныхъ не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи“ [6]). Въ числѣ условій, поставленныхъ боярами Василію

1) П. С. Р. Л., V, 57 с. 2) А. А. Э., II, № 44 стр. 100 и № 48, 107—109 с. 3—5) Маржеретъ, 209—214 с. 6) А. Э. Э., II, № 44.

Ивановичу, было и обязательство не издавать законовъ и не вводить новыхъ налоговъ безъ согласія боярской думы [1]). Бояре хотѣли ограничить власть Шуйскаго исключительно въ свою пользу [2]). Самъ Шуйскій, однако, думалъ править государствомъ, подобно своимъ предшественникамъ, неограниченно или, по крайней мѣрѣ, только съ помощью земскаго собора, но не боярской думы. Поэтому немедленно по своемъ вступленіи на престолъ Василій Ивановичъ поспѣшилъ заявить въ своей грамотѣ, что; онъ „учинился на отчинѣ своихъ прародителей", Рюрика, „иже бѣ отъ римскаго Кесаря", великаго князя Александра Невскаго и суздальскихъ князей, старшихъ по сравненію съ московскими государями [3]). Имѣя такое высокое понятіе о несомнѣнномъ своемъ правѣ на московскую корону и царскую власть, Василій Ивановичъ хотѣлъ было уклониться отъ заключенія условій съ боярами ограничивающими его власть. Съ этою цѣлью Шуйскій по своемъ избраніи „нача говорити въ соборной церкви, чего искони вѣкъ въ московскомъ государствѣ не повелось, что цѣлую де крестъ всей землѣ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не сдѣлати *безъ собору* никакого дурна... боляре же и всякіе люди говорили ему, чтобы онъ въ томъ креста не цѣловалъ, потому что въ московскомъ государствѣ того не повелося; онъ же никого не послуша, поцѣлова крестъ на томъ всемъ" [4]). „Значитъ, замѣчаетъ по этому поводу проф. Ключевскій, бояре и всякіе люди находили, что дѣлить власть съ земскимъ соборомъ царю не повелось, а дѣлить ее съ боярской думой повелось" [5]). Колебанія Шуйскаго заставили родовитыхъ бояръ быть на сторожѣ и не позволять своему избраннику усиливаться на ихъ счетъ. Съ воцареніемъ Шуй-

1) Strahlenberg: „Histoire der Reisen in Russland, Sibirien und der groszen Tartarey", 1730, 202 s. 2) Бѣловъ, 43 с. 3) А. Э. Э., II, № 44, 102 с. 4) Никонова лѣт., VIII, 76 с. 5) Ключевскій, 363—364 с.

скаго бояре сдѣлались въ государствѣ сильнѣе самого царя[1]). Желая освободиться отъ вліянія бояръ, Василій Ивановичъ, „не помня своего обѣщанія", многихъ важнѣйшихъ бояръ и дворянъ „разослалъ по городамъ по службамъ, а у иныхъ у многихъ помѣстья и вотчины поотнима"[2]). Но въ Москвѣ остались князья Голицыны и Куракины, съ согласія которыхъ Шуйскій долженъ былъ править государствомъ. Боярамъ при Шуйскомъ оказывались всякаго рода послабленія, между тѣмъ какъ простой народъ терпѣлъ при немъ безмѣрно строгія наказанія[3]) и не любилъ „боярскаго царя". Лѣтописецъ сообщаетъ, что однажды „людіе всѣхъ чиновъ" собрались на совѣтъ къ патріарху Гермогену, „глаголюще: не хотимъ сего царя Василія видѣти на царствѣ", и потребовали, чтобы патріархъ пригласилъ на московскій престолъ польскаго королевича Владислава. Когда же Гермогенъ предложилъ избрать на царство кого-либо изъ русскихъ князей, „рѣша отъ княжеска и боярска роду патріарху: не хощемъ своего брата слушати: ратніи люди русскаго царя не боятся его и не слушаютъ и не служатъ ему". Патріархъ же, „совѣтовавъ съ боляры и съ народомъ", послалъ просить у Сигизмунда его сына въ русскіе цари[4]). Но еще прежде избранія Владислава на московскій престолъ, бояре, недовольные Шуйскимъ, поспѣшили выдвинуть на сцену второго самозванца—Лжедимитрія, который долженъ былъ помочь имъ свергнуть съ престола Шуйскаго[5]) точно также, какъ съ помощью перваго самозванца они свели съ него династію Годуновыхъ.

Слухъ о спасеніи Лжедимитрія былъ пущенъ недругами Шуйскаго тотчасъ же послѣ смерти перваго самозванца и вскорѣ былъ найденъ человѣкъ, готовый защищать интересы новаго, пока еще неизвѣстнаго самозванца[6]). Это былъ хо-

1) Соловьевъ, VIII, 170 с. 2) Никонова л., VIII, 77 с. 3) Бѣловъ, 45 с. 4) П. С. Р. Л., V, 60 с. 5) Соловьевъ, 171 с., Бѣловъ, 44 с. 6) Соловьевъ, 175, Бѣловъ, 45 с.

АНТРОПОЛОГО-ПОЗИТИВНАЯ

ШКОЛА

УГОЛОВНАГО ПРАВА

ВЪ ИТАЛІИ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Вульферта.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНІЙ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія М. Х. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.
1893.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящимъ вторымъ выпускомъ, примыкающимъ къ первому выпуску, вышедшему въ свѣтъ въ 1887 году, заканчивается мой трудъ по критическому изслѣдованію антропологo-позитивной школы уголовнаго права въ Италіи. Въ отличіе отъ перваго, заключавшаго въ себѣ разборъ наиболѣе общихъ основъ новаго ученія о человѣческой преступности и способовъ борьбы съ нею, настоящій выпускъ содержитъ критику спеціальныхъ отдѣловъ указанной доктрины, посвященныхъ уголовному процессу (глава первая) и карательной системѣ (глава вторая и третья). Въ заключительной главѣ четвертой содержатся сверхъ очерка генезиса Итальянской школы итоги перваго и настоящаго выпусковъ. При краткомъ воспроизведеніи въ этой главѣ главныхъ выводовъ критики перваго выпуска, они пополнены въ виду появившихся послѣ 1887 г. новыхъ работъ.

Въ настоящемъ выпускѣ большее мѣсто отводится чисто юридическимъ вопросамъ, меньшее матеріямъ, относящимся къ уголовной антропологіи и психіатріи. Исключеніе представляетъ вопросъ о содержаніи душевно-больныхъ преступниковъ. Въ этомъ вопросѣ, трудно поддающемся регулированію, соприкасаются дисциплины уголовнаго процесса, полиціи безопасности, тюрьмовѣдѣнія и наконецъ психіатріи. Указанное обстоятельство, связь этого вопроса съ рядомъ юридическихъ дисциплинъ, а также особенное значеніе, которое Итальянская школа придаетъ этому вопросу, видя въ разрѣшеніи его одну изъ своихъ крупнѣйшихъ заслугъ, побуждали автора спеціально остановиться на немъ. По этому вопросу авторъ

высказывается за рѣшеніе, которое, принимая въ разсчетъ требованія относительно особаго способа содержанія такихъ душевнобольныхъ, является наиболѣе практически осуществимымъ.

Центральнымъ пунктомъ настоящаго выпуска является разборъ изслѣдованій представителей новой Итальянской школы въ области уголовнаго процесса, а равно карательной системы, воздвигаемой ими. Этими отдѣлами рѣшается вопросъ, по скольку руководящія начала новой школы допускаютъ практическую реформу уголовнаго правосудія, вопросъ, разрѣшаемый авторъ отрицательно.

Заканчивая свой трудъ, авторъ усматриваетъ, что основныя критическія положенія, высказанныя въ немъ, находятся въ согласіи съ отношеніемъ къ Итальянской школѣ большинства русскихъ юристовъ. Нельзя не упомянуть при этомъ, что г. Сергѣевскому принадлежитъ первое по времени въ нашей литературѣ опроверженіе доктрины Ломброзо. Г. Сергѣевскій указалъ на логическую ошибку Ломброзо—смѣшеніе противуправнаго дѣянія съ дѣяніемъ, составляющимъ проявленіе анормальной организаціи (Пособіе къ лекціямъ 1890 г. стр. 83). Г. Таганцевъ признаетъ доктрину Ломброзо метафизическою и опровергаетъ его теорію о преступникѣ, какъ естественно исторической личности и объектѣ наказанія (Лекціи В. 2-й, § 348, В. 3-й, § 776), полагая предметомъ уголовнаго права и центромъ изученія преступное дѣяніе, а не преступность, дѣятельность личности, а не личность (В. 1, § 10). Г. Фойницкій, не смотря на его теорію о личномъ состояніи преступности, тѣмъ не менѣе примыкаетъ къ господствующему направленію, противному Итальянскому, придаваемымъ имъ объективному моменту, какъ намѣчающему предѣлы карательной дѣятельности, значеніемъ, сочетаніемъ размѣра наказанія съ важностью нарушенныхъ благъ (Ученіе о наказ. стр. 28) и принципіальнымъ отношеніемъ къ вопросу о неисправимости преступика. Во обще достойно вниманія, что юристы какъ въ Италіи, такъ и въ другихъ странахъ, раньше другихъ ученыхъ вступили въ борьбу съ Итальянской школой. Позднѣе за ними послѣдовали врачи,

антропологи. Въ цѣломъ можно сказать, что изъ указанной борьбы классическая или юридическая школа выходитъ непобѣжденной, а, какъ указываетъ Ламмашъ, даже укрѣпленной и обнаружившей свою мощь, при пользованіи оружіемъ противника—данными опыта. Подъ терминомъ юридической школы конечно нельзя разумѣть какого то полнѣйшаго единогласія научныхъ мнѣній, какого либо неподвижнаго и окаменѣвшаго направленія. Важно, что всѣ приверженцы этой школы, какъ относимые къ метафизическому направленію, (понимаемому весьма широко и не рѣдко произвольно), такъ и къ позитивному (представляющему флагъ, прикрывающій разнообразный грузъ, по замѣчанію одного Итальянца, а нерѣдко и контрабанду), равномѣрно не считаютъ возможнымъ поступаться объективнымъ значеніемъ преступнаго дѣянія, какъ самостоятельнымъ критеріемъ, подмѣнять его понятіемъ склоннаго къ преступности, анормальнаго и выродженнаго человѣка. Въ наше время, выдвигается съ большою силой соціологическое движеніе въ видѣ школы Листа и союза уголовнаго права. Нельзя не признать, что его задачи цѣлесообразной борьбы съ преступностью, предполагающія достиженіе частныхъ цѣлей наказанія, его стремленіе придать карательнымъ средствамъ болѣе дѣйствительное содержаніе и значеніе, заслуживаютъ полнаго вниманія. Тѣмъ не менѣе оно не можетъ замѣстить юридической школы уголовнаго права съ ея оцѣнкой преступныхъ дѣяній по общественно-этическимъ оцѣнкамъ, съ ея первенствующимъ объективнымъ критеріемъ наказуемости и общими или постоянными цѣлями наказанія. Такимъ образомъ соціологическое направленіе должно входить въ науку, какъ одинъ изъ пріемовъ изслѣдованія, сообразно исконному различенію уголовнаго права и уголовной политики.

Въ заключеніе должно указать, что авторъ былъ лишенъ возможности ввести въ кругъ своей работы изслѣдованіе Ломброзо о политическомъ преступленіи, Il delitto politico 1890 г. какъ относящееся преимущественно къ вопросамъ, разсмотрѣннымъ въ первомъ выпускѣ. По той же причинѣ оказалось неудобнымъ вводить

въ настоящій выпускъ и новую работу Ферри объ убійствѣ L'omicidio, появившуюся къ тому же въ свѣтъ во время печатанія настоящаго выпуска.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Объ отношеніяхъ новой итальянской школы уголовнаго права къ уголовному процессу: критика существующей доктрины, законодательной и судебной практики, требованія процессуальныхъ реформъ въ области предварительнаго и главнаго производства [1]).

На ряду съ радикальной критикой господствующаго ученія о преступленіи и наказаніи, итальянская новая школа уголовнаго права рѣшительно высказалась противъ существующаго въ современной европейской доктринѣ и современномъ законодательствѣ строя уголовнаго процесса — и выдвинула на смѣну его свои собственные идеалы. Новая школа, по словамъ Ферри, стремясь привести процессуальный порядокъ, а равно систему отбытія наказанія въ гармонію съ данными соціологіи, требуетъ существенныхъ реформъ въ указанныхъ областяхъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ соціальной защиты и различенію преступниковъ по степени внушаемаго ими страха. Въ частности путемъ реформы уголовна-

---

[1]) Lombroso, Sull'incremento del delitto in Italia e dei mezzi d'arrestarlo 1879. Pazzi ed anomali, Tre tribuni, 1887 г. passim. Ferri, I nuovi orizzonti del diritto e della procedura penale, изд. 2.е 1884 г. Garofalo, Criminologia, 1885 г., а также французское изд. 1888 года и вышедшее уже по окончаніи большей части настоящей работы моей — Итальянское изданіе 1891 года. Setti La forza irresistibile, L'esercito e la sua criminalita, ср. также Actes du congrès d'anthropologie criminelle de Rome 1885 г. Критика воззрѣній новой школы въ области уголовнаго процесса — у Lucchini I Semplicisti 1886 г. Brusa Sul nuovo positivismo nella giustizia penale 1887 г. Parte I (L'aumento del reato e la procedura penale стр. 1—81). De Aramburu y Zyloaga La nueva ciencia penal 1887 г. 5. El juicio. Ср. также Лихачевъ въ Журн. Гражд. Уг. Права 1885 г. № 6. Преобразованія въ уголовномъ судопроизводствѣ, предлагаемыя послѣдователями Итальянской школы уголовнаго права.

го процесса должны быть достигнуты слѣдующія цѣли: 1) извлеченіе новыхъ доказательствъ и уликъ изъ данныхъ статистики, а равно уголовной антропологіи, каковы: неизгладимыя клейма татуировки, очертаній черепа и физіономіи, психологическія и физіологическія особенности, облегчающія и розыскъ и осужденіе преступниковъ. 2) возстановленіе равенства правъ и гарантій между преступникомъ и честнымъ обществомъ, нарушеннаго индивидуалистическими преувеличеніями классической школы, 3) установленіе судомъ не нравственной отвѣтственности, а антропологической категоріи преступника и степени внушаемаго имъ страха [2]).

Гарофало, съ своей стороны, исходитъ въ критикѣ современнаго уголовнаго процесса отъ недостаточности процессуальныхъ порядковъ для репрессіи преступленія. Хорошій процессуальный порядокъ долженъ обладать слѣдующими свойствами: быстротой суда, несомнѣнностью понесенія наказанія виновнымъ, неприкосновенностью частныхъ лицъ отъ несправедливыхъ преслѣдованій. Послѣднее требованіе осуществляется путемъ цѣлаго ряда мѣръ, каковы: взаимный контроль слѣдственной и прокурорской власти, учрежденіе аппеляціи и кассаціи, свободная защита. Законъ достаточно позаботился о защитѣ лицъ невиновныхъ, но достигъ ли онъ въ той же мѣрѣ удачно наиболѣе быстраго и наиболѣе надежнаго способа пораженія преступниковъ? Обзоръ отдѣльныхъ процессуальныхъ институтовъ, коему посвящена особая глава книги Гарофало, даетъ возможность читателю, по мнѣнію автора, самому разрѣшить этотъ вопросъ [3]).

Настаивая, такимъ образомъ, на малой репрессивности уголовнаго процесса и слишкомъ большой широтѣ постановленій, благопріятствующихъ подсудимому, новая школа приходитъ, какъ будетъ показано мною ниже, къ полнѣйшему отверженію существенныхъ устоевъ уголовнаго процесса, каковы: обвинительное начало,

---

[2]) I nuovi orizzonti Cap. IV. La procedura penale e l'ordinamento corcerario стр. 425—426.

[3]) Criminologia 1885. Parte III Cap. II La persecuzione dei malfattori стр. 320.

все глубже и глубже проникающее новѣйшіе уставы угол. суд. сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, разнообразныя гарантіи личности обвиняемаго, формальная защита обвиняемаго и, наконецъ, судъ присяжныхъ. Отрицаніе этихъ началъ создаетъ поворотъ къ инквизиціонному процессу прошлаго, создаетъ искусственный научный атавизмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ извращенное примѣненіе начала, по которому средства государственной обороны должны соотвѣтствовать средствамъ преступнаго нападенія.

Изслѣдованія Гарофало, Ферри, Ломброзо, по скольку онѣ относятся къ сферѣ уголовнаго процесса, идутъ въ двухъ направленіяхъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ съ одной стороны указанія на необходимыя частныя реформы, какъ minimum неотложныхъ улучшеній существующаго строя, далѣе, съ другой стороны, требованія радикальныхъ реформъ, глубоко проникнутыхъ основными началами новой школы и упраздняющихъ всецѣло современныя процессуальныя учрежденія. Основаніемъ для тѣхъ и другихъ предложеній служитъ критика какъ общихъ принциповъ современнаго уголовнаго процесса, такъ и тѣхъ институтовъ положительнаго уголовно-судебнаго права (преимущественно Итальянскаго), которыхъ неудовлетворительность явно и всеобще сознается. Критика по послѣднему предмету представляетъ нерѣдко весьма вѣрныя замѣчанія. Но именно потому, что такая критика неспособна сколько нибудь поколебать коренныхъ основъ современнаго Европейскаго уголовнаго процесса, она не въ силахъ оправдать предъявляемыхъ представителями новой школы положительныхъ требованій и излюбленныхъ ими процессуальныхъ идеаловъ. Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду, такъ какъ возраженія противъ отдѣльныхъ процессуальныхъ формъ и институтовъ иногда могутъ придать обманчивый видъ побѣдоносной критики обвиненіямъ и упрекамъ, направленнымъ противъ наиболѣе жизненныхъ частей организма уголовнаго процесса, обвиненіямъ и упрекамъ, въ большинствѣ случаевъ и въ цѣломъ, поразительно одностороннимъ и пристрастнымъ. Предлагаемый разборъ процессуальныхъ изслѣдо-

ваній представителей новой Итальянской школы преимущественно связывается съ соотвѣтствующими отдѣлами въ работахъ Ферри и Гарофало. Работы Ломброзо въ указываемой области занимаютъ второстепенное мѣсто.

I.

Въ чрезмѣрномъ преувеличеніи личнаго начала въ ущербъ общественному оказываются, по мнѣнію Гарофело, повинными всѣ учрежденія современнаго уголовнаго процесса, къ коимъ авторъ примѣняетъ названіе „Lois protectrices du crime". Въ этомъ отношеніи прежде всего оказывается неудовлетворительнымъ порядокъ частнаго обвиненія, по дѣламъ объ изнасилованіи въ Неаполѣ и Сициліи, по дѣламъ о легкихъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ здоровья, незначительныхъ обманахъ въ другихъ странахъ [4]). Въ этихъ дѣлахъ какъ бы спрашиваютъ дозволенія у лица потерпѣвшаго подвергнуть карѣ такого то рецидивиста—насильника или обычнаго мошенника. А между тѣмъ, по началамъ новой школы, различіе частнаго и публичнаго обвиненія должно зависѣть отъ различія преступленій, требующихъ исключенія изъ общества съ одной стороны, влекущихъ гражданское вознагражденіе съ другой, различія, обусловленнаго свойствомъ класса, типа, къ коему принадлежитъ преступникъ. Поэтому въ дѣлахъ о поврежденіи здоровья или мошенничествѣ слѣдовало бы не ожидать жалобы потерпѣвшаго, какъ бы ни былъ малъ вредъ отъ преступнаго дѣянія, этимъ устранялось бы дѣйствіе угрозъ виновнаго, побуждающихъ нерѣдко молчать потерпѣвшаго. Судъ слѣдовало бы производить въ этихъ случаяхъ для разрѣшенія вопроса, не принадлежитъ ли обвиняемый къ категоріи внушающихъ страхъ или неспособныхъ къ приспособленію лицъ (инстинктивныхъ, нравственно-помѣшанныхъ, импульсивныхъ алкоголиковъ, рецидивистовъ во

---

[4]) Указ. соч. Parte III Cap. II стр. 322 Французское изданіе 1888 г. III ср. III Les lois protectrices du crime.

ровъ), каковыя лица должны подвергаться исключенію изъ общества въ видѣ релегаціи или другихъ способовъ болѣе или менѣе долгаго или полнаго уединенія. Если же бы оказалось, что обвиняемый не принадлежитъ къ числу указанныхъ лицъ, то достаточно принудить его къ справедливому вознагражденію потерпѣвшаго. Не должно, однако, ограничиваться однимъ постановленіемъ приговора. Пусть состоятельный виновникъ будетъ лишенъ свободы, пока онъ не заплатитъ своего долга, а несостоятельный пусть будетъ заключенъ въ тюрьму для внесенія потерпѣвшему всего излишка изъ заработка, остающагося за вычетомъ необходимаго для его пропитанія; пусть бродяга будетъ приписанъ къ рабочимъ отрядамъ для производства публичныхъ работъ ради вознагражденія потерпѣвшаго изъ своего заработка. Принужденіе къ работѣ должно продолжаться дотолѣ, пока не будетъ выплачена вся сумма долга, а если она слишкомъ велика, то до покрытія ея въ извѣстной опредѣленной части.

И такъ—уголовный процессъ долженъ бы производиться независимо отъ жалобы лица потерпѣвшаго всякій разъ, когда нужно изслѣдовать преступника для опредѣленія его преступнаго типа и того или другаго карательнаго режима. Къ частному обвиненію могутъ быть отнесены словесныя обиды, диффамація, разглашеніе тайны и т. д. Всякое поврежденіе здоровья, обманъ, растрата должны быть отнесены къ публичнымъ преступленіямъ [5]).

Неудовлетворительнымъ въ смыслѣ ослабленія репрессіи Гарофало признаетъ также порядокъ *преданія* суду. Въ Италіи прокурорскій надзоръ въ правѣ по дѣламъ о проступкахъ въ техническомъ смыслѣ слова или прямо привлекать обвиняемаго къ суду, или требовать производства предварительнаго слѣдствія черезъ слѣдственнаго судью. По дѣламъ же о преступленіяхъ въ техническомъ смыслѣ слова въ процессуальный механизмъ вставляется лишнее колесо: *обрядъ преданія* суду, которому обя-

---

[5]) Указ. соч. стр. 324.

зательно предшествуетъ предварительное слѣдствіе. Разсмотрѣніе дѣла при такомъ порядкѣ замедляется, доказательства противъ обвиняемаго ослабляются протеченіемъ долгаго времени. А между тѣмъ „непосредственный призывъ къ суду" (citazione diretta), могъ бы примѣняться безъ всякаго затрудненія въ случаяхъ flagranza и quasi flagranza, когда обвиняемымъ учинено полное сознаніе и когда вообще его виновность съ самаго начала является безповоротной. Порядокъ преданія суду, какъ гарантія избавленія лица невиннаго отъ страданій, сопряженныхъ съ публичнымъ судомъ, можетъ быть сохраненъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый съ самаго начала дѣла отрицаетъ свою виновность [6]).

„Нашъ" порядокъ предварительнаго слѣдствія обязываетъ слѣдственнаго судью распрашивать свидѣтелей, указанныхъ обвиняемымъ, и собирать доказательство его невиновности или меньшей виновности. Этотъ сановникъ обязанъ единственно пролить свѣтъ на дѣло, а не найти во чтобы то ни стало виновнаго. Обвиняемый можетъ обжаловать судебное постановленіе, объявляющее законность его ареста, онъ можетъ поддерживать посредствомъ адвоката свои возраженія въ камерѣ преданія суду. Защита такимъ образомъ допускается, начиная съ перваго стадія процесса. Однако и такая щедрость закона неудовлетворяетъ процессуальныхъ прогрессистовъ, которые желали бы отмѣны всякой тайны, полной гласности и состязательности при предварительномъ слѣдствіи. Однако всякій обладающій здравымъ смысломъ долженъ согласиться, что это было бы излишнимъ усложненіемъ. Слѣдственный судья не имѣетъ назначеніемъ ни обвинять, ни зашищать, его безпристрастіе замѣняетъ состязаніе сторонъ съ большой экономіей времени и работы. Смѣшнымъ представляется страхъ, что слѣдственный судья склоненъ къ обвиненію вслѣдствіе зависимости отъ королевскаго прокурора, какъ будто послѣдній обязанъ поддерживать несуществующее еще обвиненіе.

---

[6]) Указ. соч. Giudizio d'accusa стр. 325—326.

Но это не все: лишь путемъ **строжайшей тайны** можетъ быть обезпечена достовѣрность слѣдствія. **Показать обвиняемому или его защитнику** тонкую **нить**, руководящую судью въ процессѣ, основанномъ на косвенныхъ уликахъ, **все равно что порвать эту нить.** Даже въ менѣе запутанныхъ случаяхъ небезопасно дозволять обвиняемому узнавать съ самаго начала имена свидѣтелей, указанныхъ потерпѣвшимъ. Родственники и друзья обвиняемаго, а равно его защитникъ, могутъ проникнуть въ домъ свидѣтеля ранѣе судьи. Лишь послѣ окончательнаго собранія доказательствъ судьей можно открыть ихъ обвиняемому и защитнику [7].

Критика Гарофало постановленій Итальянскаго законодательства, относящихся къ порядку публичнаго преслѣдованія, обусловленному наличностью частной жалобы потерпѣвшаго, порядку, носящему неточное названіе **частнаго обвиненія** (azione privata) [8]) приводитъ этого автора къ весьма оригинальнымъ и спорнымъ выводамъ.

---

[7]) Указ. соч. Segreto istruttorio стр. 327—328. Этотъ отдѣлъ во Французскомъ изданіи значительно сокращенъ (La criminologie стр. 354). Сохранены лишь соображенія, отмѣченныя у меня въ текстѣ курсивомъ и къ нему прибавлено въ концѣ книги примѣчаніе, что авторъ изъ № Figaro отъ 22 февраля 1888 г. узналъ о предполагаемой во Франціи реформѣ предварительнаго слѣдствія съ замѣной инквизиціонной системы системой состязательнаго производства. Цитируя показаніе Figaro (чисто фельетоннаго свойства), что такимъ образомъ le juge d'instruction deviendra le **pantin**, dont les deux parties adverses tirent le cordon, что коммиссія, разработывающая проэктъ, постаралась стѣснить какъ можно болѣе предварительное задержаніе, Гарофало дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Le doctrinarisme a donc fait du chemin et notre chapitre“ Lois protectrices du crime se trouve donc d'actualité (стр. 415). Здѣсь все странно: сообщеніе въ видѣ новости въ 1888 г. о значительной реформѣ, работа надъ которой продолжается съ 1879 г. реформѣ, которой дали движеніе такіе серьезные юристы, какъ Faustin Hélie и Dufaure, реформѣ, вызвавшей цѣлую литературу, ссылка на такой источникъ какъ Figaro и заимствованіе у него пошлаго замѣчанія, наконецъ лаконическая бутада, какъ будто обширная реформа Французскаго Уст. Угол. Суд. ничего не заслуживаетъ иного.

[8]) Сардинскій Codice penale 20 Ноября 1859 г. (который имѣлся въ виду Garofalo при написаніи имъ своей книги) подчиняетъ этому порядку: оскорбленіе стыдливости и добрыхъ нравовъ въ непубличномъ мѣстѣ (ст. 420), прелю-

Извѣстно, что современная наука не благопріятствуетъ расширенію области преступныхъ дѣяній, по отношенію которыхъ право и обязанность государства по преслѣдованію и наказанію виновныхъ ставится въ зависимость отъ частной жалобы [9]). Поэтому несомнѣнно необходимо поставить преслѣдуемыя не иначе, какъ по жалобѣ, преступленія въ строгіе предѣлы, обусловленные жизненными интересами. Таковыми являются: пощада потерпѣвшаго отъ преступленія при наличности особо близкихъ къ нему отношеній виновнаго, уваженіе къ святости брачнаго союза, а равно къ интересу потерпѣвшаго—не подвергать огласкѣ путемъ уголовнаго преслѣдованія совершенное надъ нимъ преступное дѣло. Помимо такихъ уголовно-политическихъ основаній подчиненіе преслѣдованія и наказуемости виновниковъ извѣстныхъ дѣяній наличности жалобы потерпѣвшаго обусловливается по извѣстнымъ дѣяніямъ, каковы оскорбленіе чести, легкія тѣлесныя поврежденія, тѣмъ соображеніемъ, что публичная оцѣнка преступности такихъ дѣяній неизбѣжно и исключительно покоится на оцѣнкѣ, даваемой имъ лицами потерпѣвшими. Гарофало оставляетъ безъ вниманія всѣ эти основанія уголовно-политическаго и юридическаго свой-

---

бодѣяніе (ст. 482 и 483), похищеніе дѣвушки, сопровождавшееся бракомъ съ ея похитителемъ (ст. 488), обольщеніе дѣвушки моложе 18 л. обѣщаніемъ на ней жениться (ст. 510), жестокое обращеніе между супругами (ст. 515), диффамація, разглашеніе тайны, обиды (ст. 586), легкія тѣлесныя поврежденія (ст. 550), похищенія между родственниками въ восходящей и нисходящей линіи (ст. 685). По ст. 330 Codice di procedure penale этому порядку подчиняются также полицейскія нарушенія противъ лицъ и имуществъ предусмотрѣнныя въ ст. 686 и 687 Уголов. Уложенія и спеціальными законами, требующими частной жалобы для возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Новое Итальянское Уголовное Уложеніе 1889 г. значительно и безъ достаточнаго основанія расширило кругъ дѣяній преслѣдуемыхъ не иначе, какъ по частной жалобѣ.

[9]) Изъ многочисленныхъ работъ къ этому предмету укажу на статьи: Листа Die Privatklage in Österreich Gerichtssaal XXIX 1877 и Медема Beseitigung der Antragdelicte въ томъ же изданіи и того же года. Извѣстно, что Германская новелла 1876 года вычеркнула рядъ преступленій изъ числа преслѣдуемыхъ не иначе какъ по частной жалобѣ и обратила ихъ въ разрядъ оффиціальныхъ, и ограничила требованіе частной жалобы въ другихъ случаяхъ (Ср. Meves Die Strafgesetznovelle vom 26 Februar 1876 г.).

ства и, сообразно своимъ общимъ исходнымъ точкамъ зрѣнія, исключительно останавливается на вопросахъ о свойствѣ дѣянія и личности преступника. На этомъ основаніи онъ требуетъ исключенія изъ порядка преслѣдованія по частной жалобѣ преступныхъ дѣяній, сколь бы они ни были незначительны, соотвѣтствующихъ понятію естественнаго преступленія въ техническомъ смыслѣ [10]), въ виду возможности открытія въ виновникѣ дѣянія—внушающаго страхъ (temibile) и опаснаго преступника. Смотря по результату судебнаго діагноза и прогноза, виновникъ дѣянія долженъ подвергнуться или безпощадной мѣрѣ исключенія изъ общества, или только гражданскому вознагражденію потерпѣвшаго. Изъ этого выходитъ, что указанныя уголовно-политическія, а равно правовыя основанія совершенно игнорируются, и что существенные интересы относительно невозбужденія уголовнаго дѣла всецѣло приносятся въ жертву соображеніямъ, обусловленнымъ наличностью естественнаго преступленія и опаснаго преступника. Можно и должно согласиться, что вопросъ о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ не иначе какъ по жалобѣ, требуетъ особаго вниманія законодателя, что желателенъ тщательный пересмотръ этого отдѣла, причемъ каждое преступное дѣяніе должно быть обсуждено съ разностороннихъ точекъ зрѣнія. Однако, радикальное рѣшеніе вопроса, предлагаемое Гарофало, едва ли кого удовлетворитъ. Такъ, напр. преслѣдовать ex officio виновника мошенничества, совершеннаго относительно близкихъ родственниковъ, помимо ихъ желанія, преслѣдовать въ такомъ же порядкѣ молодаго человѣка, причинившаго въ дракѣ легкое тѣлесное поврежденіе товарищу, развѣ это незначитъ вносить безъ всякой надобности смуту въ существованіе людей и создавать новые поводы для нарушеній мира? Такія послѣдствія нерѣдко будутъ созданы оффиціальными преслѣдованіями, а между тѣмъ въ концѣ концовъ окажется, что никакого опасна-

---

[10]) Ср. по части естественнаго преступленія первый выпускъ настоящаго труда моего гл. IV § II.

го преступника нѣтъ и что, слѣдовательно, какъ этого хочетъ Гарофало, судъ долженъ будетъ присудить виновнаго единственно къ денежному вознагражденію потерпѣвшаго. Затѣмъ потерпѣвшій, предположимъ, откажется отъ этого вознагражденія. Что сказать относительно такого результата? Должно сказать, что такой результатъ способенъ вызвать краску стыда на лицѣ представителей судебной власти по случаю безполезной и безцѣльной процессуальной работы.

Я не касаюсь здѣсь вопроса, на сколько возможно допустить гражданское вознагражденіе, это возрожденіе „головничества“ и „уроковъ“, взамѣнъ карательныхъ средствъ, на сколько разумно связывать съ однимъ и тѣмъ же по объективной важности дѣяніемъ мѣры полнаго исключенія, какъ ссылка съ одной стороны, и гражданское вознагражденіе съ другой, въ виду различія въ личности преступника. На принужденіе къ гражданскому вознагражденію мнѣ приходилось уже указывать въ 1-мъ выпускѣ моего труда [11]), мнѣ придется подробно обсудить этотъ вопросъ ниже въ отдѣлѣ объ отдѣльныхъ карательныхъ средствахъ.

Нельзя не замѣтить по поводу рѣзкихъ и бездоказательныхъ соображеній, высказываемыхъ Гарофало относительно порядка преданія суду и предварительнаго слѣдствія, что при оцѣнкѣ такихъ капитальныхъ процессуальныхъ институтовъ совершенно неумѣстно скользить по поверхности, предлагать радикальныя рѣшенія, недостаточно обоснованныя, наконецъ разсыпать упреки и порицанія по части серьезныхъ усилій въ дѣлѣ реформы процессуальнаго законодательства.

Нѣтъ сомнѣнія, что по существу вопроса о неудовлетворительности современнаго порядка преданія суду Гарофало совершенно правъ. Господствующій французскій типъ этого стадія уголовнаго процесса, ввѣряемаго по важнѣйшимъ преступнымъ дѣяніямъ судебной коллегіи ex officio, подвергся чрезвычайно тщательному и осно-

---

[11]) Глава IV § IV стр. 499—500.

вательному разбору въ Германской и Итальянской литературѣ, приведшему къ полному сознанію его недостаточности. Но недостаточность этого порядка вовсе не исчерпывается съ одной стороны тѣмъ, что онъ влечетъ за собою замедленіе въ производствѣ уголовнаго дѣла. Съ другой стороны указанное послѣдствіе не въ состояніи само по себѣ оправдать полнаго устраненія судебной власти въ вопросѣ о преданіи суду, такъ какъ участіе означенной власти по разрѣшенію этого вопроса, хотя и не въ формѣ, соотвѣтствующей Французскому типу, имѣетъ свои вполнѣ разумныя основанія. Такъ въ порядкѣ преданія суду, принятомъ Австрійскимъ Уставомъ 23 мая 1873 года, полномочія судебной власти по разсмотрѣнію отзыва обвиняемаго противъ прокурорскаго обвинительнаго акта, являются источникомъ нормальной дѣятельности означенной власти, разрѣшенія спора о правѣ между обвинителемъ и обвиняемымъ, обусловленнаго обращеніемъ послѣдняго къ суду [12]).

---

[12]) Лучшая критика Французскаго типа преданія суду, принятаго въ Нѣмецкихъ уголовно-судебныхъ законодательствахъ, Австрійскомъ (1850 года), Бельгійскомъ и Итальянскомъ, принадлежитъ Глазеру (Über die Versetzung in Anklagestand, Kleine Schriften über Strafrecht und Strafprozess изд. 2-е 1883 г. XVII стр. 437—520). Авторъ справедливо ставитъ въ упрекъ этому порядку, то обстоятельство, что предварительное разсмотрѣніе обвиненія въ камерѣ преданія суду обращается въ простую формальность, далѣе что оно не только не служитъ гарантіей, но и бываетъ опаснымъ для обвиняемаго, такъ какъ сомнительное обвиненіе обыкновенно передается на судъ, а между тѣмъ опредѣленіе о преданіи суду придаетъ обвиненію въ глазахъ присяжныхъ авторитетъ, котораго оно не имѣетъ. Ср. также Bar Recht und Beweis, стр. 152 и слѣд. гдѣ авторъ упрекаетъ французскій порядокъ за механическое составленіе обвинительнаго акта на основаніи опредѣленія судебной коллегіи прокурорскимъ надзоромъ и при этомъ одобряетъ порядокъ, допускающій инниціативу и самодѣятельность прокурорскаго надзора по составленію обвинительнаго акта (порядокъ, осуществляемый въ отечественномъ уставѣ). Крайне энергичное осужденіе французскаго образца преданія суду произноситъ Carrara, настаивая на вредѣ предварительнаго разсмотрѣнія обвиненія судебной властью для интересовъ обвиняемаго и высказываясь за порядокъ Австрійскаго Устава Угол. Суд. 1873 г. (Invio in giudizio in Austria e Italia, Opuscoli m. VI). Casorati отмѣчаетъ смѣшеніе судебныхъ и обвинительныхъ функцій въ камерѣ преданія суду французско-итальянскаго типа, далѣе ослабленіе самостоятельности и отвѣтственности прокурорскаго надзора. (Il processo penale e le riforme, VII, il giudizio di accusa e di delibazione § 64). Cesarini (Dell apello in penale,

Гарофало высказывается въ пользу совершеннаго упраздненія обряда преданія суду даже по дѣламъ о преступленіяхъ въ техническомъ смыслѣ въ указываемыхъ имъ случаяхъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи проэкту реформы Итальянскаго Устава Уг. Суд. Вилла 1881 г. [13]). Но проэктъ Вилла, вводя сокращенное преслѣдованіе (съ обходомъ предварительнаго слѣдствія и безъ пре-

---

Rivista penale 1879 г.) порицаетъ французскій порядокъ преданія суду за то, что отвѣтственность по предъявленному обвиненію въ сущности не лежитъ ни на комъ, ни на судебной коллегіи, ни на обвинителѣ,—что этотъ порядокъ придаетъ преобладающее значеніе предварительному слѣдствію и вноситъ въ устное производство убѣжденія, извлеченныя изъ письменныхъ актовъ. Сложившійся по типу французскаго образца отечественный порядокъ преданія суду по важнѣйшимъ дѣламъ судебными палатами былъ уже намѣченъ въ основныхъ положеніяхъ 1862 г. Но при составленіи проэкта 1863 г. было сдѣлано предложеніе, осуществленное 10 лѣтъ позднѣе Глазеромъ въ Австрійскомъ Уставѣ 1873 г., о сообщеніи обвиняемому по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, обвинительнаго акта прокурора, съ правомъ обжалованія таковаго въ теченіе семи дней въ судебную палату. Въ 1870 году г. Арсеньевъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ „о преданіи суду" усвоилъ себѣ эту мысль, въ виду уже тогда сознаннаго интереса упрощенія и ускоренія обряда преданія суду, и убѣдительно показалъ соотвѣтствіе такой мѣры интересу обвиняемаго, а равно общественному интересу (ст. 124 и 125). Черезъ 15 лѣтъ послѣ изданія книги г. Арсеньева свѣдущій судебный дѣятель пришелъ къ заключенію что отечественный порядокъ преданія суду поставилъ судебныя палаты въ невозможность разсматривать поступавшія къ нимъ дѣла установленнымъ порядкомъ и высказался за предоставленіе обвиняемымъ права обжалованія прокурорскихъ обвинительныхъ актовъ въ палату, сохранивъ, впрочемъ, обязательное разсмотрѣніе такихъ актовъ по существующему порядку (Сергѣй Хрулевъ: Суды и Судебные порядки, Юридическій Вѣстникъ 1885 г. № 3 стр. 536—539). Сочувствуя принципіальному началу, нельзя согласиться съ компромиссомъ, къ которому приходитъ почтенный авторъ, желающій при введеніи обжалованія обвинительныхъ актовъ сохранить и порядокъ разсмотрѣнія прокурорскаго обвиненія палатой ex officio въ виду недостатка у насъ судебной защиты. Отмѣчу, что самый ранній зародышъ мысли о конструкціи преданія суду по Австрійскому типу можно найти въ Италіи у Romagnosi въ его дополненіяхъ къ составленному имъ для Итальянскаго королевства проэкту Уст. Угол. Суд. 1806 г. Романьози разсматриваетъ обрядъ преданія суду, какъ благодѣяніе для обвиняемаго, „но именно потому обвиняемый воленъ отъ него отказаться и требовать, чтобы его поставили на судъ по окончаніи слѣдствія". (Progetto del codice di procedura penale pel cessato Regno d' Italia Aggiunte e riforme стр. 251).

[13]) По части этого проэкта см. мою статью въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1882 года.

данія суду ex officio), въ случаяхъ flagrante reato и reato reputato flagrante [14]), а также при полномъ и искреннемъ сознаніи обвиняемаго, давалъ, однако, обвиняемому право обжалованія обвинительнаго акта камерѣ преданія суду, которая такимъ образомъ, по жалобѣ обвиняемаго, призывалось къ разсмотрѣнію вопроса, слѣдуетъ ли предавать суду или прекратить дѣло. Этотъ порядокъ, какъ видно изъ объяснительной записки, вводился въ законодательство ради установленія серьезной гарантіи для обвиняемаго при наличности обвинительнаго акта, признаваемаго имъ неправильнымъ, ради созданія оплота противъ возможныхъ заблужденій прокуратуры и наиболѣе полнаго осуществленія права защиты. А между тѣмъ Гарофало, увлеченный идеей быстроты производства, даже не коснулся вопроса о факультативномъ преданіи суду.

Сужденія Гарофало о существующемъ предварительномъ слѣдствіи, указанія на желательные пріемы при таковомъ производствѣ,— все это переноситъ читателя далеко назадъ, ко временамъ французскаго слѣдственнаго процесса 15 и 16 столѣтія, ко временамъ, когда по словамъ Каррара „нарождается ненавистнѣйшій типъ фискальнаго инквизитора, вѣчнаго угнетателя невинности, гасильника истины“.

Прежде всего несправедливъ упрекъ, дѣлаемый Гарофало Итальянскому законодательству за то, что слѣдственный судья обязанъ лишь пролить свѣтъ на дѣло, а не отыскать во что бы то ни стало виновнаго. Должностное лицо судебной магистратуры дѣйствуетъ въ предѣлахъ освященныхъ процессуальнымъ закономъ формъ и обрядовъ и не можетъ прибѣгать къ безразличнымъ средствамъ, подобно сыщику [15]). Что же касается до щедроты современнаго

---

[14]) Эти термины (ст. 47 Итальян. Уст. Уг. Суд.) соотвѣтствуютъ терминамъ Французскаго законодательства: delit flagrant et reputé flagrant (ст. 46 Франц. Уст. Угол. Суд.).

[15]) Le Latin des légistes avait prêté sa majesté pédante à cette doctrine effroyable: le juge peut mentir pour arracher l'aveu: Iudex pro eruenda veritate potest uti interrogationibus dubiis, obscuris et sophisticis et simulate agere. Atro·

Итальянскаго закона по отношенію къ обвиняемому, то такой отзывъ Гарофало тоже невѣренъ. Такъ авторъ указываетъ на право обвиняемаго обжаловать постановленіе слѣдственнаго судьи о содержаніи его подъ стражей, предоставляемое ст. 185 Итальян. Уст. Уг. Суд. (по редакціи закона 30 Іюня 1876 года). Однако обвиняемый, во первыхъ, лишенъ возможности при составленіи жалобы разсматривать акты слѣдственнаго производства[16]), какъ это несомнѣнно явствуетъ изъ парламентскихъ преній при обсужденіи закона 1876 года. Во вторыхъ, вслѣдствіе краткости срока, въ теченіе котораго обвиняемый можетъ воспользоваться своимъ правомъ, (не болѣе четырехъ дней), это право становится фиктивнымъ[17]). Указанное, скупо предоставленное обвиняемому полномочіе въ значительной степени перевѣшивается полнѣйшей тайной для него слѣдственнаго производства. Такой порядокъ признается Гарофало нормальнымъ въ силу того, что лишь такимъ образомъ обезпечивается успѣшность слѣдственныхъ дѣйствій. Но этимъ утвержденіемъ выдается свидѣтельство безсилія слѣдственной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ приписывается преувеличенное значеніе попыткамъ обвиняемаго или его защитника—парализовать уголовное преслѣдованіе, тогда какъ слѣдственная власть обладаетъ всѣми нужными ей полномочіями, чтобы предупреждать и пресѣкать всякія такого рода попытки. Можно удивляться, что нѣкоторыя утвержденія постоянно всплываютъ вверхъ, не смотря на то, что они много разъ подвергались опроверженію. Эти утвержденія вмѣстѣ съ тѣмъ опираются на положеніе о безпристрастіи органа слѣдственной власти, о невозможности поддержки прокуроромъ несуществующаго обвиненія. Нужно ли напоминать, что безпристрастіе судьи качество, независящее единственно отъ его лич-

---

cités, issues du moyen age, voila le passé. Il pése encore sur nous de tout le poids de la tradition leguée (Munier—Jolain, L'instruction criminelle inquisitoriale et sécrete pag. 30—31).

[16]) Ср. Isidoro Mel, Diritto positivo Italiano Codice di procedure penale, разъясненія къ ст. 185 стр. 77.

[17]) Ср. Campani (La difesa penale in Italia, Cap. VII стр. 141).

ности, а создаваемое въ значительной степени обстановкой и положеніемъ, обусловленными процессуальными формами? На этой истинѣ покоится весь современный процессуальный строй, постановленія объ отдѣленіи судебной власти отъ власти обвинительной и функціи защиты, правила о способахъ и условіяхъ разсмотрѣнія и повѣрки доказательствъ (непосредственность, устность, гласность, состязательное начало), двойственность функцій: руководства процессуальными дѣйствіями, осуществляемаго коронныхъ судьей, и разрѣшенія вопросовъ о винѣ и невинности, предоставляемаго народному элементу въ судѣ присяжныхъ. Къ тому же говорить, что слѣдственный судья не имѣетъ полномочій обвиненія, значитъ играть словами по отношенію къ уголовному процессу Французско-Итальянскаго типа. Конечно, формальнаго полномочія обвинять слѣдственный судья не имѣетъ. Но несомнѣнно, что слѣдственный судья—органъ судебной полиціи, руководимой прокуратурой.— Вообще, гласность или публичность сторонъ (Partei öffentlichkeit) т. е. участіе обвиняемаго въ производящихся противъ него слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и возможность освѣдомленія о таковыхъ, составляетъ тотъ minimum полномочій, безъ которыхъ невозможна матеріальная его защита, согласно правилу „audiatur et altera pars“.

Когда Гарофало далѣе утверждаетъ, что небезопасно дозволять объвиняемому съ самаго начала узнавать имена указанныхъ обвинителемъ свидѣтелей, то это положеніе уже всецѣло примыкаетъ къ французскому старинному процессу, гдѣ обвиняемый не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о показаніяхъ спрошенныхъ свидѣтелей до очной ставки съ ними, при которой онъ обязывался немедленно предъявить причины къ отводу впервые названнаго ему свидѣтеля и лишь послѣ этого момента допускался къ выслушанію письменныхъ свидѣтельскихъ показаній. Замѣчательно, что осужденіе этого порядка находится у стариннаго французскаго юриста-практика инквизиціоннаго процесса, Ayrault, lieutenant criminel т. е. слѣдственнаго судьи того времени. „De dire, qu' enfin de

perpetuellement ignorer ce que diront les temoings et qu' un seul ne puisse jamais être seduit n'y corrompu par l'accusé, il ne faille pas même auparavant la confrontation qu'il entende qu'ils soyent, ce ferait entrer en la rigueur et austerité que Mr le Chancelier Poyet a introduitte daus l'ordonnance de Ville Cotteret[18]).

Для критики воззрѣній Гарофало — нѣтъ основаній, по поводу упрековъ этого изслѣдователя по адресу реформаторовъ доктринеровъ, входить въ подробное разсмотрѣніе капитальнаго вопроса о преобразованіи предварительнаго слѣдствія въ смыслѣ состязательнаго производства въ связи съ допущеніемъ формальной защиты. И въ самомъ дѣлѣ Гарофало въ нѣсколькихъ строкахъ, мимоходомъ затрогиваетъ этотъ вопросъ. Поэтому, достаточно указать, что право формальной защиты въ стадіѣ предварительнаго производства ради освѣдомленія относительно собранія доказательствъ обвиненія, помощи обвиняемому въ собраніи и предъявленіи доказательствъ защиты, и, наконецъ, обжалованія распоряженій органа слѣдственной власти, поставленное въ точно опредѣленныхъ предѣлахъ, не допускающихъ ослабленія репрессіи и отождествленія формъ предварительнаго производства съ таковыми же главнаго производства, составляетъ несомнѣнное пріобрѣтеніе современной теоріи и практики уголовнаго процесса.

Теоретически принципъ защиты при предварительномъ слѣдствіи выше всякаго спора. Если признавать право обвиняемаго на формальную защиту при преслѣдованіи его передъ судебной властью, то такое право не можетъ измѣняться, смотря по тому находится ли дѣло въ стадіѣ предварительнаго или главнаго производства, нельзя ссылаться на то, что при предварительномъ слѣдствіи еще не существуетъ обвиненія въ видѣ законченной и вполнѣ точно выраженной процессуальной функціи. Привлеченіе извѣстнаго лица въ качествѣ обвиняемаго предполагаетъ направленное про-

---

[18]) Ordre et instruction judiciaire de Pierre Ayrault изд. 1881 г. Paris A. Cotillon стр. 171—172.

тивъ него обвиненіе, юридическое нападеніе, которому должно соотвѣтствовать право обороны въ видѣ формальной защиты [19]). Справедливо замѣчаетъ Луккини, что непослѣдовательно объявлять неприкосновеннымъ право защиты, когда обвиненіе основывается на собранныхъ уже данныхъ, дающихъ ему внѣшній видъ истины, при главномъ производствѣ, и отказывать въ защитѣ, когда частное лицо подвергается уголовному преслѣдованію въ силу однихъ только подозрѣній [20]). Нельзя указывать, что по окончаніи слѣдствія, послѣ преданія суду, защитникъ получаетъ право выставлять въ пользу обвиняемаго данныя, служащія къ его оправданію. Дѣло въ томъ, что желательно, чтобы суду предавались только лица дѣйствительно виновныя, въ виду страданій и вреда, сопряженныхъ съ этимъ обрядомъ, и за которые не можетъ иногда вознаградить никакой оправдательный приговоръ. Если предварительное слѣдствіе имѣетъ, между прочимъ, назначеніе подготовить матеріалъ для правильнаго разрѣшенія вопроса о преданіи суду, то участіе защитника является существеннымъ въ смыслѣ условія, благопріятствующаго правильному разрѣшенію этого вопроса. Далѣе, участіе защитника при предварительномъ слѣдствіи имѣетъ огромное значеніе относительно интересовъ обвиняемаго при главномъ производствѣ, такъ какъ его дѣятельность даетъ возможность фиксировать извѣстныя доказательства, которыя могли бы утратиться позднѣе, а равно установить правильную критику извѣстныхъ доказательствъ, неосуществимую впослѣдствіи [21]). Наконецъ,

---

[19]) Франческо Каррара въ своемъ замѣчательномъ этюдѣ о защитѣ при предварительномъ слѣдствіи (Cesarini e le riforme del processo penale, Opuscoli v. VI) допускаетъ право защиты, начиная съ момента нападенія обвинителя на права частнаго лица путемъ мѣръ, ограничивающихъ личную свободу (стр. 124—128). Точно также и Casorati (Il processo penale e le riforme) утверждаетъ, что право защиты возникаетъ одновременно съ обвиненіемъ (imputazione). А какъ обвиненіе начинается съ періода предварительнаго слѣдствія, то въ этомъ стадіѣ разумно допустить и возникновеніе защиты (La difesa nella procedura preparatoria стр. 276).

[20]) Цитата взята у Каррара выше указанное соч.

[21]) Цѣлый рядъ иллюстрацій относительно необходимости допустить формаль-

очевидно, что, при предоставленіи обвиняемому права обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій, это право можетъ имѣть дѣйствительное значеніе лишь при наличности свѣдущаго совѣтника у обвиняемаго. Таковы основанія для допущенія формальной защиты при предварительномъ слѣдствіи съ точки зрѣнія интересовъ обвиняемаго. Съ другой стороны, существуютъ основанія, коренящіяся въ интересѣ репрессіи, которыя также благопріятствуютъ участію защитника въ указанномъ стадіи процесса. И въ самомъ дѣлѣ, при такомъ участіи, защитникъ призывается противупоставить доказательствамъ обвиненія всѣ имѣющіяся у него данныя въ пользу обвиняемаго. Если ему удастся опровергнуть предъявленное обвиненіе, обвиняемый не будетъ преданъ суду. Если же этого защитнику не удастся, то доказательственный матеріалъ обвиненія выйдетъ особенно крѣпкимъ изъ этого испытанія и на судѣ извѣстныя обстоятельства уже будутъ внѣ спора, такъ какъ защита уже пыталась, но безъ успѣха оспаривать ихъ. Далѣе, относительно доказательствъ, впервые предъявляемыхъ на судъ защитой, всегда будетъ возможенъ предварительный вопросъ: почему они ранѣе не были предъявлены при предварительномъ производствѣ?

При несомнѣнности процессуальной законности и необходимости формальной защиты въ первомъ стадіѣ уголовнаго процесса,—это начало оспаривается по практическимъ соображеніямъ вслѣдствіе опасенія вреда для уголовнаго преслѣдованія. „Опасаются, говоритъ Франческо Каррара, что неосторожное усердіе или одностороннее увлеченіе защитника, проникнувъ сквозь тайну слѣдственнаго производства, нарушитъ его стройное движеніе, поведетъ къ уничтоженію или къ ослабленію доказательствъ и сдѣлаетъ невозможнымъ раскрытіе истины“ [22]). Такія же опасенія высказы-

---

ную защиту при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ установленію состава преступленія, даетъ Каррара въ своей работѣ Cesarini e le riforme. Ср. мою работу: Очеркъ изслѣдованій Франческо Каррара объ уголовной защитѣ 1883 г.

[22]) Programma del corso di diritto criminale Parte generale Vol. II. Sezione terza § 856 nota I.

ваются, какъ было показано выше, и Гарофало. Вслѣдствіе указаннаго мотива боязни за успѣхъ уголовнаго преслѣдованія при широкихъ полномочіяхъ формальной защиты, Каррара, Казорати, Мира, принципіально благопріятные разсматриваемой мѣрѣ, допускаютъ участіе защитника при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ установленію объективнаго состава преступленія (осмотрахъ, обыскахъ, освидѣтельствованіяхъ), какъ крайне полезное въ интересахъ обвиняемаго и немогущее грозить вредомъ для уголовнаго преслѣдованія, и, напротивъ, устраняютъ защитника отъ присутствія при допросѣ свидѣтелей и обвиняемаго. На томъ же основаніи указанные писатели допускаютъ ограниченія по части сношеній между обвиняемымъ и защитникомъ, а равно открытія слѣдственныхъ актовъ указаннымъ лицамъ [23]). Какъ бы взамѣнъ этихъ ограниченій, предлагается дать обвиняемому полную свободу сношеній съ защитникомъ, право полнѣйшаго ознакомленія съ слѣдственными актами и право просить о производствѣ дополнительныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, въ томъ числѣ допроса новыхъ свидѣтелей, по окончаніи предварительнаго слѣдствія. Такимъ образомъ между окончаніемъ слѣдствія и обрядомъ преданія суду вставляется фазисъ защитительнаго производства передъ слѣдственнымъ судьей [24]).

Эти воззрѣнія о мѣрѣ полномочій защитника вполнѣ согласуются съ дѣйствующими законодательствами Германскимъ и Австрійскимъ, допускающими защиту въ первомъ стадіѣ уголовнаго процесса, но ограничивающими ее такими же предѣлами, которые требуются и указанными Итальянскими процессуалистами, исключающими защитника отъ присутствія при допросѣ обвиняемыхъ и свидѣтелей [25]).

---

[23]) Относительно Каррара и Казорати ср. ихъ работы, указ. въ примѣч. 19, относит. Мира его работу „Della amissione della difesa durante l'istruzione".

[24]) Казорати loco cit стр. 278, Мира loco cit стр. 21 и 22. Тоже предлагаетъ и Cesarini Discorso d'apertura 1874 г. стр. 49.

[25]) Ст. 45, 97, 123 Австр. Уст. 1873 г. ст. 137, 142, 147, 148, 191. Уст. Германскаго 1877 г.—Ср. мою работу: Реформа предварительнаго слѣдствія, Москва 1882 г.

Въ сочиненіи, изданномъ Гарофало и Карелли въ 1889 году подъ заглавіемъ „Реформа Уголовнаго Судопроизводства въ Италіи, проэктъ новаго устава“, проэктируется допущеніе защиты при предварительномъ производствѣ въ связи съ двумя фазисами процессуальныхъ дѣйствій: тайнымъ и гласнымъ: при первомъ защитѣ представляются единственно полномочія, соотвѣтствующія постановленіямъ Германскаго и Австрійскаго уставовъ. При гласномъ фазисѣ допускается полная свобода сношеній обвиняемаго и повѣрка новыхъ доказательствъ, указанныхъ обвиняемымъ или его защитникомъ, и въ присутствіи ихъ [26].

Отличное, сравнительно съ указанными выше законодательствами, положеніе придано защитѣ при предварительномъ слѣдствіи законодательными работами по реформѣ Французскаго Уст. Угол. Суд., начало которыхъ относится къ 70-мъ годамъ. По правительственному проэкту (Le Royer) 1879 года задержанный подъ стражей обвиняемый въ правѣ, послѣ первой явки передъ слѣдственнымъ судьей, вступать въ сношенія съ избраннымъ и заявленнымъ имъ судьѣ защитникомъ и являться въ сопровожденіи послѣдняго, при всякомъ призывѣ къ допросу. Защитнику предоставляется право слова лишь съ разрѣшенія судьи (ст. 127—130 проэкта). Внѣ случаевъ, нетерпящихъ отлагательства (каковы напр., опасная болѣзнь свидѣтеля или опасеніе исчезновенія слѣдовъ преступленія) судья, назначая срокъ для допроса обвиняемаго, извѣщаетъ о томъ

[26]) R. Garofalo e L. Carelli Riforma della procedura penale in Italia, Progetto di un nuovo Codice, Torino 1889 г. Работа эта, вышедшая послѣ изданій Criminologia итальянскаго 1885 г. и французскаго 1888 г., носитъ на себѣ слѣды антрополого-позитивныхъ воззрѣній въ довольно слабой степени, за исключеніемъ отдѣла о предварительномъ арестѣ. Она, во всякомъ случаѣ, представляетъ значительный поворотъ отъ взглядовъ Гарофало, излагаемыхъ имъ въ Criminologia и разбираемыхъ мною, на устроеніе предварительнаго производства. Указанный трудъ двухъ авторовъ ограничивается въ изданномъ выпускѣ двумя книгами проэкта, изъ которыхъ первая посвящена общимъ положеніямъ, а вторая предварительному производству. Достойно вниманія, что въ послѣднемъ изд. Criminologia 1891 г. Гарофало неизмѣнно воспроизводитъ свои воззрѣнія на необходимость тайны предварительнаго слѣдствія, изложенныя мною выше, совершенно не упоминая о своемъ проэктѣ 1889 г.

защитника за 24 часа. Слѣдственный судья можетъ устранить присутствіе защитника при допросѣ обвиняемаго путемъ запрета сношеній (interdiction de communiquer) между ними въ теченіе десятидневнаго срока, подлежащаго продленію еще на 10 дней по опредѣленію камеры Совѣта (ст. 131), можетъ постановить о допросѣ свидѣтелей внѣ присутствія защитника, но обязанъ въ этомъ случаѣ въ возможной скорости сообщить обвиняемому и его защитнику снятыя въ отсутствіи ихъ показанія (64). Указанный проэктъ, сверхъ того, даетъ обвиняемому слѣдующія важныя полномочія: 1) избраніе изъ особаго списка эксперта защиты, обязаннаго находиться при всѣхъ производимыхъ экспертами, назначенными слѣдственнымъ судьей, изслѣдованіяхъ и представлять свои замѣчанія относительно заключенія, даннаго оффиціальными экспертами (ст. 47—54). 2) право знакомиться чрезъ защитника со всѣми слѣдственными актами, подъ условіемъ признанія слѣдственнымъ судьей совмѣстимости такой мѣры съ интересами слѣдствія (ст. 133), 3) право обжалованія постановленій слѣдственнаго судьи и представленія, въ лицѣ защитника, словесныхъ объясненій въ камерѣ Совѣта, при докладѣ таковой жалобы (ст. 136—143) [27].

5-го августа 1882 г. Французскій Сенатъ принялъ этотъ проэктъ съ существенными измѣненіями, предложенными Сенатской коммиссіей. Этотъ видоизмѣненный, Сенатскій проэктъ не допускаетъ защитника при допросахъ свидѣтелей (ст. 79) и об-обвиняемаго (ст. 138), но разрѣшаетъ обвиняемому вступать послѣ перваго допроса въ сношенія съ защитникомъ, если только судья не постановитъ опредѣленія о запретѣ сношеній между ними, а взамѣнъ личнаго присутствія защитника при допросахъ предписываетъ, внѣ случаевъ запрета сношеній, сообщеніе защитнику слѣдственнаго производства наканунѣ всякаго допроса обвиняемаго (ст.

---

[27]) Projet de loi tendant a réformer le Code d'Instruction criminelle presentè au nom de M Jules Grevy président de la republique, par. M. E. Le Royer, garde des Sceaux, ministre de la justice (Journal officiel № 13 и 14).

149 и 151). Однако, при переходѣ Сенатскаго проэкта въ Палату Депутатовъ, коммиссіи этой Палаты въ теченіи нѣсколькихъ сессій съ 1882 года по 1891 годъ постоянно высказывались въ своихъ докладахъ палатѣ за возвращеніе къ основнымъ положеніямъ правительственнаго проэкта. Таковъ и послѣдній докладъ парламентской коммиссіи Bouvier Lepîerre 1891 г.[28]) съ приложеніемъ видоизмѣненнаго по заключенію коммиссіи Сенатскаго проэкта.

Изъ изложеннаго видно, что какъ правительственный проэктъ 1879 г., такъ и однородный съ нимъ послѣдній парламентскій проэктъ, не задаваясь мыслью придать предварительному слѣдствію не рѣдко требуемый въ литературѣ характеръ состязательнаго и доступнаго посторонней публикѣ судебнаго производства [29]), вносятъ сравнительно съ другими законодательствами существенно новое начало о полной гласности сторонъ въ лицѣ обвиняемаго и защитника, наравнѣ съ обвинителемъ и гражданскимъ

---

[28]) Ср. № 1114, Chambre des deputés cinquiéme législature, session de 1891 Rapport fait au nom de la commission chargée d'examiner le projet de loi adopté par le Senat sur l'instruction criminelle par M. Bovier Lapierre, deputé. Въ этомъ докладѣ напечатаны рядомъ Сенатскій проэктъ и проэктъ Коммиссіи.

[29]) Требованія такой радикальной реформы высказываются слѣдующими писателями: Gneist Vier Fragen zur deutschen Strafprozessorduung, далѣе Kroneker, Die Reformbedürftigkeit des Vorverfahrens im Strafprozess (Zeitschrift Листа VII, 1887 г.), Kleinfeller, Die Öffentlichkeit des gerichtlichen Vorverfahrens Ger. S. XXXIV, 1887 г. Prins et Pergameni Réforme de l'instruction préparatoire 1871 г. и Prins La procedure pénale o Londres et en Belgique 1879 г. S. Meyer Streiflichter auf den gegenwärtigen Strafprozess 1886. Талантливая пропаганда устности и гласности, по образцу Англо-Американскихъ порядковъ, во всѣхъ стадіяхъ уголовнаго процесса—у Laboulaye, Paris er Amerique. Ср. также Mounier Jolain указанное выше сочиненіе 1880 г. и Lucchini Il carcere preventivo 1873 г. Слѣдуетъ признать, что едва ли такая коренная реформа по силамъ современному европейскому процессу, едва ли, вслѣдствіе множества практическихъ условій, можно разсчитывать на воспроизведеніе Англійскихъ порядковъ, коренящихся по преимуществу въ старинныхъ традиціяхъ и обычаяхъ, при наличности ограниченій въ законѣ (Актъ 14 Августа 1848 г.). Противъ публичности предварительнаго слѣдствія и, притомъ, въ интересахъ обвиняемаго, высказался въ послѣднее время Benevolo, La publicita e la difesá nel periodo anteriore al dibattimento (Rivista penale, Settembre 1891 г.).

истцомъ, при предварительномъ слѣдствіи. Слѣдуетъ ли опасаться такой реформы въ виду интересовъ репрессіи, бояться не только усложненій слѣдственнаго производства, но и лишней возможности, даваемой обвиняемому, ускользнуть отъ правосудія и заслуженнаго наказанія? Едва ли такія опасенія могли бы считаться основательными. И въ самомъ дѣлѣ, что касается до допроса свидѣтелей въ присутствіи сторонъ, то эта мѣра, конечно, является крайне рѣзкимъ нововведеніемъ во Французскомъ законодательствѣ съ его полной тайной слѣдственныхъ дѣйствій. Но это не значитъ, чтобы такая мѣра была вообще новостью въ Европейскихъ законодательствахъ. Такъ, въ отличіе отъ указаннаго законодательства, по нашему отечественному Уставу, свидѣтели допрашиваются въ видѣ общаго правила при обвиняемомъ (ст. 446—448), и опытъ не показалъ, чтобы такая гласность вредила интересамъ правосудія [30]). Правда, Французскіе проэкты допускаютъ не только обвиняемаго, но и защитника, это отличіе, разумѣется, болѣе благопріятно первому, но оно не представляетъ чего либо особенно опаснаго для обвиненія, сравнительно съ допущеніемъ къ допросу свидѣтелей—одного обвиняемаго. Къ тому же, исключительные случаи, требующіе устраненія защитника отъ присутствія при допросѣ свидѣтелей, приняты въ разсчетъ правительственнымъ проэктомъ (ст. 64) и послѣднимъ парламентскимъ проэктомъ (ст. 78) дающими слѣдственному судьѣ право устраненія защитника путемъ постановленія о запретѣ сношеній. Спорнѣе представляется

---

[30]) Весьма существенно, что допросъ свидѣтеля, снятый, согласно ст. 446 въ отсутствіе обвиняемаго, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Макалинскій, долженъ по смыслу ст. 448 прочитываться ему тотчасъ или при первой возможности. Позднее предъявленіе обвиняемому такого показанія, продолжаетъ тотъ же почтенный авторъ, могло бы парализовать право обвиняемаго на предложеніе свидѣтелю новыхъ вопросовъ и сдѣлать невозможною повѣрку обстоятельствъ, приведенныхъ обвиняемымъ въ свою пользу (Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей изд. 3-е 1890 г. II, стр. 556). Это послѣднее замѣчаніе г. Макалинскаго въ полной силѣ примѣняется къ гласному фазису предварительнаго слѣдствія, наступающему по окончаніи тайнаго и предлагаемому Гарофало.

вопросъ о допущеніи защитника обвиняемаго при допросѣ таковаго, согласно двумъ указаннымъ проэктамъ, или о сообщеніи слѣдственнаго производства защитнику наканунѣ каждаго допроса по проэкту Сенатскому. Можно замѣтить, что при такихъ условіяхъ допросъ обвиняемаго лишается значенія доказательственнаго средства въ пользу обвиненія, что обвиняемый является къ допросу, вооруженный доводами, внушенными ему защитникомъ, и что защитникъ своими заявленіями или же уже однимъ своимъ присутствіемъ, такъ сказать, поддерживаетъ систему защиты своего кліента. Но эти соображенія теряютъ всякое значеніе, если припомнить, что допросъ подсудимаго въ современномъ европейскомъ процессѣ потерялъ значеніе уличающаго доказательственнаго средства. Сознанія, составлявшаго regina probationum при инквизиціонномъ процессѣ, судья не въ правѣ домогаться, а обвиняемый, напротивъ, получилъ право не отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. Съ другой стороны нельзя упускать изъ виду, что всякій разъ, когда обвиняемый оставляется на свободѣ, нѣтъ возможности помѣшать ему обратиться къ защитнику до перваго допроса и, слѣдовательно, пресѣченіе внушеній защитникомъ обвиняемому возможно единственно по отношенію къ задержаннымъ подъ стражей [31]). Наконецъ—внушать подсудимому, что онъ долженъ сказать слѣдственному судьѣ въ свое оправданіе, крайне трудно, если не невозможно, для защитника при самомъ началѣ дѣла, когда обстоятельства дѣла ему извѣстны только со словъ обвиняемаго. Во всякомъ случаѣ, въ виду допущенія защитника лишь послѣ первой явки обвиняемаго передъ судьей, въ виду права судьи запрещать сношенія обвиняемаго съ защитникомъ, Французскіе проэкты въ достаточной мѣрѣ ограждаютъ интересъ уголовнаго преслѣдованія, по скольку онѣ связываются съ порядкомъ допроса обвиняемаго.

---

[31]) Ср. обстоятельную и краснорѣчивую защиту Сенатскаго проэкта относительно постановки допроса обвиняемаго въ замѣчательной рѣчи Сенатора Berenger въ засѣданіи Сената 20 Мая 1882 (Débats parlementaires, Sénat Séance 20 Mai 1882).

Болѣе серьезнымъ является возраженіе, что, въ силу присутствія защитника при допросѣ обвиняемаго, можно опасаться разныхъ осложненій, превращенія такого допроса въ состязаніе съ прокуроромъ, пререканій защитника и слѣдственнаго судьи. Однако, эти возраженія падаютъ при наличности въ законѣ такихъ постановленій, которое содержится въ правительственномъ французскомъ проэктѣ, а именно, что защитникъ не получаетъ права слова безъ разрѣшенія судьи, или, напр., когда защитнику дозволяется лишь по окончаніи допроса дѣлать отдѣльныя заявленія или замѣчанія. Спрашивается, почему не боятся въ судебномъ засѣданіи вмѣшательства защитника въ допросъ подсудимаго и опасаются таковаго при предварительномъ слѣдствіи?

Достойно вниманія, что спорные вопросы о допущеніи присутствія защитника при допросахъ обвиняемыхъ и свидѣтелей были порѣшены въ утвердительномъ смыслѣ въ нашемъ отетественномъ проэктѣ 1863 года. Въ раздѣлѣ 4-мъ, главѣ 2-й, отдѣленіи 2-мъ „о допущеніи гласности и защиты при предварительномъ слѣдствіи“, организація защиты изложена въ ст. 255—259. Ст. 255 и 256 предоставляютъ обвиняемому имѣть при слѣдствіи защитника изъ лицъ, которымъ незапрещено ходатайство по чужимъ дѣламъ, о чемъ ему объявляется при самомъ началѣ слѣдствія. Ст. 257 постановляетъ, что совѣщанія защитника съ обвиняемымъ не допускаются ни въ какомъ случаѣ прежде первоначальнаго допроса. По ст. 258 неприбытіе защитника ни въ какомъ случаѣ не останавливаетъ слѣдствія. Ст. 259 предоставляетъ защитнику присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, не исключая и тѣхъ, которыя производятся при закрытыхъ дверяхъ. Онъ имѣетъ право обращать вниманіе слѣдователя па всѣ обстоятельства, могущія служить къ оправданію обвиняемаго, и просить о предложеніи вопросовъ свидѣтелямъ. Таковы въ высшей степени замѣчательныя постановленія проэкта 1863 года, отвергнутыя, какъ извѣстно Государственнымъ Совѣтомъ, и невошедшія, поэтому, въ дѣйствующій Уст. Уг. Суд. Въ объяснительной

запискѣ точно формулированы основанія допущенія защиты: оно признается неизбѣжнымъ послѣдствіемъ допущенія прокуратуры при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, право сторонъ должно быть одинаково, иначе слѣдователь будетъ одностороненъ и будетъ оставлять безъ вниманія интересы обвиняемаго, не имѣющаго ни смѣлости, ни умѣнья представить свои оправданія. Эти соображенія были единогласно приняты Коммиссіей (объяснит. записка 1863 г.). Въ мнѣніяхъ членовъ коммиссіи встрѣчаются возраженія противъ ходячихъ мнѣній, враждебныхъ защитѣ при предварительномъ слѣдствіи. Такъ между прочимъ мы читаемъ: „опасаются, что защитникъ будетъ передавать сдѣланныя при слѣдствіи показанія. Но при гласномъ слѣдствіи они не могутъ быть тайной, а при закрытыхъ дверяхъ они могутъ быть переданы какъ показавшимъ свидѣтелемъ, такъ и всѣми другими участвующими въ дѣлѣ лицами“.

Признавая такимъ образомъ раціональность крупныхъ реформъ по предмету участія защиты, разработываемыхъ въ наше время по отношенію къ предварительному производству Французскаго уголовно-судебнаго права, реформъ, предполагающихъ, конечно, множество потребныхъ для ихъ успѣха условій бытовыхъ, культурныхъ, общественныхъ, и, поэтому, не поддающихся введенію въ каждой любой странѣ и любое время, я долженъ остановиться на оцѣнкѣ тѣхъ предложеній, которыя дѣлаются Казорати, Цезарини, и, наконецъ, въ книгѣ Гарофало и Карелли о реформѣ уголовнаго процесса. Предлагаемый этими авторами защитительный или состязательный фазисъ предварительнаго производства, какъ извѣстно, въ нѣкоторой степени осуществляется въ отечественномъ уставѣ въ отдѣлѣ о заключеніи слѣдствія. Согласно ст. 476 и 477 Судебный Слѣдователь, признавая слѣдствіе оконченнымъ, спрашиваетъ обвиняемаго, не желаетъ ли онъ чего нибудь сказать въ свое оправданіе, предъявляетъ ему слѣдственное производство и производитъ собраніе дополнительныхъ доказательствъ по просьбѣ обвиняемаго. Разница этого стадія нашего отечественнаго

процесса отъ предлагаемаго указанными писателями состоитъ въ томъ, что нашъ Уставъ не знаетъ такой строгой тайны при предварительномъ производствѣ, которая существуетъ въ Итальянскомъ законодательствѣ и которую относительно личныхъ доказательствъ желаютъ сохранить и указанные процессуалисты. Поэтому, понятно, что указанный отдѣлъ, по объему слѣдственныхъ дѣйствій, не можетъ производить усложненія или продленія слѣдствія. Другая разница состоитъ въ томъ, что указанный фазисъ предварительнаго слѣдствія по отечественному уставу обходится безъ формальной защиты, т. е. участія защитника, тогда какъ именно Казорати и, по примѣру его, Гарофало даютъ полное развитіе участію защиты въ этомъ фазисѣ. Указавъ на эти сходства и различія, легко отмѣтить крупныя затрудненія, сочетающіеся съ рекомендуемымъ Гарофало порядкомъ. Послѣ глубокой тайны перваго фазиса, послѣ того, какъ въ тайнѣ отъ обвиняемаго, оказалось отлитымъ въ крѣпкія формы сооруженіе, поддерживающее обвиненіе, обвиняемый выводится на яркій свѣтъ. Предположимъ, какъ это часто бываетъ, что обвиняемый заинтересованъ не въ представленіи доказательствъ защиты, которыхъ, по обстоятельствамъ даннаго случая, нѣтъ, а лишь въ повѣркѣ доказательствъ обвиненія, въ сопоставленіи съ очей на очи съ обвиняющими свидѣтелями. Такимъ образомъ, можетъ оказаться надобность въ передопросѣ нерѣдко многочисленныхъ по числу свидѣтелей, спрошенныхъ по дѣлу. Спрашивается, что дѣлать въ этомъ случаѣ: если отказать въ этомъ обвиняемому, то значитъ защитительный фазисъ — пустое слово. Удовлетворить ходатайству обвиняемаго — это значитъ требовать къ допросу множество лицъ, которые уже являлись и давали показанія, которыя должны вновь являться и которыхъ еще позовутъ къ судебному слѣдствію. Во всякомъ случаѣ слѣдствіе удлинняется, подслѣдственный арестъ дѣлается болѣе продолжительнымъ, срокъ судебнаго производства отодвигается. Не мудрено, поэтому, что этотъ защитительный фазисъ предварительнаго слѣдствія обратится въ пустую формаль-

ность, черезъ которую обвиняемый постарается перескочить, какъ можно скорѣе [32]).

II.

Крайне неудовлетворительными, по мнѣнію Гарофало, съ точки зрѣнія репрессіи, являются постановленія Итальянскаго законодательства относительно подслѣдственнаго ареста. Эта мѣра, сверхъ пресѣченіи возможности побѣга обвиняемаго, должна предупредить истребленіе слѣдовъ преступленія, стачку обвиняемаго съ соучастниками и пріятелями, помѣшать подкупу или устрашенію свидѣтелей обвиненія. Подслѣдственный арестъ можетъ имѣть цѣлью какъ побудить обвиняемаго къ сознанію, такъ и охранить его отъ мести потерпѣвшаго. А между тѣмъ, по Итальянскому законодательству эта мѣра не допускается въ дѣлахъ о проступкахъ противъ личности, такъ что въ то время, когда потерпѣвшій прикованъ къ постели, обидчикъ расхаживаетъ по кофейнямъ и подкупаетъ свидѣтелей. Отбросивъ произвольное различеніе „преступленій“ и „проступковъ“, необходимо установить послѣдствен-

---

[32]) Предложеніе относительно особаго защитительнаго фазиса предварительнаго слѣдствія, подобное предложенію Гарофало, было сдѣлано во Французскомъ Сенатѣ въ видѣ поправки къ предложеніямъ о постановкѣ защиты въ проэктѣ Сенатской Коммиссіи Сенаторомъ Grandperret. Противъ этого предложенія, отвергнутаго Сенатомъ, мѣткія возраженія были выставлены Министромъ Юстиціи Humbert и Сенаторомъ Blanc. Первый заявилъ, что допустить защитника до свободныхъ сношеній съ обвиняемымъ въ моментъ заключенія слѣдствія, значитъ давать ему воображаемое полномочіе, отлагать эти сношенія до поздняго момента, въ которомъ они приводили бы къ безплоднымъ результатамъ съ точки зрѣнія какъ защиты, такъ и вообще изслѣдованія истины. (Débats parlementaires, Senat Séance 22 Mai 1882 г.).—По Бельгійскому проэкту реформы Уст. Уг. Суд. присутствіе защитника и обвиняемаго при допросахъ обвиняемаго и свидѣтелей во время предварительнаго слѣдствія не допускается, слѣдственные акты обязательно открываются имъ за три дня до доклада судьи камерѣ совѣта. Однако эти ограниченія возмѣщаются разрѣшеніемъ сношеній обвиняемаго съ защитникомъ послѣ перваго допроса, подлежащихъ ограниченію (interdiction de communiquer) отнюдь не свыше восьми дней, а равно постановкой вопроса о подслѣдственномъ арестѣ (Travaux préparatoires du code de procédure pénale, Bruxelles 1885 г.).

ный арестъ по всѣмъ дѣламъ, по которымъ, въ виду угрожаемаго наказанія, можно заподозрить обвиняемаго въ намѣреніи бѣжать, по всѣмъ проступкамъ противъ личности, на все время болѣзни потерпѣвшаго, по всѣмъ дѣламъ, по которымъ можно опасаться кровавой расправы потерпѣвшаго съ обидчикомъ, во всѣхъ случаяхъ однородной рецидивы и обычной преступности. Гарофало признаетъ, что трудно найти надлежащія формулы, долженствующія руководить слѣдственнаго судью въ указанномъ смыслѣ, нельзя избѣгнуть дробной казуистики, но послѣдняя предпочтительна—указанію немногихъ и широкихъ категорій, содержащихъ слишкомъ много разнообразныхъ случаевъ. Подслѣдственный арестъ, далѣе, требуется во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ изъ природы преступленія, изъ характера обвиненія и изъ условій среды можно вывести заключеніе, что обвиняемый будетъ устрашать или подкупать свидѣтелей, уничтожать слѣды преступленія или мѣшать дѣлу слѣдственняго судьи[33]. Предварительная свобода отъ послѣдственнаго ареста (libertá provisoria) является, по словамъ Гарофало, учрежденіемъ, относительно котораго прогрессисты докринеры защищаютъ самый грубый и опасный „индивидуализмъ“. Нельзя, конечно, безусловно отрицать необходимости предварительной свободы, однако народная мудрость всегда подчиняла ее извѣстнымъ ограниченіямъ, а именно требованію поручительства и залога, недопуская, притомъ, этой мѣры при наличности извѣстныхъ преступныхъ дѣяній. Такія ограниченія существуютъ въ Римскомъ правѣ, въ Каролинѣ, наконецъ во Французскомъ и Англійскомъ правѣ. Эти мудрыя начала, однако, забыты Итальянскимъ законодателемъ, предварительная свобода дается даже обвиняемымъ въ преступленіяхъ въ техническомъ смыслѣ, облагаемыхъ временнымъ лишеніемъ свободы т. е. 10—20 годами каторжной работы. Правда, извѣстныя лица лишены права просить о предварительной свободѣ. Тѣмъ не менѣе предваритель-

---

[33]) Указ. соч. Carcere preventivo стр. 328—329.

ная свобода, за немногими исключеніями, допускается за всѣ проступки, облагаемые тюрьмой или меньшимъ наказаніемъ. Требованіе закона о поручительствѣ и залогѣ, сообразномъ состоянію обвиняемаго, упраздняется обычаемъ, существующимъ въ судебной практикѣ относительно назначенія суммы обезпеченія въ неизмѣнной, незначительной цифрѣ. Недостаточныя лица къ тому же вовсе освобождаются отъ залога при представленіи одобрительнаго свидѣтельства отъ общиннаго начальства о поведеніи. Это истинная привиллегія, которой пользуется пролетаріатъ въ Италіи. Предварительная свобода обязательно предоставляется обвиняемому даже безъ залога, когда дѣло камерой преданія суду отсылается въ судъ исправительной полиціи, ею пользуются такимъ образомъ лица, виновныя въ причиненіи продолжительной болѣзни, неизгладимаго обезображенія. Наконецъ, предварительная свобода допускается послѣ осужденія, произнесеннаго въ первой инстанціи и даже въ аппеляціонной инстанціи, —она обязательно дается, когда ассизный судъ признаетъ обвиняемаго виновнымъ лишь въ проступкѣ. Отсюда шансы преступника на освобожденіе изъ подъ стражи увеличиваются по мѣрѣ того, какъ вина его представляется болѣе удостовѣренною. Этотъ порядокъ гибельно дѣйствуетъ на народонаселеніе юга, нечувствительное къ угрозѣ наказанія, могущаго поразить преступника въ неопредѣленномъ будущемъ, когда пройдутъ сроки обжалованія. Публика видитъ одно: преступникъ былъ въ рукахъ юстиціи, но она выпустила его изъ рукъ. Гарофало приводитъ случаи изъ практики, гдѣ преступникъ, выпущенный на свободу, повторялъ преступленія, или добивался прекращенія дѣла вслѣдствіе того, что жертва утомилась ожиданіемъ приговора по суду. Предварительная свобода создаетъ преступленія эндемическія, изъ подражанія. Въ одномъ селеніи въ Неаполитанской области юноша нанес дѣвушкѣ рану бритвой (fregio) Получивъ предварительную свободу, онъ оставался въ такомъ состояніи два года по совершеніи преступленія. Данный имъ примѣръ въ теченіе нѣскольких мѣсяцевъ вызвалъ до десяти случаевъ подражанія.

Поэтому, по мнѣнію Гарофало, реформа уголовнаго процесса, по началамъ позитивной школы уголовнаго права, вмѣстѣ съ введеніемъ быстроты въ производство уголовнаго суда, должна привести къ упраздненію предварительной свободы. При такомъ порядкѣ преступникъ будетъ имѣть возможность возвратиться на свободу лишь при признаніи его невиннымъ или по минованіи надобности въ содержаніи его подъ арестомъ. Предварительная свобода можетъ быть сохранена въ видѣ исключенія, при недостаткѣ уликъ противъ обвиняемаго и когда поручительство или залогъ по дѣламъ, влекущимъ за собой лишь гражданское вознагражденіе, представляются достаточной мѣрой обезпеченія [34]).

Требованія, предъявляемыя Гарофало къ институту подслѣдственнаго ареста, свидѣтельствуютъ о крайнемъ увлеченіи автора вслѣдствіе односторонней утилитарной точки зрѣнія и подозрѣваемой имъ гуманной фальши во всѣхъ учрежденіяхъ современнаго процесса. Нельзя не остановиться съ недоумѣніемъ передъ положеніемъ, что послѣдственный арестъ, помимо другихъ задачъ, можетъ имѣть цѣлью побужденіе обвиняемаго къ сознанію. И въ самомъ дѣлѣ, допуская такую цѣль, мы благополучно возвращаемся къ освященію вымогательства сознанія, вносимъ элементъ, разлагающій нравственное достоинство юстиціи и достовѣрность процессуальныхъ дѣйствій, элементъ, деморализующій судебные порядки. Подслѣдственный арестъ, конечно, можетъ послужить препятствіемъ для расправы потерпѣвшаго съ обвиняемымъ. Но нельзя упускать изъ виду, что указанный арестъ есть печальная необходимость, коренящаяся въ процессуальныхъ цѣляхъ, и что невозможно расширять примѣненіе ея за предѣлы области уголовнаго процесса [35]). Точно также представляется лишеннымъ основанія требовать примѣненія

---

[34]) Указ. соч. Liberta provisoria стр 330—339. Ср. указ. отд. въ изд. 1891 г.

[35]) Въ Австрійск. Уст. Уг. Суд. 1873 г. подслѣдственный арестъ допускается при наличности основанія, сходнаго съ указываемымъ Гарофало, когда есть „опасеніе, удостовѣряемое особыми обстоятельствами дѣла, что обвиняемый повторитъ совершенное имъ дѣяніе или исполнитъ дѣяніе, на которое онъ поку-

подслѣдственнаго ареста къ обвиняемымъ въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ на все время болѣзни потерпѣвшаго. И дѣйствительно, можно было бы понять еще удаленіе на это время обвиняемаго изъ мѣста жительства потерпѣвшаго: но соразмѣрять подслѣдственный арестъ съ указаннымъ обстоятельствомъ – значитъ налагать на неосужденное лицо не процессуальное, а карательное лишеніе свободы съ характеромъ чисто внѣшняго возмездія [36]). Въ концѣ концовъ Гарофало требуетъ подслѣдственнаго ареста въ такой широкой мѣрѣ, какой не знаетъ ни одно современное законодательство. Къ рѣдкому обвиняемому нельзя будетъ примѣнять подслѣдственнаго ареста, если принять ту сѣть, сотканную изъ самыхъ разнообразныхъ нитей, которой Итальянскій авторъ хотѣлъ бы опутать обвиняемаго.

Всѣ отдѣльныя основанія для подслѣдственнаго ареста завершаются безграничнымъ требованіемъ о допущеніи подслѣдственнаго ареста во всѣхъ случаяхъ, гдѣ изъ природы преступленія, характера обвиненія и условій среды можно предположить со стороны обвиняемаго стачку со свидѣтелями, подкупъ таковыхъ, или вообще противудѣйствіе мѣрамъ и пріемамъ слѣдствія. Широта этого послѣдняго положенія, помимо опасности для личной свободы и обремененія государства усиленными расходами по содержанію арестантовъ, способна лишь поощрять рутину и медленность органовъ судебно-слѣдственной власти, создавать соблазнъ равнодушнаго отношенія къ энергическому открытію истины какими

шался или которымъ угрожалъ" (§ 175 п. 4). По справедливому замѣчанію Цукера, намѣченная указанной статьей цѣль могла бы быть достигнута лишь спеціальнымъ учрежденіемъ поручительства о сохраненіи мира (Friedensbürgschaft), подслѣдственный же арестъ не можетъ быть приспособленъ къ этой цѣли въ виду невозможности его продленія послѣ оправданія или отбытія наказанія (Die Untersuchungshaft 1873. вып. III стр. 69).

[36]) Какъ вѣрно замѣчаетъ De Aramburu, въ случаѣ невиновности обвиняемаго эта мѣра явно произвольная, въ случаѣ же его виновности продолжительность ареста будетъ зависѣть изъ совершенно постороннихъ обвиняемому обстоятельствъ, напр. крѣпости организма потерпѣвшаго, отъ подаваемой ему медицинской помощи (Nueva ciencia penal, El juicio стр. 303).

либо иными средствами, помимо воздѣйствія на обвиняемаго путемъ лишенія свободы.

Упрекъ, Гарофало—Итальянскому законодательству относительно стѣсненія подслѣдственнаго ареста, несправедливъ. И въ самомъ дѣлѣ, подслѣдственный арестъ по этому законодательству въ видѣ общаго правила (согласно закону 30 Іюня 1876 г.) не примѣняется къ проступкамъ т. е. дѣяніямъ, влекущимъ лишеніе свободы не свыше 5 лѣтъ. Изъ общаго правила указанный законъ дѣлаетъ необходимыя изъятія, допуская по отношенію къ пяти категоріямъ обвиняемыхъ, по свойству личности, (каковы бродяги, нищіе, иностранцы, подозрительныя лица, поименованныя въ законѣ, и рецидивисты) или по свойству дѣянія: проступки противъ порядка управленія, противъ общественной безопасности, противъ имущества,—подслѣдственный арестъ и по дѣламъ о проступкахъ[37]). Нельзя не сказать, что указанное общее правило, при наличности необходимыхъ изъятій, совершенно раціонально. Оно оправдывается тѣмъ, что въ этихъ дѣлахъ, при лишеніи свободы по судебному приговору, въ большей части случаевъ незначительномъ, побужденіе къ побѣгу съ одной стороны ослабѣваетъ, съ другой стороны подслѣдственный арестъ является особенно отяготительной мѣрой[38]).

---

[37]) Ст. 182 Итал. Уст. Уг. Суд. по редакціи закона 1876 г. Въ настоящее время, по случаю изданія новаго Уголовнаго Уложенія 1889 г., эта статья измѣнена и согласована съ двухъчленной классификаціей (delitti e contravenzioni) преступныхъ дѣяній. Новая редакція ст. 182 сохраняетъ общее правило объ изъятіи изъ подслѣдственнаго ареста виновниковъ дѣяній, облагаемыхъ менѣе продолжительнымъ лишеніемъ свободы, а именно дѣяній, за которыя полагается reclusione (смирительный домъ) и detenzione (заточеніе), не достигающіе въ низшей мѣрѣ 3-хъ лѣтъ, и удерживаетъ въ пяти пунктахъ исключеніе изъ этого начала для особенно опасныхъ виновниковъ спеціально указанныхъ преступныхъ дѣяній (Disposizioni per l'attuazione del codice penale per il regno d' italia, Decreto reale 1 Dicembre 1889).

[38]) Ср. Teissier Instruction criminelle et liberté individuelle 1881. Указавъ что въ 1877 году 99,295 лицъ подвергались по дѣламъ о проступкахъ предварительному лишенію свободы, при чемъ 85,706 лицъ оставались въ этомъ состояніи до момента суда, авторъ требуетъ свободы отъ послѣдственнаго ареста

Указавъ основанія, по которымъ подслѣдственный арестъ долженъ быть допущенъ въ законодательствѣ, Гарофало ссылается на то, что Австрійское законодательство допускаетъ указанную мѣру въ такомъ же почти объемѣ. Однако, несомнѣнно, что не только Австрійское, но и другія законодательства, въ противуположность широтѣ, даваемой Гарофало подслѣдственному аресту, поставляютъ его въ опредѣленные предѣлы, ограничиваютъ его требованіями строгой законности и крайней необходимости. Такимъ образомъ, для примѣненія подслѣдственнаго ареста требуется наличность опредѣленныхъ формальныхъ и матеріальныхъ условій, установляемыхъ и удостовѣряемыхъ судьею [39]), требуется

для обвиняемыхъ по такого рода дѣламъ, за исключеніемъ извѣстныхъ лицъ (виновниковъ кражи, мошенничества, злоупотребленія довѣріемъ, ложнаго свидѣтельства). Отмѣна этой мѣры въ указанныхъ предѣлахъ устраняла бы, по мнѣнію Teissier, одну изъ скрытыхъ причинъ рецидивы. La détention préventive, qu'on le sache, est la pépinière des récidivistes (стр. 15 и 16-я).

[39]) Согласно ст. 180 Австрійскаго Уст. Уг. Суд. 1873 г. нормальный подслѣдственный арестъ (допускаемый, въ отличіе отъ предварительнаго задержанія, лишь послѣ допроса обвиняемаго, не успѣвшаго устранить падающаго на него подозрѣнія), примѣняется при наличности со стороны обвиняемаго попытокъ къ побѣгу, къ стачкѣ съ другими лицами, къ скрытію истины или истребленію слѣдовъ преступленія, или вслѣдствіе основательнаго опасенія таковыхъ дѣйствій. По ст. 112 Германскаго Устава подслѣдственный арестъ обусловливается подозрѣніемъ обвиняемаго относительно намѣренія бѣжать, а равно наличностью фактовъ, указывающихъ на истребленіе имъ слѣдовъ преступленія или стачку его съ другими обвиняемыми. Таковые факты подлежатъ указанію въ постановленіи объ арестѣ. По той же статьѣ Германскаго Устава умыселъ на побѣгъ признается доказаннымъ, когда обвиняемый—бродяга, безъ осѣдлости или иностранецъ, и есть основательное сомнѣніе относительно его явки по призыву суда. Къ указаннымъ случаямъ примѣненія подслѣдственнаго ареста по Австрійскому Уставу надо присоединить случай, указанный у меня выше въ примѣч. 35-мъ, а равно случаи, соотвѣтствующіе Французскому délit flagrant и réputé flagrant, предварительнаго задержанія (§ 175 Австр. Устава). Отечественный Уставъ, допуская въ видѣ общаго правила примѣненіе подслѣдственнаго ареста къ виновникамъ болѣе тяжкихъ преступныхъ дѣяній по признаку слѣдующаго за нихъ наказанія (ст. 419), притомъ въ качествѣ высшей мѣры, разрѣшаетъ примѣненіе таковаго ареста при обвиненіи въ менѣе тяжкомъ дѣяніи лишь по отношенію къ лицамъ, неимѣющимъ осѣдлости (420), а равно до представленія залога или поручительства (428). Наравнѣ съ указаннымъ формальнымъ, отечественный Уставъ формулируетъ матеріальный критерій для руковод-

наличность болѣе тяжкихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ, впрочемъ, за немногими исключеніями, подслѣдственный арестъ не обязательно, а по усмотрѣнію судьи [40]), требуется точная мотивировка судебнаго постановленія объ арестѣ [41]), наконецъ принимаются мѣры, чтобы подслѣдственный арестъ былъ срочнымъ лишеніемъ свободы, не затягивался бы далѣе извѣстныхъ сроковъ безъ достаточнаго основанія [42]).

ства судебной власти путемъ указанія общихъ, весьма удачно выбранныхъ основаній для избранія той или другой мѣры (ст. 421).

[40]) По Австрійскому Уставу (§ 180 отдѣлъ 2-й) подслѣдственный арестъ обязательно примѣняется при наличности преступленія, обложеннаго въ законѣ смертной казнью или 10-лѣтнимъ тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ. По ст. 113 Герм. Уст. подслѣдственный арестъ по преступнымъ дѣяніямъ, влекущимъ штрафъ или арестъ, полагается единственно въ виду опасенія побѣга, притомъ относительно подозрительныхъ лицъ, указанныхъ въ ст. 112, а равно обвиняемыхъ въ нарушеніяхъ, влекущихъ передачу осужденнаго по отбытіи наказанія въ распоряженіе полиціи. По части нашего Уст. ср. ст. 416—419 и 421. Обязательнаго примѣненія подслѣдственнаго ареста по преступнымъ дѣяніямъ общаго права нашъ Уставъ не знаетъ. Бельгійскій законъ 20 Апрѣля 1874 года допускаетъ подслѣдственный арестъ лишь относительно преступныхъ дѣяній, влекущихъ тюрьму не ниже 3 мѣсяцевъ, или болѣе тяжкое наказаніе; при осѣдлости обвиняемаго въ Бельгіи арестъ допускается лишь при важныхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ, затрогивающихъ публичную безопасность и подлежащихъ указанію въ постановленіи о взятіи подъ стражу (ст. 1 и 2-я). Докладъ Тониссена по проэкту реформы Бельгійскаго Уст. Угол. Суд. предлагаетъ дополнить эти статьи постановленіями, что подслѣдственный арестъ полагается „после допроса обвиняемаго или въ случаѣ его побѣга“ (ср. вышеуказ. изданіе I стр. 318).

[41]) Этого требуютъ ст. 114 Уст. Германскаго, 176 и 180 Австрійскаго, указанная статья 2 Бельгійскаго закона, ст. 421 и 430 отечественнаго.

[42]) Согласно 190 ст. Австр. Устава подслѣдственный арестъ отмѣняется при миновавіи основаній, послужившихъ для этой мѣры. Подслѣдственный арестъ въ смыслѣ Collusionshaft можетъ длиться лишь два мѣсяца, и лишь съ разрѣшенія суда 2-й инстанціи „по очень уважительнымъ основаніямъ и при особенно сложныхъ изслѣдованіяхъ—три мѣсяца (§ 190 отдѣлъ 2-й того же Устава). По Бельгійскому закону 20 Апрѣля 1874 г. приказъ о подслѣдственномъ арестѣ теряетъ силу по истеченіи пяти дней со дня допроса обвиняемаго, если не послѣдуетъ утвержденія ареста въ теченіе этого срока камерой Совѣта, по докладу слѣдственнаго судьи и по выслушаніи прокурорскаго надзора и обвиняемаго Когда камера Совѣта въ теченіи мѣсяца со дня перваго допроса обвиняемаго не постановитъ опредѣленія по слѣдственному дѣлу, то обвиняемый освобождается изъ подъ стражи. Продленіе ареста въ этомъ случаѣ возможно лишь пу-

Указанныя стремленія новѣйшихъ законодательствъ по части предварительнаго ареста—отнюдь не обусловливаются нездоровой снисходительностью къ преступнику. Подслѣдственный арестъ—крайняя процессуальная мѣра, отсюда необходимость примѣненія его въ возможно рѣдкихъ случаяхъ и на возможно непродолжительное время. И дѣйствительно, онъ способствуетъ деморализаціи человѣка неиспорченнаго, ранѣе не приходившаго въ столкновеніе съ судомъ[43]), вырывая его изъ семейнаго круга, отлучая отъ семейныхъ связей, налагая на него позорное пятно, которое не изгладится и послѣдующимъ оправданіемъ. Онъ разрушаетъ нерѣдко экономическое положеніе обвиняемаго, обрекаетъ его семью на всевозможныя лишенія. Наконецъ, какъ всякое лишеніе свободы, подслѣдственный арестъ отзывается вредно на здоровьѣ обвиняемаго[44]).

темъ единогласнаго и мотивированнаго опредѣленія камеры Совѣта,—что такая мѣра требуется публичнымъ интересомъ. То же правило соблюдается и по отношенію къ каждому послѣдующему мѣсяцу (ст. 5-я). Подобное начало срочности ареста принято и въ проэктахъ реформы Французскаго Устава; согласно ст. 108, 109 и 110 проэкта коммиссіи Палаты Депутатовъ mandat de depôt можетъ длиться 10 дней, затѣмъ можетъ быть возобновленъ еще на 10 дней, если же постановленіе о возобновленіи mandat de depôt не состоится, или таковой не будетъ замѣненъ посредствомъ mandat d'arrêt, то обвиняемый на 11-й день освобождается. Приказъ о подслѣдственномъ арестѣ (mandat d'arrêt) имѣетъ силу въ теченіи 30 дней, можетъ быть продолженъ слѣдственнымъ судьей еще на 30 дней, на это постановленіе подлежитъ обжалованію въ камеру Совѣта, которая, утвердивъ его, можетъ назначить срокъ и менѣе 30 дней. Ср. вышеуказ. послѣдній парламентскій проэктъ реформы Франц. Уст. Уг. Суд. Rapport fait au nom de la commission par B o v i e r L a p i e r r e.

[43]) Ср. краснорѣчивое развитіе этой мысли у Каррара въ его сообщеніи Лондонскому международному тюремному конгрессу „о безнравственности п о д с л ѣ д с т в е н н а г о ареста". Съ особымъ удареніемъ указываетъ авторъ на „пагубное привыченіе къ тюрьмѣ", на „исчезновеніе страха передъ тюрьмой", на „созданіе въ душѣ обвиняемаго нравственнаго упадка и приниженія" (Opuscoli VI Immoralita del carcere preventivo.

[44]) Указанныя вредныя послѣдствія хорошо указаны у Jacobi: „Der Verhaftete kommt aus der Haft, als kränkerer, schlechterer, ärmerer Mensch, schlechterer Bürger, schlechterer Steuerzahler, schlechterer Patriot, näher dem Proletariat, näher dem Verbrechen, leichtere Beute von Noth, Krankheit und Verführung (Statistische Wünsche betreffend die Untersuchungshaft und irrthümliche Strafverfolgung, Gerichtssaal 35, 1883, стр. 189). Точно также вліяніе неразборчиваго подслѣдственнаго ареста на рецидиву указывается г-жей Concepcion Arenal

Справедливо было замѣчено, что подслѣдственный арестъ на многихъ лицъ воздѣйствуетъ даже сильнѣе отбытія наказанія по судебному приговору. Неожиданность и внезапность назначенія такого ареста способны дѣйствовать болѣзненнѣе, чѣмъ отбытіе наказанія, къ которому подсудимый подготовляется слѣдствіемъ и судомъ; далѣе, подслѣдственный арестъ угнетающимъ образомъ вліяетъ на обвиняемаго вслѣдствіе неизвѣстности срока окончанія, чего не бываетъ при отбытіи наказанія [45]). Наконецъ, примѣняемый въ широкихъ размѣрахъ подслѣдственный арестъ вступаетъ въ разладъ съ практическими цѣлями уголовнаго правосудія. Необходимость содержанія большаго количества подслѣдственныхъ арестантовъ лишаетъ государство возможности употреблять потребныя средства на надлежащее устроеніе мѣстъ заключенія для отбытія наказанія. Съ другой стороны, продолжительный подслѣдственный арестъ невольно вызываетъ въ судьяхъ стремленіе уменьшить наказаніе подсудимому или даже оправдать его, если въ законѣ не содержится соотвѣтствующаго постановленія, принимающаго въ разсчетъ отбытый арестъ. Если же законъ постановляетъ о зачетѣ лицу осужденному подслѣдственнаго ареста въ наказаніе, то такое правило, справедливое по отношенію къ осужденному, способно извращать, при продолжительности подслѣдственнаго ареста, порядокъ отбытія наказанія, подставляя на мѣсто спеціальнаго карательнаго содержанія лишеніе свободы, не сопряженное съ принадлежностями отбытія наказанія [46]).

въ ея докладѣ Петербургскому Международному пенитенціарному конгрессу въ виду налагаемаго этой мѣрой на человѣка пятна и разоренія его семьи (Travaux préparatoires, 6 Question Section II. Peut on admettre que certains criminels soient considerés comme incorrigibles et dans le cas de l'affirmative quels moyens pourraient être employés pour protéger la société contre cette catégorie de condamnés).

[45]) Zucker указ. соч. вып. III стр. 3—5.

[46]) Зачетъ подслѣдственнаго ареста въ наказаніе, поэтому, необходимо предполагаетъ строго законное и возможно умѣренное пользованіе мѣрой подслѣдственнаго ареста. Франческо Каррара полагаетъ, что различныя возраженія противъ зачета подслѣдственнаго ареста въ наказаніе, въ томъ числѣ и то, которое указы-

Отдѣлъ о предварительной свободѣ у Гарофало представляетъ еще болѣе яркій примѣръ процессуальнаго ригоризма. Авторъ ссылается на Англійское законодательство въ опору своихъ воззрѣній. Но въ Англіи существуетъ обязательное оставленіе обвиняемаго на свободѣ подъ условіемъ поручительства при наличности misdemeanours т. е. проступковъ средней важности, кромѣ указанныхъ въ законѣ и по которымъ освобожденіе на поручительство или арестъ зависятъ отъ судьи[47]). Извѣстно, что

ваетъ на извращеніе такимъ путемъ законнаго способа отбытія наказанія, устраняются при принятіи правила Тосканскаго Уголов. Уложенія, по которому часть времени, проведеннаго подъ арестомъ, признается заслуженной и неподлежащей зачету. Такъ, по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ исправительное наказаніе, такой періодъ ареста опредѣляется въ одинъ мѣсяцъ, а по дѣламъ, влекущимъ уголовныя наказанія, въ три мѣсяца (Opuscoli, IV. Foglio di lavoro per la commissione sulla riforma carceraria). Итальянское Уголовное Уложеніе 1889 г. предписываетъ зачетъ всецѣло подслѣдственнаго ареста, отбытаго до вступленія приговора въ законную силу, въ срочное лишеніе свободы (ст. 40). Это правило критикуется Гарофало, указывающимъ, что при обвиненіи, влекущемъ, напр. содержаніе въ смирительномъ домѣ (reclusione) съ его суровымъ режимомъ, усилія обвиняемаго будутъ направлены на возможно долгое продленіе судебнаго производства. Поэтому, Гарофало предлагаетъ внести въ законъ правило, подобное существовавшему въ Тосканскомъ Уложеніи, объ уравненіи трехъ дней тюрьмы двумъ днямъ смирительнаго дома, или же принять правило Германскаго Устава, дающее право судьѣ зачесть подслѣдственный арестъ всецѣло или частью въ наказаніе. (Ср. Appunti sul nuovo Codice penale 1889 г. 2 edizione 1889 Garofalo Il computo della detenzione preventiva ст. 130—132). Сходно съ Германскимъ Уложеніемъ вопросъ о зачетѣ подслѣдственнаго ареста разрѣшается въ отечественномъ проэктѣ новаго Уголовнаго Уложенія (ср. проэктъ редакціонной коммиссіи 1885 г. ст. 40-я). Слѣдуетъ признать, что въ данномъ вопросѣ твердое правило, подобное постановленію Тосканскаго Уг. Уложенія, предпочтительнѣе, чѣмъ судейское усмотрѣніе. Такое усмотрѣніе допускается въ новомъ Нёвшательскомъ Уложеніи 1891 г., впрочемъ, съ однимъ справедливымъ изъятіемъ: зачетъ подслѣдственнаго ареста обязателенъ, когда обвиняемый, внѣ случая flagrant delit, даетъ полное сознаніе съ перваго допроса (ст. 20).

[47]) Обвиняемый можетъ быть освобожденъ изъ подъ стражи, по усмотрѣнію Мироваго или Полицейскаго Судьи, на поручительство и въ случаяхъ felonies; наконецъ возможно освобожденіе и въ случаяхъ treason (верховной государственной измѣны), впрочемъ, неиначе, какъ по приказу одного изъ государственныхъ секретарей или отдѣленія Queen's Bench верховнаго суда. Ср. Stephen, Digest of the law of criminal procedure § 136—138 и 270. Изложеніе по

Французское законодательство въ цѣломъ рядѣ слѣдовавшихъ другъ за другомъ законовъ постоянно расширяло область предварительной свободы, и такимъ образомъ, вступило на путь, общій новѣйшимъ законодательствамъ [48]). Въ высшей степени заслуживаетъ вниманія по разсматриваемому предмету Бельгійскій законъ 20-го Апрѣля 1874 года, законъ, принадлежащій странѣ, обладающей трезвымъ и глубоко практическимъ смысломъ въ дѣлѣ законодательства. Этотъ законъ, обставивъ подслѣдственный арестъ строгими ограниченіями, одновременно создалъ наиболѣе благопріятныя условія для предварительной свободы. Предварительная свобода по означенному закону широко дается при представленіи залога или поручительства и можетъ быть продолжена, въ отличіе отъ Французскаго Уст. Уг. Суд., даже послѣ постановленія о преданіи суду [49]). Такимъ образомъ, то, что Гарофало ставитъ въ упрекъ

становленій Англійскаго права сравнительно съ постановленіями другихъ законодательствъ ср. у Mack De L' Habeas Corpus 1884 г.

[48]) Крайне стѣснительныя для личной свободы постановленія Французскаго Уст. Уг. Суд. 1888 г. измѣнены законами 4 Апрѣля 1855 г. и 14 Іюля 1865 г. По послѣднему освобожденіе изъ подъ стражи обязательно по истеченіи пяти дней послѣ допроса, когда maximum угрожающаго наказанія не превышаетъ двухъ лѣтъ, далѣе мѣра mise au secret ограничена срокомъ десяти дней.

[49]) Во время слѣдствія, слѣдственный судья въ правѣ освободить обвиняемаго изъ подъ стражи, каково бы ни было дѣяніе, съ согласія прокурора, съ обязательствомъ для обвиняемаго являться къ слѣдствію и отбытію наказанія (ст. 6). Отъ него можетъ быть истребованъ залогъ (ст. 10). Обвиняемый вправѣ просить объ освобожденіи изъ подъ стражи во всякомъ положеніи дѣла (ст. 10-я). Проэктъ реформы Бельгійскаго Устава коммиссіи Палаты депутатовъ усвоилъ себѣ этотъ порядокъ, который слѣдующимъ образомъ характеризуется докладчикомъ Тониссеномъ „Les rédacteurs du projet, comme les auteurs de la loi du 20 Avril 1874, autorisent en toute circonstance la mise en liberté du détenu. La loi ne fait pas même d'exceptions pour les accusations capitales". Далѣе Тониссенъ указываетъ въ своемъ докладѣ, что коммиссія не сочла возможнымъ, по примѣру другихъ законодательствъ (напр. Португальскаго или Австрійскаго), установлять какихъ либо случаевъ обязательнаго оставленія на свободѣ или освобожденія изъ подъ стражи обвиняемаго, такъ какъ подслѣдственный арестъ въ Бельгіи подчиненъ условіямъ и ограниченіямъ, не существующимъ въ указанныхъ законодательствахъ. (Ср. Travaux preparatoires L. I. T. II. Ch. VI. De la mise en liberté provisoire. Rapport fait au nom de la commission par Thonissen стр. 353—375). Освобожденіе изъ подъ стражи на поруки или по представленіи

Итальянскому законодателю—разумное начало, осуществляемое законодательствами нашего времени. Указанія Гарофало на шаблонное назначеніе суммы поручительства или залога затрогиваютъ не постановленіе закона, а лишь неудовлетворительную практику. Несправедливъ, далѣе, и упрекъ, дѣлаемый авторомъ, относительно способа предоставленія предварительной свободы неимущимъ обвиняемымъ. Такой способъ устраняетъ зло неравенства между имущими и неимущими въ дѣлѣ правосудія. Конечно иное дѣло—правило, иное дѣло—исполненіе правила. Тѣмъ не менѣе, по части указаннаго порядка, имѣются указанія не на вредный образъ его примѣненія въ виду репрессіи, а на малую дѣйствительность его въ интересахъ обвиняемаго: оказывается, что общинныя должностныя лица, отъ которыхъ требуются удостовѣренія о поведеніи обвиняемаго, доставляютъ уклончивыя или малосодержательныя свѣдѣнія [50]). Наконецъ, замѣчаніе Гарофало, что шансы преступника будто бы увеличиваются, по мѣрѣ того, какъ его вина становится болѣе удостовѣренною, въ своей общности также несправедливо. Предоставленіе подсудимому предварительной свободы послѣ его осужденія является правомъ суда, не вызывающимъ какихъ либо существенныхъ возраженій, подъ условіемъ разумнаго и разборчиваго пользованія таковымъ. Въ случаѣ признанія ассизнымъ судомъ подсудимаго виновнымъ въ проступкѣ въ техническомъ смыслѣ слова, законъ, согласно общему началу, требуетъ освобожденія осужденнаго отъ подслѣдственнаго ареста. Указаніе на неблагопріятное впечатлѣніе, производимое на общественное мнѣніе видомъ долго остающагося на свободѣ подсудимаго, поражаетъ не начало предварительной свободы, а излишнюю продолжительность, волокиту предварительнаго слѣдствія. Что же касается, наконецъ, до предложенія Гарофало объ окончательномъ упраздненіи предварительной

залога обязательно по Австр. Уставу,—когда преступное дѣяніе обвиняемаго не влечетъ за собой по закону смертной казни или 5-лѣтняго тяжкаго тюремнаго заключенія (§ 191).

[50]) Ср. Casorati въ Archivio giuridico Gennaio 1870 г.

свободы, то оно едва ли нуждается въ опроверженіи. Можно бы, пожалуй, объяснить его злоупотребленіемъ предварительной свободой въ Итальянской судебной практикѣ. А между тѣмъ, по оффиціальнымъ даннымъ, оказывается злоупотребленіе не предварительной свободой, а подслѣдственнымъ арестомъ. Такъ въ 1886 г. Министръ Юстиціи Tajani циркулярно указалъ прокурорскому надзору, что изъ числа обвинявшихся въ 1885 году 217, 251 лицъ, къ 51,720 лицамъ было примѣнено содержаніе подъ стражей. По отношенію къ 9,185 лицамъ изъ числа этихъ подслѣдственныхъ арестантовъ—арестъ былъ отмѣненъ въ періодѣ слѣдственнаго производства по опредѣленію о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія (non luogo a procedere), по отношенію къ 6025 арестъ былъ отмѣненъ по неутвержденію его камерой Совѣта, по отношенію къ 5446 лицамъ эта мѣра была отмѣнена путемъ предварительнаго освобожденія, а по отношенію къ 4009 лицамъ была замѣнена допущеніемъ предварительной свободы. Отмѣтивъ, что такимъ образомъ оказывается 24,185 лицъ, задержанныхъ подъ стражей „въ значительной долѣ“ безъ достаточнаго основанія, Министръ просилъ королевскихъ прокуроровъ и слѣдственныхъ судей быть болѣе разборчивыми относительно приказовъ о содержаніи подъ стражей [51]). Два изъятія, которыя дѣлаетъ Гарофало изъ предлагаемаго имъ положенія объ уничтоженіи института предварительной свободы, лишены значенія. При полной недостаточности уликъ, нѣтъ мѣста никакимъ мѣрамъ пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Допущеніе же залога или поручительства лишь при проступкахъ, влекущихъ денежное взысканіе, узаконяетъ подслѣдственный арестъ по всѣмъ проступкамъ, наказуемымъ лишеніемъ свободы, каково бы ни было свойство этихъ проступковъ и

---

[51]) Rivista Penale XXIV, 1886 г. Istruzioni ministeriali Italiane стр. 373 и слѣд. На этотъ циркуляръ указываетъ между прочимъ и Gabelli въ своей прекрасной и поучительной статьѣ о недостаткахъ гарантій личной свободы въ государственномъ строѣ современной Италіи (La libertà in Italia, Nuova Antologia 1889 г. Novembre).

какъ бы незначительно ни было лишеніе свободы т. е. ведетъ къ послѣдствіямъ, которыя въ интересахъ общественнаго блага, какъ и личной свободы, совершенно невозможны, къ послѣдствіямъ, узаконить которыя не найдется законодателя. Какъ нельзя болѣе справедливы слова г-жи Concepcion Arenal въ ея цитованномъ выше докладѣ: Non, l'injustice sociale n'est pas un moyen de défense sociale, et la crainte aveugle, routiniére, qui remplit les prisons préventives, remplit ensuite les penitenciers et au lieu de défendre la société, elle l'attaque, parcequ'elle attaque le droit et elle contribue efficacement au délit.

III.

Переходя отъ предварительнаго производства къ главному производству, къ судебному разсмотрѣнію дѣла по существу [52]), Гарофало порицаетъ современный порядокъ отправленія правосудія за его строго-юридическій характеръ, за искусственное сходство между судомъ гражданскимъ и уголовнымъ. Какъ въ первомъ являются истецъ и отвѣтчикъ, такъ во второмъ двѣ стороны: прокуроръ и защита. Въ томъ и другомъ судѣ судья утверждаетъ спорное право, судомъ уголовнымъ опредѣляется, что слѣдуетъ виновному за совершенное имъ преступленіе. Наличность двухъ сторонъ въ дѣлѣ приводитъ къ формамъ уголовнаго процесса, зародившагося въ то время, когда преслѣдованіе виновнаго не считалось общественной функціей. Наши близорукіе прогрессисты хотѣли бы возвратить порядокъ варварскихъ временъ, когда судъ имѣлъ характеръ истиннаго спора сторонъ.

Слѣдственный процессъ, окончательно принятый во Франціи Людовикомъ IX, былъ безспорно прогрессомъ, воплощая въ себѣ

---

[52]) Criminologia, Il giudizio стр. 340—344. Во Французскомъ изд. 1888 этотъ отдѣлъ сокращенъ, проэктъ реформы главнаго производства, излагаемый ниже даже совершенно исключенъ. Въ новомъ Итальянскомъ изд. 1891 года Criminologia этотъ проэктъ снова помѣщенъ цѣликомъ. Можно подумать, что для французскихъ читателей онъ почему то былъ признанъ неудобнымъ.

безпристрастное изслѣдованіе истины. Злоупотребленія, коимъ онъ подавалъ поводъ, отсутствіе всякихъ гарантій для подсудимаго, чрезмѣрная власть судьи, произвели реакцію и повели къ устроенію нашего смѣшаннаго процесса съ двумя стадіями: тайнымъ (предварительнымъ) и гласнымъ (главнымъ). Очертивъ бѣглыми чертами судебное производство современнаго уголовнаго процесса, Гарофало предлагаетъ на смѣну его процессуальный порядокъ, соотвѣтствующій критеріямъ новой школы.

Всякія пренія о фактахъ, когда подсудимый захваченъ на мѣстѣ преступленія или же когда онъ далъ полное и несомнѣнное сознаніе, устраняются. При несознаніи подсудимаго, а равно, когда онъ не задержанъ на мѣстѣ преступленія, обсужденіе фактической стороны съ участіемъ защитника допускается. Участіе прокурора дѣлается излишнимъ, разъ онъ собралъ данныя для уличенія подсудимаго и подсудимый преданъ суду. При этихъ условіяхъ обвиняемый отдается въ руки суда; мѣсто обвиненія должно занять въ судѣ заключеніе, даваемое судьей—докладчикомъ. Свидѣтели должны быть вызваны въ засѣданіе для спроса и удостовѣренія данныхъ ими показаній. Послѣ нихъ слово дается обвиняемому и его защитнику. Всякій подсудимый, за исключеніемъ сознавшагося и схваченнаго на мѣстѣ преступленія, долженъ получать защитника ex officio, но не должно назначать защитника противъ воли подсудимаго, это было бы абсурдомъ. И въ самомъ дѣлѣ, многіе обычные преступники не боятся тюрьмы, а между тѣмъ, требуется „обязательный адвокатъ“ для охраны подсудимаго отъ кары, надъ безсиліемъ которой онъ смѣется. Въ предполагаемомъ судебномъ строѣ пренія обвинителя и защитника по вопросамъ о составѣ преступленія и карательныхъ послѣдствіяхъ отпадаютъ. Публичность, устность и состязательность оканчиваются съ постановленіемъ судомъ рѣшенія о фактахъ: X укралъ часы изъ кармана такой то дамы, кража совершена въ третій разъ, обвиняемый—сынъ каторжника и проститутки и никогда не занимался честнымъ промысломъ, совершилъ разбой съ оружіемъ въ рукахъ,

въ дѣтствѣ онъ совершилъ убійство и обладаетъ антропологическимъ или психологическимъ типомъ инстинктивнаго преступника. При установленіи судомъ этихъ фактовъ, отрицаемыхъ защитой, задача защиты должна считаться оконченною, остается лишь опредѣленіе класса, подвида, разновидности преступника и примѣненіе карательнаго режима, наиболѣе приспособленнаго къ данному случаю. Старинныя формы судебнаго состязанія, такимъ образомъ, остаются лишь въ случаяхъ сомнѣнія въ винѣ подсудимаго, когда подсудимый намѣревается доказать свою невиновность. Внѣ этихъ случаевъ не нужно преній и устности, не нужно даровыхъ спектаклей! Нужно озаботиться объ охранѣ общества, о вознагражденіи потерпѣвшаго. Отнесеніе преступника къ тому или другому классу, для которыхъ заранѣе установленъ тотъ или другой карательный режимъ, должно быть вручено спеціальнымъ должностнымъ лицамъ для точнѣйшаго опредѣленія даннаго случая и примѣненія карательнаго средства нужнаго качества и нужной мѣры.

Какія это должностныя лица, это указывается Гарофало въ слѣдующемъ отдѣлѣ: J Giudici [53]).

Ни назначенные правительствомъ, ни народные судьи (присяжные) не могутъ правильно отправлять репрессивной функціи государства. Гарофало ставитъ въ упрекъ первымъ, что основа ихъ знанія — гражданское право; ихъ высочайшее честолюбіе заслужить имя романистовъ. Но, вся ихъ эрудиція совершенно безполезна при производствѣ уголовныхъ дѣлъ. Уголовный кодексъ будущаго потребуетъ отъ своихъ исполнителей не знанія пандектъ и институцій Юстиніана, а антропологическихъ и психологическихъ особенностей преступниковъ и уголовной статистики. Ученые цивилисты всего менѣе способны къ производству уголовныхъ дѣлъ вслѣдствіе юридическаго характера, свойственнаго гражданскому праву и чуждаго дисциплинамъ уголовнаго, имѣющимъ одну цѣль, подавленіе соціальной болѣзни преступленія. А между тѣмъ, вслѣд-

---

[53]) Стр. 352—354.

ствіе печальнаго смѣшенія функцій, одни и тѣ же судьи разбираютъ гражданскія, а вслѣдъ за тѣмъ уголовныя дѣла, чѣмъ и объясняются приговоры, присуждающіе рецидивистовъ по пятому или шестому разу къ нѣсколькимъ днямъ тюрьмы. По укоренившейся привычкѣ такіе судьи отвлекаются отъ личности живаго преступника, исключительно занимаются легальнымъ опредѣленіемъ преступленія и ариѳметическимъ разсчетомъ степени наказанія. „Уголовный судъ сдѣлается практически полезнымъ и цѣлесообразнымъ дѣломъ лишь тогда, когда онъ обратится къ психологическому изслѣдованію преступника для установленія не нравственной его отвѣтственности, а внушаемаго имъ страха, и когда законъ съумѣетъ опредѣлять, а судьи — примѣнять годныя для общественной охраны мѣропріятія".

Къ Гарофало по части радикальной реформы уголовнаго суда всецѣло примыкаетъ и Ферри. Выписавъ in extenso проэктъ Гарофало, Ферри сопровождаетъ его слѣдующими комментаріями: „Лишь..... получивъ спеціальное воспитаніе по части наукъ антропологическихъ и соціологическихъ, уголовные судьи будутъ не только правильнѣе судить, но и лучше опредѣлять предѣлы спора между обвиненіемъ и защитой, и съ большимъ основаніемъ оцѣнивать, разъяснять и примѣнять заключенія экспертовъ. Спеціальная научная компетенція, вотъ принципъ, которымъ опредѣляется фундаментальная реформа уголовной магистратуры и который наноситъ смертельный ударъ суду присяжныхъ" [54]).

По поводу изложенныхъ отдѣловъ книги Гарофало, слѣдуетъ указать характеристическую черту: школа, называющая себя позитивной, впадаетъ въ лицѣ Гарофало и Ферри въ чисто мечтательныя построенія, въ своего рода процессуальный романтизмъ, съ той разницей, что, если другіе романтики находятъ свои идеалы въ дремучихъ лѣсахъ первобытной Германіи, Итальянскіе романтики находятъ ихъ въ порядкахъ давно похороненнаго, чисто

---

[54]) Nuovi orizzonti гл. IV стр. 449—458.

инквизиціоннаго процесса, отъ котораго современность отдѣлена глубокой пропастью. И въ самомъ дѣлѣ, что такое какъ не возстановленіе инквизиціоннаго процесса проповѣдуется Гарофало? Этотъ изслѣдователь психологическаго характера преступника, представляющій заключеніе судья докладчикъ, эти судьи, примѣняющіе неподвижное постановленіе закона науки, при устраненіи совершенно лишняго, по мнѣнію Гарофало, особаго органа обвиненія, при крайнемъ стѣсненіи защиты, что это такое, какъ не призраки изъ мрачнаго прошлаго? Невольно вспоминается это прошлое, гдѣ обвиняемый объектъ, надъ которымъ производятся всякіе опыты для уличенія его, рисуется делегированный отъ судьи слѣдователь (der Inquirent), затѣмъ отжившій типъ самовластнаго судьи, который при отсутствіи устности и гласности, самостоятельнаго обвиненія и свободной защиты, непререкаемо распоряжается судьбой подсудимаго, горе которому, если онъ будетъ признанъ лихимъ человѣкомъ, или delinquente nato, по новому термину. Нужно ли напоминать великое начало отдѣленія судебной власти отъ власти обвинительной, которое такъ безпощадно нарушается предлагаемымъ порядкомъ, нужно ли указывать, что сочетаніе въ одномъ лицѣ судьи слѣдователя и эксперта—вопіющее нарушеніе самыхъ элементарныхъ процессуальныхъ требованій [55]), что стѣсненіе защиты является столь же страннымъ забвеніемъ этихъ требованій? Забываются прекрасныя слова Ayrault, который, будучи самъ практикомъ инквизиціоннаго процесса, говорилъ, что давать защиту, но при этомъ стѣснять ее—тираннія, donner la défense, mais pas libre, c'est tyrannie, забываются

---

[55]) Brusa, Sul nuovo positivismo nella giustizia penale 1887, разбирая проэктъ Гарофало реформы главнаго производства, замѣчаетъ, что тѣ, которые замѣняютъ карательную дѣятельность леченіемъ, послѣдовательно подставляютъ на мѣсто суда медицинскую экспертизу. Въ примѣчаніи Brusa прибавляетъ слѣдующее осужденіе нѣкоторыхъ нашихъ отечественныхъ писателей: „Il fenomenismo fu portato a questi eccessi quasi patologici specialmente degli odierni scrittori russi, i quali seguono pare piu facilmente certi modelli un po singolari, loro venuti di altre contrade“. (стр. 35).

предостереженія Каррара: — „кто унижаетъ защиту, тотъ унижаетъ и магистратуру“ [56]). Ограниченія, которыми стѣсняется формальная защита, произвольны и несправедливы [57]). Во первыхъ, назначеніе ex officio защитника допускается лишь подъ условіемъ, что подсудимый не принесъ сознанія и не захваченъ на мѣстѣ совершенія преступленія, и, притомъ, проситъ о назначеніи защитника. Два первыя условія въ сущности покоятся на совершенно невѣрномъ предположеніи, что захваченные на мѣстѣ совершенія преступленія и сознавшіеся обвиняемые, такъ сказать, сами изрекаютъ о себѣ приговоръ. Но такое воззрѣніе есть ничто иное, какъ воспроизведеніе старыхъ и давно оставленныхъ процессуальныхъ взглядовъ. Сознаніе обвиняемаго совершенно такое же доказательство, какъ и всякое другое, оно можетъ оказаться невѣрнымъ, защитникъ обвиняемаго можетъ быть поставленъ въ необходимость опровергать сознаніе обвиняемаго. Точно также и захватъ обвиняемаго на мѣстѣ преступленія не можетъ считаться доказательствомъ, исключающимъ невиновность или меньшую виновность подсудимаго. Извѣстно, что усвоеніе указанному обстоятельству такого значенія приводило къ непоправимымъ ошибкамъ [58]). Все это вещи, относительно которыхъ даже странно распространяться, потому что это

---

[56]) Programma II § 993.

[57]) Ученый профессоръ университета въ Овіедо de Aramburu y Zuloaga такъ характеризуетъ соотвѣтствующія предложенія Гарофало: „Francesco I y Luis XIV no necesitarian mejor canciller que Garofalo para dictar sus ordenanzas de 1539 e 1670; nuestros inquisidores incluso el celebre Torquemada quizà hallaran extremosa la doctrina del destinguido Sustituto Procurador del rey d' Italia, del democratico rey Humbert. Carlos V ordeneba, que a no desponer de defensa el reo, se la nombrase por el juez y se la pagase por el erario, т. е. Францискъ I и Людовикъ XIV не могли бы имѣть лучшаго канцлера, какъ Гарофало, чтобы диктовать ему свои ордонансы; наши инквизиторы, не исключая и Торквемада, пожалуй бы нашли чрезмѣрною доктрину почтеннаго Товарища Прокурора..... короля Гумберта; Карлъ V приказывалъ судьѣ при неизбраніи подсудимымъ защитника назначать таковаго отъ суда съ вознагражденіемъ отъ казны. (Указ. соч. El juicio стр. 309).

[58]) Напр. въ извѣстномъ случаѣ povero fornaretto, невинно казненнаго, о которомъ вспоминаетъ г. Кони въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей. Подробное изложеніе этого случая у Rebaudi La pena di morte 1888 г.

давно и окончательно порѣшенные вопросы. Наконецъ, предложеніе Гарофало, чтобы защитникъ давался обвиняемому лишь по его просьбѣ, совершенно игнорируетъ обще-распространенное въ современныхъ законодательствахъ правило о необходимой защитѣ, установляемой помимо или даже и вопреки желанія обвиняемаго, въ виду того, что защита—институтъ публичнаго интереса. Связываясь съ наиболѣе тяжкими обвиненіями, необходимая защита особенно благодѣтельна, когда обвиняемый лицо малолѣтнее, лицо, страдающее физическими и психическими недостатками. Въ особенности же неумѣстно устраненіе необходимой защиты, какъ справедливо указываетъ De Aramburu, при усмотрѣніи въ преступникѣ вообще душевно больнаго или дикаря, съ желаніемъ или нежеланіемъ котораго естественно судъ не можетъ и не долженъ считаться [59]). Въ высшей степени неправильнымъ представляется ограниченіе защиты одними фактами, какъ выражается Гарофало, т. е. вопросомъ о событіи преступленія, о совершеніи его подсудимымъ, объ антропологическихъ особенностяхъ подсудимыхъ. Спрашивается, почему адвокатура, считающая въ Италіи въ числѣ своихъ членовъ значительнѣйшихъ ученыхъ (Carrara, Pessina, Zuppetta, Ceneri, Villa, Mancini), адвокатура, изъ которой выходятъ государственные люди, министры юстиціи (Mancini, Villa, Zanardelli), признается совершенно неспособной къ изученію новой судебной науки? Ясно, что новая наука столь совершенна, столь увѣрена въ своихъ критеріяхъ различенія различныхъ категорій преступниковъ, что участіе защиты въ разрѣшеніи вопросовъ о личности подсудимаго и о карательномъ режимѣ признается лишнею роскошью, и что, при защищаемой Гарофало необходимости смертной казни, нужно устранить и то слабое препятствіе противъ непоправимыхъ ошибокъ, которое представлялось бы въ видѣ свободной и нестѣсненной защиты. Мы здѣсь имѣетъ дѣло съ какой то оффиціальной наукой, имѣющей должностныхъ

---

[59]) De Aramburu указ. соч. стр. 310.

представителей, составляющей ихъ тайну, ревниво скрываемую отъ взоровъ и обсужденія лицъ не только постороннихъ, но прямо заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Создается такимъ образомъ невыносимый деспотизмъ, такъ какъ научный судъ естественно не совмѣстенъ ни съ какимъ обжалованіемъ его постановленій. Хуже этого quasi - научнаго произвола ничего нельзя придумать, передъ нимъ блѣднѣютъ широкія полномочія судей инквизиціоннаго процесса [60]).

Увѣнчаніемъ проэкта преобразованія главнаго судебнаго производства является требованіе Гарофало о преобразованіяхъ въ личномъ составѣ судей по уголовнымъ дѣламъ. И это требованіе оказывается столь же мечтательнымъ, столь же мало соотвѣтствующимъ живой дѣйствительности и условіямъ практическаго осуществленія правосудія, какъ и требованіе о пересозданіи уголовнаго судопроизводства. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ раздѣлять какой то непроницаемой стѣной двѣ основныя отрасли права, гражданское и уголовное. Нельзя представить себѣ хорошаго криминалиста совершенно несвѣдущаго въ гражданскомъ правѣ, какъ нельзя представить себѣ, употребляя сравненіе, излюбленное представителями новой школой, хорошаго врача, совершенно несвѣдущаго въ анатоміи и физіологіи нормальнаго человѣка. Преступныя дѣянія, которыми занимается уголовное право, составляютъ отклоненія отъ нормальной дѣятельности, отъ нормальнаго гражданскаго оборота, коими занимается гражданское право. Цѣлый рядъ опредѣленій гражданскаго права входитъ въ область уголовнаго права и предполагается послѣднимъ: таковы вопросы о правѣ собственности и владѣнія, возникающіе при преступленіяхъ кражи, самоуправства, растраты, вопросы объ обязательственномъ правѣ, возникающіе при

---

[60]) De Aramburu возражаетъ противъ указанныхъ стѣсненій защиты, утверждая, что защита должна продолжаться до конца процесса, какъ защита техническая, какъ научное содѣйствіе, иначе судьѣ дается привиллегія на непогрѣшимость, обвиняемый оставляется въ состояніи безпомощности, а правосудіе дѣлается секретомъ алхимика (указ. соч. стр. 311).

преступленіи мошенничества. Далѣе рядъ вопросовъ общей части уголовнаго права: каковы, напримѣръ, неосторожность, ошибка, причинная связь, разрѣшается и въ общей части гражданскаго права, причемъ обѣ дисциплины приходятъ на помощь другъ другу. Въ процессуальномъ правѣ вопросы гражданскаго свойства ярко выступаютъ въ такъ называемыхъ вопросахъ предсудимыхъ, разрѣшаемыхъ въ цѣломъ рядѣ законодательствъ съ немногочисленными исключеніями судомъ уголовнымъ, далѣе эти вопросы связуются крайне тѣсно съ институтомъ гражданскаго иска, присоединеннаго къ уголовному производству. Эти указанія достаточно показываютъ, что безъ знанія гражданскаго права уголовнымъ судьямъ обходиться нельзя. Но замѣчательно, что когда Гарофало, а вслѣдъ за нимъ и Ферри настойчиво указываютъ на безполезность и даже вредъ сочетанія въ лицѣ однихъ и тѣхъ же судей отправленія гражданскаго и уголовнаго правосудія, они становятся въ противурѣчіе съ самими собою. И въ самомъ дѣлѣ, кто какъ не Ферри упрекалъ современное правосудіе и классическую школу за совершенный разрывъ гражданскаго и уголовнаго права, указывая на первую заслугу новой школы — координаціи средствъ уголовнаго и гражданскаго права, кто какъ не Ферри говорилъ, что между этими двумя отраслями нѣтъ различія по существу, что не отличаясь другъ отъ друга въ первобытной фазѣ человѣческой эволюціи, онѣ остаются въ тоже время двумя точками зрѣнія на факты одного и того же порядка. Въ силу этихъ соображеній Ферри въ соціальную реакцію противъ преступленія вноситъ средства возмѣщающія т. е. средства гражданскаго права [61]). Точно также Гарофало спеціально разсматриваетъ вопросъ о вознагражденіи за вредъ, причиненный преступленіемъ, и придаетъ громадное значеніе правильному установленію гражданской отвѣтственности преступника въ порядкѣ суда уголовнаго. Какъ же сочетать

---

[61]) Nuovi orizzonti стр. 135 и сл. Ср. выпускъ 1-й моей работы главу 3-ю стр. 294 и сл., далѣе примѣчаніе 48 на стр. 297, гдѣ также указано было не отмѣченное въ текстѣ противурѣчіе.

эти двѣ точки зрѣнія, противурѣчащія другъ другу, высказанныя Гарофало и Ферри въ однихъ и тѣхъ же сочиненіяхъ и помѣщенныя въ разныхъ только главахъ. Или противурѣчія нѣтъ? Но тогда слѣдуетъ допустить, что уголовные судьи, невѣжды въ пандектахъ и гражданскомъ правѣ, сообразно идеалу Гарофало и Ферри, будутъ тѣмъ не менѣе успѣшно разрѣшать вопросы гражданскаго права, которые упомянутые авторы хотятъ ввести въ особенно широкой мѣрѣ въ уголовный процессъ. Что касается до уголовной антропологіи и психологіи, долженствующихъ составить предметъ изученія для судей по уголовнымъ дѣламъ, то нельзя оспаривать необходимости знакомства судей съ этими дисциплинами. Однако, не должно забывать одного, а именно, что требованіе такого знакомства ставится неправильно. Уголовная антропологія и психологія не могутъ считаться дисциплинами, подлежащими преподаванію и изученію въ той мѣрѣ, какъ другія болѣе давнія и установившіяся дисциплины; они составляютъ комплексъ разнообразныхъ свѣдѣній и наблюденій, въ которыхъ чрезвычайно много отрывочнаго, непровѣреннаго и даже совершенно недостовѣрнаго. Къ тому же онѣ примыкаютъ, какъ дополнительная часть къ наукѣ судебной медицины [62]). При такихъ условіяхъ нельзя говорить объ

---

[62]) Высказываясь такимъ образомъ, я расхожусь съ Листомъ въ его работѣ „Kriminal politische Aufgaben" Z. IX 1889. „Я нисколько не думаю, говоритъ Листъ, требовать отъ юриста самостоятельныхъ антропологическихъ и статистическихъ работъ; но я требую отъ него, чтобы онъ былъ знакомъ съ результатами уголовной біологіи также хорошо, какъ съ постановленіями уголовнаго уложенія и съ рѣшеніями Рейхсгерихта (стр. 486). Насколько это требованіе справедливо, лучше всего это показываетъ самъ Листъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, (II. Die Ergebnisse der Criminal--Anthropologie) гдѣ онъ ставитъ вопросъ, можетъ ли уголовная біологія выставить результаты своихъ изслѣдованій, и какіе это результаты? Отвѣтъ дается такой: нельзя оспаривать, что можно говорить о результатахъ уголовной антропологіи лишь въ весьма ограниченной мѣрѣ и что общее недовѣріе, съ которымъ встрѣчаются уголовно-біологическія изслѣдованія въ кругахъ теоретиковъ и практиковъ, лишь слишкомъ хорошо обосновано (459). Затѣмъ авторъ подробно описываетъ методъ „identification anthropometrique" Бертильона и указываетъ на его огромную практическую пользу. Но этимъ и ограничиваются результаты криминальной біологіи. Авторъ вслѣдъ затѣмъ переходитъ къ оцѣнкѣ работъ Бенедикта и Лом-

уголовной антропологіи и психологіи, какъ о строго опредѣленныхъ отдѣлахъ знанія въ томъ смыслѣ, какъ можно говорить, напримѣръ, объ анатоміи или психіатріи. Если себѣ представить, поэтому, что суды усвоятъ себѣ на вѣру уголовную антропологію и психологію, изученную по Ломброзо и его ревностнымъ ученикамъ, что судьи наши пойдутъ въ науку въ особенности къ нѣкоторымъ русскимъ приверженцамъ Итальянской школы, то это пріобрѣтеніе ничего не внесетъ, кромѣ смуты и разстройства, въ дѣло отправленія уголовнаго правосудія.

IV.

Уже изъ вышеизложеннаго видно, что судъ присяжныхъ долженъ послужить главнымъ предметомъ для критическихъ ударовъ представителей новой школы. И дѣйствительно, Ломброзо, Гарофало, Ферри не жалѣютъ черныхъ красокъ, чтобы убѣдить читателей въ полнѣйшей несостоятельности этого учрежденія.

Ферри разсматриваетъ различныя основанія, выставляемыя въ пользу суда присяжныхъ, послѣдовательно подвергаемыя имъ критикѣ. Два преимущества приписываются этому суду, какъ юридическому учрежденію. Первое видятъ въ сужденіи по совѣсти (guidizio morale). Утверждаютъ что народъ, въ формѣ суда присяжныхъ, будто бы способенъ исправлять недостатки положительнаго закона, умѣрять summum jus путемъ широкаго истолкованія. Второе преимущество усматривается въ произнесеніи рѣшенія по „внутреннему убѣжденію“, сообразно „голосу совѣсти“, а не искусственныхъ критеріевъ коронныхъ судей.

Но эти двѣ черты суда присяжныхъ не достоинство, а недо-

брозо. Эти работы, по мнѣнію Листа, „не выдерживаютъ научной критики“, на что авторъ считаетъ нужнымъ „указать съ удареніемъ“. Упрекнувъ Ломброзо за теорію атавизма, въ связи съ нравственнымъ помѣшательствомъ и эпилепсіей, замѣтивъ, что воззрѣнія Ломброзо въ этомъ отношенія сами другъ друга побиваютъ, Листъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что полное отсутствіе научной ясности у этого автора дѣлаетъ совершенно невозможнымъ всякое серьезное изслѣдованіе.

статки. Улучшеніе уголовныхъ законовъ не дѣло судебнаго учрежденія. Соблюденіе писаннаго закона величайшая гарантія, иначе открывается просторъ произволу, нарушается равенство гражданъ. Верховенство присяжныхъ при произнесеніи вердикта влечетъ логическіе и юридическіе абсурды при попыткахъ исправленія закона, злоупотребленіе смягчающими обстоятельствами, вслѣдствіе котораго законъ никогда не примѣняется въ своей нормальной и истинной санкціи. Наконецъ, указанный порядокъ служитъ соблазномъ для нарушенія закона: гражданинъ, входящій въ составъ суда присяжныхъ, свыкается съ мыслью, что можно отлагать законъ въ сторону [63]).

Точно также и система внутренняго убѣжденія составляетъ не столько достоинство, сколько недостатокъ. Нельзя, конечно, возвратиться къ теоріи законныхъ доказательствъ, внутреннее убѣжденіе судьи единственный источникъ достовѣрности. Иное дѣло, однако, разумное убѣжденіе, основанное на критикѣ доказательствъ, иное дѣло слѣпое внушеніе инстинкта или чувства. Права личности и общества не могутъ найти охраны въ случайныхъ и необдуманныхъ впечатлѣніяхъ перваго встрѣчнаго; частное лицо и общество не могутъ быть лишены права потребовать мотивовъ судебнаго рѣшенія. Поэтому, вмѣстѣ съ Карминьяни, должно предпочесть вердикту присяжныхъ (рѣшенію Кадія, по выраженію Карминьяни) мотивированное рѣшеніе судьи. Исключительная безотвѣтственность и безапелляціонность присяжныхъ, въ отличіе отъ отвѣтственности всякихъ другихъ должностныхъ лицъ, вредный и опасный абсурдъ.

Наконецъ, суду присяжныхъ приписывается третье преимущество. Судъ присяжныхъ представляетъ наиболѣе удовлетворительный порядокъ отправленія правосудія единственно въ силу того обстоятельства, что начало устности получаетъ въ немъ полное примѣненіе (Brusa Sul giuri въ Rivista penale 1882 г.).

---

[63]) Nuovi Orizzonti гл. IV, стр. 467—471.

Противъ такой постановки вопроса должно сказать, по мнѣнію Ферри, что принципъ устности, такимъ образомъ, ставится выше всякаго обсужденія. Судьѣ предоставляется слѣдить за поединкомъ двухъ сторонъ, письменное производство забывается. Но все это возможно единственно въ чисто обвинительномъ процессѣ варварскихъ временъ. Современный же процессъ—комбинація обвинительнаго и слѣдственнаго начала; устность примѣняется лишь въ предѣлахъ, допускаемыхъ цѣлью изслѣдованія истины. Стадій предварительнаго слѣдствія, построеннаго на инквизиціонномъ началѣ, долженъ влiять на судебное производство, иначе онъ былъ бы лишней потерей времени. Къ тому же присяжнымъ даются слѣдственные акты въ комнату совѣщаній, что не имѣло бы смысла, если бы эти акты не должны были влiять на рѣшеніе присяжныхъ. Бруза ошибается, утверждая, что принципъ устности менѣе примѣняется въ судѣ коронныхъ судей сравнительно съ судомъ присяжныхъ въ Итальянскомъ судопроизводствѣ. Законъ не дѣлаетъ указаннаго различія, письменное производство въ обоихъ порядкахъ суда должно влiять на убѣжденіе судьи. Было бы ребячествомъ считать невиновнымъ того, кто уже признанъ виновникомъ преступленія со стороны камеры совѣта и камеры преданія суду. Къ тому же, при возникновеніи сомнѣнія на судѣ, таковое лучше всего можетъ быть разрѣшено судьей, знакомымъ съ слѣдственными актами, способнымъ сдѣлать надлежащія сравненія и сопоставленія. Поэтому коронный судья менѣе подвергается возможности быть обманутымъ, чѣмъ присяжный судья [64]).

За устраненіемъ мнимыхъ достоинствъ суда присяжныхъ остается коренной порокъ этого учрежденія, а именно, что одна принадлежность къ народу даетъ право постановить рѣшеніе, притомъ въ силу жребія. Обращеніе къ случаю въ дѣлѣ важнѣйшей общественной необходимости звучитъ горькой насмѣшкой. Этотъ недостатокъ не исправляется путемъ опредѣленія разныхъ категорій,

---

[64]) Тамъ же, стр. 471—477.

дающихъ право на званіе присяжнаго, путемъ разныхъ списковъ и способовъ выбора по жребію. Всѣ эти мѣры въ крайнемъ случаѣ удостовѣряютъ предполагаемую, а не дѣйствительную способность лицъ. Къ тому же, мало значенія имѣютъ и тѣ болѣе или менѣе образованные элементы, которые входятъ въ составъ суда присяжныхъ по двумъ основаніямъ. Соединеніе недѣлимыхъ по отношенію къ психологическимъ фактамъ не даетъ, во первыхъ, результата равнаго суммѣ отдѣльныхъ недѣлимыхъ. Соединяя людей съ здравымъ смысломъ, можно получить собраніе лишенное таковаго. Вредоносныя индивидуальныя свойства получаютъ преобладаніе въ соединеніяхъ людей надъ хорошими, поэтому древніе говорили: Senatores boni viri, Senatus mala bestia. Народъ также сознаетъ это, когда указываетъ, что въ извѣстныхъ соціальныхъ группахъ недѣлимые представляютъ каждый самъ по себѣ джентельменовъ, а взятые въ совокупности они являются разбойниками. Указанное явленіе проявляется всего чаще въ неорганическихъ и случайныхъ коллегіяхъ, какъ напримѣръ судъ присяжныхъ, рѣже въ коллегіяхъ юристовъ и экспертовъ.

Коллегія присяжныхъ, во вторыхъ, даже состоящая изъ предполагаемыхъ способными элементовъ, можетъ руководиться въ крайнемъ случаѣ лишь здравымъ смысломъ. Норма науки закрыта для нея. Пытались отдѣлять фактъ и право и относить къ вѣдомству присяжныхъ лишь область перваго. Но такое разграниченіе невозможно, а если бы даже и было возможно, то нужно помнить, какъ говоритъ Пессина, что разрѣшеніе вопроса о фактѣ не есть дѣло непосредственнаго воспріятія, а трудное дѣло критическаго процесса мысли. Наконецъ, извѣстные недостатки суда присяжныхъ коренятся въ законахъ психологіи. Для науки не существуетъ фактовъ, а лишь законы; для здраваго смысла, напротивъ, фактъ единственный предметъ мысли, безъ сознанія связей, соединяющихъ отдѣльные факты въ видѣ общаго закона. Отсюда неизбѣжная тенденція присяжныхъ увлекаться отдѣльнымъ фактомъ, отдаваться чувству состраданія или мести. Преобладаніе чувства надъ разумомъ въ

разсмотрѣніи дѣлъ при участіи присяжныхъ обнаруживается въ характерѣ судебныхъ преній. Труднѣйшіе научные вопросы понижаются до уровня здраваго смысла, а научныя истины нерѣдко искажаются (напр. понятіе o forza irresistibile).

Особенное значеніе, по мнѣнію Ферри, принадлежитъ возраженіямъ противъ суда присяжныхъ, искусственно пересаженнаго въ Италію, почерпаемымъ изъ соціологіи.

Этотъ отдѣлъ начинается съ весьма общихъ, отвлеченныхъ и далекихъ положеній: законы естественной эволюціи показываютъ,— что никакое постоянное видоизмѣненіе невозможно въ растительномъ и животномъ царствѣ, безъ медленной непрерывной подготовки скрытыхъ органическихъ силъ и внѣшнихъ условій; далѣе доказано, что неизмѣнные законы природы поражаютъ атрофіей всякій органъ, который переживаетъ собственныя функціи, и что, поэтому, никакой новый органъ не можетъ быть жизненнымъ, если онъ не отвѣчаетъ требованіямъ новыхъ соотвѣтственныхъ функцій. Воспринявъ эти выводы естественныхъ наукъ, соціологія постановляетъ, что никакое общественное учрежденіе не можетъ считаться истинно полезнымъ, если оно не является необходимымъ результатомъ совокупности коренныхъ органическихъ и психическихъ причинъ. Далѣе, она провозглашаетъ правило, что соціальная эволюція совершается посредствомъ перехода отъ однороднаго къ разнородному,—и что, поэтому, соціальные органы дробятся и размножаются съ раздробленіемъ и умноженіемъ соціальныхъ функцій.

Примѣняя эти общія соображенія, которыя, несмотря на позитивную окраску, представляются крайне отвлеченными и произвольными при обсужденіи юридическаго института, имѣющаго своеобразныя техническія основанія бытія, Ферри замѣчаетъ, что судъ присяжныхъ не образовался на континентѣ Европы путемъ вѣковаго развитія историческихъ и народныхъ элементовъ,—но былъ перенесенъ изъ Англіи однимъ почеркомъ пера. Авторъ характеризуетъ судъ присяжныхъ на Европейскомъ материкѣ, повторяя извѣстное выраженіе Спенсера, „какъ ложную ткань коллективнаго

тѣла, лишенную физіологической связи съ соціальнымъ организмомъ". Поэтому, не должно смущаться, по мнѣнію Ферри, если другимъ почеркомъ пера онъ будетъ вычеркнутъ, тѣмъ болѣе, что даже во Франціи послѣ столѣтняго опыта, этотъ институтъ не успѣлъ акклиматизироваться.

Но судъ присяжныхъ не удовлетворяетъ и другому соціологическому закону — единства функцій, въ связи съ единствомъ органовъ. Правда, въ Англіи, судъ присяжныхъ, вслѣдствіе исторически сложившейся кооперацін присяжныхъ и коронныхъ судей въ разрѣшеніи дѣлъ, являетъ то органическое единство, которое ведетъ къ интеграціи, основной нотѣ эволюціи, по Спенсеру. Но этого нѣтъ на континентѣ, гдѣ присяжные чисто внѣшнимъ образомъ присоединяются къ суду. Нельзя также сказать, по мнѣнію Ферри, чтобы судъ присяжныхъ представлялъ собою переходъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ единства къ разнообразію, т. е. дальнѣйшую ступень эволюціи. Объ эволюціи можно говорить только тогда, какъ о нормальномъ процессѣ, когда процессъ смѣны однороднаго разнороднымъ производитъ интеграцію посредствомъ упроченія органическаго единства элементовъ; если же, вслѣдствіе отступленія отъ нормальныхъ законовъ органической природы, этотъ процессъ производитъ дезинтеграцію путемъ уменьшенія единства, то наступаетъ разложеніе. При этомъ авторъ указываетъ, съ одной стороны, на раздѣленіе труда, какъ на примѣръ прогрессивной эволюціи, — далѣе, на развитіе болѣзней, на соціальную революцію, какъ на примѣръ разложенія, поставленія въ опасность органическаго единства. Точно также, говоритъ Ферри, переходъ отъ однороднаго къ однородному, путемъ появленія суда присяжныхъ на Европейскомъ материкѣ, принадлежитъ къ общественной патологіи и грозитъ разложеніемъ части судебнаго организма, если рука хирурга не поможетъ во время [65]).

---

[65]) Тамъ же, стр. 494—497.

Мало этого: если законъ спеціализаціи функцій, случаи примѣненія котораго столь многочисленны въ біологіи и соціологіи, влечетъ за собою наибольшее приспособленіе каждаго органа къ спеціальному труду, то тотъ же законъ одновременно содѣлываетъ каждый такой органъ неспособнымъ ко всякому другому труду. Точно также соціологія показываетъ, что тогда какъ въ древности различныя профессіи сливались въ одномъ лицѣ, въ наше время физіологъ не бываетъ антропологомъ, химикъ юристомъ и т. д. А между тѣмъ, противъ этого правила прямо погрѣшаетъ судъ присяжныхъ, возлагающій на людей функціи, столь отличныя и отдѣльныя отъ обычныхъ.

Такимъ образомъ, судъ присяжныхъ на основаніи указаній какъ исторіи, такъ и соціологіи, есть истинный шагъ назадъ, есть возвращеніе, какъ указываетъ Эллеро, къ варварскимъ временамъ среднихъ вѣковъ, есть стадій менѣе зрѣлый, менѣе совершенный прогрессивнаго движенія судебныхъ порядковъ [66]).

Изъ возраженій, предъявляемыхъ Ферри противъ трехъ приписываемыхъ суду присяжныхъ принципіальныхъ достоинствъ, можно признать имѣющимъ основаніе лишь первое, направленное противъ усвоенія присяжнымъ задачи исправленія уголовнаго закона. Аргументація Ферри въ этомъ отношеніи должна считаться вѣрною. Но если справедливо, что судъ присяжныхъ долженъ быть, по выраженію г. Фойницкаго, судомъ подзаконнымъ, что правовой порядокъ можетъ только потерпѣть отъ непризваннаго вмѣшательства въ исправленіе закона неспособныхъ къ тому людей, то во всякомъ случаѣ возраженія Ферри относятся къ неправильной теоріи по части суда присяжныхъ, а не къ самому институту. А между тѣмъ, Ферри считаетъ эту тенденцію какъ бы прирожденнымъ порокомъ этого учрежденія. Эта мысль представляется невѣрной. Конечно, судъ присяжныхъ всегда отражаетъ господствующія въ обществѣ теченія и, смотря по тому, насколько развито въ обществѣ чувство законности, настолько это чувство будетъ проявляться въ судѣ присяжныхъ. Но затѣмъ существуетъ

[66]) Тамъ же, стр. 498—500.

цѣлый рядъ уголовно-матеріальныхъ и процессуальныхъ условій, способствующихъ постановкѣ суда присяжныхъ на степень подзаконнаго учрежденія. Въ этомъ отношеніи очень много зависитъ отъ законодателя, многое, конечно, зависитъ отъ коронныхъ судей и процессуальныхъ сторонъ [67]).

Что касается до возраженій Ферри противъ критерія „внутренняго“ убѣжденія, которымъ руководятся присяжные, то оно справедливо, поскольку относится къ conviction intime Французскаго, Итальянскаго и Бельгійскихъ законодательствъ. Несомнѣнно возможенъ и желателенъ такой порядокъ, гдѣ присяжные, постановляя свое рѣшеніе по убѣжденію совѣсти, принимаютъ во вниманіе общія основанія для критики доказательствъ, выработываемыя наукой и судебной практикой и предлагаемыя присяжнымъ предсѣдательствующимъ судьей. Такой порядокъ, какъ извѣстно, существуетъ въ Англіи, онъ намѣченъ и въ отечественномъ уставѣ и если нельзя сказать, чтобы наши судебные дѣятели особенно постарались пойти въ этомъ отношеніи на встрѣчу мысли законодателя, то будущей практикѣ все таки данъ прочный фундаментъ,

---

[67]) Я, разумѣется, не могу входить въ подробности по этому важному предмету. Что судъ присяжныхъ предполагаетъ въ большей степени уголовное уложеніе, обладающее достоинствами простоты, ясности, точности своихъ опредѣленій, согласія съ нравственными и правовыми воззрѣніями общества, чѣмъ судъ коронный, это истина—хорошо сознанная въ литературѣ нашего предмета. Мѣткія указанія на недостатки въ редакціи уголовныхъ кодексовъ см. у Carrara Lineamenti di pratica legislativa penale 2 изд. 1882. Общія условія, относящіяся къ матеріальному и процессуальному праву и вліяющія на дѣятельность присяжныхъ, указаны у Миттермайера въ его Erfahrungen über Wirksamkeit der Schwurgerichte in Europa und Amerika вып. III гл. X.—Важное значеніе приписывается имъ справедливо вопросу о кругѣ дѣлъ, предоставляемыхъ суду присяжныхъ. По мнѣнію Миттермайера, ограниченіе суда присяжныхъ въ Піемонтѣ въ 1848 г. дѣлами о преступленіяхъ политическихъ и о проступкахъ печати послужило препятствіемъ для правильнаго пониманія института, какъ юридическаго учрежденія. Противъ ограниченія присяжныхъ исключительной компетенціей высказывается и Глазеръ: „никакое преступленіе, принадлежащее суду присяжныхъ, не должно быть у него отнято потому, что оно связывается съ политической борьбой; но точно также ни одно преступленіе не должно быть отнесено къ вѣдомству суда присяжныхъ по этой только причинѣ“. (Holtzendorf Rechtslexicon изд. 3-е 1881 г. T. III. s. v. Schwurgericht).

на которомъ она можетъ строить. Затѣмъ, чтобы не говорили объ юридическомъ невѣдѣніи присяжныхъ, объ недостаточности ихъ общаго или техническаго образованія, внутреннее убѣжденіе можетъ складываться съ тѣмъ большей вѣрностью, съ чѣмъ большей чуткостью, съ чѣмъ большей воспріимчивостью судьи относятся къ непосредственно происходящему передъ ними. А что присяжные въ этомъ отношеніи превосходятъ коронныхъ судей, то это несомнѣнно зависитъ отъ того, что присяжные, призываемые для разсмотрѣнія вопросовъ о винѣ или невиновности, получаютъ такъ сказать готовый доказательственный матеріалъ, не озабочиваясь о способѣ его разработки и установленія на судѣ. Напротивъ, на коронномъ судѣ лежатъ многотрудныя обязанности руководства процессуальными дѣйствіями, заботы о точномъ соблюденіи формъ и обрядовъ судопроизводства, контроля за участвующими въ дѣлѣ лицами, разрѣшенія процессуальныхъ вопросовъ въ дѣлѣ, наконецъ, постановки путемъ вопросовъ рамки для рѣшенія присяжныхъ. Этими различными условіями въ положеніи народныхъ и правительственныхъ судей несомнѣнно объясняется признаваемое всѣми процессуалистами драгоцѣнное свойство присяжныхъ—вносить въ разсмотрѣніе доказательствъ бóльшую свѣжесть мысли, полную непосредственность вниманія и оцѣнки, чего не бываетъ въ такой степени у правительственныхъ судей вслѣдствіе сочетанія у нихъ обязанности разрѣшенія конечныхъ вопросовъ процесса съ обязанностями, относящимися къ производству самаго дѣла, и съ постановленіемъ приговора о наказаніи [68]).

Ферри съ особенной силой останавливается на отсутствіи моти-

---

[68]) Какъ извѣстно существуетъ иное объясненіе указаннаго преимущества присяжныхъ, а именно, что присяжные—люди съ житейской опытностью, съ живымъ интересомъ, тогда какъ коронные судьи, вслѣдствіи постоянныхъ судейскихъ занятій и изученія права, далеки отъ опыта жизни, склонны къ абстракціямъ и предустановленымъ воззрѣніямъ, не свободны отъ рутины. Не отрицая справедливости послѣдняго объясненія, я нахожу, что данное въ текстѣ объясненіе прямо коренится въ процессуальныхъ условіяхъ, условіяхъ неустранимыхъ и неизмѣнныхъ.

вовъ въ рѣшеніи присяжныхъ, усматривая въ этомъ крупный недостатокъ указаннаго учрежденія. Едва ли, однако, этотъ упрекъ, часто повторяемый [69]), обладаетъ приписываемымъ ему значеніемъ. Мотивировка приговора относительно фактическихъ данныхъ по вопросу о доказанности вины или невинности получаетъ различное значеніе, смотря по тому, существуетъ ли въ законодательствѣ формальная теорія доказательствъ или начало свободной оцѣнки таковыхъ по внутреннему убѣжденію. Въ первомъ случаѣ мотивировка основаній убѣжденія относительно фактической стороны, точнѣе вопроса о доказанности вины подсудимаго, является необходимой съ одной стороны, легко исполнимой для судей съ другой стороны. Тамъ же гдѣ критеріемъ истины фактовъ, подлежащихъ судебному разсмотрѣнію, является внутреннее убѣжденіе, мотивировка рѣшенія съ фактической стороны возбуждаетъ особыя затрудненія, въ особенности при коллегіальномъ составѣ. Въ этомъ отношеніи крайне справедливы слѣдующія слова Глазера: „Сужденіе судьи должно покоиться на основаніяхъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ, которыя признаются людьми годными для обоснованія убѣжденія, гармонирующаго съ разумомъ, относительно истины фактовъ. Но, насколько несомнѣнно, что вообще возможно указать на эти основы человѣческаго убѣжденія и отличить ихъ отъ того, что безусловно въ этомъ отношеніи негодно, столько же несомнѣн-

---

[69]) Ср. разборъ и оцѣнку этого вопроса у Pisanelli Dell' Istituzione de' giurati 2 изд. 1888. C. IV, Dei difetti del giuri ст. 245—249, далѣе Giulian Snllá istituzione del giurati ст. 21—24. Оба эти писателя сходятся въ порицаніи этого недостатка присяжныхъ, хотя первый приверженецъ, а второй противникъ этого учрежденія. Къ Итальянскимъ криминалистамъ-антропологамъ почасти упрека суду присяжныхъ за отсутствіе мотивировки присоединяется Tarde въ своей Philosophie pénale ch. VII Le jugement, не менѣе Итальянцевъ несправедливо относящійся къ суду присяжныхъ: S l'on veut voir s'écrouler avant peu l'institution du jury sous la risée universelle, qu'on oblige les jurés a développer ou à indiquer au moins par écrit les motifs de leur opinion (примѣч. 1 къ ст. 446). Весьма справедлива критика этого отдѣла книги Тарда у г. Спасовича, а именно, что „идеи Тарда болѣе блестящія, чемъ солидныя..... можно сказать, что онѣ мечты воображенія (Вѣстникъ Европы 1891 г. кн. 10-я Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права ст. 504).

но, что сличеніе такихъ доказательственныхъ основаній съ даннымъ конкретнымъ случаемъ и выведенное отсюда личное убѣжденіе безпристрастнаго, добросовѣстнаго и вполнѣ освѣдомленнаго съ дѣломъ человѣка составляетъ единственную гарантію согласія сужденія съ дѣйствительностью и установленія истины [70]). Въ цитованныхъ словахъ Глазера хорошо указаны общія условія, требуемыя для согласнаго съ истиной рѣшенія судьи, все равно коронняго или народнаго, разъ формальная теорія устранена. Но, съ другой стороны, ясно, что воспроизведеніе умственнаго, тонкаго и сложнаго процесса оцѣнки доказательствъ возможно на бумагѣ лишь въ весьма ограниченной мѣрѣ, что такой процессъ не поддается исчерпывающему и выразительному воспроизведенію. А между тѣмъ, только такая невозможная, полнѣйшая мотивировка могла бы удовлетворить Ферри. Легко показать, какія затрудненія являются на практикѣ при осуществленіи требованія обстоятельной мотивировки судейскаго убѣжденія по отношенію къ доказательственнымъ моментамъ. При наличности въ дѣлѣ разнообразныхъ моментовъ, члены одной и той же судебной коллегіи несомнѣнно могутъ почерпать убѣжденіе по различнымъ основаніямъ. Такъ, при согласіи всѣхъ членовъ относительно вины подсудимаго, они тѣмъ не менѣе будутъ расходиться въ основахъ такого убѣжденія: такъ одинъ будетъ основываться на показаніяхъ такихъ то свидѣтелей, другой на показаніяхъ другихъ свидѣтелей, третій на доказательственныхъ средствахъ другаго рода [71]). Требованіе единогласія или большинства голосовъ не по отношенію къ окончательнымъ выводамъ, а по отношенію къ доказательственнымъ основаніямъ нарушало бы разумно сложившееся, хотя бы по разнымъ основаніямъ,

---

[70]) Handbuch des Strafprozesses. I. гл. 1. § 5, стр. 42.

[71]) Ср. очень вѣрныя слова Гейера: „Mit der freien Beweiswürdigung ist eine Angabe der Gründe für die Annahme der Wahrheit einer Thatsache, welche für jeden Richter andre sind, unvereinbar. Überdiess führt die Schwierigkeit der Festellung der Urtheilsgründe zu einer Verletzung der Unmittelbarkeit und es werden dann die niedergeschriebene Gründe zumeist ein blosses „Referat über Beweissergebnisse“ (Lehrbuch. d. gemeinen deutschen Strafprozessrechts стр. 740)

согласіе относительно спорныхъ, конечныхъ вопросовъ и подавляло бы свободу убѣжденія. При невозможности, такимъ образомъ, требованія соглашенія между судьями относительно доказательственныхъ основаній, почерпаемыхъ изъ доказательственныхъ средствъ, самое указаніе въ приговорѣ такихъ основаній зависитъ отъ судьи, редактирующаго приговора [72]). Такимъ образомъ, мотивированіе приговора можетъ сводиться къ указанію признанныхъ судомъ фактовъ и доказательственныхъ средствъ, которыя въ совокупности привели судей къ извѣстному убѣжденію [73]). Первое указаніе не-

---

[72]) Ср. превосходный отдѣлъ въ книгѣ Бара Recht und Beweis im Geschwornengericht 1865 г. по разсматриваемому вопросу. Баръ убѣдительно показываетъ невозможность составленія судейскаго приговора относительно фактической стороны (въ широкомъ смыслѣ слова) путемъ подачи голосовъ по отдѣльнымъ доказательственнымъ основаніямъ, такъ какъ, при согласіи всѣхъ членовъ или большинства коллегіи относительно вины подсудимаго, возможно полное разногласіе относительно отдѣльныхъ доказательственныхъ основаній,—и приходитъ къ заключенію, что вообще судебная коллегія не способна выработывать мотивовъ, заключающихъ въ себѣ результатъ рѣшенія съ строгой необходимостью. Такимъ образомъ, мотивировка фактической стороны можетъ единственно удостовѣрять, что приговоръ постановленъ съ принятіемъ въ разсчетъ главнѣйшихъ моментовъ доказательственнаго производства (стр. 314—316). Нельзя не указать, что еще въ 1849 г. Кестлинъ въ своемъ соч. Der Wendepunkt des deutschen Strafverfahrens стр. 144 и слѣд. высказывался въ смыслѣ малой цѣнности судейской мотивировки относительно доказательственной стороны. Та же мысль выражается съ обыкновенной рельефностью и наглядностью у г-на Спасовича въ указ. работѣ: „Я сильно сомнѣваюсь, есть ли патентованное средство противъ судейскаго произвола. Дѣло и въ коронномъ судѣ рѣшается по общему впечатлѣнію и по совѣсти, а не механически. Мотивы подбираются и придѣлываются потомъ, они похожи на тѣ объясненія, къ которымъ человѣкъ приходитъ заднимъ умомъ, но которыхъ, можетъ быть у него ранѣе не было, когда онъ дѣйствовалъ (Новыя направленія стр. 507). Большое значеніе въ смыслѣ указанія присяжнымъ мотивовъ рѣшенія придается заключительной рѣчи предсѣдательствующаго Баромъ (указ. соч стр. 318—319).

[73]) „Установленія фактовъ" (thatsächliche Feststellungen) или объективныя основанія рѣшенія противополагаются Гейеромъ субъективнымъ доказательственнымъ основаніямъ, какъ необходимая составная часть приговора (указ. сочин. стр. 740). Съ указанной доктриной, защищаемой Гейеромъ и Баромъ, вполнѣ согласуется Обще-Германскій Уставъ, предписывающій слѣдующую мотивировку судебнаго приговора относительно фактической стороны. „Если обвиняемый будетъ признанъ виновнымъ, то соображенія суда должны указывать признанные судомъ факты, въ которыхъ оказываются законные признаки преступленія. По

сомнѣнно имѣется въ рѣшеніи присяжныхъ—и о томъ, чтобы оно было точно и удовлетворительно въ этомъ отношеніи долженъ позаботиться судъ при постановкѣ вопросовъ. Второе, правда, отсутствуетъ. Однако, требованіе, чтобы судья въ основаніе своего рѣшенія положилъ извѣстныя, тщательно оцѣненныя имъ доказательственныя средства, гарантируется многообразными процессуальными постановленіями, разсчитанными на это по отношенію къ коллегіи присяжныхъ. Этому требованію въ особенности удовлетворяетъ заключительная рѣчь предсѣдателя, представляющая общія, коренныя основы для сужденія о силѣ доказательствъ, могущія свободно усвоиваться присяжными засѣдателями и обладающія особой высокой цѣнностью вслѣдствіе присущаго имъ качества непосредственности и наглядности, живой связи съ только что разсмотрѣннымъ доказательственнымъ матеріаломъ.

Нельзя, далѣе, признать правильною аргументацію Ферри противъ положенія, что лишь въ судѣ присяжныхъ устность получаетъ полное осуществленіе.

Отвергнувъ формальную теорію доказательствъ, современный уголовный процессъ регулируетъ разсмотрѣніе и оцѣнку доказательствъ началами состязательности, устности и непосредственности, состоящими въ тѣснѣйшей связи. Истинная состязательность возможна при устности и непосредственности, устность и непосредственность, наоборотъ, предполагаютъ участіе въ процессѣ сторонъ. Сообразно съ этимъ современный преобразованный процессъ допускаетъ отступленіе отъ начала устности тамъ, гдѣ дѣло идетъ не объ окончательной и все-

---

скольку доказательства извлечены изъ другихъ фактовъ, указываются и эти послѣдніе (ст. 266). Такимъ образомъ, по словамъ объяснительной записки къ проэкту устава, требуются мотивы въ смыслѣ точнаго опредѣленія признанныхъ судомъ фактовъ (Entscheidungsgründe), а не въ смыслѣ указанія доказательственныхъ основаній (Beweisgründe) т. е. указанія, почему тѣ и другіе факты признаются доказанными. Требованіе указанія другихъ фактовъ относится къ косвеннымъ уликамъ (Motive des Entwurfs, объясненія къ § 225 проэкта (ст. 266 Устава) Urtheilsgründe, см. Die gesammten Materialien zu den R. Justizgesetzen III Band Materialien zur Strafprozessordnung 2 Auflage herausgegeben von E. Stegemann 1884 г. стр. 209).

сторонней разработкѣ и оцѣнкѣ доказательствъ, а о собраніи и сохраненіи ихъ для судебнаго производства, т. е. при предварительномъ слѣдствіи. Предварительное слѣдствіе является по отношенію къ судебному разбирательству служебнымъ производствомъ, доставляя ему подлежащій очисткѣ сырой матеріалъ. Поэтому и нельзя говорить, какъ это дѣлаетъ Ферри, что предварительное слѣдствіе должно вліять на судебное производство и на рѣшеніе присяжныхъ. Такое положеніе совершенно противурѣчитъ основнымъ началамъ нашего современнаго процесса, по которымъ присяжные должны постановлять свое рѣшеніе на основаніи всего того, что они видятъ и слышатъ на судѣ. Если Ферри ссылается на то, что акты письменнаго производства передаются въ комнату совѣщаній присяжныхъ, то такой доводъ опирается на постановленіяхъ Французскаго и Итальянскаго судопроизводства, представляющихся въ этомъ отношеніи отсталыми. Напротивъ, новѣйшія законодательства не допускаютъ въ этомъ отношеніи отступленія отъ начала непосредственности. Такъ, по Обще-Германскому уст. угол. суд. присяжнымъ передаются въ комнату совѣщаній лишь вещественныя доказательства, предъявленныя имъ на судѣ (ст. 302). По Австрійскому уставу передаются слѣдственные акты, оглашенные на судѣ (ст. 325). Новый Норвежскій уставъ дозволяетъ передачу присяжнымъ лишь письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ, а не слѣдственныхъ актовъ (§ 148). Наконецъ, отечественный уставъ постановляетъ: „Никакіе акты изъ письменнаго производства присяжнымъ засѣдателямъ не передаются“ (ст. 805).

Противъ утвержденія Ферри, что полное осуществленіе устности возможно въ лишь въ чисто обвинительномъ, а не въ слѣдственномъ процессѣ, должно замѣтить, что развитіе уголовнаго процесса въ наше время движется отъ момента большаго преобладанія слѣдственнаго начала (Французскій и Итальянскій судебно-уголовные уставы) къ моменту большаго преобладанія обвинительнаго начала (отечественный Уставъ, далѣе въ особенности Австрійскій Уставъ 1873 г. Испанскій 1882 г. Норвежскій 1888 г. и про-

экты Бельгійскій и Венгерскій [74]). Поэтому, возможно полное осуществленіе устности и непосредственности, составляя непререкаемое требованіе хорошей юстиціи, вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно гармонируетъ со строемъ современнаго процесса, все болѣе и болѣе проникающагося обвинительнымъ или состязательнымъ началомъ. Если это такъ, то и организація носителей судебной власти подвергается вліянію указаннаго явленія, т. е. таковая организація должна соотвѣтствовать наибольшему развитію устности и непосредственности въ уголовномъ процессѣ. Такимъ образомъ, мы подходимъ къ разрѣшенію вопроса, правда ли, что въ судѣ присяжныхъ начало устности получаетъ истинное осуществленіе. Это положеніе высказывалось съ наибольшей силой Миттермайеромъ и Глазеромъ [75]), и оно дѣйствительно является несомнѣннымъ. Присяжные приходятъ въ судебное засѣданіе незнакомые съ письменнымъ производствомъ по дѣлу, поэтому устность разсмотрѣнія дѣла не нарушается по отношенію къ нимъ впечатлѣніями, внушенными пись-

---

[74]) По части Бельгійскаго проэкта ср. цитованное выше въ примѣч. 32 къ стр. 28 изданіе, а равно обсужденіе этого проэкта въ статьѣ S. Mayer въ Archiv für Deutsches Strafrecht 1888 г. 3—4 Heft Das Strafprozessrecht Belgiens стр. 245—398.

[75]) Ср. Mittermaier Erfahrungen über die Wirksamkeit der Schwurgerichte in Europa und Amerika III. § XVIII: „Ein bedeutender Grund für den Werth der Schwurgerichte liegt darin, dass das Princip der Mündlichkeit nur bei Urtheilsfällung durch Geschworne richtig durchgeführt werden kann“ (стр. 183). Glaser: „Was die Mündlichkeit betrifft, so ist sie nur da eine volle Wahrheit, wo Gewähr dafür geboten ist, dass der Richter seinen Ausspruch ausschliesslich auf dassjenige gründet, was in der Hauptverhandlung vorgebracht ist. Nach den auf dem Continent bestehenden Einrichtungen ist aber diese Gewähr nur da geboten, wo Geschworne urtheilen; das hervorragendste Mitglied des Richterstandes muss die Acten kennen; ......und wer hat eine so klare Einsicht in seinen Denkprozess ....dass er... einzelnen Beweismomenten.... jeden Einfluss entziehen könnte. Die Schwurgerichtsfrage in Österreich стр. 86-я. Сравн. также заявленіе Испанскаго Министра Юстиціи Sr. Manuel Martinez въ его предисловіи къ книгѣ Pacheco La ley del jurado comentada Madrid 1888. La oralidad del juicio y el principio accusatorio no puede decirse que estàn planteados de manera acabada........ si no se establece el Jurado con la distincion entre los Jueces de hecho y los de derecho (стр. XXXVIII). Ср. также указ. статью Спасовича „только судъ присяжныхъ поддерживаетъ устность производства“ (стр. 506).

меннымъ производствомъ. Напротивъ, какъ выражается Бруза, коронному судьѣ присуще двойственное убѣжденіе. „Сверхъ слагающагося у него въ публичномъ засѣданіи убѣжденія, контролируемаго общественнымъ мнѣніемъ, у него уже создалось убѣжденіе, которое не перестаетъ существовать и влiять на рѣшеніе дѣла[76]). Нельзя противъ этого возражать, какъ это косвенно дѣлаетъ Ферри, что, слѣдовательно, нужно, что бы судья приходилъ въ судебное засѣданіе, совершенно незнакомый съ письменнымъ производствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, такое возраженіе шло бы мимо цѣли. Приверженцы суда присяжныхъ утверждаютъ, что независимость присяжныхъ отъ вліянія письменнаго производства гарантируетъ полнѣйшую непосредственность при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ доказательствъ. Отсюда выводится требованіе о разсмотрѣніи вопросовъ о винѣ или невиновности отдѣльными отъ суда особыми засѣдателями (Основ. Положенія отеч. Уст. Уг. Суд. 1862 г. ст. 10), а не коронными судьями. Затѣмъ, такъ какъ учрежденіе присяжныхъ не упраздняетъ коллегіи коронныхъ судей, а, напротивъ, предполагаетъ таковую, то условіе знакомства съ письменнымъ производствомъ со стороны предсѣдательствующаго судьи никакъ не можетъ быть отрицаемо, какъ совершенно необходимое для руководительства процессуальными дѣйствіями. Значитъ, только въ судѣ присяжныхъ примиряются требованіе знанія судьей результатовъ предшествующаго стадія процесса и требованіе полнѣйшаго господства устности. Указаніе Ферри, что законъ по части устности не дѣлаетъ различія между коронными и народными судьями, конечно, вѣрно, съ формальной стороны, но не вѣрно по существу. И, въ самомъ дѣлѣ, распространяя начало устности одинаково на дѣла, разсматриваемыя какъ тѣми, такъ и другими судьями, законъ не могъ устранить внутренняго различія относительно степени осуществленія устности, вытекающаго изъ процессуальной при-

---

[76]) Sul giuri, ad occasione delle recenti discussioni dei giuristi Svizzeri (Rivista penale XV стр. 332 и слѣд.).

роды институтовъ коронныхъ, съ одной, народныхъ судей съ другой [77]).

Возраженія Ферри противъ суда присяжныхъ, выводимыя изъ условій отправленія обязанности присяжнаго: принадлежности къ народу и указанія жребья, устраняются въ виду существующихъ въ разныхъ законодательствахъ пріемовъ призванія къ этой должности наиболѣе способныхъ членовъ общества на основаніи предварительно составляемыхъ и подвергающихся многократнымъ мѣрамъ очищенія списковъ [78]). Такимъ образомъ, присяжные вовсе не выходятъ изъ разношерстной толпы, какъ это утверждаетъ Итальянскій авторъ, и если постановленія законодательства по этому предмету оставляютъ желать многого, то во всякомъ случаѣ нельзя ставить указаннаго обстоятельства въ вину институту суда присяжныхъ. Еще менѣе удачною слѣдуетъ признать ссылку Ферри на мнимый психологическій законъ, по которому совокупность недѣлимыхъ обращаетъ во зло хорошія качества отдѣльныхъ лицъ, ссылку, которая указываетъ на сходное будто бы химическое явленіе и должно служить лишнимъ аргументомъ противъ суда присяжныхъ. Замѣчаніе Ферри идетъ гораздо далѣе суда при-

---

[77]) Въ сказанномъ легко убѣдиться, если взять напр. статьи нашего Устава 626 и 627 объ изъятіяхъ изъ начала устности. Онѣ одинаково обязательны для суда, разсматривающаго дѣла какъ съ участіемъ, такъ и безъ участія присяжныхъ. Но тогда, какъ присяжные на основаніи указанныхъ статей не узнаютъ показаній свидѣтелей, данныхъ при предварительномъ слѣдствіи, внѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ этими статьями, этого нельзя никакъ сказать о судьяхъ, въ рукахъ которыхъ слѣдственное производство. Ср. дѣло Кейкубатъ Мирзы въ Сенатѣ, рѣчь г-на Спасовича въ Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права Январь 1890 года.

[78]) Стремленіе привлечь наиболѣе способные умственно и нравственно элементы общества къ отправленію званія присяжнаго ведетъ въ нѣкоторыхъ законодательствахъ къ установленію категорій способностей (capacità). Такъ въ Итальянскомъ законѣ 1874 года такихъ категорій существуетъ не менѣе 23-хъ. Испанскій законъ о судѣ присяжныхъ 30 Апрѣля 1888 года, въ числѣ условій для отправленія званія присяжнаго, помѣщаетъ на ряду съ положеніемъ полноправнаго домохозяина въ общинѣ—еще профессіональное или академическое званіе, участіе въ мѣстномъ самоуправленіи, а равно въ законодательныхъ камерахъ и прохожденіе въ прошедшемъ воинской службы.

сяжныхъ, оно доказываетъ слишкомъ много, а именно негодность и нежелательность какихъ бы то ни было коллегій, собраній, союзовъ. Но изъ того, что исторія знаетъ примѣры такихъ коллегій, какъ длинный парламентъ, революціонные трибуналы или Наполеоновскія смѣшанныя коммиссіи, никто не станетъ отвергать коллегіальнаго устройства судебныхъ, административныхъ и законодательныхъ учрежденій. Къ тому же, какъ вѣрно замѣчаетъ Луккини [79]), ссылка на поговорку, Senatores—boni viri Senatus mala bestia, и на народныя примѣты относительно нѣкоторыхъ сословій, доказываютъ совершенно противное, а именно недостатки, присущіе не разнороднымъ по составу, а однороднымъ коллегіямъ— коллегіямъ, гдѣ существуетъ ésprit de corps, гдѣ члены склонны сообразоваться въ своихъ рѣшеніяхъ съ личными отношеніями, установившимися обычаями, сложившимся предубѣжденіемъ и т. д. Но именно отсутствіе такихъ недостатковъ и ставится въ достоинство коллегіи присяжныхъ, коллегіи временной, гдѣ ничего подобнаго встрѣчаться не можетъ. Къ тому же, полемизируя противъ суда присяжныхъ на основаніи весьма шаткаго, во всякомъ случаѣ, психологическаго закона, Ферри забываетъ высокое значеніе многочисленности составляющихъ коллегію присяжныхъ членовъ, въ смыслѣ гарантіи правдивости судейскаго убѣжденія. Извѣстно, что психологическій фактъ составленія убѣжденія покоится не на однихъ объективныхъ основахъ, а также и на субъективныхъ различіяхъ воззрѣній лицъ судящихъ. Эти различія могутъ вносить элементъ, ослабляющій значеніе объективныхъ данныхъ. Средствомъ для ослабленія этого недостатка, для уравненія этихъ различій, служитъ многочисленная коллегія: „Чѣмъ болѣе лицъ убѣждаются извѣстными доказательствами, тѣмъ вѣроятнѣе, что эти доказательства покоятся на основаніяхъ не личнаго, а вещнаго свойства, чѣмъ больше лицъ устраняютъ значеніе какого либо воз-

---

[79]) Lucchini J. Semplicist: „E quindi i nostri contradittori si sarebbero dati precisamente la zappa sui piedi C. XI, Il processo стр. 262.

никшаго въ дѣлѣ сомнѣнія, тѣмъ менѣе значенія можно придавать этому сомнѣнію. Поэтому, значительное усиленіе числа судей составляетъ единственную гарантію, могущую служить замѣной теоріи доказательствъ, а такое значительное умноженіе судей можетъ быть достигнуто лишь въ видѣ суда присяжныхъ [80]).

Конечно норма науки, какъ говоритъ Ферри, недоступна присяжнымъ. Но о какой наукѣ можетъ идти рѣчь? Если о наукѣ уголовной антропологіи, выращенной въ лабораторіи Ломброзо, то, конечно, большая часть выводовъ этой науки разобьется о здравый смыслъ народныхъ судей, подобно тому, какъ она встрѣчаетъ совершенное справедливое недовѣріе юристовъ [81]), т. е. коронныхъ судей. Что касается до судебной медицины, то уголовные процессы разныхъ странъ удостовѣряютъ, что присяжные способны слѣдить за медицинской экспертизой и хорошо оцѣнивать ея результаты. Если имѣть въ виду юридическую науку, то, конечно, ея носителями могутъ быть коронные судьи и научно образованные представители сторонъ. Но уголовный процессъ предполагаетъ дѣятельное участіе и, слѣдовательно, дѣйствительное содѣйствіе присяжнымъ со стороны носителей этого научнаго элемента, и тамъ, гдѣ таковыя лица стоятъ на высотѣ своего призванія, юридическая сторона судебнаго дѣла, по опыту, весьма хорошо усвоивается присяжными.

Точно также невѣрны и соображенія, почерпаемыя изъ психологіи. Присяжнымъ ставится въ упрекъ, что они обращаютъ вниманіе только на факты, тогда какъ наука знаетъ только законы.

---

[80]) Glaser, Die Schwurgerichtsfrage in Oesterreich стр. 81, курсивъ въ подлинникѣ.

[81]) Ср. слова доктора Бенедикта на Парижскомъ конгрессѣ уголовной антропологіи относительно антропологическихъ клеймъ: Les juristes ont bien raison de se méfier des présents que vous leur faites, vous ne leur apportez que des présomptions: Congrés d'anthropologie criminelle de Paris въ Archives Лакасання и Гарро 1889 г. стр. 555. Въ Actes Парижскаго Конгресса 1890 г. эти слова Бенедикта почему то опущены.

Прежде всего Ферри допускаетъ странное смѣшеніе научнаго и судебнаго изслѣдованія. Если научное изслѣдованіе ищетъ научныхъ законовъ, управляющихъ фактами, то судебное изслѣдованіе ищетъ фактовъ и стремится опредѣлить ихъ съ точки зрѣнія государственнаго закона. Нѣтъ сомнѣнія, что судебное изслѣдованіе пользуется открытыми наукой законами, но такіе законы для него являются помощью для достиженія матеріальной истины, установленія существенныхъ для права фактовъ. Упрекать присяжныхъ за то, что „здравому смыслу не доступно изслѣдованіе скрытыхъ связей, путемъ которыхъ разнообразные факты сплетаются въ общій законъ", какъ это дѣлаетъ Ферри, это ставить присяжнымъ такія задачи, которыя не входятъ въ составъ обязанностей не только народныхъ, но и никакихъ судей. Достоинство суда присяжныхъ именно видятъ и справедливо въ способности вносить конкретную и реальную оцѣнку въ свои сужденія, замѣнять абстрактное воззрѣніе нагляднымъ, а Ферри какъ разъ повидимому требуетъ обобщеній, которыя неумѣстны въ дѣлѣ отправленія правосудія судомъ присяжныхъ. Что, если бы присяжные захотѣли возводить разнообразныя клейма тѣлеснаго облика преступника въ силу скрытыхъ, но тѣмъ не менѣе несомнѣнныхъ связей, къ преступному типу и на основаніи такого общаго закона рѣшать вопросъ о винѣ, помимо другихъ болѣе грубыхъ, но болѣе надежныхъ фактовъ? Къ тому же этотъ упрекъ, что присяжные не идутъ далѣе фактовъ не сходится съ утвержденіемъ, сдѣланнымъ ранѣе самимъ Ферри относительно склонности присяжныхъ къ исправленію закона, этотъ упрекъ въ противорѣчіи съ другими упреками, напр. что присяжные слишкомъ часто отдаются состраданію. Это послѣднее указаніе объясняется явленіемъ, подмѣченнымъ Гольцендорфомъ, что присяжные въ оцѣнкѣ вины подсудимаго руководствуются преимущественно нравственными мотивами его дѣянія. Но если это несомнѣнно вѣрно, если присяжныхъ упрекаютъ за оправданія при доказанности фактовъ обвиненія, при полномъ сознаніи подсудимаго, то нельзя же говорить, что голый фактъ единственный предметъ обсужденія

присяжныхъ. Когда Ферри, далѣе, ссылается по части научныхъ искаженій въ судѣ присяжныхъ на понятіе o forza irresistibile, то онъ забываетъ, что это понятіе представляется крайне неудачнымъ, что оно въ настоящее время вслѣдствіе его туманности и шаткости исключено изъ новаго Итальянскаго уголовнаго уложенія.

Приходится обратиться къ разсмотрѣнію послѣднихъ аргументовъ, приводимыхъ Ферри противъ суда присяжныхъ, „аргументовъ наиболѣе оригинальныхъ, соціологическихъ и позитивныхъ по преимуществу, сбереженныхъ къ концу: in cauda venenum [82]).

Читатель видитъ передъ собою собраніе общихъ мѣстъ, крайне туманныхъ и отдаленныхъ аналогій, совершенно произвольное распоряженіе терминами, которые по своей общности и неопредѣленности, разумѣется развязываютъ руки и даютъ возможность приходить къ какому угодно результату, при произвольномъ комбинированіи фактовъ. И въ самомъ дѣлѣ, чего только нѣтъ въ этихъ аргументахъ противъ суда присяжныхъ: и законъ естественнаго подбора, и органическія силы, и атрофія органовъ, эволюція, интеграція и дезинтеграція, причемъ вся природа съ растительнымъ и животнымъ царствомъ привлекается въ качествѣ обличающаго свидѣтеля противъ суда присяжныхъ. Въ концѣ концовъ вся эта комбинація психо-соціолого-біологическихъ доводовъ приводитъ къ тому, что судъ присяжныхъ былъ заимствованъ изъ Англіи, не имѣя никакой опоры въ исторической жизни Европейскаго материка, и что судъ присяжныхъ, подобно такимъ явленіямъ разложенія, какъ революція или болѣзнь, грозитъ разложеніемъ судебнаго организма.

Что касается до перваго положенія, то, во первыхъ, Ферри вычеркиваетъ почеркомъ пера всѣ тѣ явленія и примѣры народной юстиціи, которые, начиная съ Грековъ и Римлянъ, являются чуть не у каждаго народа въ средніе вѣка, вслѣдствіе чего изслѣдователи суда присяжныхъ выводятъ его первые зачатки то изъ

---

[82]) Lucchini указ. соч. глава VI стр. 263.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 25.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литог. М. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1892.

Печатано по определенію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 25-го Юридической Библіографіи.

I. *Л. Лопатинъ:* „Положительныя задачи философіи". Часть вторая. Законъ причинной связи, какъ основа умозрительнаго знанія дѣйствительности. Москва, 1891, 391 стр.

Авторъ этого сочиненія—одинъ изъ талантливыхъ представителей того философскаго направленія въ средѣ нашихъ ученыхъ, взгляды котораго нашли выраженіе въ недавно появившемся журналѣ: „Вопросы философіи и психологіи". Это научное направленіе поставило себѣ задачей противостоять излишнему и неоправдываемому фактами увлеченію позитивизмомъ и доказать необходимость метафизическаго міровоззрѣнія при пріобрѣтеніи познаній и въ практической жизни. Отсюда можно видѣть, на сколько важно спеціальное изслѣдованіе по этому вопросу, отъ того или другаго разрѣшенія котораго зависитъ не только весь дальнѣйшій ходъ развитія науки, но и самыя важныя цѣли практической жизни. Въ особенности интересна въ этомъ послѣднемъ отношеніи вторая половина названнаго сочиненія проф. Лопатина, гдѣ затрогивается вопросъ о дѣйствіи закона причинности въ области психическихъ явленій, нравственной и юридической жизни человѣческой личности. Но въ томъ же изслѣдованіи мы находимъ много интересныхъ данныхъ чисто теоретическаго характера. Мы изложимъ сначала общія философскія воззрѣнія Лопатина и взгляды автора на законъ причинности, какъ „основу умозрительнаго знанія дѣйствительности", а затѣмъ остановимся на воззрѣніяхъ Лопатина на свободу воли, представляющихъ собою большой интересъ для разрѣшенія этой важной психологической проблеммы, которая тѣсно соприкасается и съ сферой науки о правѣ. Вторая часть изслѣдованія Лопатина имѣетъ тѣсную связь съ первой его частью, гдѣ авторъ старается

доказать „субъективную необходимость метафизики для человѣческаго разума,—немыслимость науки, достойной этого имени, безъ умозрительной философіи“ 1). Лопатинъ отказывается отъ мысли понимать метафизику въ „въ односторонне-раціоналистическомъ смыслѣ“: по его взгляду, „умозрительная философія есть знаніе дѣйствительнаго міра въ его общихъ свойствахъ,—дѣйствительныхъ вещей въ ихъ началахъ и конечномъ назначеніи 2). Метафизика составляетъ „совершенно неустранимый, основной элементъ общей системы научныхъ познаній“. Апріористическія, метафизическія понятія встрѣчаются при нашихъ обыденныхъ сужденіяхъ; безъ нихъ немыслимы всѣ человѣческія познанія о внѣшнемъ, реальномъ мірѣ. Лучшее подтвержденіе этому взгляду даютъ такъ называемыя опытныя науки, гдѣ употребляются постоянно такія въ высшей степени отвлеченныя понятія, какъ—неизмѣнность и всеобщность законовъ природы, абсолютная неистребимость вещества, сохраненіе энергіи, непроницаемость матеріи и т. д. Физикъ вѣритъ во всѣ эти истины, которыя не допускаютъ на самомъ дѣлѣ опытной повѣрки и доказательства. Такъ, заключаетъ Лопатинъ, „всякое міросозерцаніе, выражающее какое-нибудь положительное пониманіе реальной дѣйствительности, непремѣнно содержитъ въ себѣ умозрительные элементы и въ общихъ основаніяхъ должно выростать на метафизической почвѣ“ 3). Эта истина на признается, однако, представителями современнаго опытнаго направленія въ наукѣ, которые относятся недовѣрчиво къ метафизикѣ въ виду прошлыхъ, многочисленныхъ и неудачныхъ научныхъ попытокъ умозрительной философіи, которая исходила въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ взгляда на контрастъ духа и матеріи и законовъ психической и матеріальной жизни.

Но современное философское (опытное) міровоззрѣніе, сливающееся съ ученіемъ матеріалистовъ, не можетъ, продолжаетъ Ло-

---

1) Л. Лопатинъ: «Положительныя задачи философіи». Часть первая. Область умозрительныхъ вопросовъ. Москва, 1886, 290 стр.

2—3) Лопатинъ, ibidem, и 2 часть сочиненія, 1—3 стр. введенія.

патинъ, удовлетворять запросамъ ума и сердца. Оно представляетъ собою крайнюю противоположность тому, во что люди вѣрили прежде и чѣмъ они жили. Что ранѣе признавалось существеннымъ и кореннымъ, теперь стало второстепеннымъ. Отъ идей о духовномъ бытіи вообще, о божествѣ, о человѣческой личности въ современной позитивной наукѣ и даже отвлеченной философіи Канта почти ничего не осталось. Вся психическая жизнь признается результатомъ сложныхъ матеріальныхъ процессовъ. Сообразно съ такимъ взглядомъ понятіе о Божествѣ, какъ живомъ и творчески-дѣятельномъ существѣ, замѣнилось въ разнообразныхъ философскихъ системахъ XIX ст. представленіемъ объ идеѣ о живомъ абсолютномъ началѣ вещей, какъ неизбѣжной иллюзіи разума Отвергается также рѣшительно всякая мысль о человѣческой волѣ, какъ дѣйствительной причинѣ дѣйствій человѣка и его отвѣтственности за свои поступки. Для современнаго научнаго міровоззрѣнія наше *я* —лишь наше представленіе, образующееся путемъ опыта, наша индивидуальная самобытность—иллюзія, наши поступки—только слѣдствіе перевѣса сильнѣйшихъ мотивовъ надъ слабѣйшими. Вся наша духовная жизнь—сложный механическій процессъ. Но признавая за послѣднее слово науки всѣ эти взгляды, мы въ тоже время при разрѣшеніи важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ поневолѣ возвращаемся къ традиціонному міровоззрѣнію, которое одно въ состояніи разрѣшить могучіе и неотвязные вопросы нравственной жизни человѣка. Такъ всякій человѣкъ рано или поздо долженъ остановиться предъ важнымъ вопросомъ о жизни и смерти. Каждый изъ насъ испытывалъ гамлетовскій страхъ предъ тѣмъ, что ожидаетъ насъ за гробомъ. Между тѣмъ, натуралистическая философія не признаетъ совсѣмъ необходимости въ разрѣшеніи этого вопроса: она смотритъ на жизнь только, какъ на случайную форму механическаго процесса, и смерть, какъ ея естественное прекращеніе, за которымъ нельзя ожидать какой-то особенной, загробной жизни. Человѣкъ, далѣе, имѣетъ неудержимую потребность вѣрить въ внутреннюю осмысленность своей жизни, которая въ его глазахъ имѣетъ законченный нравственный смыслъ. Каждый изъ насъ убѣжденъ, что въ своей дѣятельности онъ со-

дѣйствуетъ общему прогрессу цивилизаціи общества, что въ исторіи послѣдняго послѣ продолжительнаго періода борьбы со зломъ всякаго рода наступаетъ эра торжества справедливости и разума. Но современное научное міровоззрѣніе идетъ въ разрѣзъ съ этой вѣрой человѣка въ нравственный порядокъ въ мірѣ. То, что нашему нравственному чувству представляется слѣпымъ, возмутительнымъ случаемъ съ точки зрѣнія механическихъ законовъ, господствующихъ надъ всѣми событіями міра, является безусловной необходимостью и единственнымъ оправданіемъ совершавшигося, и, наоборотъ, всякая нравственная осмысленность существованія оказывается только случайностью. Современный натурализмъ смотритъ на нравственную правду въ жизни, какъ на счастливую случайность, на безобразное и повидимому случайное въ ней, какъ необходимое порожденіе законовъ, ею движущихъ Съ его точки зрѣнія вся исторія человѣчества съ ея прогрессомъ и борьбою, съ наполняющими ее кровавыми ужасами и великодушными вспышками героизма и самопожертвованія есть не болѣе, какъ кратковременный этапъ на пути ко всемірной смерти.

Наконецъ, современный натурализмъ относится отрицательно къ практическимъ вопросамъ о добрѣ и злѣ и нашемъ нравственномъ воздѣйствіи на окружающій міръ, рѣшеніе которыхъ такъ важно для нашей нравственной дѣятельности, оцѣнки своихъ и чужихъ поступковъ. Мы убѣждены въ томъ, что въ основаніи всѣхъ нашихъ стремленій и усилій лежитъ наша собственная инниціатива, что въ нашихъ дѣйствіяхъ отражается самостоятельность нашей нравственной личности. Разъ человѣкъ признаетъ, что онъ самъ собственною дѣятельностью не въ состояніи измѣнить ничего ни внѣ, ни внутри себя, онъ долженъ примириться съ фаталистическимъ взглядомъ, принимаемымъ современной научной философіей. Послѣдняя видитъ въ каждомъ актѣ нашего сознанія, рѣшеніи нашей воли выраженіе механическаго закона сохраненія энергіи; вся душевная жизнь съ точки зрѣнія этого взгляда—только обманчивое повтореніе механически—необходимаго сцѣпленія движеній. Наша воля лишь безсильный привѣсокъ къ стихійному и слѣпому теченію природ-

ныхъ перемѣнъ. Человѣческая личность сама собою не можетъ даже и вырваться изъ безпощаднаго потока стихійныхъ образованій; она должна покорно дожидаться, когда механизмъ природы придетъ къ ней на помощь и разобьетъ ея существованіе. Міръ, эстетически и нравственно безсмысленный, и человѣкъ, почему-то страдающій отъ этого безсмыслія и, однако, самъ представляющій только эфемерную форму безцѣльнаго взаимнаго перепталкиванія физическихъ атомовъ—таковъ окончательный результатъ механической философіи. Въ ней нѣтъ мѣста рѣчи о могуществѣ въ человѣческой жизни законовъ добра, о святости идеаловъ, о нравственномъ достоинствѣ человѣчества. Дѣло нисколько не измѣняется отъ примирительной попытки феноменалистической философіи представить всю духовную жизнь человѣка произведеніемъ человѣческаго разума. Эта философія на самомъ дѣлѣ стремится сохранить тоже натуралистическое пониманіе міра, но думаетъ достигнуть этого отрицаніемъ того, что ему даетъ его законченность и внутреннюю цѣлостность. Натуралистическое пониманіе природы при всемъ его мертвенности и безотрадности отличается, по крайней мѣрѣ, простотою, единствомъ, строгою послѣдовательностью и универсальностью своего принципа. Между тѣмъ, того же нельзя сказать о феноменализмѣ, въ особенности же эмпирическомъ. Главное основаніе эмпирическихъ доказательствъ для всеобщихъ истинъ—аксіома безусловнаго единообразія явленій природы—не можетъ быть доказано логически: трудно понять, составляетъ ли эта аксіома индуктивное обобщеніе изъ опыта, или она возникаетъ въ насъ въ силу особеннаго психологическаго процесса. Не разрѣшаетъ всѣхъ сомнѣній и не даетъ точныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ на всѣ вопросы и кантіанскій феноменализмъ. Положимъ, Кантъ и его послѣдователи признаютъ безусловное господство всеобщихъ законовъ надъ познаваемымъ міромъ, причемъ подчиненность его однообразнымъ законамъ отождествляется съ принадлежностью къ феноменальному міру: источникъ неизмѣнныхъ свойствъ и отношеній въ міровыхъ явленіяхъ кроется въ апріорныхъ формахъ нашей познавательной дѣятельности. Но признаваемый Кантомъ фактъ совершен-

наго совпаденія между априористическими требованіями нашего разума и всѣмъ содержаніемъ эмпирическаго матеріала представляется въ его философіи трудно разрѣшимою проблеммою.

Но помимо различія между двумя формами современнаго феноменализма въ самой его сущности заключается рѣзкое и ничѣмъ неустранимое противорѣчіе. Его теорія основывается на двухъ совершенно противоположныхъ и исключающихъ другъ друга положеніяхъ: 1) матерія есть явленіе сознанія, 2) сознаніе есть явленіе матеріи. Феноменализмъ доказываетъ въ одно и тоже время совершенную условность, относительность всѣхъ нашихъ представленій о мірѣ и происхожденіе сознанія изъ условій, осложняющихся матеріальныхъ процессовъ въ органическихъ существахъ, смѣшиваетъ причину съ слѣдствіемъ. Провозглашая абсолютную непознаваемость подлинной сущности міра (вещей въ себѣ), феноменализмъ признаетъ въ физической природѣ и въ психической жизни двѣ параллельныя группы, отраженіе единаго реальнаго процесса въ сверхэмпирической основѣ. Такъ философы, враждующіе съ метафизикой, сами оказываются метафизиками, несравненно болѣе отвлеченными и темными, чѣмъ тѣ, на кого они такъ ожесточенно нападаютъ. Феноменалистическое ученіе, похожее по своей дисгармоніи между исходной точкой зрѣнія и результатами на остроумную игру въ парадоксы, очевидно, не можетъ сдѣлаться теоріей, примиряющей крайности мышленія,—метафизическаго и эмпирическаго. Появленіе такой доктрины указываетъ только на то, что европейская мысль теперь переживаетъ одинъ изъ самыхъ болѣзненныхъ и тяжелыхъ кризисовъ за всю свою исторію, который распространяется на весь жизненный строй, охватываетъ собою и теоретическое и практическое міросозерцаніе современнаго человѣчества. Ближайшее основаніе этого кризиса лежитъ въ томъ непримиримомъ разладѣ мысли и жизни, который составляетъ глубочайшую черту современности. Философское міровоззрѣніе пренебрежительно игнорируетъ именно тѣ задачи, которыя представляютъ наибольшій интересъ для живаго сознанія и практической жизни. Но защитники старины не правы, когда они осуждаютъ современную философію за ея безнрав-

ственность, за ея принципіальное безбожіе, злонамѣренность ея отрицанія. Возникновеніе и развитіе натурализма въ европейской философіи не было случайнымъ явленіемъ. Оно было, наоборотъ, результатомъ огромнаго переворота въ умственной жизни европейскаго общества, его протеста противъ исключительныхъ, односторонныхъ и отвлеченныхъ принциповъ средневѣковой схоластики и нетерпимости средневѣковаго же католичества съ его узко-утилитарными цѣлями. Натурализмъ явился выраженіемъ настоятельной потребности въ живомъ и свободномъ знаніи. Какъ историческая неизбѣжность, онъ восторжествовалъ въ лицѣ своихъ геніальныхъ и ложныхъ представителей надъ устарѣлымъ метафизическимъ направленіемъ. Но натурализмъ — не послѣднее слово науки въ развитіи умственной жизни общества. Въ настоящее время живѣе, чѣмъ когда-нибудь, стоятъ предъ философскимъ сознаніемъ вопросы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ міросозерцаніе каждаго мыслящаго человѣка: точно ли проблемма человѣческаго познанія разрѣшена навсегда, возможно ли знаніе не условное, а объективное, состоящее изъ положительныхъ началъ, умозрительныхъ истинъ о дѣйствительномъ мірѣ? Отвѣтить на оба эти важные вопросы Лопатинъ ставитъ задачей послѣдующаго изложенія своего сочиненія (1—26 стр. введенія).

Въ первой главѣ своего сочиненія („Истины идеальныя и фактическія") Лопатинъ называетъ переживаемый нами періодъ философіи скептическимъ попреимуществу. Философія, впрочемъ, должна исходить изъ сомнѣнія во всемъ, что не доказано и не имѣетъ прямой очевидности. Это требованіе Декарта навсегда сохраняетъ для нея свою силу. Но философія имѣетъ дѣло не съ тѣмъ сомнѣніемъ, которое отвергаетъ всякую дѣятельность мысли, а только съ тѣмъ, при которомъ отрицаніе основывается на чисто логическихъ соображеніяхъ. Послѣдняго рода сомнѣніе является даже необходимымъ въ философіи: разумъ долженъ оправдать себя предъ самимъ собою для того, чтобы продукты его творчества получили настоящую логическую цѣну. Разсматривая различные виды сужденій, авторъ останавливается, прежде всего, на наиболѣе распространенной въ наше время эмпирической те-

оріи познанія. По взгляду представителей этой теоріи (Д. С. Милля и др.) опытъ—единственный источникъ достовѣрности всѣхъ нашихъ познаній о міровыхъ явленіяхъ, которыя намъ доступны только въ ихъ внѣшней послѣдовательности и сосуществованіи или совмѣстности. Это ученіе заранѣе признаетъ истиннымъ то, что оно пытается обосновать. Можно спросить, нашъ умъ при образованіи сужденій о вещахъ не вноситъ ли чего-либо отъ себя въ получаемыя отвнѣ впечатлѣнія, не есть ли наше сужденіе о вещахъ что-либо отличное отъ воспоминанія—простаго повторенія пережитыхъ ощущеній? Сужденіе появляется только тогда, когда мы утверждаемъ что-либо о чемъ-либо, приписываемъ предмету признакъ, существующій только въ немъ и для него. Дѣйствіемъ нашей мысли разнообразный міръ ощущеніи, единственно обладающій въ чувственномъ опытѣ полною реальностью и конкретною самостоятельностью, превращается въ относительное, по себѣ нереальное (тѣ или другія свойства предмета, немыслимыя безъ него); а что не можетъ быть воспринято изъ опыта—предметъ, какъ объективный носитель чувственныхъ свойствъ, полагается, какъ настоящая дѣйствительность. Сужденіе немыслимо безъ различія между предметомъ—объектомъ сужденіе—и его признаками; а этому различію не соотвѣтствуетъ ничто въ ощущеніяхъ, непосредственно воспринимаемыхъ нами изъ опыта. Такъ идеи о вещахъ и ихъ качествахъ являются неустранимыми прибавками къ нашимъ непосредственнымъ ощущеніямъ. *Въ каждомъ сужденіи присутствуютъ элементы безусловно невообразимые (конкретно непредставляемые), сужденія даже чрезъ нихъ только и получаютъ характеръ сужденій*—это положеніе составляетъ аксіому научной психологіи ума.

Въ содержаніи нашихъ образовъ внѣшнихъ предметовъ мысль сосредоточивается на однѣхъ сторонахъ его, игнорируетъ другія и тѣмъ порождаетъ идеи признаковъ. Въ этомъ сосредоточеніи усвояющей мыслительной силы и состоитъ способность отвлеченія, которая является кореннымъ двигателемъ всѣхъ нашихъ сужденій. Понятіе вещи также, какъ идея о ея свойствахъ и приз-

накахъ, суть произведенія нашего ума и не воспринимаются прямо изъ опыта. И чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ обобщеній, тѣмъ больше значенія получаютъ въ сужденіяхъ чисто умопостигаемые элементы нашего мышленія, пока, наконецъ, связь между воспроизведеніемъ нашихъ сужденій и подлиннымъ содержаніемъ утвержденій разума не потеряется совсѣмъ. Такъ, заключаетъ Лопатинъ, содержаніе процессовъ нашего ума не исчерпывается простымъ повтореніемъ воспріятій опыта по законамъ ассоціаціи; въ каждомъ нашемъ сужденіи непремѣнно присутствуютъ небывшіе въ опытѣ элементы, существованіе которыхъ находится въ тѣсной связи съ активной способностью нашей мысли различно сосредоточиваться на ея содержаніи. Источникомъ внутренней разумности нашихъ познавательныхъ операцій является присущая нашему духу сила *вниманія*, въ актахъ котораго мы получаемъ рядъ феноменовъ, для которыхъ не существуетъ подлинной аналогіи ни въ какихъ внѣшнихъ механическихъ отношеніяхъ. Вниманіе является въ процессѣ нашего мышленія раздѣляющею силой. Посредствомъ него наша мысль выдѣляетъ въ одну группу одинаковыя свойства предметовъ и отдѣляетъ отъ нихъ различные признаки. Путемъ вниманія мы усматриваемъ въ объектахъ ихъ чисто идеальныя опредѣленія, неданныя прямо въ чувственномъ воспріятіи. Раздѣленіе же, лежащее въ основѣ актовъ отвлеченія, какъ неустранимый моментъ всѣхъ нашихъ сужденій, есть дѣйствіе чисто идеальное, состоящее въ сосредоточеніи нашей усвояющей мысли на томъ, что само обладаетъ лишь идеальнымъ существованіемъ и что не имѣетъ никакого нагляднаго образа. Но, быть можетъ, идеальныя опредѣленія не содержатся въ самихъ предметахъ или впечатлѣніяхъ отъ нихъ, а суть просто прирожденныя нашему разуму, субъективныя формы познанія, какъ это утверждаетъ Кантъ? Однако, ученіе о всеобщихъ опредѣленіяхъ разума, какъ его чисто субъективныхъ углахъ зрѣнія на дѣйствительность, находится въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ очень важными утвержденіями теоріи самого же Канта. Такъ признаніе количественныхъ опредѣленій за выраженіе апріорной формы разсудка не вяжется съ

ученіемъ о пространствѣ и времени, какъ о трансцедентальныхъ формахъ чувственности: и то, и другое предполагаетъ количественныя отношенія уже содержащимися въ чувственномъ впечатлѣніи въ качествѣ объекта обсужденія разсудка, которому поэтому время и пространство не прирождены. Есть рѣзкое противорѣчіе и въ пониманіи Кантомъ закона причинности съ его представленіями о матеріалѣ нашего познанія. Законъ причинности, по его взгляду, не есть свойство, принадлежащее всему дѣйствительному міру независимо отъ разсудка: этотъ законъ только нашъ способъ познавать явленія. Между тѣмъ, матеріалъ для нашего познанія даютъ предметы, существующіе внѣ насъ, — „вещи въ себѣ“. Наконецъ, противорѣчитъ взглядъ Канта на наши умозрительныя идеи о Богѣ, свободѣ и безсмертіи души, какъ нереальныя, недопускающія доказательства, съ его же воззрѣніемъ на нихъ, какъ необходимыя въ практической жизни. Но, и помимо этихъ противорѣчій во взглядахъ Канта, предположеніе о чисто субъективной природѣ всѣхъ отвлеченно мыслимыхъ опредѣленій вещи невозможно: при этой гипотезѣ мы не можемъ мыслить о дѣйствительномъ мірѣ, какъ онъ существуетъ внѣ нашего сознанія. Въ тотъ моментъ, когда онъ становится предметомъ нашего мышленія, онъ превращается въ наше субъективное понятіе. Слѣдовательно, гипотеза чистой субъективности разума абсолютно *немыслима* по своимъ кореннымъ требованіямъ. Такимъ образомъ, идеальныя опредѣленія познаваемыхъ вещей не составляютъ чисто субъективнаго достоянія нашего мышленія. Хотя основныя между ними предуготовлены внутреннимъ строеніемъ нашего ума, однако, мы должны признать, что они находятъ себѣ дѣйствительное соотвѣтствіе въ познаваемыхъ объектахъ и только чрезъ такой фактъ соотвѣтствія становятся содержаніемъ познанія. Идеальныя опредѣленія всегда существовали въ мірѣ, но они могли быть выдѣлены изъ него только съ возникновеніемъ познающаго разума.

Въ итогѣ всего сказаннаго авторомъ о познавательной дѣятельности человѣческаго ума получается тотъ выводъ, что первое общее ея условіе состоитъ въ постоянномъ присутствіи нѣкоторыхъ

чисто волевыхъ актовъ, безъ которыхъ всякій процессъ мысли неизбѣжно превращается въ безотчетныя грезы воображенія. Эти акты, при которыхъ наша мысль сосредоточивается на различныхъ элементахъ ея содержанія, могутъ быть названы *творческими*: идеи, составляемыя нами о предметахъ, не содержатся въ нихъ прямо, а составляются путемъ нашего внутренняго усилія. Руководящимъ принципомъ, благодаря которому связываются между собою идеи о вещахъ и воспріятія вещей, является непосредственная *очевидность* утверждаемыхъ отношеній, уразумѣніе внутренняго единства въ вещи элемента идеальнаго и реальнаго, внутренней неизбѣжности признаваемыхъ идеальныхъ отношеній. Но если это вѣрно, то какъ возможны ошибки въ нашихъ сужденіяхъ? Первая ихъ субъективная причина кроется въ злоупотребленіи воли, вторая—неясности нашихъ понятій и въ ихъ случайной субъективной окраскѣ. Объективный же источникъ нашихъ заблужденій заключается въ томъ, что всякая усматриваемая нами очевидность относится только къ идеямъ о предметахъ, а мы произносимъ сужденія о самыхъ предметахъ, какъ они существуютъ помимо идей. Очевидность въ такомъ только случаѣ можетъ служить дѣйствительнымъ ручательствомъ за объективную достовѣрность нашихъ сужденій, когда полная соотвѣтственность нашихъ идей и какой-нибудь реальности стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но, съ другой стороны, очевидность даетъ безусловное и единственное ручательство за подлинность утверждаемыхъ отношеній между идеями. Отсюда слѣдуетъ, что настоящую безусловность и всеобщность могутъ имѣть только наши *идеальныя* или *идейныя* сужденія. Всѣ наши утвержденія о нашихъ представленіяхъ и понятіяхъ, если только они основаны на дѣйствительномъ усмотрѣніи ихъ содержанія, а не на случайныхъ ассоціаціяхъ или произвольномъ сопоставленіи терминовъ, несопровождаемомъ яснымъ пониманіемъ, тѣмъ самымъ должны выражать истину. Во всѣхъ фактическихъ же (эмпирическихъ) сужденіяхъ безусловная достовѣрность принадлежитъ только нашимъ ощущеніямъ; она не относится къ предметамъ, которые ощущеніе вызываютъ. Фактическимъ ощущеніямъ нельзя приписать и

безусловную всеобщность: во всеобщихъ эмпирическихъ сужденіяхъ отсутствуетъ очевидность *всеобщности* признака ихъ данной последовательности и сосуществованія. Въ жизни нашего собственнаго духа мы имѣемъ неистощимый матеріалъ для сужденій, которыя можно назвать *идеально-реальными*, потому что въ нихъ самоочевиднымъ отношеніямъ сознаваемыхъ фактовъ отвѣчаетъ ихъ самоочевидная реальность (27—54 стр.).

Но прежде, чѣмъ перейти къ рѣшенію вопроса о роли идеальныхъ сужденій въ пріобрѣтеніи человѣческихъ познаній, Лопатинъ останавливается на другой важной проблеммѣ знанія, изслѣдованіе которой можетъ помочь и разрѣшенію всего поставленнаго вопроса. Эта проблемма состоитъ въ вопросѣ о томъ, математическія истины—фактическія или идеальныя? На этотъ вопросъ единодушно отвѣчаютъ три такихъ знаменитыхъ новѣйшихъ философа, какъ Локкъ, Лейбницъ и Юмъ. Первый называетъ познаніе математическихъ истинъ познаніемъ достовѣрнымъ и реальнымъ, но опирающимся исключительно на наши собственныя идеи. Эти идеи существуютъ въ нашемъ умѣ и пораждаютъ всеобщія и достовѣрныя предложенія—вѣчныя истины. Лейбницъ называетъ математ. истины необходимыми, содержащими опредѣляющій смыслъ и регулятивный принципъ реальныхъ существованій и выражающими законы вселенной. Наконецъ, Юмъ видитъ въ истинахъ математики достовѣрныя положенія, открывающіяся чистою дѣятельностью мысли внѣ всякой зависимости отъ какого-нибудь даннаго существованія въ реальномъ мірѣ. Въ математикѣ, добавляетъ самъ Лопатинъ, познаваемый предметъ всецѣло совпадаетъ для нашего ума съ тою идеею, которую мы о немъ имѣемъ. Ученіе о чистой идеальности математическихъ утвержденій мало вяжется съ самыми коренными посылками эмпиризма. Поэтому эмпирическая философія пытается привести математическія истины къ уровню индуктивныхъ обобщеній, которыя съ ея точки зрѣнія представляются единственнымъ источникомъ всякой всеобщности утвержденій человѣческаго знанія. Д. С. Милль видитъ въ математическихъ наукахъ индуктивныя науки и утверждаетъ, что до-

казательства въ математикѣ опираются на опытъ. Какъ и всякое другое индуктивное знаніе, математика имѣетъ дѣло съ явленіями реальнаго опыта. Ея аксіомы суть чисто индуктивныя истины, вызываемыя въ нашемъ умѣ постояннымъ единоообразіемъ наблюденій въ области количественныхъ соотношеній предметовъ. Также и математическія опредѣленія представляютъ собою обобщенія изъ опыта, которыя, притомъ, говоря строго, не суть даже истины: нѣтъ на свѣтѣ ни точекъ безъ протяженія, ни линій безъ ширины, ни круговъ, всѣ радіусы которыхъ были бы совершенно равны. Въ этой теоріи Милля о происхожденіи математическихъ истинъ обойдены искусно самые существенные пункты. Такъ имъ не разрѣшается важный вопросъ о томъ, какъ въ математикѣ актъ прямаго усмотрѣнія или опытъ воображенія можетъ замѣнять опытъ дѣйствительный. Индуктивное происхожденіе математическихъ познаній не доказывается соображеніемъ, что въ математикѣ мы отправляемся отъ наблюденій надъ продуктами воображенія и можемъ ими ограничиться. Возможность въ математическихъ изысканіяхъ сосредоточиваться на умственныхъ построеніяхъ, возмѣщать опытъ реальный опытомъ мысленнымъ служитъ яснымъ доказательствомъ неиндуктивнаго происхожденія математическихъ истинъ. Индуктивныя обобщенія могутъ относиться только къ наблюдаемымъ фактамъ и утверждать ихъ совмѣстность или послѣдовательность. Но математика вовсе не изучаетъ явленій реальнаго міра; она имѣетъ дѣло съ чисто идеальными построеніями, съ недѣйствительными предметами. Математическія науки не имѣютъ въ виду частныхъ явленій въ ихъ непонятной для внѣшняго наблюденія сложности и запутанности; онѣ отправляются отъ предположеній, реальное значеніе которыхъ обладаетъ непосредственною очевидностью. Математика не обращаетъ вниманія на эмпирическую случайность количественныхъ формъ; она творчески строитъ идеальные типы количественныхъ отношеній. Въ математическихъ заключеніяхъ выражаются типичныя отношенія явленій природы по ихъ количественнымъ свойствамъ. Очевидно также и то, что въ математическихъ истинахъ никогда не утверждается послѣдовательность и сосуществованіе явленій, какъ

вообще въ индуктивныхъ наукахъ: онѣ и не имѣютъ дѣла съ явленіями, а съ понятіями. Усвоеніе математическихъ истинъ предваряется неизбѣжно процессами отвлекающей мысли. Опытъ можетъ доставить наглядный матеріалъ для математическихъ построеній, онъ можетъ являться поводомъ для отвлеченнаго усвоенія математическихъ отношеній. Но эти матеріалъ и поводъ разнятся отъ того, что изъ нихъ окончательно слагается, благодаря самобытному творческому воздѣйствію нашего разума. Математическія аксіомы не только нераздѣлимыя ассоціаціи идей; онѣ прежде всего выражаютъ нѣкоторыя сужденія нашего ума съ совершенно опредѣленнымъ содержаніемъ. Подлинный предметъ математики отношенія всеобщихъ количественныхъ свойствъ, которыя выдѣляются только для отвлекающей мысли и сами по себѣ непосредственно никакого матеріала для ассоціацій дать не могутъ. Въ математическихъ аксіомахъ то, что есть результатъ ассоціацій, не утверждается и не выводится, а предполагается неотдѣлимо отъ отвлекающей дѣятельности нашего ума и не можетъ быть объяснено, какъ порожденіе ассоціацій. Во всякой научной гипотезѣ дѣлается наиболѣе вѣроятное объясненіе какой-либо области явленій при данныхъ условіяхъ знанія. Только математика не ищетъ скрытыхъ причинъ какихъ-либо событій дѣйствительности, она изучаетъ идеальныя построенія количественныхъ формъ, взятыя въ ихъ чистотѣ, какъ типичныя отношенія количественныхъ свойствъ реальнаго міра. Ученіе Милля объ опытномъ происхожденіи основныхъ истинъ математики совершенно игнорируетъ этотъ чисто идеальный характеръ математическихъ построеній. Математическія истины не возникаютъ изъ индуктивныхъ обобщеній — ихъ происхожденіе умозрительное, обусловленное творческими построеніями и прямымъ усмотрѣніемъ нашего ума; онѣ не могутъ и видоизмѣняться въ своемъ содержаніи подъ вліяніемъ новыхъ опытовъ. Они утвержденія чисто идеальнаго порядка и въ тоже время обладаютъ безспорнымъ реальнымъ значеніемъ. Математика есть подлинное знаніе объективной дѣйствительности. Великое философское значеніе математическихъ познаній заключается въ томъ, что наша мысль создаетъ идеальныя концепціи

тическихъ законовъ, которые имѣютъ безконечный характеръ; въ нихъ проявляется рельефно вся огромная отвлекающая сила нашего ума, такъ что существованіе математическихъ наукъ представляетъ собою непобѣдимый аргументъ противъ выводовъ индуктивной теоріи познанія (54—79 стр.).

Но имѣемъ ли мы право изъ этого идеальнаго содержанія математики выводить, что метафизика, какъ особая наука, возможна? Лопатинъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ разборомъ взгляда Канта, который относится къ этому вопросу отрицательно, видитъ постоянный источникъ математическихъ истинъ въ чистыхъ формахъ всякихъ чувственныхъ воззрѣній вообще — пространствѣ и времени. Вслѣдствіе этого онѣ должны обладать необходимостью и всеобщностью. Кантъ разсматриваетъ математическія истины, какъ синтетическія сужденія, которыя опираются на указанія опыта. Но различіе и противоположность между синтезомъ и анализомъ составляетъ одно изъ самыхъ шаткихъ положеній въ логикѣ. Аналитическія сужденія, по Канту, объясняютъ содержаніе терминовъ, заключающихся въ нихъ самихъ; синтетическія требуютъ для этого объясненія заимствованія понятій извнѣ (изъ опыта). Но возможно предположить, что какой-нибудь признакъ, хотя и не усматривается въ данномъ мыслимомъ содержаніи сужденія, все-таки, можетъ быть въ немъ найденъ, когда на это содержаніе установленъ соотвѣтствующій уголъ зрѣнія. Такъ именно происходитъ при сужденіяхъ, выражающихъ сравненіе или вообще сопоставленіе между понятіями; при такомъ сужденіи въ него вносятся новые признаки, которые добываются простымъ разсмотрѣніемъ логическаго содержанія понятій. Такъ безъ всякихъ заимствованій понятія изъ опыта сужденіе, аналитическое съ точки зрѣнія Канта, получаетъ характеръ синтетическаго, расширяющаго сужденія. Но кромѣ этого неосновательнаго взгляда Канта на крайнюю противоположность между аналитическими и синтетическими сужденіями невѣренъ и его взглядъ на синтетическое происхожденіе математическихъ истинъ изъ воззрѣній, а не понятій. Понятій, совершенно лишенныхъ всякого воззрительнаго (созерцательнаго) элемента, совсѣмъ нѣтъ. Всѣ сужденія неизбѣжно

подразумѣваютъ нѣчто данное сознанію, т. е. нѣкоторое воззрѣніе, какъ свою исходную точку. Такъ сужденіе „тѣла протяжены“ возможно только при наличности у насъ общаго представленія о тѣлахъ. Теорія Канта вызываетъ и еще особенное возраженіе: если настоящій двигатель математическихъ заключеній въ операціяхъ надъ частными представленіями, заимствуемыми изъ опыта, какъ мыслимы сознаваемыя нами всеобщность и необходимость математическихъ истинъ? Оба эти ихъ признака вытекаютъ, по взгляду Канта, изъ того, что пространство и время суть апріорныя формы нашей чувственности. Лопатинъ считаетъ важнымъ открытіемъ въ философіи ученіе Канта о пространствѣ и времени. Кантъ смѣло провозгласилъ, что пространство и время суть прежде всего сродные духу способы воспринимать реальное, а не абсолютныя качества вещей внѣ насъ Но предполагаемая апріорность пространства и времени не можетъ объяснить достовѣрности, самоочевидности и необходимости математическихъ истинъ. Область предшествующаго опыту простирается гораздо дальше пространства и времени, какъ апріорныхъ, формальныхъ началъ въ пріобрѣтеніи познаній. Апріорный элементъ заключаетъ въ себѣ не только пространство и время, но и тотъ матеріалъ, который вкладывается въ эти формы восприятіями чувственныхъ ощущеній. Основныя различія нашихъ ощущеній выражаютъ означенные способы нашего воспринимающаго существа отвѣчать на внѣшнія побужденія. Объясненія чувственнаго разнообразія воспринимаемыхъ объектовъ нужно искать въ природѣ нашего духа, который именно въ этихъ, а не въ другихъ формахъ реагируетъ на впечатлѣнія извнѣ. Чувственныя качества предметовъ внѣшняго міра представляютъ всецѣлое созданіе духа. Отъ внѣшняго опыта, т. е, отъ законовъ внѣшняго міра можетъ зависѣть только порядокъ появленія ощутимыхъ качествъ. Кантъ не признаетъ такого участія нашего духа въ пріобрѣтеніи познаній, указываетъ на совершенную субъективность ощущеній отдѣльныхъ чувствъ, ихъ различіе у различныхъ людей. Однако, субъективность ощущеній (различныхъ людей) не исключаетъ ихъ однородности. Въ развитіи нашихъ чувственныхъ восприятій вы-

ражаются нѣкоторые общіе законы, которые рѣшительно не позволяютъ видѣть въ матеріалѣ нашего опыта только плодъ чисто субъективнаго произвола. Самоочевидность математическихъ познаній не находится ни въ какой прямой связи съ независимостью пространства и времени отъ опыта. Апріорность чувственныхъ способовъ воспринимать опытный матеріалъ не порождаетъ никакого самоочевиднаго знанія. То обстоятельство, что математическія истины, касающіяся формальныхъ отношеній въ пространствѣ и времени, являются очевидными помимо опыта и его предупреждаютъ, обусловливается не апріорностью способовъ нашего познанія, а исключительно логическимъ содержаніемъ того, что изъ нихъ получается, *какъ бы оно въ насъ не возникло.* Конечно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что пространство и время предполагаются опытомъ и ему предшествуютъ. Чтобы опытъ, какъ мы его знаемъ, могъ получиться, нужно, чтобы въ нашей психической организаціи была заложена готовность воспринимать его основныя отношенія. Необходимость и всеобщность математическихъ познаній коренится въ *способахъ разсмотрѣнія* содержанія математическихъ представленій, а вовсе не въ происхожденіи этихъ представленій: въ математикѣ мы изслѣдуемъ не факты въ ихъ чувственно-наблюдаемыхъ, внѣшнихъ связяхъ, а типическія формы количественныхъ свойствъ въ ихъ самоочевидныхъ, умопостигаемыхъ отношеніяхъ. Наши идеи о пространствѣ и времени отличаются отвлеченнымъ характеромъ; онѣ выражаютъ не свойства явленій, а нѣчто отъ нихъ независимое, абсолютныя вмѣстилища всего реальнаго. Идеи пространства и времени не суть что-либо изначала данное, а воплощаютъ въ себѣ продукты очень сложной психической дѣятельности. Нашей психической организаціи свойственна склонность воспринимать все въ отношеніяхъ послѣдовательныхъ или заразъ данныхъ рядовъ. Пространство и время, какъ они разсматриваются въ математикѣ, не суть то, что въ насъ существуетъ a priori, но представляютъ порожденіе разнообразныхъ и сложныхъ творческихъ процессовъ нашей мысли. А это означаетъ, что апріорность пространства и времени не можетъ служить объясненіемъ всеобщности и необходимости нашихъ

математическихъ сужденій (79 – 98 стр.).

Такимъ образомъ, заключаетъ Лопатинъ, ни эмпирическое ученіе, ни доктрина Канта не могутъ помочь въ раскрытіи истинной природы математическихъ истинъ. Математика не есть знаніе фактовъ въ ихъ эмпирически данныхъ сочетаніяхъ: предметомъ ея является изслѣдованіе типическихъ концепцій всякаго количественнаго бытія. Заключенія математики обусловливаются умственнымъ усмотрѣніемъ самоочевидныхъ отношеній между количественными свойствами. Математика есть знаніе идеальное, *умозрительное*, обладающее, однако, неограниченною реальною приложимостью. Существованіе математики есть вѣковѣчный образецъ великой мощи человѣческаго разума въ его свободной творческой дѣятельности. Метафизику также обыкновенно опредѣляютъ, какъ плодъ умозрѣнія и трудно въ ней видѣть что нибудь другое. Въ математическихъ изслѣдованіяхъ при изученіи возможнаго познается и дѣйствительное. Въ области сужденій объ общихъ условіяхъ всякой возможной дѣйствительности не способны ли мы также прійти къ нѣкоторымъ всеобщимъ утвержденіямъ, идеальная достовѣрность которыхъ была бы очевидна? Не обладаютъ ли эти сужденія реальнымъ значеніемъ, не совпадаютъ ли умозрительныя опредѣленія, безъ которыхъ не обходится дѣятельность человѣческаго разума, съ признаками дѣйствительно существующаго? Можно ли указать какія-нибудь условія дѣйствительнаго бытія вообще, съ которыми находится въ связи непосредственно сознаваемое нами содержаніе нашего опыта? Чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы, особенно же на два послѣдніе, необходимо предварительно разрѣшить вопросъ о томъ, *обусловленность вообще* есть ли понятіе о чемъ-нибудь реальномъ или она только наше субъективное предположеніе? Реальная обусловленность вещей представляется намъ, прежде всего, какъ присущая имъ *причинность*. Поэтому вопросъ о законѣ причинности долженъ имѣть рѣшающее значеніе для возможности положительныхъ метафизическихъ построеній: если причинность не есть реальное свойство вещей, мы не можемъ утверждать ихъ бытія, потому что отъ субъективнаго міра нашего сознанія къ нимъ тогда нѣтъ ни-

какого перехода. Безъ реальныхъ связей между собою вещи будутъ представлять нѣчто безусловно индивидуальное, неподлежащее никакимъ логическимъ опредѣленіямъ (99—103 стр.).

Однимъ изъ самыхъ прочныхъ нашихъ убѣжденій является взглядъ, что *„нѣтъ дѣйствія безъ причины“*. Великое множество внѣшнихъ и внутреннихъ дѣйствій мы испытываемъ, какъ *свои*, въ себѣ открываемъ ихъ причину, видимъ реальность тамъ, гдѣ полагаемъ причинность. Безъ предположенія причинныхъ связей не могутъ существовать ни міръ, ни мы сами. Отсюда видно, что въ вопросѣ о причинности дѣло идетъ о реальности всего нашего познанія. Представители всѣхъ философскихъ направленій признаютъ, очевидно, что всякое явленіе дѣйствительности предполагаетъ другое неизмѣнно предшествующее ему явленіе или совокупность явленій, безъ которыхъ оно не могло бы возникнуть. Понятіе закона причинности, какъ закона безусловно неизмѣннаго единообразія въ связи и теченіи явленій, внесено въ соціальныя науки изъ физики: его истинное основаніе—механическій законъ сохраненія энергіи. Но такое пониманіе причинности ведетъ къ мысли, высказанной Миллемъ, что законъ причинности не есть изначальный двигатель всякой мысли, что онъ постепенно слагается въ нашемъ умѣ. Между тѣмъ, вопросъ *„почему“* всегда ставился человѣчествомъ на всѣхъ ступеняхъ умственнаго его роста, такъ что законъ причинности являлся во всѣ времена необходимымъ требованіемъ человѣческаго разума, который распространялъ его дѣйствіе на весь міръ. Но въ этомъ требованіи нашего сознанія не заключается неизбѣжно мысли о непремѣнномъ единообразіи и безусловной неизмѣнности въ теченіи событій, вызванныхъ причинами. Понятіе причинности, какъ неизбѣжнаго и однообразнаго повторенія однихъ и тѣхъ же отношеній, было результатомъ продолжительнаго научнаго движенія въ средѣ европейскаго общества. Но не смотря на господство въ современной наукѣ такого пониманія причинности, первоначальное общечеловѣческое на нее воззрѣніе гораздо шире настоящаго философскаго взгляда, въ силу котораго каждая причина есть такое же безусловно роковое слѣдствіе причинъ предше-

ствующихъ, какъ и то слѣдствіе, которое оно само вызываетъ. Причинность въ такомъ смыслѣ совпадаетъ съ абсолютнымъ предопредѣленіемъ всего, что дѣлается на свѣтѣ. По обыкновенному же понятію причинности она есть то, что опредѣленно носитъ въ себѣ положительную мощь своего дѣйствія, что дѣйствуетъ самостоятельно. При изслѣдованіи вопроса о законѣ причинности нужно имѣть въ виду это общечеловѣческое его пониманіе: господствующее въ современной философіи понятіе о причинности, навѣянное вліяніемъ естественныхъ наукъ на соціальныя, не есть само по себѣ коренной законъ нашего мышленія. Законъ причинности, безъ сомнѣнія, долженъ быть изслѣдованъ и доказанъ: цѣлью всякаго логическаго оправданія основныхъ законовъ нашего разума заключается въ томъ, чтобы они перестали быть роковыми и безотчетными, а обратились въ понятные, очевидные и потому могли служить масштабомъ истинности нашихъ сужденій. Взглядъ на причинность, какъ на безотчетный и роковой двигатель нашей умственной организаціи, является въ полномъ согласіи съ крайними выводами феноменалистическаго міровоззрѣнія, какъ это доказывается теоріей причинности двухъ знаменитыхъ его представителей—Юма и Канта.

По взгляду Юма всякая наша идея должна непремѣнно представлять воспроизведеніе того, что нами было пережито въ опытѣ, всѣ наши идеи только копіи впечатлѣній. Но для идеи причинной связи явленій мы не находимъ оригинала въ нашихъ чувственныхъ воспріятіяхъ. Мы не знаемъ, въ чемъ состоитъ эта связь и не въ состояніи открыть силу, соединяющую дѣйствіе съ причиной. Мы замѣчаемъ въ внѣшнемъ мірѣ только послѣдовательность явленій и никогда не воспринимаемъ извнѣ факта внутренней необходимой связи явленій. Но и внутреннее наблюденіе также не объясняетъ намъ дѣйствительную причинную связь явленій, какъ и внѣшнее. Хотя мы и не можемъ отвергать вліянія актовъ нашей воли на тѣлесные органы и наши движенія, тѣмъ не менѣе мы не знаемъ, какимъ образомъ совершается это загадочное явленіе, какъ и другихъ аналогичныхъ фактовъ изъ области взаимныхъ отношеній между душой и тѣломъ. Источ-

никъ неограниченной власти закона причинности надъ нашимъ сознаніемъ, по взгляду Юма,—*привычка*. Идея о необходимой связи какихъ-нибудь событій возникаетъ изъ воспріятія ряда сходныхъ случаевъ, въ которыхъ эта связь выражается: наша душа, вслѣдствіе повторенія сходныхъ случаевъ, понуждается установившеюся въ ней привычкой при наступленіи одного явленія ждать другаго, обыкновенно его сопровождающаго и вѣрить въ его приближеніе. Но почему же, спрашиваетъ Лопатинъ, мы должны непремѣнно мыслить эту постоянную послѣдовательность явленій, какъ интимную связь между ними, въ которой они *производятъ* другъ друга, откуда появляется эта идея *внутренней* связи, представленіе о *производящихъ* силахъ, о которыхъ опытъ ничего намъ не говоритъ? Какимъ образомъ изъ послѣдовательности слагается идея *связи*, *порожденія* дѣйствія? На эти вопросы даетъ отвѣтъ наша непосредственная дѣятельность: только испытывая собственную дѣятельность, мы можемъ имѣть идею о какой нибудь дѣятельности вообще. Мы непосредственно убѣждаемся, что на свѣтѣ не все только пассивно слѣдуетъ одно за другимъ. Самый фактъ существованіи объективной связи между явленіями не даетъ мѣста для логическихъ возраженій. Думать, что въ мірѣ всякая правильность теченія событій есть плодъ абсолютно случайнаго ихъ совпаденія означаетъ въ принципѣ отказаться отъ всякой логической оцѣнки разумныхъ возможностей. Причинность не имѣетъ субъективнаго характера, какъ это утверждаетъ Юмъ: реальное существованіе причинной зависимости есть подлинный признакъ феноменальнаго міра. Въ воспринимаемомъ нами мірѣ причинныя связи существуютъ дѣйствительно. Слѣдовательно, законъ причинности, прежде всего, есть *объективная истина опыта*, который немыслимъ, если мы не предположимъ въ немъ хотя бы нѣкоторыхъ причинныхъ связей. Юмъ противорѣчитъ самому себѣ, когда онъ видитъ въ идеѣ о причинной зависимости призракъ нашей фантазіи и въ тоже время признаетъ *реальную связь* въ процессахъ нашей психической жизни, порождающихъ этотъ призракъ. Очевидно, что причинность внѣшнихъ явленій не иллюзія, разъ существуетъ такой пси-

хическій процессъ, ее причиняющій.

Теорія Канта представляетъ собою другую попытку чисто субъективнаго объясненія закона причинности. По взгляду Канта апріорныя формы присутствуютъ неизбѣжно и въ процессахъ нашего разсудочнаго познанія, какъ онѣ составляютъ изначальное условіе нашей чувственной воспріимчивости. Въ чувственномъ воспріятіи эти формы суть пространство и время, въ дѣятельности разсудка—*категоріи*: разсудокъ все разсматриваетъ съ точекъ зрѣнія количества, качества, отношенія и зависимости, возможности, дѣйствительности и необходимости предмета. Категоріи не вырабатываются постепенно изъ процессовъ познанія; онѣ необходимо предшествуютъ всякому познанію и представляютъ собою коренное его условіе. Самые законы явленій лишь порожденіе категорій. Если бы наши чувственныя представленія были внутренно разъединены и совсѣмъ чужды другъ другу, никакому цѣльному сознанію, *опыту* не было бы мѣста; поэтому дѣятельный синтезъ представленій есть одно изъ коренныхъ условій самой возможности сознанія. Сознаніе своего единства при безпрерывной смѣнѣ разнообразныхъ воззрѣній является необходимымъ условіемъ нашего опыта, предшествуетъ ему. Но какимъ образомъ явленія опыта—видоизмѣненія нашей чувственности—могутъ подводиться подъ категоріи—чистыя понятія разсудка? Соотношеніе и связь между категоріями и явленіями устанавливаетъ, по взгляду Канта, нѣчто третье, однородное и съ чистыми понятіями и съ явленіями. Эти общіе пріемы, по которымъ наше воображеніе можетъ воплощать чистыя понятія въ образѣ, Кантъ называетъ *схемами*. Такъ, напр., „схема причинности какой-либо вещи вообще есть реальное, за которымъ, какъ только оно предположено, всегда слѣдуетъ нѣчто другое. Итакъ, говоритъ Кантъ, реальное состоитъ въ слѣдованіи многообразнаго, поскольку это слѣдованіе подчинено опредѣленному правилу“. Изъ общей природы схемъ для категорій отношенія вытекаютъ основоположенія чистаго разсудка, обнимающія различныя стороны причинной зависимости явленій. Первое изъ нихъ выражается въ афоризмѣ: „при всякой смѣнѣ явленій субстанція пребываетъ од-

ною и тоюже и количество ея не увеличивается и не уменьшается въ природѣ". Доказательство этого тезиса сводится у Канта къ мысли, что предположеніе нѣкоторой неизмѣнной субстанціи въ явленіяхъ есть прямое и необходимое слѣдствіе нашего воспріятія всѣхъ явленій во времени, неизмѣнномъ и устойчивомъ по самому своему существу. Второе основоположеніе обнимаетъ законъ причинности въ тѣсномъ смыслѣ: „всѣ измѣненія, гласитъ оно, совершаются по закону связи причины и дѣйствія". Основаніемъ этого тезиса служитъ у Канта мысль: мы постоянно воспринимаемъ, что явленія слѣдуютъ одно за другимъ и чрезъ это связываемъ ихъ во времени. Понятіе о причинности мы извлекаемъ изъ опытныхъ данныхъ, но только при помощи синтезирующаго дѣйствія нашего ума. Въ созиданіи причинныхъ связей нашъ умъ изображаетъ основной законъ теченія времени въ эмпирической послѣдовательности явленій. Законы времени абсолютно неизмѣнны; соотвѣтственно этому и причинная зависимость должна осуществляться въ неизмѣнной послѣдовательности явленій по опредѣленному правилу Общая мысль Канта относительно закона причинности выражается Лопатинымъ въ положеніи: „всѣ отношенія субстанціальности и причинности въ наблюдаемомъ мірѣ суть прямой результатъ объективаціи или изображенія коренныхъ свойствъ времени въ порядкѣ воспріятій". Этотъ взглядъ, какъ и вся философская система Канта, представляетъ собою, по словамъ автора, грандіозную попытку превратить всю дѣйствительность въ субъективную галлюцинацію человѣческаго разума. Основныя условія реальности вселенной, — присутствіе въ предметахъ самобытной субстанціи или вещества, ихъ составляющаго, и объективная связь всякихъ процессовъ въ нихъ — оказываются призрачнымъ отраженіемъ на нашихъ представленіяхъ того, что въ насъ есть наиболѣе субъективнаго. Но въ пониманіи Кантомъ закона причинности, кромѣ черты субъективнаго идеализма, открывается еще тотъ недостатокъ, что въ его философіи нашелъ себѣ твердую опору механическій взглядъ на причинную зависимость: въ понятіи объ устойчивости матеріи выражается истина о безусловной сохраняемости матеріи, причинная

же связь явленій отожествляется со всеобщимъ единообразіемъ въ послѣдовательности явленій. Въ ученіи Канта механическій детерминизмъ оказывается абсолютно всеобщимъ закономъ, неотдѣлимымъ отъ нашей мысли, которому одинаково подчиняется все, что мы знаемъ. Обративъ физическій міръ въ иллюзорное порожденіе безотчетной игры нашего ума съ своею субъективною способностью все воспринимать во времени, Кантъ доставляетъ полное оправданіе для всякой попытки видѣть во всѣхъ духовныхъ процессахъ лишь призрачный продуктъ *этой иллюзіи*. Своеобразность законовъ психической жизни, свобода и творчество въ ней изгоняются имъ изъ дѣйствительности въ гадательную область *вещей въ себѣ* Это таинственное царство вещей въ себѣ представляется единственнымъ остаткомъ реальности въ міросозерцаніи Канта: если мы обратимъ и эти сущности также въ субъективное созданіе нашего ума, тогда будетъ подорвано основное положеніе философіи Канта, что отъ нашего разума исходятъ лишь всеобщія формы познаваемыхъ предметовъ, а ихъ частное матеріальное содержаніе влагается въ наше сознаніе извнѣ черезъ воздѣйствіе неизвѣстныхъ намъ сущностей. Кантъ отказывается рѣшить тотъ важный вопросъ, какимъ образомъ наша душа овладѣваетъ инороднымъ для нея матеріаломъ—вещами въ себѣ—и постоянно претворяетъ его до полнаго уподобленія съ своеобразнымъ ходомъ ея внутренней жизни. Кантъ занимается въ своей „Критикѣ чистаго разума" опредѣленіемъ составныхъ элементовъ опыта, не затрогивая проблемму объ его происхожденіи. У Канта происхожденіе нашихъ сужденій изъ апріорныхъ условій познанія есть постоянное ручательство за ихъ *логическую* очевидность и необходимость Все же, что доставляется опытомъ, признается лишеннымъ всеобщей и очевидной достовѣрности Чтобы обосновать требованія причинной зависимости, Кантъ отнимаетъ у всего существующаго, какое мы знаемъ, всякую самостоятельную реальность, всякую дѣйствительную связь въ томъ, что въ немъ совершается, и представляетъ физическій смыслъ закона причинности неотдѣлимымъ элементомъ самой организаціи нашего разума. Кантъ сходится съ Юмомъ въ общемъ взглядѣ на при-

чинную связь, какъ *постоянную послѣдовательность* явленій. Различіе между воззрѣніями обоихъ философовъ заключается въ томъ, что Юмъ видитъ въ законѣ причинности порожденіе привычки, по Канту же это законъ трансцедентальный, обнимающій весь опытъ, обусловливающій единство нашего сознанія. И Юмъ, и Кантъ оставляютъ безъ вниманія признакъ производящей силы въ причинахъ явленій, между тѣмъ какъ въ идеѣ о внутренней дѣйствительной связи находится корень нашего понятія о причинныхъ отношеніяхъ Сопоставляя взгляды на законъ причинности Юма и Канта, Лопатинъ приходитъ къ такому заключенію, что оба они приписываютъ процессамъ нашего духа причинность дѣйствительную, объективную, видятъ въ ней *дѣйствительное свойство* нашего ума. Въ ученіи обоихъ философовъ чистая субъективность закона причинности неизбѣжно обосновывается заранѣе признанною его *объективностью*, по крайней мѣрѣ, въ процессахъ разума; она можетъ быть облечена въ логическія формулы лишь, какъ частный случай реальной причинности. Говоря кратко: *субъективистическій взглядъ на причинность мыслимъ только подъ условіемъ своего отрицанія*. Чистая субъективность закона причинной связи не можетъ быть выведена ни изъ эмпирическихъ, ни изъ апріорныхъ началъ. *Причинность мыслима* лишь въ качествѣ *объективнаго закона дѣйствительности* (103—145 стр.).

Общій признакъ нашихъ понятій о причинной зависимости въ совершающихся событіяхъ заключается въ идеѣ *о реальной связи* между ними и *производящей дѣятельности*. Эту идею мы черпаемъ изъ сознанія нашихъ собственныхъ актовъ, живой и дѣятельной силы нашего духа. Наше *я* непосредственно воспринимаетъ свою дѣятельность, причинную мощь вмѣстѣ съ своимъ существованіемъ. Самостоятельность нашего духа есть первоначальный фактъ нашего сознанія, который невозможно объяснить игрою пассивныхъ ощущеній. Въ каждомъ нашемъ психическомъ движеніи проявляется наше усиліе, зависящее отъ нашей воли. Лицо, воля, причина—тождественныя понятія. Между внутреннею дѣятельностью нашего духа и впечатлѣніями силъ, намъ внѣшнихъ,

происходитъ непрерывное взаимодѣйствіе Вся наша духовная жизнь представляетъ несомнѣнную картину взаимодѣйствія *субъективнаго и объективнаго*, *я* и *не я*. Активный элементъ присутствуетъ въ нашихъ чувствованіяхъ, побужденіяхъ, желаніяхъ, актахъ вниманія, рѣшеніяхъ воли. Но для насъ одинаково реальны сазнаніе нашей собственной дѣятельной силы и того, что ее ограничиваетъ; испытывая *свою реальность*, мы чрезъ это самое испытываемъ *реальность внѣшняго міра*. Идея собственнаго дѣйствія и внѣшняго воздѣйствія на наше сознаніе — основныя психическія категоріи, безъ которыхъ немыслимо какое-либо представленіе объ явленіяхъ внѣшняго міра. Сознаваемая нами непосредственно причинность — фактъ нашего внутренняго опыта, представляющійся намъ, какъ непрерывное взаимодѣйствіе нашего духа съ окружающими его внѣшними предметами. Мы различаемъ между *внутреннею силою* съ ея свойствами *инициативы*, *самоопредѣленія* къ дѣйствію и *силою внѣшнею* съ ея *принудительностью* въ отношеніи къ намъ, съ ея *сопротивленіемъ* нашимъ усиліямъ. Но въ тоже время мы непосредственно знаемъ, что своими усиліями находимся къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ въ тѣхъ самыхъ отношеніяхъ, въ которыхъ они находятся къ нашимъ усиліямъ; всѣ реакціи па внѣшнія возбужденія мы прямо ощущаемъ, какъ *сопротивленіе* имъ или какъ направленіе ихъ въ какую-нибудь сторону. Но, спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ мы хотимъ, направляемъ акты нашей мысли, стремимся или отвращаемся или это намъ только *кажется*, сознается безъ всякой соотвѣтствующей дѣйствительности? Этотъ вопросъ имѣетъ смыслъ въ виду гипотезъ, отождествляющихъ сознаніе съ пассивнымъ отраженіемъ автоматическихъ процессовъ въ независимомъ отъ него субстратѣ. По этой теоріи сознаніе — лишь зеркало, въ которомъ отражаются внѣшніе, реальные объекты и при томъ въ извращенномъ видѣ, такъ что самое сознаніе не заключаетъ въ себѣ активнаго элемента. По взгляду Лейбница мы познаемъ все только чрезъ среду психическихъ явленій, посредствомъ нашихъ ощущеній, представленій и идей Все достовѣрно на столько, на сколько достовѣрны они. Состояніемъ

сознанія можетъ быть только то, *что и какимъ* оно сознается нами. Отсюда слѣдуетъ, что *непосредственно сознаваемыя свойства нашего сознанія суть ихъ подлинныя свойства.* Противники психической активности, невозражающіе противъ этого положенія, когда идетъ рѣчь о впечатлѣніяхъ отъ внѣшнихъ предметовъ, не допускаютъ возможности дѣятельныхъ состояній нашей души, независимаго отъ внѣшняго міра ея существованія, реальности нашей воли. Но вся ихъ аргументація не имѣетъ доказательной, убѣдительной силы. Никто не будетъ спорить, что впечатлѣніе отъ внѣшняго предмета не превращаетъ его въ субъективное психическое состояніе и онъ самъ не исчезаетъ изъ міра. Точно также очевидно, что мое хотѣніе есть состояніе сознанія и воля—также только своеобразное его явленіе. Въ нашей психической дѣятельности существуетъ нашъ духъ, какъ сознающій субъектъ, и сознаваемый имъ актъ. Трудно представить себѣ, какъ изъ совершенно пассивныхъ впечатлѣній можетъ возникнуть хотя бы только иллюзія переживаемыхъ нами активныхъ состояній. Такимъ образомъ, активность нашего духа есть первоначальный фактъ нашего сознанія, неотдѣлимый отъ всѣхъ психическихъ состояній. Психическая активность совершенно немыслима, какъ продуктъ сложенія состояній пассивныхъ. Но гдѣ активность, тамъ и причинность: мы испытываемъ наши акты, лишь совершая ихъ. Слѣдовательно, причинность представляетъ не кажущееся только, но дѣйствительное содержаніе нашего самочувствія. Причинность никогда не испытывается, какъ логически всеобщій законъ, простирающійся на всѣ вещи вселенной. Познаніе причинности, какъ закона бытія, есть результатъ широкаго обобщающаго процесса; но, чтобы этотъ процессъ могъ совершиться, необходимо присутствіе въ сознаніи отдѣльныхъ случаевъ ея реализаціи. Взглядъ на явленіе, какъ на психическое состояніе, въ которомъ нѣтъ причины, активной силы, вытекаетъ изъ теоріи, утверждаемой современнымъ философскимъ міросозерцаніемъ, и оказывается несостоятельнымъ. Понятія: явленія, сила, сущность не имѣютъ никакого содержанія, если мы не связываемъ съ нимъ представленія объ активномъ элементѣ. Предположеніе о реаль-

ности нашей психической самодѣятельности связывается необходимо съ понятіемъ сознанія, которое невозможно безъ способности сознавать и предмета сознанія. Въ немъ въ одно и тоже время реализируются сознающее—субъектъ —и сознаваемое —объектъ Между тѣмъ и другимъ существуетъ постоянное *взаимодѣйствіе*. Непосредственно переживаемая самодѣятельность при усвоеніи внѣшняго воздѣйствія на сознаніе составляетъ необходимое условіе его существованія. Реальное взаимодѣйствіе, какъ основное условіе психической жизни, признается всѣми теоріями, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и своеобразно объясняютъ самостоятельныя проявленія активности нашего сознанія. Такъ эмпирико-физіологическая теорія, говоря о стремленіи, дѣятельности, борьбѣ нашего организма съ вредными вліяніями, переноситъ въ психическую жизнь понимапіе этихъ терминовъ, употребляемое въ физическихъ наукахъ. Здѣсь эти понятія лишь символы возможныхъ движеній. Для механическаго міросозерцанія вѣчное движеніе въ какой-либо вещи или человѣкѣ есть слѣпой результатъ примѣненія непреложныхъ законовъ, въ содержаніи которыхъ нѣтъ никакого отношенія къ преслѣдованію какихъ бы то ни было идеальныхъ цѣлей. Ихъ роковое господство въ отдѣльныхъ случаяхъ привело къ движеніямъ, цѣлесообразность которыхъ не есть преднамѣренная, а совершенно случайная. Организмъ ничему не сопротивляется, ни къ чему самъ не стремится, онъ только движется, какъ механическій аггрегатъ атомовъ (145—169 стр.).

Чтобы лучше обосновать свой взглядъ, что самодѣятельность сознанія—достовѣрный и основной признакъ бытія нашего духа, Лопатинъ разсматриваетъ нѣкоторыя важныя возраженія противъ достовѣрности свидѣтельствъ нашего самосознанія. Такъ тотъ взглядъ, что мы сознаемъ далеко не всѣ причины нашихъ дѣйствій, опровергается соображеніемъ, что мы испытываемъ всѣмъ нашимъ существомъ сознательное совершеніе нами извѣстнаго дѣйствія. Мы сами непосредственно переживаемъ разныя психическія явленія (страданія, удовольствія, любовь, ненависть, желаніе и отвращеніе и др.). Гипнотическія явленія также сознательныя, такъ какъ выполненіе внушеній предполагаетъ заранѣе полученное

согласіе субъекта и есть лишь приведеніе этого согласія въ дѣйствіе. При гипнотизированіи нерѣдко происходитъ борьба между волею гипнотизера и сознаніемъ гипнотизируемаго, которая оканчивается не всегда въ пользу перваго. Болѣе серьезно возраженіе представителей теоріи механическаго монизма, которая доказываетъ, что всѣ явленія дѣйствительности, а слѣдовательно, и явленія человѣческаго сознанія выражаютъ собою видоизмѣненіе однородныхъ силъ природы и подчинены механическимъ законамъ. Допуская на основаніи этой теоріи, что все существующее вообще есть лишь частный случай сохраненія механической энергіи, соглашаясь съ абсолютнымъ господствомъ закона сохраненія энергіи надъ всѣми явленіями міра, мы тѣмъ самымъ устраняемъ изъ него элементъ активности. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы признаемъ, что наше сознаніе есть лишь равнодѣйствующее механическихъ процессовъ, въ немъ совершающихся, что безусловная пассивность— коренной его признакъ. Но, возражаетъ нашъ авторъ, законъ сохраненія энергіи, возведенный въ принципъ всякой причинности вообще, и самодѣятельность нашего духа суть несовмѣстимыя понятія. Этотъ законъ есть законъ умозрительный и поэтому содержаніе его ограниченно. Всякая умозрительная истина обосновывается въ виду какого-либо *условія* (напр., геометрическія теоремы). Условіе для принятія закона сохраненія энергіи состоитъ въ признаніи, что тѣла, кромѣ подвижности, инерціи и непроницаемости, не имѣютъ никакихъ другихъ свойствъ Понимаемый въ такомъ условномъ смыслѣ, законъ сохраненія энергіи, очевидно, не можетъ имѣть смыслъ безусловный: для этого еще нужно доказать, что всѣ вещи не могутъ обладать никакими другими свойствами, кромѣ указанныхъ. Но всякая подобная попытка всегда будетъ опровергнута тѣмъ фактомъ, что люди во всѣ времена признавали за собою качества, очень мало похожія на непроницаемость и инерцію. Допуская, что законъ сохраненія энергіи основаніе всякой причинности во вселенной, мы должны видѣть во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, не исключая и свободныхъ, одинъ только результатъ слѣпаго столкновенія физическихъ элементовъ нашего организма, и признать всѣ свои пси-

хическія состоянія отраженіемъ внѣшняго міра, а себя совершенно неспособными какъ-либо воздѣйствовать на этотъ послѣдній. Но это признаніе противорѣчитъ самому закону сохраненія энергіи, въ силу котораго каждое вновь возникающее явленіе есть лишь новая форма существованія энергіи, такъ что и наша психическая дѣятельность должна поэтому имѣть активный характеръ, наши субъективныя состоянія должны быть причинами и нашихъ дѣйствій. Это ничѣмъ неразрѣшимое противорѣчіе въ механическомъ міровоззрѣніи, при которомъ въ одно и тоже время приходится допустить, что человѣкъ есть машина и дѣятельная причина собственныхъ дѣйствій, разрѣшается въ пользу послѣдняго взгляда. Вѣра въ причинность дана всѣмъ нашимъ душевнымъ строемъ. Мы сознаемъ, какъ основное свойство нашей психической жизни, свою способность къ реальному взаимодѣйствію нашего духа и внѣшнихъ предметовъ. Идея причинности возникаетъ въ нашемъ сознаніи при первыхъ его проблескахъ какъ очевидный фактъ, связывается съ представленіемъ самодѣятельности сознанія. Причинность есть объективный и реальный законъ нашей психической жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно всеобщій законъ всѣхъ вещей. Вѣра въ причинность, въ виду ея неограниченнаго и безусловнаго смысла, должна корениться въ самыхъ первоначальныхъ качествахъ и силахъ нашего ума (170—184 стр.).

Въ третьей главѣ своего сочиненія Лопатинъ разсматриваетъ „Условія объективной всеобщности закона причинной связи“, причемъ останавливается сначала на отношеніи между закономъ причинности и закономъ тождества. Постоянство отдѣльныхъ представленій является условіемъ нашего мышленія. Мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что всякая вещь есть то, что она есть, а не что—нибудь другое: иначе ее и совсѣмъ *не было бы*. Законъ тождества составляетъ общую склонность нашего ума опредѣлять всѣ вещи выражаемымъ въ немъ отношеніемъ. Отождествленіе усматриваемой идеи съ нею самой и противопоставленіе всѣмъ другимъ—таковы два необходимыхъ и неразрывныхъ элемента актовъ вниманія. Изъ закона тождества вытекаетъ требованіе, что

все должно равняться себѣ и обладать единствомъ съ собою. Идея времени, обособляя отдѣльные моменты измѣненія одинъ отъ другаго, не освобождаетъ насъ отъ необходимости мыслить существующее внутренно—единымъ, понимать всякій временный процессъ лишь подъ условіемъ этого единства. Понятіе абсолютной смѣны расходится съ этимъ кореннымъ требованіемъ нашего ума и въ тоже время она наблюдается нами постоянно въ окружающемъ мірѣ. Примиреніе этого противорѣчія между требованіемъ разума и дѣйствительностью состоитъ въ предположеніи *причинной связи* во всемъ происходящемъ. Мы склонны думать, что внезапныхъ явленій въ природѣ не существуетъ, что все происходящее теперь есть лишь какъ бы продолженіе того, что было прежде, новое выраженіе реальности, заранѣе данной силы, дѣйствующей и осуществляющейся въ явленіяхъ. Каждая сила должна проявлять въ внѣшнемъ процессѣ, извѣстномъ актѣ свою *мощь;* по существу своему сила есть постоянная возможность и постоянное стремленіе къ созиданію. Съ точки зрѣнія такого понятія о силѣ измѣнчивость вещей оказывается совмѣстимою съ требованіемъ тождества: все есть то, что оно есть, и не можетъ быть инымъ, внутреннее единство существующаго не нарушается многообразіемъ своихъ проявленій, а, напротивъ, его предполагаетъ. Идея связи всѣхъ явленій, распространяющаяся на тѣ изъ нихъ, теченіе которыхъ отличается единообразіемъ и постоянствомъ, обращается въ принципъ объясненія всѣхъ перемѣнъ въ мірѣ и приводитъ насъ къ убѣжденію, что *все происходящее имѣетъ причину.* Законъ причинности—истина идеальная, вытекающая непосредственно изъ сопоставленія понятій объ измѣненіи, внутреннемъ тождествѣ и дѣятельной силѣ, какъ признакахъ существующаго. Источникъ всеобщности закона причинности—законъ тождества. Въ силу послѣдняго весь міръ представляется нашему разуму разрозненнымъ и неподвижнымъ. Благодаря закону причинности, разумъ отвлекается отъ этой односторонности мышленія и глубже проникаетъ въ дѣйствительный строй вещей, научается неизбѣжной совмѣстимости между единствомъ бытія и многообразіемъ его проявленій. Безотчетная склонность къ тому,

чтобы все мыслить въ формахъ причинной зависимости, получаетъ начало съ перваго момента возникновенія сознанія въ человѣкѣ и въ послѣдствіи сопровождаетъ всегда всякій процессъ его мышленія. Вопросъ о необходимой связи закона причинности съ логическимъ закономъ тождества не разъ обращалъ на себя вниманіе современныхъ философовъ. Такъ Риль видитъ въ законѣ тождества единственный принципъ логическаго обоснованія. Всѣ вещи нашего опыта образуютъ одинъ міръ, такъ какъ онѣ содержатся въ одномъ, себѣ тождественномъ сознаніи. Безъ мысли объ единомъ цѣломъ познаніе невозможно Причинность же есть принципъ достаточнаго основанія во времени. Мысль о томъ, что всякое измѣненіе вещей должно имѣть основаніе, вытекаетъ изъ идеи о первоначальномъ единствѣ и равенствѣ вещи самой себѣ. Причинная зависимость между двумя явленіями можетъ существовать лишь при ихъ тождествѣ, однородности между собою: причина и дѣйствіе должны быть существенно равны другъ другу, послѣднее — лишь другая форма первой. Этотъ взглядъ Риля на взаимное отношеніе принциповъ тождества и причинности есть не болѣе, какъ выраженіе физическаго закона сохраненія энергіи, который переносится имъ цѣликомъ въ область психической жизни человѣка. Теорія Риля, однако, страдаетъ многими недостатками. Невозможно обосновать тождество всего реальнаго на одномъ только сведеніи всѣхъ процессовъ природы къ движенію, въ которомъ, по Рилю, коренится возможность пространственныхъ и временныхъ различій, какъ условіе причинныхъ связей. Движеніе не есть что либо вполнѣ законченное и понятное для нашей мысли: мы можетъ представить себѣ вещество и совершенно неподвижнымъ, не нарушая при этомъ нисколько закона тождества. Понятіе движенія соединяется въ нашемъ сознаніи съ понятіемъ силы. Трудно также допускать объясненіе причинныхъ связей закономъ сохраненія энергіи: послѣдній окажется невозможною вещью, если мы не предположимъ, что въ явленіяхъ дѣйствуютъ, кромѣ силъ, которыя всѣ въ нихъ выражаются въ силу закона сохраненія энергіи, еще другія силы, которыя сами не движенія и не исчерпываются въ немъ. Такъ за-

конъ причинности не равняется закону сохраненія энергіи, который имѣетъ вообще двухсмысленный характеръ. Онъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ меньшее количество силъ и свойствъ мы признаемъ за веществомъ и наоборотъ. Законъ сохраненія энергіи есть теоретически необходимая и недопускающая никакихъ исключеній истина для всякой среды, обладающей лишь механическими свойствами. Но духовная, свободная самодѣятельность и законъ сохраненія энергіи — понятія, несовмѣстимыя другъ съ другомъ (184 — 204 стр)

Вообще, заключаетъ Лопатинъ, законъ причинности нельзя приравнивать закону сохраненія энергіи. Причинность нельзя отождествлять съ неизмѣннымъ единообразіемъ реальныхъ процессовъ, причинныя связи не исчерпываются одними механическими отношеніями. Законъ причинности такъ формулируется авторомъ: въ каждомъ явленіи что-либо является, въ каждомъ данномъ фактѣ выражается сила, его производящая; никакой эффектъ немыслимъ при отсутствіи условій для дѣйствія вызывающихъ его силъ. Въ этой формулѣ подразумѣвается сила, которая дѣйствуетъ не всегда однообразно, а *развивается* въ себѣ, раскрываетъ въ поступательномъ процессѣ новыя потенціи. Понятіе силы по самому существу своему предполагаетъ переходъ мощи въ актъ, смѣну внутреннихъ моментовъ ея реализаціи Такова сила *жизненная*, отличная отъ простыхъ механическихъ процессовъ. Въ такомъ же видѣ мы представляемъ дѣятельность нашего собственнаго, духовнаго *я*. Въ самомъ понятіи настоящей силы заключается элементъ самодѣятельности; она должна быть рождающею мощью, быть независимою, свободною отъ всякаго внѣшняго закона своихъ проявленій во внѣ. Элементъ произвола долженъ находиться при осуществленіи силы. Поэтому нельзя отождествлять причинность съ роковою необходимостью всѣхъ совершающихся событій и абсолютнымъ ихъ детерменизмомъ. Предопредѣленность реальныхъ процессовъ далеко не единственный видъ причинности и не самый первоначальный. Противъ этого взгляда на причинность возможно возразить, что подлинная причина есть то, что рождаетъ слѣдствіе въ его данной опредѣленности,

причина явленія есть его достаточное основаніе, что при причинной связи въ дѣйствіяхъ находятся моменты совершенно опредѣленнаго образца, и что слѣдствіе возникаетъ изъ своей причины съ роковою необходимостью. При этомъ возраженіи принимается за доказанное то положеніе, что въ слѣдствіи всегда заключается ровно столько же, сколько въ причинѣ, и что послѣдняя не въ состояніи произвести никакого другаго дѣйствія. Но мыслимы случаи, когда достаточное основаніе не есть исключительное основаніе. Въ понятіи причины вовсе не содержится предположеніе полноты, опредѣленности будущаго ея дѣйствія, которая угадывается нашимъ умомъ на основаніи нашихъ познаній о внѣшнемъ мірѣ. Дѣйствіе въ причинѣ содержится лишь, какъ будущая возможность, причина всегда лишь активная мощь того, что въ слѣдствіи становится реальною дѣятельностью. Пониманіе существующаго въ его причинной связи есть усмотрѣніе внутренняго единства въ многоразличіи его состояній Внутренно единое, выражающееся въ разнообразныхъ явленіяхъ,—*субстанція*, основными признаками которой являются *внутреннее единство* и постоянное *пребываніе*. Между понятіями силы и субстанціи находится внутреннее сродство: всякая субстанція мыслится нами, какъ источникъ или центръ дѣятельныхъ или воспринимающихъ силъ, что не дѣйствуетъ, то не существуетъ. Субстанціи—живая мощь, источникъ своихъ дѣйствій, конкретная сила, дѣятельная основа собственныхъ проявленій. Обособляя субстанцію отъ всѣхъ принадлежащихъ ей силъ, мы на самомъ дѣлѣ отвлекаемъ лишь нѣкоторые *способы ея дѣйствія* отъ всѣхъ остальныхъ ея силъ въ ихъ центральномъ единствѣ. Такой именно характеръ имѣетъ противоположеніе между веществомъ и силой. Матерія обратится въ ничто, если отнять у нея непроницаемость и протяженность; не можетъ существовать и духъ, если лишить его ощущеній, чувства, проявленій воли, мышленія. Поэтому нельзя говорить о *реальной* субстанціи, когда ея реальность ничѣмъ не заявляется во внѣшнемъ мірѣ. Дѣйствованіе и субстанція—понятія соотносительныя: дѣйствіе безъ дѣятеля есть слѣдствіе безъ причины. Субстанція—дѣятельная сила, которая проявляется въ своихъ

частныхъ дѣйствіяхъ, но не исчерпывается ими. Понятіе причинности обнимаетъ какъ отношеніе явленій къ субстанціямъ, лежащихъ въ ихъ основѣ, такъ и связи отдѣльныхъ состояній познаваемыхъ предметовъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы познаемъ дѣйствительныя отношенія природныхъ формъ между собою,—*законы природы*. Только вѣра въ существованіе предметовъ и реальную связь ихъ перемѣнъ доставляетъ въ нашихъ глазахъ наблюдаемому міру его устойчивость и независимость. Причинность можетъ быть или механическая или творческая. При первомъ ея родѣ въ дѣйствіи атомы вещества, ихъ качество и количество остаются безусловно неизмѣнными. При творческой причинности въ слѣдствіи выражается нѣчто *новое*, какъ раскрытіе потенцій субстанціи. Причинность творческая наблюдается въ внутренно развивающихся силахъ. Законъ причинности распространяется на все существующее: внутреннее его тождество только и мыслимо подъ угломъ причинности. Но что же значитъ существовать, быть? Идея бытія, взятая помимо всякихъ предполагаемыхъ признаковъ рода или способовъ бытія не отличается отъ небытія; оба эти понятія относятся другъ къ другу, какъ положеніе и отрицаніе. Безспорнымъ признакомъ бытія, вещи является ея существованіе внѣ насъ. Но бытіе предполагаетъ дѣйствованіе, какъ реализацію мощи, въ немъ себя утверждающей. Всякое бытіе подразумѣваетъ осуществленіе силы. Все, что существуетъ, есть или дѣятельная, себя полагающая сила (субстанція) или явленіе силы (отдѣльный актъ) или способъ дѣйствія силы (свойство). Все человѣческое знаніе находится въ неразрывной связи съ понятіемъ *дѣйствованія*. Истиннымъ двигателемъ отвлеченнаго мышленія является дѣятельная сила нашего вниманія. Самыя абстрактныя идеи немыслимы безъ дѣйствительныхъ признаковъ реальнаго, которые мы себѣ представляемъ. Дѣятельность нашего сознанія есть всегда актъ; коренная аксіома самосознанія есть нераздѣльность дѣйствія и дѣйствующей силы. Полагая бытіе чего-нибудь, мы тѣмъ самымъ признаемъ въ немъ причинность. Наши понятія причинности и бытія выражаютъ одну и туже идею: въ мысли о причинности мы раздѣльно по-

нимаемъ тоже самое, что подразумѣваемъ слитно въ идеѣ о бытіи. Законъ причинной связи представляетъ въ реальномъ смыслѣ совершенно безусловную истину: коренное условіе всякой реальности—обладаніе бытіемъ вообще— заключается въ немъ самомъ. Нераздѣльность бытія и причинности есть истина идеально-реальная. Возможно ли философское, раціональное сомнѣніе въ дѣйствительномъ значеніи такъ понимаемаго закона причинности? Это сомнѣніе можетъ возникнуть при предположеніи, что нашъ разумъ неспособенъ по своей природѣ постигать необходимыя отношенія дѣйствительности, или же что существуетъ реальность, исключающая причинность. Взглядъ механической теоріи на умъ, отвергающій его самостоятельную активность, самодѣятельность граничитъ съ отрицаніемъ всякой достовѣрности познанія. Коренными своствами нашего духа являются: способность усматривать очевидность и сила отвлеченія. Наша мысль въ состояніи возвышаться до познанія необходимыхъ отношеній между самыми общими свойствами познаваемаго, такъ что метафизика, какъ знаніе всеобщихъ началъ дѣйствительности, становится неизбѣжнымъ завершеніемъ зданія науки. Посредствомъ дѣятельности нашего ума мы познаемъ идеи тождества, достаточнаго основанія, многаго, единаго, бытія или причинности; всѣмъ этимъ идеямъ соотвѣтствуютъ признаки дѣйствительно существующаго міра. Самодѣятельность нашего духа, установленная изъ непоколебимой достовѣрности нашего опыта, устраняетъ возможность видѣть въ процессахъ знанія иллюзорное произведеніе чисто механическихъ причинъ. Наша умственная организація согласна съ возможностью познавать всеобщія отношенія дѣйствительности. Разъ мы принимаемъ „вещи въ себѣ", какъ что-то реальное внѣ насъ, мы можемъ приписать имъ бытіе только въ смыслѣ объективнаго утвержденія, причинности. Законъ причинности, слѣдовательно, есть всеобщая объективная истина, необходимая для достовѣрности нашего познанія. Съ установленіемъ этого взгляда возможенъ и положительный отвѣтъ на вопросъ о томъ, возможна ли метафизика и могутъ ли быть разрѣшены отдѣльные метафизическіе вопросы: о субстанц. природѣ нашего сознанія, независи-

момъ существованіи действительности, отличіи причинности отъ фатализма и др.? Лопатинъ разрѣшаетъ утвердительно этотъ вопросъ, заявляя, что этимъ закончена главная часть его труда (204—248 стр.).

Въ послѣдней главѣ сочиненія авторъ разсматриваетъ только нѣкоторыя метафизическія идеи, важныя для построенія законченнаго философскаго міросозерцанія („Умозрительныя приложенія объективной теоріи причинности"). Такова идея о всеобъемлющемъ и цѣлостномъ (діалектическомъ) характерѣ философскаго знанія, основаніе которому заключается въ природѣ бытія вообще: бытіе принадлежитъ лишь тому, что объединяетъ въ себѣ оба его момента — осуществляющій его актъ и внѣшняя форма дѣйствующей силы. Эта двойственная природа всякаго бытія содержитъ въ себѣ рѣшеніе проблеммы объ отношеніи *многаго* къ *единому*, о природѣ и раскрытіи въ мірѣ абсолютнаго начала вещей. Признаніе этого начала вытекаетъ изъ взгляда на причинность, какъ объективный законъ дѣйствительности: только тогда мы приходимъ къ понятію абсолютнаго, какъ самобытнаго и зависимаго лишь отъ себя сущаго, безусловнаго *единаго* основанія *многихъ* конечныхъ формъ жизни. Этотъ переходъ отъ единой абсолютной сущности къ многообразію отдѣльныхъ вещей, составлявшій всегда одну изъ труднѣйшихъ философскихъ задачъ, является необходимымъ слѣдствіемъ природы безусловнаго бытія, въ которомъ различаются живая потенція, собственная, самостоятельная сила, — *причина* и актъ, осуществленіе во внѣ этой силы, — *дѣйствіе*. Сила осуществленія не перестаетъ быть отъ того силою; процессъ самораскрытія абсолютнаго состоитъ въ его объективаціи. Абсолютная мощь ставитъ себя живымъ единымъ центромъ многихъ частныхъ, качественно-разнообразныхъ формъ своего дѣйствованія. Но какимъ образомъ изъ бытія абсолютнаго въ его внутренней цѣлостности и завершенности возможно вывести другое дѣйствительное бытіе, противоположное ему по своимъ конечнымъ признакамъ? Это возможно только при предположеніи, что въ каждой изъ конечныхъ формъ осуществляется также нѣкоторая самостоятельная сила. Различіе идеальной формы отъ

реальной заключается только въ степени интентивности силы, которая въ нихъ проявляется. Такъ является возможнымъ переходъ отъ единой, абсолютной причины къ многообразному міру отдѣльныхъ существъ. Въ ихъ возникновеніи выражается субстанціальная, абсолютная, творческая сила Божества. Источникъ всякой реальности міра заключается въ свободномъ актѣ творческой силы. Божество въ существѣ своемъ есть абсолютная свободная мощь чистаго самоопредѣленія, въ которомъ состоитъ и абсолютная необходимость божественной субстанціи. Въ сферѣ абсолютнаго свобода не исключаетъ необходимости и наоборотъ. Необходимость можетъ сказаться лишь тогда, когда что-нибудь уже существуетъ: все необходимое предполагаетъ нѣчто дѣйствительно данное, для котораго оно необходимо. Мысль объ исключительномъ господствѣ въ природѣ роковой необходимости опирается на стремленіе превратить законы природы въ независимыя дѣятельныя начала ея процессовъ, ихъ причины. Но истинная сила есть сила свободная. Разгадка всего бытія въ свободномъ самоопредѣленіи, въ живомъ осуществленіи абсолютной творческой мощи. Все, что имѣетъ бытіе, представляетъ раскрытіе и осуществленіе безусловной божественной *воли*, не безумной и слѣпой, а какъ внутренней силы самоопредѣленія божества, которую мы испытываемъ и въ себѣ. По отношенію къ міру Божество есть, всецѣло проникнутый волею, творческій *разумъ*. Свобода есть основная стихія всѣхъ существъ, признакъ всякой самобытной силы. Въ творческой самодѣятельности коренной принципъ матеріальной и формальной причинности. Абсолютно сущее есть живой центръ живаго множества: всеобщіе законы природы только необходимыя условія его реализаціи. Существующій міръ есть осуществленіе закона добра, такъ какъ онъ больше всѣхъ другихъ соотвѣтствуетъ идеалу добра и красоты. Но законъ добра не есть *сила*, рождающая міръ, а только правило, по которому онъ творится и устраивается. Абсолютная причина одинаково творитъ и бытіе, и всеобщій законъ, и конкретное разнообразіе существующаго. Божество есть свободная и разумная основа всего творенія, индивидуальнаго и живого; пространство, въ которомъ являются

вещи, есть только отвлеченное понятіе нашего ума, чистая и безразличная форма внѣшности, отвлеченная отъ всего реальнаго. Протяженное существованіе принадлежитъ самимъ вещамъ, оно — форма внѣшней ихъ являемости. Дѣйствительность времени, въ которомъ все происходитъ, заключается въ его нереальности, текучести, безпрерывномъ слѣдованіи его моментовъ. Измѣняется во времени субстанція, какъ бытіе сверхвременное. Сознаніе реальности времени—самое безспорное доказательство сверхвременной природы нашего сознающаго *я*, которое сопоставляетъ настоящее съ прошлымъ и будущимъ. Единство нашего сознанія обнимаетъ все наше существованіе. Если же наше сознающее существо сверхвременно, значитъ оно субстанція. Совершенная нераздѣльность моментовъ бытія есть его *вѣчность*. Время — объективный законъ всего конечнаго. Какъ наша субъективная идея, время, какъ и пространство, есть отвлеченное понятіе нашего ума Пространство и время — только необходимыя формы никогда непрекращающейся, взаимной связи существъ. Всякая ихъ измѣнчивость выражается на почвѣ единаго, неизмѣннаго, *духовнаго*. Въ основѣ всей дѣйствительности лежитъ воля, свобода, всемірная духовность (248—310 стр.).

Въ заключеніе Лопатинъ опредѣляетъ свое, изложенное здѣсь нами, міровоззрѣніе какъ *систему конкретнаго спиритуализма*, который полагаетъ истинное бытіе въ духѣ, утверждаетъ внутреннюю духовность всего реальнаго и видитъ во всемъ внѣшнемъ лишь осуществленіе *идеальныхъ силъ*. Только въ такомъ спиритуал. міровоззрѣніи находитъ свое обоснованіе законъ причинности, какъ объединеніе многообразнаго, бытіе духа является непроизводнымъ, первоначальнымъ и получаетъ прочное и понятное разрѣшеніе великая проблемма соотвѣтственности бытія и мышленія.

Съ точки зрѣнія спиритуализма разрѣшается Лопатинымъ и вопросъ о свободѣ воли. Крайность воззрѣній на ея возможность дала основаніе примирительнымъ теоріямъ, которыя авторъ подводитъ подъ два типа: сократовскій или взглядъ Фулье и Л. Н. Толстаго и Канто-Шопенгауэровскій. Считая недостаточными обѣ эти теоріи, допускающія возможность механическаго воззрѣ-

нія на свободу воли [1]), Лопатинъ указываетъ на трагическій характеръ этой проблеммы, при разрѣшеніи которой сталкиваются между собою теоретическій интересъ распространять законъ причинности на всѣ явленія міра и практическая нужда защищать самодѣятельность человѣческой личности. Исходъ изъ этой дилеммы представляется въ такомъ пониманіи закона причинности, при которомъ онъ не отождествляется съ закономъ сохраненія энергіи, а совпадаетъ съ общечеловѣческимъ его пониманіемъ [2]); *творческій* характеръ причинности, отличающій ее отъ механической, даетъ прямой путь къ рѣшенію вопроса о свободѣ дѣятельнаго начала въ человѣкѣ. Характерный его признакъ — сила творчества, способность свободнаго развитія, которая проявляется во всей психической жизни, а также и въ дѣйствіяхъ нашей воли. Въ отличіе отъ механическихъ процессовъ духовная дѣятельность содержитъ въ себѣ внутреннюю неопредѣленность причинъ и цѣлесообразность. Мы свободны въ постановкѣ жизненныхъ цѣлей и выборѣ средствъ къ ихъ достиженію Свобода воли есть неустранимое условіе какъ достовѣрнаго знанія, такъ и истинной нравственности. Отъ нашей воли зависитъ выборъ между добромъ и зломъ, возможность въ душѣ нравственныхъ переворотовъ, нравственной свободы человѣческой личности. Эта свобода мыслима только при предположеніи, что человѣкъ дѣйствуетъ цѣлесообразно и что его воля свободна. Цѣлесообразная связь явленій психической жизни отличается существенно отъ механической тѣмъ, что при первой дѣйствіе опредѣляется смысломъ послѣдующаго, при второй — предшествующимъ. Въ дѣятельности нашего сознанія заключается возможность свободы выбора между противоположными стремленіями. Наше *я* — живая, дѣятельная сила, отъ которой зависитъ измѣненіе нашего характера, нравственное совершенствованіе (311—375 стр.).

Такимъ образомъ, „положительныя задачи философіи“ сводятся

---

1) Теорія Фулье отождествляетъ свободу съ разумностью и при отрицаніи свободы воли ведетъ къ фатализму. Кантъ и Шопенгауэръ подчиняютъ человѣка всецѣло его характеру, считая невозможнымъ нравственное совершенствованіе для его личности, 2) См. выше.

Лопатинымъ къ установленію метафизическаго міровоззрѣнія, которое должно замѣнить современныя научныя теоріи: феноменалистическую и механическую (матеріализмъ). Обѣ эти послѣднія, безъ сомнѣнія, не въ состояніи объяснить важнѣйшихъ проблеммъ знанія и практической жизни (природу нашего сознанія, свободу воли и др.), какъ это основательно доказалъ Лопатинъ, раскрывшій тонко внутреннюю несостоятельность феномен. и матеріал. принциповъ. Но признавая ихъ недостатки, едва ли возможно игнорировать блестящіе результаты, достигнутые позитивной наукой въ области изслѣдованія явленій природы, *обобщеніе* которыхъ составляетъ задачу „положительной философіи". Мы совершенно согласны съ почтеннымъ авторомъ, что никакое научное міросозерцаніе невозможно безъ отвлеченныхъ, метафизическихъ элементовъ, неразлучныхъ съ природой нашего мышленія Но въ тоже время позволяемъ себѣ думать, что задачи философіи не исчерпываются одними изложенными догматически, отвлеченными, метафизическими построеніями въ духѣ раціонал. философіи, при которыхъ вычеркиваются цѣликомъ всѣ многочисленныя обобщенія дѣйствительныхъ явленій, не исключая и психическихъ, сдѣланныя современной положительной наукой. Лопатинъ становится рѣшительно на сторону спиритуализма съ его также одностороннимъ характеромъ и въ своемъ увлеченіи метафизикой не замѣчаетъ, что и при спиритуалист. міровоззрѣніи остаются неразрѣшенными многіе важные практическіе, жгучіе вопросы, отвѣтъ на которые такъ необходимъ въ современной жизни общества. По крайней мѣрѣ, самъ авторъ не показалъ, какъ разрѣшается съ его точки зрѣнія великій вопросъ о жизни и смерти, назначеніи человѣка, сущности добра и зла и др. Только обсужденіе и рѣшеніе вопроса о свободѣ воли, тѣсно связаннаго съ вопросомъ о законѣ причинности, нашли мѣсто въ сочиненіи (1 и 2 части) Лопатина, давшаго въ немъ полную, цѣлостную картину метафизическаго міровоззрѣнія, возможнаго при современномъ состояніи знанія, но едва ли исчерпывающаго всю обширную область задачъ вообще философской науки, гдѣ должны имѣть мѣсто и обобщенія, предлагаемыя естествознаніемъ, соціологіей, біологіей, психилогіей и др. науками.

В. Щегловъ.

2. Code pénal, commenté par la jurisprudence la plus récente, lois sur la presse, la relégation, les fraudes, etc avec lajurisprudence, lois de procédure devant la haute cour de justice, formulaire d'accusation, par Charles Casati conseiller a la cour de Paris. Paris 1890—91.

Указанное подъ № 1 изданіе Code pénal представляется весьма полезнымъ пособіемъ при изученіи современнаго французскаго положительнаго права. Сверхъ полнаго текста Code pénal съ измѣненіями и дополненіями, согласно новѣйшимъ узаконеніемъ, издатель, членъ высшей судебной магистратуры подъ отдѣльными статьями Code penal даетъ краткія извлеченія изъ новѣйшей кассаціонной практики. Въ приложеніяхъ издатель внесъ нѣсколько новыхъ законовъ, каковы: законъ о печати 29 іюля 1881 г., равно дополнительный законъ 2 августа 1882 года, законъ о релегаціи 27 мая 1885 года, законъ о средствахъ предупрежденія рецидивы 14 августа 1885 года, далѣе кассаціонную практику по части законовъ: объ обществахъ, (27 іюля 1867 г), о нарушеніяхъ законовъ о косвенныхъ налогахъ, о неказуемомъ опьяненіи, объ аптекахъ, объ акцизѣ съ табаку, о ростовщичествѣ, объ охотѣ, о выборахъ, о народномъ обученіи, объ отказѣ принести присягу лицомъ, призваннымъ къ отправленію обязанности присяжнаго засѣдателя (ст. 396 Уст Уг. Суд.), о предварительной свободѣ (ст. 114 того же Уст). Въ концѣ книги напечатаны: новый законъ о порядкѣ суда передъ Сенатомъ, какъ Верховнымъ Судомъ (10 апрѣлѣ 1889 г.), законъ, обладающій актуальнымъ интересомъ въ виду извѣстнаго процесса Boulanger, наконецъ, въ видѣ дополненія, судебныя рѣшенія самого послѣдняго времени, и именно 1890 г.

Тексту Code penal предпосылаются бѣглыя интересныя замѣчанія подъ рубрикой: Observations préliminaires. Авторъ замѣчаетъ, что новыя формы преступности обусловливаются новыми соціальными условіями и измѣнившимися нравами, въ связи съ новыми средствами, почерпаемыми нерѣдко изъ научныхъ и промышленныхъ изобрѣтеній, (таковы напр. новые

способы фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ), и вызываютъ новую судебную практику. Отказываясь предлагать какія либо реформы, авторъ указываетъ лишь на нѣкоторыя соціальныя явленія, заслуживающія особаго вниманія по ихъ отношенію къ преступности. Сюда относится напр. чрезвычайное развитіе класса souteneurs, среди которыхъ, по замѣчанію автора, se récrutent presque tous les voleurs et assassins и относительно которыхъ законъ о релегаціи 1885 года оказался не очень дѣйствительнымъ. Размноженіе лицъ этого класса, по мнѣнію Casati, объясняется строгимъ примѣненіемъ ст. 334 Code pénal въ связи съ кассаціоннымъ рѣшеніемъ 1854 г., по которой содержателямъ меблированныхъ комнатъ запрещается отдавать помѣщенія несовершеннолѣтнимъ, внесеннымъ въ полицейскіе списки проституткамъ. Вслѣдствіе этого запрета таковыя вынуждаются искать сожителей и поселяться съ ними: „Les anciennes maisons tolérées sagement reglementées autrefois par les rois et les papes eux mêmes ayant aujourdhui a peu prés disparu par l'incurie de l'administration, sont remplacées par trente mille entreprises individuelles du même genre, toutes clandestines qui présentent de bien plus grands inconvénients et forment un véritable danger social". Чрезвычайно рѣзкій отзывъ дается Casati о законѣ о печати 1881 г. особенно относительно процессуальныхъ постановленій его. Ссылаясь на два вотированныхъ Сенатомъ проэкта, видоизмѣняющихъ этотъ законъ, авторъ утверждаетъ, что законъ создалъ привиллегированный классъ журналистовъ, освобожденныхъ отъ обыкновенной подсудности и подчиненныхъ спеціальной юрисдикціи. „Достаточно одного позорящаго выраженія въ газетѣ, и величавый, дорого стоящій аппаратъ высшей юстиціи приводится въ движеніе. Сорокъ честныхъ гражданъ отрываются отъ занятій и изъ за одного росчерка перомъ происходитъ судъ съ такою торжественностью, какъ еслибы дѣло шло о жизни человѣка". По существу новаго закона Casati приводитъ оцѣнку его, сдѣланную однимъ изъ его составителей, знаменитымъ журналистомъ, сенаторомъ и членомъ французской академикъ. Вотъ, что писалъ этотъ сенаторъ въ 1889 г.:

„Nous avons fait des lois sur la presse qui sont le comble de l'insanité. C'est comme un des doyens du journalisme que je dis ceci, et comme un journaliste sincérement attaché a la liberté de la pensée, de la parole et de l'écriture, c'est a ces titres, que je trouve insensées, funéstes et mortelles les lois sur la presse“.

А. Гульфертъ.

---

3. L'anthropologie criminelle par le Dr Xavier Francotte, professeur à l' Université de Liège. Paris 1891.

Авторъ поставилъ себѣ задачей, при написаніи этого сочиненія—популярное, по возможности полное изложеніе современнаго состоянія уголовной антропологіи, съ показаніемъ открытыхъ ею данныхъ и съ оцѣнкой выставленныхъ ею теорій и выводовъ. Наибольшее мѣсто отведено авторомъ изслѣдованіямъ и доктринѣ новой итальянской школы, въ связи съ однородными изслѣдованіями другихъ писателей, какъ старыхъ, такъ и современныхъ. При почти исчерпывающемъ пользованіи работами итальянскихъ и французскихъ писателей, Франкоттъ, къ сожалѣнію, почти не коснулся трудовъ почтенныхъ нѣмецкихъ ученыхъ (Фейербаха, Миттермайера), а равно испанскихъ и южно-американскихъ (Montero, Salillas, Drago).

Первая часть книги посвящена „уголовному типу“ по Ломброзо. Здѣсь въ пяти главахъ на 248 стр. тщательно разобраны соматическія, патологическія и психологическія особенности, изъ которыхъ слагается знаменитый типъ. Въ главѣ 5-ой содержится „критическій разборъ уголовнаго типа“. Не смотря на то, что вопросъ объ уголовномъ типѣ уже былъ предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій, это обстоятельство не уменьшаетъ значенія указаннаго отдѣла книги Франкотта. Послѣ тщательнаго сравненія показаній разныхъ авторовъ, Франкоттъ отмѣчаетъ крайнее разнообразіе и противорѣчіе результатовъ наблюденій относительно особенностей преступниковъ. Эти противурѣчія объясняются авто-

ромъ слѣдующимъ образомъ: нужно обладать точными и вѣрными знаніями нормальныхъ условій, чтобъ знать отклоненія отъ нормы. Таковыхъ однако по части ёмкости мозга, вѣса черепа, высоты роста не имѣется. Другая причина — это недостаточность цифръ, изъ которыхъ извлекаются среднія цифры. И въ самомъ дѣлѣ, документы, которыми пользуются уголовные антропологи, немногочисленные, что въ особенности относится къ психическимъ свойствамъ, опредѣляемымъ Ломброзо по немногимъ примѣрамъ. Но такимъ способомъ можно дойти до открытія у преступниковъ противуположныхъ качествъ, храбрости и трусости, набожности и нечестія. Сверхъ того, документы почерпаются изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, — что дѣлаетъ сравненіе таковыхъ невозможнымъ. Что можетъ дать въ самомъ дѣлѣ среднее число относительно сложенія преступника, — почерпнутое изъ данныхъ, относящихся къ престарѣлымъ лицамъ, истощеннымъ долгимъ тюремнымъ содержаніемъ, и молодымъ субъектамъ, только что разставшимся съ жизнью на свободѣ. Наконецъ трудность характеристики преступника зависитъ по мнѣнію Франкотта отъ условности понятія о преступникѣ. „La notion même du criminel est absolument vague et indécise“. Сколько не открытыхъ преступленій, сколько важныхъ нарушеній нравственности, не подпадающихъ подъ дѣйствіе уголовнаго закона, сколько измѣнчивости въ воззрѣніяхъ въ разное время на преступность дѣяній! Авторъ, далѣе, показываетъ недостаточность критеріевъ, избираемыхъ Ломброзо для выдѣленія прирожденнаго преступника изъ числа другихъ преступниковъ. Такъ, рецидива не предполагаетъ прирожденнаго расположенія къ преступности, вопреки утвержденія Ломброзо, а создается въ значительной степени соціальными условіями. Наблюденія Готье помогаютъ автору показать, что особенности, будто присущія организаціи преступника, — не прирожденныя, а пріобрѣтенныя вслѣдствіе дѣйствія окружающихъ условій, а равно „тюремнаго яда (virus pénitentiaire). Противъ тезиса о наслѣдственной передачѣ преступности авторъ вмѣстѣ съ д'Оссонвиллемъ, (котораго онъ не называетъ), и Проалемъ, на котораго онъ ссылается, выставляетъ объ-

ясненіе, указывающее на вліяніе семейной среды и воздѣйствіе порочныхъ родителей на дѣтей — чѣмъ объясняется даже передача привычки къ алкоголизму у дѣтей. На основаніи цѣлаго ряда тщательныхъ оцѣнокъ отдѣльныхъ элементовъ преступнаго типа, Франкоттъ приходитъ къ заключенію, что Ломброзовскій преступный типъ есть произведеніе воображенія и фантазіи. Авторъ, впрочемъ, отмѣчаетъ долю истины, которая имѣется въ доктринѣ Ломброзо. Такъ, Франкоттъ признаетъ наличность закоренѣлыхъ злодѣевъ, трудно доступныхъ исправленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ резолюціей Петербургскаго международнаго конгресса, признаетъ, что можно говорить только объ относительной преступности и неисправимости, такъ какъ отчеты обществъ патроната, далѣе результаты, добытые въ заведеніяхъ для отсталыхъ дѣтей — свидѣтельствуютъ, говоря словами Керноора, „что преступники способные къ исправленію — легіонъ, тогда какъ неисправимые — рѣдкій и чудовищный фемоменъ“. — Далѣе, авторъ признаетъ наличность нѣкоторыхъ особенныхъ чертъ у преступниковъ. „Но эти черты — не рѣзко очерченныя и мало устойчивыя; онѣ не предшествуютъ, какъ первобытныя преступной жизни, а составляютъ скорѣе ея послѣдствіе“ [1]). Если у преступниковъ встрѣчаются клейма вырожденія, то надо говорить о больныхъ, о выродженныхъ, а не о преступникахъ.

Вторая часть книги — посвящена объясненію преступнаго типа. Авторъ разбираетъ теорію атавизма въ собственномъ смыслѣ слова, — теорію животнаго или предчеловѣческаго атавизма, — сближеніе преступнаго человѣка съ дикаремъ и ребенкомъ (гл. 1-я). На основаніи обильнаго научнаго матеріала, археологическаго, этнографическаго, историческаго, авторъ показываетъ невозможность атавистической теоріи, приписывающей первобытному человѣку совокупность безнравственныхъ и преступныхъ свойствъ.

---

[1]) Обоснованіе положенія о благопріобрѣтенномъ значеніи разныхъ особенностей проступковъ см. въ моей вышедшей въ 1887 году книгѣ: «Антрополого-позитивная школа уголовнаго права въ Италіи, вып. I-й стр. 39 и 143.

Исторія древнихъ Грековъ, Римлянъ, Кельтовъ, Евреевъ, Германцевъ, работы синологовъ и египтологовъ указываютъ на существованіе первобытныхъ добродѣтелей, развитое чувство солидарности, которое по Сёмнеръ-Мену характеризуетъ періодъ патріархальный. По части животнаго атавизма Франкоттъ безъ надобности, по моему мнѣнію, прибѣгаетъ къ удостовѣреннымъ натуралистами примѣрамъ самоотверженія, взаимной помощи и благожелательной коопераціи въ обезьяньихъ обществахъ. Автору было легко опровергнуть сближеніе, дѣлаемое Ломброзо между нашими преступниками и дикими народами. По справедливому замѣчанію Франкотта, положеніе Ломброзо, что преступность у дикарей не исключеніе, а почти общее правило,—ни что иное, какъ обобщеніе собранныхъ отовсюду отдѣльныхъ показаній путешественниковъ относительно примѣровъ жестокости или свирѣпыхъ обычаевъ, — тогда какъ при внимательномъ изслѣдованіи у дикарей открываются зачатки представленій о справедливости, виновности, отвѣтственности. Авторъ приводитъ дѣйствительно любопытныя слова Корра: „Наибольшая свирѣпость дикарей проявляется при соприкосновеніи ихъ съ цивилизованными расами. Европейцы научили ихъ отрицанію человѣколюбія и честности, которое европейскіе ученые приписываютъ этимъ бѣднымъ существамъ“. Наконецъ, Франкоттъ возражаетъ противъ сближенія преступности съ дѣтскимъ возрастомъ, утверждая, что всѣ примѣры дѣтской нечувствительности и жестокости объясняются единственно отсутствіемъ умственнаго развитія, при наступленіи котораго склонности ко злу сдерживаются и подавляются.

Гл. 2-ая ч. 2-ой книги Франкотта посвящена разбору патологической или тератологической теоріи преступности. Послѣдовательно разсмотрѣвъ вопросъ о нравственномъ помѣшательствѣ, душевной слабости, неопредолимыхъ побудахъ, о выродженныхъ высшаго порядка, (degénérés supérieurs), алкоголизмѣ, эпилепсіи и истеріи, авторъ приходитъ на основаніи многочисленныхъ показаній психіатровъ къ заключенію, что должно отличать такъ называемыхъ прирожденныхъ или точнѣе душевно-больныхъ преступниковъ отъ настоящихъ обычныхъ преступниковъ. „Съ точки зрѣ-

нія нравственной они могутъ совершенно походить на душевно-больныхъ преступниковъ. Но генезисъ, внутренняя природа ихъ испорченности совершенно различные. Они не родились испорченными, а сдѣлались таковыми".

Наконецъ, въ третьей части своей книги авторъ разсматриваетъ приложеніе ученій уголовной антропологіи къ уголовному законодательству. Замѣтивъ, что уголовная антропологія стремится практически осуществить свои положенія, преобразовать радикально уголовное законодательство, что Ломброзо тономъ диѳирамба прославляетъ побѣды и успѣхи своей школы, авторъ заявляетъ, что „этотъ энтузіамъ чреватъ иллюзіями,—а побѣдные гимны кажутся мнѣ преждевременными". Указавъ, что теорія Ломброзо ведетъ къ отрицанію всякаго свободнаго опредѣленія и отвѣтственности, авторъ спрашиваетъ, неужели фатализмъ можетъ считаться новой концепціей? Затѣмъ, напомнивъ классификацію новой школы, Франкоттъ останавливается на классѣ неисправимыхъ, подлежащихъ безусловному изъятію изъ общества. „Если бъ можно было съ точностью обнаруживать прирожденнаго преступника, то не слѣдовало бы ждать развитія преступныхъ склонностей у него, а подвергать его предупредительному исключенію путемъ уголовной профилаксіи. Къ несчастью, эта система, очень соблазнительная, грѣшитъ въ самыхъ основахъ своихъ. Она предполагаетъ неисправимость всѣхъ обычныхъ преступниковъ, положеніе, какъ я пытался показать, ложное. Она предполагаетъ сверхъ того, что существуетъ легко распознаваемый преступный типъ. А между тѣмъ въ виду предшествующихъ соображеній, я въ правѣ полагать, что читатель не сохранилъ никакихъ иллюзій на этотъ счетъ и успѣлъ убѣдиться въ ничтожествѣ уголовнаго типа. Доктрина Ломброзо относительно прирожденнаго преступника—утопія, утопія гибельная и опасная, такъ какъ она способна парализовать всякія усилія въ виду исправленія преступниковъ". Авторъ цитуетъ слѣдующія слова почтеннаго Бертильона, который, конечно, не представляется подозрительнымъ по симпатіямъ къ метафизикамъ. „Можно бояться, что съ того дня, когда директорамъ тюремъ будетъ внушено увѣ-

ровать въ уголовную антропологію, — они сдѣлаются склонными пренебрегать своими обязанностями по исправленію преступниковъ".

Являясь, такимъ образомъ, принципіальнымъ и прямымъ противникомъ нездороваго въ научномъ и вреднаго въ практическомъ отношеніи итальянскаго теченія уголовной антропологіи [1]), авторъ признаетъ за нимъ заслугу сильнаго и въ нѣкоторомъ смыслѣ благодѣтельнаго толчка по части изученія вопросовъ о преступности и наказуемости въ ихъ связи съ антропологіей и душевной паталогіей.

Книгу Франкотта можно рекомендовать, какъ хорошее пособіе для ознакомленія съ состояніемъ уголовной антропологіи въ работахъ новѣйшихъ изслѣдователей ея, далеко не лишнее, не смотря на большое обиліе критическихъ работъ, относящихся къ этой дис-

---

[1]) Въ виду отношенія Франкотта къ Итальянскому направленію уголовной антропологіи, любопытны отзывы настоящихъ антропологовъ по этому предмету. Въ недавнемъ засѣданіи Société d'anthropologie въ Парижѣ 18 Февраля 1892 г. Letourneau сдѣлалъ докладъ объ антропометрическомъ этюдѣ г-жи Тарновской о проституткахъ и воровкахъ. Magitot отвергъ заключенія этого этюда, заявивъ, что проституція не имѣетъ никакого отношенiь къ атавизму. Къ этому онъ прибавилъ, что L'école Italienne est èbranlée, le type criminel est une leurre, une fantaisie. Manouvrier предъявилъ, какъ онъ выразился, une fin de non recevoir aux conclusions du travail de M'me Tarnowska (Archives d'anthropologie criminelle 15 Mars 1892 г. стр. 231). Вотъ отношеніе трезвыхъ и почтенныхъ французскихъ ученыхъ въ столь поиулярному у насъ передовому теченію. Должно отмѣтить, что послѣ пораженій, понесенныхъ отъ французскихъ антропологовъ на Парижскомъ конгрессѣ уголовной антропологіи, послѣ обнаруженныхъ ими принципіальныхъ разногласій съ Итальянской школой, которыя отражаются и на приведенныхъ словахъ Magitot иManouvrier, Ломброзо посвятилъ свою книгу «L'anthropologie criminelle» 1890 тремъ французскимъ ученымъ, Brouardel, Manouvrier, Topinard, называя ихъ apôtres de l'anthropologie criminelle en France, что конечно можетъ дать поводъ наивнымъ людямъ подумать, что и въ правду между указанными учеными и Ломброзо существуютъ лишь незначительныя разногласія.

циплинѣ. Было бы желательно увидѣть эту книгу въ русскомъ переводѣ, она, конечно, принесла бы больше пользы учащимся, студентамъ, и вообще читающей публикѣ, чѣмъ переводъ Ломброзовскихъ книжокъ, въ родѣ „Уголовной Антропологіи“, переведенной недавно въ Петербургѣ и представляющей страшную пустоту, признакъ, что антропологическій рудникъ совсѣмъ истощился.

Въ концѣ книги—описаніе Бертильоновской системы измѣреній съ рисунками, талантливаго и полезнаго изобрѣтенія, которое останется и тогда, когда итальянская школа уголовной антропологіи подвергнется такому же забвенію, какъ столь популярная нѣкогда школа Галля.

А. Вульфертъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 26.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. М. Х. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.
1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 26-го Юридической Библіографіи.

1. *А. Гусевъ:* „Любовь къ людямъ въ ученіи графа Л. Толстаго и его руководителей". Казань, 1892 г., 108 стр.

Среди массы всевозможныхъ современныхъ моральныхъ системъ едва ли какая возбуждаетъ такое особенное, ни на минуту неослабѣвающее вниманіе образованнаго общества, какое выпало на долю ученія графа Л. Н. Толстаго. Не говоря уже о разныхъ газетныхъ статьяхъ по поводу тѣхъ или другихъ его взглядовъ, послѣдніе составляютъ предметъ содержанія обширныхъ спеціальныхъ сочиненій, гдѣ воззрѣнія Толстаго разсматриваются подробно съ различныхъ точекъ зрѣнія. Много времени и усидчиваго труда посвятилъ уже Толстому профессоръ казанской духовной академіи, *Гусевъ*, который изучаетъ его ученіе преимущественно съ религіозно-моральной, христіанской точки зрѣнія [1]). Вышеупомянутая брошюра Гусева имѣетъ своею задачею изслѣдовать сущность ученія Толстаго о любви къ людямъ, ея основаніяхъ и мотивахъ, и разрѣшить вопросы о томъ, оригинально ли это ученіе Толстаго и можетъ ли быть оно признано состоятельнымъ съ точки зрѣнія христіанскаго философствующаго сознанія? Такого разсмотрѣнія взгляды Толстаго требуютъ въ силу заявленія его же самого и многихъ писателей, что альтруистическое ученіе Толстаго основывается на истинномъ разумѣніи евангельской заповѣди о любви.

Обращаясь къ ученію Толстаго о любви къ людямъ, Гусевъ излагаетъ его на основаніи его же собственныхъ сочиненій. По мнѣ-

---

1) Таковы, напр., сочиненія Гусева: «Графъ, Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо—новая вѣра», Москва, 1890 г., «О бракѣ и безбрачіи» (противъ «Крейцеровой сонеты» и «послѣсловія» къ ней Толстаго), Казань, 1891 г

нію Толстаго то, что люди обыкновенно называютъ любовью, не заслуживаетъ этого имени: любовь въ обыденномъ пониманіи представляетъ собою эгоистическое предпочтеніе однихъ условій блага своей личности другимъ. Такъ любовь къ женѣ, дѣтямъ увеличиваетъ благо личной жизни человѣка. Но истинная любовь далека отъ пристрастія къ подобнымъ временнымъ благамъ личности; такая любовь предпочитаетъ въ человѣкѣ отреченіе отъ своего *я* и отъ погони за личнымъ счастьемъ. Между тѣмъ, любовь, оказываемая по отношенію къ какимъ-либо людямъ или предметамъ, является источникомъ скорбей и бѣдствій для обѣихъ сторонъ. Такъ чувство пристрастія къ какому-либо занятію заставляетъ человѣка мучить себя надъ нимъ и этимъ причинять горе окружающимъ его людямъ. Вообще предпочтительная любовь, какъ выходящая изъ эгоизма личности, лишь увеличиваетъ ея стремленіе къ личному благу и разжигаетъ борьбу между индивидуами за блага жизни. Истинная любовь должна простираться не на какія-либо лица по преимуществу, а на всѣхъ людей, встрѣчающихся намъ на жизненномъ пути. На проявленія любви не должны вліять наши личныя привязанности. Истинная любовь состоитъ въ томъ, что мы любимъ другихъ больше, чѣмъ себя самихъ, и живемъ отнюдь не для себя, а для другихъ; она есть состраданіе не только ко всѣмъ людямъ одинаково, кто бы они ни были, но и къ животнымъ всякаго рода. Истинно любящій человѣкъ ничего не добивается для себя. Вся его жизнь есть осуществленіе правила: никому не вреди и всѣмъ помогай, сколько можешь. Онъ никогда не гнѣвается, не клянется, не судится, не противится насиліемъ злому человѣку и сохраняетъ всегдашнее цѣломудріе. Для него бракъ дозволителенъ только при убѣжденіи, что всѣ уже существующія дѣти обезпечены. Истинно любящій человѣкъ служитъ до самопожертвованія всякому, кому бы ни пришлось, своимъ физическимъ, преимущественно же земледѣльческимъ трудомъ, но отнюдь не деньгами, которыя суть зло. Но кто же возлагаетъ на человѣка долгъ такой безусловно самоотверженной любви къ живущимъ существамъ? Это, по взгляду Толстаго, внушается человѣку его разумнымъ сознаніемъ, кото-

рое свойственно лишь человѣку въ отличіе его отъ животныхъ. Источникомъ „закона" самоотреченія для человѣка является безличный міровой разумъ, какъ единственная основа, живущая во всемъ и соединяющая всѣхъ насъ и міръ во едино. Подобно остальному міру, человѣкъ долженъ подчиниться этому важнѣйшему закону абсолютнаго разума, служить достиженію цѣли міра,—безконечному просвѣщенію и единенію всѣхъ существъ міра. Вмѣстѣ со всѣми ими человѣкъ долженъ понять, что благо жизни состоитъ въ согласномъ съ закономъ разума стремленіи всякаго существа ко благу всѣхъ другихъ. Толстой отождествляетъ этотъ міровой разумъ съ евангельскимъ Богомъ—Словомъ (1—10 стр.).

Изъ ученія Толстагб о міровомъ разумѣ, какъ основѣ всего сущаго, вытекаетъ опредѣленіе природы и отношеніе всего индивидуальнаго къ душѣ міра. Все частное, а въ томъ числѣ и человѣкъ, какъ проявленіе всеобщаго начала бытія и жизни, имѣетъ значеніе лишь средства для достиженія цѣлей міроваго разума и обречено на уничтоженіе. Подобно животнымъ, человѣкъ обладаетъ личностью, которая есть временная форма всеобщаго міроваго разума, нѣчто мимолетное и уничтожимое. Это доказывается постоянною измѣнчивостью сознанія въ человѣкѣ. Наше сознаніе мѣняется въ различные возрасты и при разныхъ обстоятельствахъ. Вся жизнь личности есть постепенное приближеніе къ смерти. Личность есть источникъ зла, воплощенный эгоизмъ, такъ какъ для нея важно и желательно только собственное ея благо. Настоящее *я* человѣка заключается не въ его личности, а въ извѣстномъ отношеніи человѣка къ міру, состоящемъ въ любви къ одному и въ нелюбви къ другому. Человѣкъ является въ міръ изъ области внѣвременной и внѣпространственной съ готовымъ уже отношеніемъ къ нему. Все, что человѣкъ не совершитъ въ мірѣ, остается въ немъ и составляетъ то, что должно назвать безсмертіемъ человѣка Отношеніе его къ міру есть ничто иное, какъ большее и большее подчиненіе его личности требованіямъ разума. Но установленіе этого отношенія есть результатъ не свободы воли человѣка, которой онъ въ качествѣ нѣкоего отношенія не можетъ имѣть, а дѣятельности міроваго на-

чала, живущаго въ человѣкѣ и выражающагося въ его разумномъ сознаніи. Причину того факта, что многіе люди не признаютъ законъ міроваго разума руководящимъ правиломъ своей жизни и живутъ только для блага своей личности, Толстой видитъ въ вліяніи на ихъ умы ложныхъ ученій церковниковъ и свѣтскихъ людей. Но если не разумъ, то мучительность страданій и ужасъ грядущей смерти *волей-неволей* заставляютъ человѣка признать необходимость установленія отношенія къ міру и осуществить его. Человѣкъ не есть существо самостоятельное и самодѣятельное; онъ только средство для достиженія общей цѣли бытія. Призваніе человѣка заключается въ отреченіи отъ блага личности и всецѣломъ служеніи другимъ. Если онъ живетъ для своего самоусовершенія и для достиженія блага своей личности, то это не жизнь, а просто существованіе, прозябаніе. Человѣкъ начинаетъ жить только тогда, когда онъ отрекается отъ блага своей личности и служитъ только достиженію блага другихъ. На этотъ законъ міроваго разума издавна указывали разные мудрецы: брамины, Будда, Лаотзы, Конфуцій, Соломонъ, стоики и Христосъ. Послѣдній понималъ жизнь, какъ любовь къ Богу и ближнимъ, ведущую человѣка къ благу. Выполнять законъ жизни заставляютъ человѣка важныя и сильныя побужденія: 1) признаніе недостижимости личнаго блага при служеніи себѣ самому и 2) сознаніе невозможности отдѣлять страданія другихъ существъ отъ собственныхъ страданій. Жизнь всегда есть стремленіе ко благу, счастью, только не личному, которое представляетъ собою непрерывную цѣпь страданій. Для того, чтобы жизнь человѣка получила смыслъ, ему необходимо замѣнить стремленіе къ недоступному личному благу стремленіемъ къ благу другихъ. Всѣ люди должны любить другъ друга больше, чѣмъ себя, и жить также только для взаимныхъ услугъ. Если человѣкъ самоотверженно служитъ благу другихъ людей, онъ можетъ быть спокоенъ за удовлетвореніе своихъ животныхъ потребностей, которое будетъ обезпечено другими. Лишнихъ же потребностей, искуственно создаваемыхъ цивилизаціей, напр., потребности въ наукѣ, искусствѣ, религіи и т. п., животная личность человѣка, руководимая ра-

зумнымъ сознаніемъ, имѣть не можетъ и не имѣетъ. Это сознаніе стоитъ внѣ условій пространства и времени, которымъ подлежитъ лишь животная личность человѣка. Сама жизнь сознается имъ внѣ времени и пространства. Освобождая такъ человѣка отъ условій времени и пространства, Толстой, замѣчаетъ Гусевъ, дѣлаетъ для него легкими всѣ жертвы въ пользу другихъ людей и существъ. Чужія бѣдствія и страданія представляются въ этомъ случаѣ его собственными бѣдствіями и страданіями. Поэтому человѣкъ, освобождая другія какія-либо существа отъ страданій, тѣмъ самымъ освобождаетъ отъ нихъ себя самого (11—17 стр.).

Подводя къ одному итогу всѣ эти разсужденія Толстаго о сущности человѣческой жизни, Гусевъ формулируетъ ихъ въ видѣ нѣсколькихъ общихъ положеній: 1) истинная жизнь человѣка состоитъ въ самоотверженной дѣятельности для блага другихъ людей или животныхъ, но не въ собственномъ совершенствованіи. Смыслъ человѣч. жизни заключается въ томъ, чтобы никому и ничѣмъ не вредить и помогать *всѣмъ*, а не предпочтительно кому-либо. 2) Человѣкъ,—призрачная форма міроваго разума, долженъ стремиться къ выполненію закона міроваго разума, заключающагося въ безпрерывномъ отреченіи отъ блага своей личности въ пользу другихъ. 3) Выполненіе этого закона достигается сознаніемъ необходимости жить для блага другихъ, что означаетъ въ сущности достигать собственнаго блага (17—18 стр.).

Во второй главѣ своей брошюры Гусевъ приступаетъ къ критикѣ этого ученія Толстаго. Все оно, по словамъ Гусева, не оригинально, а заимствовано Толстымъ, но только не изъ евангелія, а сочиненій Огюста Конта, Гартмана, въ особенности же Шопенгауэра. Послѣдній въ глазахъ нашего знаменитаго писателя есть „геніальнѣйшій изъ людей“, предъ взглядами котораго онъ благоговѣетъ. Гусевъ сравниваетъ ученіе Толстаго сначала съ позитивной доктриной О. Конта, который мечталъ о созданіи „религіи человѣчества“. Контъ смотритъ на человѣческую личность, какъ на источникъ эгоизма и признаетъ необходимымъ подавить личное начало въ человѣкѣ и всецѣло подчинить его интересамъ и цѣлямъ человѣчества. Контъ считаетъ недостаточнымъ христі-

анскій принципъ любви къ людямъ. Первою обязанностью всякаго человѣка является любить другихъ больше, чѣмъ самого себя, жить исключительно только для нихъ, а не для себя. Съ этой точки зрѣнія становятся понятными всѣ отрицательныя рѣчи графа Толстаго о наукѣ и искуствѣ; умъ, по ученію Конта, долженъ служить только благу общества, а не личности. Умъ долженъ разрѣшать лишь тѣ задачи, которыя ставитъ отдѣльному человѣку само общество. Также и искусство должно имѣть единственною своею цѣлью выражать и возбуждать исключительно гуманныя чувства. Люди должны отрекаться отъ своего собственнаго блага и заботиться только объ интересахъ другихъ потому, что личность, какъ все частное или индивидуальное, есть не болѣе, какъ призракъ. Личность, душа человѣка не существуетъ въ дѣйствительности: она есть лишь простая совокупность умственныхъ, моральныхъ и другихъ явленій. Поэтому личность не имѣетъ ни свободы воли, ни какого-либо безсмертія въ истинномъ смыслѣ этого слова: ей можетъ принадлежать одно безсмертіе добрыхъ дѣлъ и жизни въ благодарномъ воспоминаніи потомства. Въ силу такого полнаго отсутствія самостоятельности въ отдѣльной личности она не можетъ имѣть какихъ-либо своихъ правъ и обречена на служеніе обществу, человѣчеству. Послѣднее одно обладаетъ дѣйствительнымъ бытіемъ, представляетъ собою самое высшее въ мірѣ, органическое существо, божество для индивидуума, которому онъ долженъ безусловно подчиняться. Человѣкъ, посвящающій себи самоотверженному служенію благу другихъ, тѣмъ самымъ доставляетъ себѣ безспорное благо, достигаетъ своего счастья. Чего Толстой не нашелъ въ ученіи Конта, который не успѣлъ обосновать общихъ началъ своей доктрины, то дополнилъ заимствованіями изъ взглядовъ Шопенгауэра, оказавшаго наибольшее вліяніе на воззрѣнія Толстаго. Оба они признаютъ одинаково достовѣрными только мысли мудрецовъ. Такимъ же мудрѣйшимъ лишь человѣкомъ является въ ихъ глазахъ І. Христосъ, великая заповѣдь котораго о любви къ людямъ есть величайшая его заслуга. Шопенгауэръ видитъ сущность христіанскаго ученія въ его морали, а не въ

догматахъ, которые, по его мнѣнію, суть миѳы. Отмѣтивши противорѣчіе Шопенгауэра и Толстаго самимъ себѣ на сущность религіи, которая состоитъ у нихъ то въ соединеніи метафизики съ этикой, то въ одной только морали, Гусевъ указываетъ еще и на выставляемое Толстымъ мнѣніе Шопенгауэра, что истинный смыслъ христіанства забытъ вслѣдствіе дѣятельности духовенства. Сходство между взглядами обоихъ этихъ философовъ заключается еще въ томъ, что они истолковываютъ христіанскіе догматы въ духѣ своего ученія и затѣмъ заявляютъ, что ихъ взгляды тождественны съ христіанскимъ ученіемъ. Такъ Шопенгауэръ отождествляетъ христіанское ученіе о любви съ состраданіемъ; точно также поступаетъ и графъ Толстой, позаимствовавшій свое понятіе о любви у Конта.

Чтобы еще болѣе разоблачить слѣпое заимствованіе Толстымъ своего ученія у Шопенгауэра, Гусевъ входитъ въ изложеніе нѣкоторыхъ подробностей фисософскаго міровоззрѣнія послѣдняго, которыя находятся у перваго. По воззрѣнію Шопенгауэра, эгоизмъ составляетъ самую сущность личности, которая всегда стремится лишь къ собственному благополучію и все случающееся съ нею оцѣниваетъ только по отношенію къ благу своей личности. Всякая любовь, обращенная на кого-либо изъ близкихъ намъ родныхъ, друзей, знакомыхъ служитъ нашимъ цѣлямъ и поэтому эгоистична. Истинная, безкорыстная любовь предполагаетъ всегда отсутствіе всякой эгоистической примѣси и внушаетъ людямъ пожертвованіе своими благами въ пользу другихъ Такая любовь—сожалѣніе къ страждущимъ, состраданіе. Для того, чтобы въ человѣкѣ возникла истинная любовь, ему необходимо познать невозможность достигнуть призрачныхъ благъ личности и признать тождественность между собою страдающихъ людей и избавляющихъ ихъ отъ страданій. Такое познаніе доступно человѣку, который въ отличіе отъ животныхъ обладаетъ не только умомъ, но и разумомъ, какъ способностью къ мышленію, сознанію, къ религіи, философіи, наукѣ, нравственности и т. п.. Разумное сознаніе внушаетъ человѣку, что онъ не въ состояніи достигнуть личнаго блага и что страданія въ самыхъ разнообразныхъ формахъ—удѣлъ человѣче-

ской жизни. Посредствомъ разумнаго познанія человѣкъ, далѣе, узнаетъ, что его личность не имѣетъ въ себѣ ничего самостоятельнаго, устойчиваго, что, напротивъ, она представляетъ собою нѣчто мимолетное и уничтожимое. Душа человѣка—только функція его тѣла и исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Вся жизнь нашего *я*, какъ и жизнь нашего тѣла, есть постоянное приближеніе къ смерти. Сознаніе также измѣнчиво въ человѣкѣ, какъ и его тѣло и обыкновенно прерывается во время сна. Неизмѣнна только общая сущность, лежащая въ основаніи всѣхъ вещей и всѣхъ существъ міра. Открывая человѣку эту единую сущность, разумное сознаніе указываетъ ему и истинную причину *кажущейся* множественности и отдѣльности существъ, которая не болѣе, какъ оптическій обманъ. Послѣдній кроется въ присущей нашему уму идеѣ пространства и времени, которыя поэтому не принадлежатъ самымъ существамъ и вещамъ міра. Разрушая идею достижимости блага личности и ея устойчивости, разумное сознаніе уничтожаетъ и твердую грань, отдѣляющую одного человѣка отъ другаго. Въ человѣкѣ является увѣренность, что различіе между *я* и *ты* призрачно и что это *я* у всѣхъ людей одинаково, тождественно. Такъ человѣкъ приходитъ къ убѣжденію, что истинная жизнь состоитъ въ настоящемъ, а не въ прошедшемъ или будущемъ. Послѣ этого становится возможною для человѣка безкорыстная любовь къ другимъ людямъ,—самоотверженная дѣятельность для избавленія ихъ отъ страданій, которыя дѣлаются его собственными страданіями. Понять обманчивость пространства и времени, какъ признаковъ самихъ вещей міра, значитъ сдѣлаться способнымъ къ совершенію дѣлъ любви. Самого эгостическаго человѣка можно убѣдить въ томъ, что утоленіе чужихъ страданій ведетъ такъ или иначе къ собственной его выгодѣ. Только сострадательный человѣкъ можетъ дѣйствовать по правилу: „никому не вреди и всѣмъ помогай, сколько можешь“. Такой человѣкъ отрекается отъ своей личности ради блага другихъ, не можетъ допускать возмездія за причиненное зло, не въ состояніи сопротивляться злу насиліемъ и платить зломъ за зло. Онъ далекъ какъ отъ мысли о личномъ возмездіи, такъ и обращеніи къ го-

сударственной власти, которая служитъ человѣч. эгоизму. Съ истиннымъ же познаніемъ несовмѣстимы гнѣвъ противъ другихъ людей, блудъ, услуги постороннихъ и презрѣніе къ животнымъ, по отношенію къ которымъ сострадательный человѣкъ имѣетъ извѣстныя обязанности. Въ безпрерывномъ самопожертвованіи и страданіяхъ ради другихъ человѣкъ находитъ источникъ своего счастья (18—34 стр.).

Всѣ эти взгляды Шопенгауэра встрѣчаются и у Толстаго, который позаимствовалъ, отчасти, у него же и идею матеріальнаго благосостоянія, какъ основу человѣческаго благополучія. По воззрѣнію Шопенгауэра животная природа человѣка — основаніе всей его жизни, въ которой поэтому сохраненіе здоровья вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ матеріальныхъ средствъ составляетъ самое существенное. Идеалъ счастливой жизни для каждаго въ возможно большемъ ограниченіи своихъ потребностей, съуженіи духовныхъ стремленій до minimum'а. Того же самого требуетъ графъ Толстой отъ послѣдователей своего ученія. Но Толстой не во всемъ слѣдуетъ Шопенгауэру. Послѣдній видитъ въ волѣ единственное начало и сущность міра, въ которомъ она раскрывается въ безконечномъ разнообразіи предметовъ и явленій. Шопенгауэръ рекомендуетъ, какъ цѣль жизни, совершенный аскетизмъ и совѣтуетъ каждому умереть голодною смертью. Склонный болѣе къ евдемонистическому воззрѣнію на счастье на землѣ, какъ цѣль человѣческой жизни, Толстой не принялъ взгляда Шопенгауэра на сущность міра и аскетическое самоуничтоженіе человѣка. Въ этомъ отношеніи для Толстаго источникомъ его убѣжденія явилось ученіе другаго нѣмецкаго философа—пессимиста Гартмана, который признавалъ субстанціей всего сущаго разумное, но безсознательное начало съ аттрибутами: волей и представленіемъ и разнообразными абсолютными качествами. Безсознательное Гартмана есть абсолютный, безличный міровой разумъ, дѣйствующій во всемъ мірѣ. Это же понятіе о разумѣ мы находимъ въ основѣ всего нравственно-соціальнаго ученія Толстаго, которой также подобно своему учителю усматриваетъ мысль о безличномъ міровомъ разумѣ въ словахъ евангелиста Іоанна о Богѣ — Словѣ. Наконецъ, не

оригинальна и мысль Толстаго о томъ, что цѣлью мiроваго процесса должно быть безконечное просвѣщенiе и единенiе всѣхъ существъ мiра: тоже самое правовѣдуетъ и Гартманъ, когда онъ говоритъ, что должно стараться о возможно большемъ расширенiи сферы сознательнаго разума въ мiрѣ.

Резюмируя все, сказанное по поводу заимствованiй Толстымъ своего ученiя у различныхъ западно-европейскихъ философовъ, Гусевъ замѣчаетъ, что все оно представляетъ собою смѣсь изъ чужихъ ученiй, своеобразно соединенныхъ Толстымъ въ одно цѣлое. Въ глазахъ Толстаго въ лицѣ I. Христа проявилось только мiровое безсознательное разумное начало, выраженiемъ котораго служитъ и собственное мiровоззрѣнiе Толстаго. Послѣднiй считаетъ свои взгляды наиболѣе точнымъ и яснымъ откровенiемъ въ разумномъ сознанiи абсолютнаго начала. Толстой признаетъ единственнымъ авторитетомъ голосъ своего внутренняго сознанiя разума; онъ — самый ярый рацiоналистъ. Все ученiе Толстаго при всей своей видимой возвышенности и основательности на самомъ дѣлѣ весьма грубо и несостоятельно; оно не признаетъ ни высшаго нравственнаго законодателя, ни нравственно дѣйствующаго субъекта, обязаннаго и способнаго выполнять законъ любви. Толстой искажаетъ совершенно все христiанское ученiе о любви и ея Источникѣ — Богѣ, какъ живомъ, личномъ Существѣ, а не безсознательномъ мiровомъ разумѣ. Гусевъ воспроизводитъ евангелическое ученiе о лицѣ I. Христа для того, чтобы доказать, насколько взгляды Толстаго въ этомъ отношенiи рѣзко расходятся съ этимъ ученiемъ. Но самое понятiе безсознательнаго мiроваго разума не вяжется съ представленiемъ о немъ, какъ источникѣ любви. Эта послѣдняя предполагаетъ ясное отличiе ея отъ ненависти и другихъ чувствъ: иначе немыслимо и ея осуществленiе. Но безсознательный мiровой разумъ, очевидно, не можетъ имѣть представленiя о нравственной цѣнности любви и не въ состоянiи устанавливать и закона любви, какъ безусловно необходимаго правила жизненныхъ отношенiй. При отсутствiи сознательности въ Творцѣ мiра трудно объяснить себѣ все законосообразное и цѣлесообразное въ немъ и всѣ мiровыя явленiя пре-

вратятся для насъ въ неразрѣшимую загадку. Не доказываетъ безсознательности разума и ссылка Толстаго на появленіе въ человѣкѣ во время сна глубокихъ идей, соотвѣтствующихъ работамъ нашего мышленія въ состояніи бодрствованія: такія идеи были бы невозможны безъ предшествующей сознательной дѣятельности человѣческаго духа. Но для установленія нравственности, закона любви субъектъ долженъ обладать кромѣ сознательнаго разума еще особенными нравственными качествами, при помощи которыхъ онъ можетъ отличать доброе отъ злого, стремиться къ нравственному совершенству и удаляться отъ зла. Но субъектъ съ такими свойствами своей природы долженъ быть разумно—свободною личностью. Абсолютный безсознательный разумъ Гартмана или Толстаго—безсмыслица: способность вырабатывать понятія о вещахъ и дѣлать сужденія и умозаключенія немыслима безъ субъекта, которому она принадлежитъ. Но такимъ субъектомъ можетъ быть только высшее личное Существо.

Такимъ образомъ, законъ любви въ ученіи Толстаго не имѣетъ объективнаго, авторитетнаго источника, вслѣдствіе чего онъ теряетъ характеръ всеобщности и обязательности. Чтобы этотъ „законъ" любви могъ быть выполненъ человѣкомъ, необходимо, чтобы онъ былъ самостоятельнымъ существомъ, обладающимъ разумомъ и свободной волей и способнымъ къ достиженію цѣли своей жизни. Между тѣмъ, Толстой не допускаетъ такого взгляда на человѣка въ виду ряда данныхъ, приводимыхъ имъ въ доказательство того, что человѣкъ есть призрачное и ничтожное существо. Однако, всѣ доводы Толстаго въ этомъ отношеніи невѣрны. Такъ несправедливо отвергать тождество человѣческой личности въ теченіе разныхъ періодовъ ея жизни и при различныхъ состояніяхъ на томъ основаніи, что нѣкоторые люди ничего не помнятъ о своемъ дѣтствѣ и среднихъ годахъ своей жизни. Мы считаемъ себя отвѣтственными за всѣ наши поступки, совершенные даже въ дѣтствѣ и сознаемъ, что мы сами виновники всѣхъ своихъ дѣйствій, когда бы они не были совершены нами. Не наша личность различна въ разные періоды ея существованія, а измѣнчиво направленіе и содержаніе ея жизни и развитія. Со-

знаніе появляется еще въ ребенкѣ, который на разныя воздѣйствія внѣшняго міра отвѣчаетъ чувствами удовольствія, радости, страданія, гнѣва и пр. Въ этомъ выражается *я* ребенка. Наше *я* существуетъ независимо отъ внѣшняго міра, впечатлѣнія отъ котораго воспринимаются и переработываются въ нашемъ сознаніи. Въ насъ постоянно живетъ сознаніе, что мы одно и тоже лицо и дѣйствуемъ сами при всякихъ обстоятельствахъ. Тождество и единство нашего *я* сохраняется въ насъ неизмѣнно, не смотря на очевидный для всѣхъ фактъ обмѣна веществъ въ нашемъ организмѣ и процессъ распаденія, старости тѣла. Не доказываетъ уничтожаемости нашего *я* и состояніе сна, во время котораго сознаніе не прекращается совсѣмъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сновидѣнія, а также и тотъ общеизвѣстный фактъ, что человѣкъ можетъ проснуться въ тотъ часъ, который онъ назначилъ предъ сномъ. Нельзя, далѣе, признать вѣрною и ту мысль, что вся наша душевная жизнь вмѣстѣ съ сознаніемъ есть только функція мозга. Если принять этотъ взглядъ, то тогда сознаніе человѣкомъ единства и тожества своей личности останется неразрѣшимой загадкой: при постоянной смѣнѣ частицъ мозга мы не могли бы сознавать себя всегда одними и тѣми же существами. Уничтожаемость нашей личности, наконецъ, не можетъ быть доказываема и тѣмъ, что животные будто бы тоже обладаютъ личностью съ сознаніемъ. Отличительную принадлежность личности составляетъ, кромѣ разума и свободы воли, самосознаніе, благодаря которому человѣкъ руководитъ своею психическою жизнью, направляетъ ее къ осуществленію идей истины, добра и красоты. Но животныя не сознаютъ того, что они личности, не имѣютъ самосознанія; они только индивидуальности, которою обладаютъ не только растительные организмы, но и любая песчинка, нетожественная съ остальными. Если же животныя не имѣютъ личности, то невозможно признать вмѣстѣ съ Толстымъ, что они могутъ имѣть и потребности въ религіи, наукѣ, искусствѣ, которыя онъ считаетъ почему-то животными потребностями. Отличіе человѣка отъ животныхъ состоитъ въ присущемъ ему разумѣ и соединенныхъ съ нимъ способностяхъ человѣка къ религіозному

философскому мышленію, наукѣ, искусству и т. п. Человѣкъ отличается отъ животныхъ также и тѣмъ, что онъ можетъ, по сознанію Шопенгауэра, вліять на измѣненіе прирожденнаго своего характера и сообщать новое направленіе своей нравственной дѣятельности. Графъ Толстой видитъ настоящее *я* человѣка въ извѣстномъ отношеніи къ міру, выражающемся въ большей или меньшей любви къ одному и нелюбви къ другому. Но подобное отношеніе предполагаетъ субъектъ, который относится къ міру извѣстнымъ образомъ и притомъ всегда сознательно и свободно въ такихъ дѣйствіяхъ, какъ любовь человѣка къ другимъ существамъ. Но по представленію Толстаго съ этимъ отношеніемъ, вполнѣ готовымъ, человѣкъ является уже въ мірѣ, гдѣ оно и осуществляется помимо его воли. Но какъ же человѣкъ — отношеніе къ міру — можетъ видоизмѣнять самого себя? По взгляду Толстаго истинно человѣческое *я* въ людяхъ и его жизнь не подлежатъ условіямъ пространства и времени: это *я* есть ничто иное, какъ безличный міровой разумъ, взятый въ его проявленіяхъ въ человѣческой жизни. Но представлять въ такомъ видѣ эту послѣднюю значитъ превращать человѣческія личности въ пустые призраки и совершенно уничтожать возможность нравственной жизни для человѣка. Недостаточны также соображенія относительно внѣвременности и внѣпространственности нашего я. Человѣкъ хорошо сознаетъ различные моменты времени, трудно представляетъ себѣ вѣчность, въ понятіи которой всѣ они сливаются, и постоянно наблюдаетъ все совершающееся въ мірѣ во времени. Онъ также не иначе можетъ мыслить о себѣ и всѣхъ предметахъ, какъ представляя себя и ихъ занимающими извѣстное пространство въ мірѣ. При полной иллюзорности пространства субъектъ, мыслящій о немъ, не находился бы ни въ какомъ мѣстѣ и совершенно сливался бы со всѣмъ существующимъ въ нѣчто нераздѣлимое. Если пространство и время только субъективныя идеи нашего ума, которымъ ничто не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности, тогда вся она, какъ и самъ человѣкъ, превращаются въ пустой призракъ. При отсутствіи реальности пространства и времени невозможна какая-либо личная дѣятельность для чело-

вѣка, его нравственное совершенствованіе, которое необходимо предполагаетъ дѣйствія людей во времени и пространствѣ. Такъ отрицаніе объективнаго характера понятій времени и пространства приводитъ къ представленію о человѣкѣ, какъ призракѣ, лишенномъ нравственной жизни, въ которой дѣйствуетъ одинъ безсознательный разумъ (34—58 стр.).

Обращаясь къ разсмотрѣнію самого принципа о любви къ людямъ, какъ онъ понимается Кантомъ и Толстымъ, Гусевъ доказываетъ, что взгляды мнимыхъ альтруистовъ во многихъ отношеніяхъ ниже евангелическаго ученія, предписывающаго намъ любить ближнихъ, какъ самихъ себя. Евангеліе считаетъ законною нашу любовь и заботливость о самихъ себѣ. Благо челов. личности, къ пріобрѣтенію котораго каждый долженъ стремиться, состоитъ въ развитіи природныхъ талантовъ, въ особенности же нравственномъ самоусовершенствованіи. Подъ отреченіемъ въ пользу другихъ евангеліе разумѣетъ отреченіе отъ собственно своенравнаго и дурнаго направленія нашей жизни и дѣятельность для блага ближнихъ, но не отреченіе отъ самой нашей личности и ея блага. Евангеліе допускаетъ въ человѣкѣ любовь къ самому себѣ и признаетъ законность разумной заботливости его даже о матеріальныхъ благахъ жизни. Но въ тоже время оно требуетъ, чтобы человѣкъ заботился и о благѣ его ближнихъ, особенно же духовномъ. Мы должны быть всегда готовы ко всякимъ жертвамъ, необходимымъ для истиннаго блага нашихъ ближнихъ, быть внимательными къ ихъ нуждѣ и горю и не останавливаться предъ всякими лишеніями. Христіанство узаконяетъ также и предпочтительную любовь и, прежде всего, къ Богу, а потомъ и наиболѣе близкимъ людямъ: родителямъ, собственнымъ дѣтямъ, друзьямъ. Особенная любовь къ такимъ людямъ должна только основываться не на одинхъ кровныхъ связяхъ, но и на духовныхъ отношеніяхъ. Вообще христіанское ученіе благопріятно самымъ естественнымъ чувствамъ и стремленіямъ человѣка, внушаетъ кротко относиться и къ животнымъ, хотя и не поставляетъ послѣднихъ на одну ступень съ людьми и не превращаетъ людей въ слугъ животныхъ. Любовь къ людямъ совмѣстима съ

любовью къ самому себѣ человѣка, если только послѣднюю не смѣшивать съ эгоизмомъ, какъ стремленіемъ человѣка ставить свое *я* центромъ всей своей жизни и смотрѣть на весь остальной міръ только какъ на средство къ достиженію своего личнаго блага. Сами же мнимые альтруисты, видя въ личности единственный и неизбѣжный источникъ эгоизма, доказываютъ въ противорѣчіе себѣ, что люди способны и къ безкорыстной, самоотверженной любви къ себѣ подобнымъ. Такъ даже съ ихъ точки зрѣнія любовь къ себѣ можетъ уживаться съ любовью къ другимъ людямъ. Въ истинномъ же христіанинѣ прирожденное человѣку влеченіе къ себѣ подобнымъ переходитъ въ сознательную и живую любовь къ нимъ подъ вліяніемъ сознанія высокаго достоинства и предназначенія человѣческой природы. Разумная любовь къ другимъ людямъ даже и невозможна безъ существованія любви къ самому себѣ. Трудно представить себѣ, чтобы человѣкъ могъ принимать близко къ сердцу чужіе интересы и сохранять въ себѣ постоянно отзывчивость къ нуждамъ и страданіямъ другихъ, разъ онъ самъ нисколько не дорожитъ своими потребностями и интересами и равнодушенъ къ собственнымъ скорбямъ и радостямъ. Кто уничтожаетъ любовь къ себѣ и убиваетъ всѣ свои желанія въ суровомъ аскетизмѣ, тотъ неспособенъ и сострадать другимъ. Сострадать другимъ значитъ испытывать мучительное чувство при зрѣлищѣ страданій другихъ и стремиться къ освобожденію отъ этого чувства, возстановленію въ насъ бывшаго до этого зрѣлища чувства благосостоянія, спокойствія. А это послѣднее невозможно, какъ нормальное состояніе человѣческой личности, безъ ея любви къ самой себѣ. Человѣкъ, дошедшій до полнаго умерщвленія въ себѣ всякихъ потребностей, не можетъ любить другихъ; аскетизмъ и любовь къ другимъ исключаютъ другъ друга. Состраданіе, которое Шопенгауэръ и Толстой отожествляютъ съ любовью, на самомъ дѣлѣ отлично отъ нея: можно сострадать чужому горю безъ всякой любви къ ближнему. Неосновательна и та мысль, что всякая забота человѣка о своемъ благѣ есть прямое посягательство на благо другихъ. Нѣтъ никакого такого посягательства въ томъ, что человѣкъ стремится удовлетворить ко-

реннымъ потребностямъ своей разумно-нравственной природы, познать и выполнить свое призваніе въ жизни. Все то, что не пріобрѣтетъ въ этомъ случаѣ человѣкъ, есть несомнѣнно его благо; нельзя также утверждать, что обладаніе какимъ-либо матеріальнымъ благомъ приноситъ только ущербъ другому. Если бы это было такъ и на самомъ дѣлѣ, тогда никто не могъ бы и владѣть чѣмъ-либо: то, что намъ дадутъ другіе, можетъ оказаться нужнымъ кому-либо, такъ что принять какую-либо вещь значило бы нанести ущербъ другимъ. Но разъ найдется лицо, нуждающееся въ нашемъ добрѣ, пожертвованномъ намъ другими, мы сами должны умереть отъ голода, холода или жажды.

Гусевъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ, что всякія заботы о пріобрѣтеніи матеріальныхъ благъ, если они согласны съ требованіями христіанской нравственности, не только не могутъ наносить вредъ благосостоянію другихъ людей, но даже могутъ быть имъ полезны. Любовь къ другимъ людямъ даже и несовмѣстна съ принципомъ мнимаго альтруизма. Любовь возможна только по отношенію къ тому, что имѣетъ какую-либо положительную цѣнность и несомнѣнное достоинство. Въ этомъ отношеніи христіанская любовь къ ближнимъ вполнѣ оправдывается христіан. взглядомъ на высокое значеніе и достоинство человѣческой личности. Но съ точки зрѣнія Толстаго любовь къ другимъ не только неумѣстна, но даже и беззаконна. Если моя собственная личность и моя личная жизнь—зло, суета, ничтожество, то вѣдь и всякія другія личности тоже—зло, суета и ничтожество. Тоже самое значеніе имѣетъ и цѣлое человѣчество, какъ собраніе отдѣльныхъ личностей. Человѣчество не есть какое-то органическое существо: оно существуетъ лишь въ отдѣльныхъ индивидуамахъ, не есть какая-либо реальность, а только отвлеченное представленіе. Если мы сами не должны заботиться объ удовлетвореніи интересовъ и потребностей своей личности, какъ чего-то ничтожнаго, то съ какой же стати мы обязаны заботиться объ удовлетвореніи потребностей другихъ личностей и тѣмъ поддерживать въ нихъ личныя вожделѣнія? Таже самое нужно сказать и о нашей любви къ животнымъ, которыя тоже

зло и ничтожество съ точки зрѣнія Толстаго. Любовь къ другимъ даже немыслима, если мы обратимъ вниманіе на взглядъ мнимыхъ альтруистовъ на необходимость страданій въ человѣч. жизни. Страданія, по ихъ мнѣнію,—великое благо для человѣка, такъ какъ онъ при ихъ посредствѣ научается понимать призрачность всего бытія, невозможность личнаго счастья; они же заставляють его желать скорѣйшаго исчезновенія изъ этого міра. Страданія, говоритъ Толстой, безусловно благодѣтельны и поэтому они должны быть. Но если это такъ, то никто и не обязанъ освобождать другихъ людей отъ страданій, устранять изъ ихъ жизни то, что *должно быть* въ ней. Всякаго рода дѣятельность на пользу другихъ даже совершено безплодна, такъ какъ люди никогда не могутъ быть счастливыми. Такъ всѣ жертвы, всѣ заботы о благѣ другихъ оказываются безполезными, безцѣльными и прямо противорѣчащими назначенію человѣка по взгляду Шопенгауэра и Толстаго.

Но, кромѣ этого, правило: „живи не для себя, а для другихъ“ противно понятію о нравственной жизни человѣка вообще, его служенію другимъ людямъ и непримѣнимо ко многимъ. Правило это разсматриваетъ человѣка, какъ средство для достиженія блага другими людьми и устраняетъ всякія обязанности человѣка въ отношеніи къ самому себѣ. Человѣкъ призванъ выполнять и осуществлять собственное личное назначеніе и призваніе; онъ имѣетъ обязанности не только въ отношеніи къ другимъ, но и къ самому себѣ. Цѣлью его дѣятельности является духовное усовершенствованіе, преимущественно же религіозно-нравственное. Съ истинно нравственной точки зрѣнія душевная чистота, цѣломудріе, самообладаніе, бдительность и чуткость человѣка ко всему, происходящему внутри его, нужны ему не менѣе, чѣмъ сострадание, любовь и энергичная готовность послужить себѣ подобнымъ. Принципъ: „живи для другихъ“ нарушаетъ требованія истинной любви къ людямъ, которая невозможна безъ предварительной хорошей подготовки человѣка къ служенію другимъ, постояннаго совершенствованія въ разныхъ отношеніяхъ: нравственномъ, умственномъ и другихъ. Человѣкъ не можетъ остав-

лять заботъ о дальнѣйшемъ своемъ совершенствованіи, если онъ хочетъ всегда быть полезнымъ людямъ, искренно одушевленъ желаніемъ добра имъ. Но никакое совершенствованіе человѣка немыслимо безъ жизни *для себя*, безъ выработки здраваго міровоззрѣнія, обогащенія своего ума нужными научными знаніями, знакомства съ какимъ-либо ремесломъ и т. п. Даже земледѣльческій трудъ, особенно рекомендуемый Толстымъ, требуетъ предварительныхъ сложныхъ познаній и большой практической подготовки для того, чтобы быть производительнымъ. Наконецъ, принципъ: „живи для другихъ“ не можетъ быть признанъ приложимымъ во всѣхъ случаяхъ. Каждый человѣкъ въ дѣтствѣ и долго и въ юношескіе годы своей жизни нуждается въ заботахъ о немъ со стороны другихъ людей. Нѣкоторые люди съ ранняго дѣтства неспособны, вслѣдствіе ли какой-нибудь болѣзни или увѣчья, жить для другихъ и сами нуждаются въ безпрерывныхъ о нихъ попеченіяхъ. Иногда человѣкъ, трудящійся для другихъ, получаетъ неизлечимую болѣзнь и становится неспособнымъ къ дальнѣйшему труду для другихъ. Выполненіе правила о жизни только для другихъ также невыполнимо для стариковъ и старухъ, утратившихъ всякія силы. Между тѣмъ, каждое изъ этихъ лицъ, которыя не въ состояніи нести обязанности въ пользу другихъ, можетъ отличаться личными высокими нравственными качествами, благотворно вліящими на окружающихъ ихъ людей (58—81 с.).

Несогласны съ истинною любовью къ людямъ, продолжаетъ Гусевъ, и, вытекающія изъ главнаго принципа мнимыхъ альтруистовъ, правила: „никому не вреди и всѣмъ, сколько можешь, помогай“. Выполненіе правила объ избѣжаніи вреда другимъ означаетъ у Толстаго осуществленіе его извѣстныхъ пяти заповѣдей, съ которыми несовмѣстно причиненіе кому-либо непріятнаго. Но любить не значитъ дѣлать всѣмъ лишь одно пріятное: доставляя пріятное однимъ людямъ, легко, а иногда и неизбѣжно, причинить непріятное другимъ. Любовь къ людямъ не требуетъ, чтобы мы при своемъ имъ служеніи не дѣлали никакого различія между благородными, высоко нравственными личностями и ворами, грабителями, убійцами и другими злодѣями. Если мы

искренно любимъ людей, то мы не можемъ не возмущаться, не негодовать при видѣ незаслуженныхъ обидъ и оскорбленій словомъ, беззастѣнчивой эксплоатаціи и систематическаго грабежа, какимъ они подвергаются. Съ нашей стороны было бы безсердечно не прибѣгнуть къ власти для охраненія интересовъ ближняго отъ явнаго ущерба. Искренняя любовь къ людямъ не дозволитъ уклониться отъ клятвы или присяги, если чрезъ это достигается благо нашихъ ближнихъ. Истинно любящій людей всегда будетъ содѣйствовать ограниченію дикаго произвола въ человѣческихъ отношеніяхъ и водворенію въ нихъ справедливости. Поэтому отрицаніе государственнаго порядка и власти, воплощающихъ въ себѣ начала правды и добра, несовмѣстно съ истинною любовью къ людямъ. Но съ нею совершенно согласна защита силою кого-либо изъ ближнихъ, который находится въ опасности быть ограбленнымъ или убитымъ. Любовь къ страждущимъ собратьямъ не допуститъ человѣка отказаться отъ участія въ войнѣ, которая предпринимается для спасенія какого-либо народа отъ грабежа, всяческихъ насилій и убійствъ. Пассивное созерцаніе злодѣяній, совершаемыхъ одними людьми надъ другими, равняется содѣйствію съ нашей стороны злу и нежеланію отклонить грабителей или убійцъ отъ его совершенія. Наконецъ, несовмѣстно съ живою и горячею любовью къ людямъ и отрицаніе Толстымъ брака. Семейная жизнь является для многихъ людей источникомъ утѣшеній и радостей, доставляетъ имъ пріятное, что въ глазахъ Толстаго неразлучно съ любовью къ людямъ Стремленіе къ браку вытекаетъ изъ потребности нашей природы. Кромѣ того, взаимныя отношенія родителей къ дѣтямъ представляютъ самую естественную почву для воспитанія безкорыстныхъ, сердечныхъ симпатій и для проявленія самоотверженной дѣятельности. Запрещеніе вступать въ бракъ въ виду того, что есть много на свѣтѣ матеріально необезпеченныхъ дѣтей, вовсе не вытекаетъ изъ любви къ людямъ. Она только требуетъ отъ женатыхъ, чтобы они заботились, кромѣ своихъ дѣтей, и о чужихъ, матеріально необезпеченныхъ. Также и правило: „помогай всѣмъ, сколько можешь“ не выражаетъ требованій истинной любви къ

людямъ. Въ силу послѣдней мы должны помогать *истинно нуждающимся*, давать имъ возможность самимъ обезпечивать себѣ средства къ жизни. Отдавать свои силы на служеніе безразлично всякому значило бы потворствовать лѣности и алчности дурныхъ людей. Честные и трудолюбивые люди обыкновенно считаютъ своимъ долгомъ пріобрѣтать средства къ жизни собственнымъ трудомъ и отказываются отъ помощи, какую будутъ предлагать имъ другіе. Истинная любовь не состоитъ въ требованіи служить людямъ исключительно физическимъ трудомъ; она обязываетъ оказывать людямъ такую помощь, какая имъ *нужнѣе* въ ихъ положеніи. Съ точки зрѣнія такой любви вполнѣ законна и денежная помощь истинно нуждающимся. Деньги—не зло въ жизни, если они употребляются для облегченія тяжелаго положенія ближнихъ и удовлетворенія своихъ необходимыхъ нуждъ. Кажется страннымъ и требованіе Толстаго, чтобы человѣкъ заботился объ единеніи и просвѣщеніи животныхъ, которыя неспособны по своей природѣ внимать какимъ-либо наставленіямъ. Требовать же отъ людей, чтобы они при нападеніи какихъ-либо хищныхъ животныхъ жертвовали имъ собою, представляется крайне нечеловѣколюбивымъ (81—91 стр.).

Теперь Гусевъ переходитъ къ обсужденію раціональныхъ соображеній, которыя приводятся мнимыми альтруистами въ доказательство незаконности и вреда предпочтительной любви къ нѣкоторымъ существамъ, требуемой христіан. ученіемъ. Совершенно неправильно мнѣніе, что всякая любовь вызывается эгоизмомъ и преслѣдуетъ чисто эгоистическія цѣли. Человѣкъ эгоистичный руководствуется въ своей личной дѣятельности только личными прихотями и вожделѣніями, но не указаніями религіи и нравственности, смотритъ на все въ мірѣ только, какъ на средство для достиженія своихъ цѣлей. Но высшій родъ любви—любовь къ Богу, требующая полной готовности выполнять всѣ его заповѣди, не имѣетъ въ себѣ ничего эгоистичнаго. Въ дѣятельности человѣка необходимо различать между эгоистическимъ и альтруистическимъ стремленіями его природы, чего не хотятъ признать Толстой и его руководители. Очевидно, нельзя считать эгоистомъ того

писателя, который поставилъ задачей своей дѣятельности поддерживать всякое доброе дѣло, возбуждать въ людяхъ сострадание къ бѣдствующимъ, того государственнаго дѣятеля, который стремится къ водворенію въ обществѣ началъ правды и справедливости, удовлетворенію народныхъ нуждъ и обезпеченію общественнаго благосостоянія. Нѣтъ эгоизма въ предпочтительной любви къ родителямъ, женѣ, мужу, дѣтямъ, кровнымъ родственникамъ, друзьямъ и т. д., ради которыхъ истинно любящій человѣкъ готовъ на всякія жертвы, нравственно необходимыя для ихъ блага. Питая къ кому-либо предпочтительную любовь, мы отрѣшаемся отъ эгоизма и становимся способными предпочитать благо любимаго существа своему собственному благу. Предпочтительная любовь не можетъ быть названа эгоистическою на томъ основаніи, что она доставляетъ любящимъ людямъ радости, которыя испытываются и при любви ко всѣмъ людямъ. Толстой отвергаетъ предпочтительную любовь еще на томъ основаніи, что она можетъ доставить страданія обѣимъ сторонамъ. Но огорченій не знаетъ лишь полное равнодушіе къ людямъ. Всякое страданіе почтенно, если оно не переходитъ въ отчаяніе и не заставляетъ складывать рукъ въ безнадежности. Изъ за любви только къ нѣкоторымъ людямъ мы забываемъ, продолжаетъ Толстой, о всѣхъ остальныхъ и готовы заставить послѣднихъ служить первымъ, но предпочтительная любовь съ такимъ характеромъ недостойна названія любви. Любить своихъ родителей, дѣтей и проч. близкихъ лицъ еще не значитъ эксплоатировать всѣхъ людей въ ихъ пользу. Особенное попеченіе о близкихъ лицахъ не снимаетъ съ христіанина обязанности служить благу другихъ людей. Родители, которые видятъ собственныхъ дѣтей голодными и раздѣтыми, никогда не рѣшатся отнять что-либо у другихъ; они могутъ только просить о помощи своимъ дѣтямъ. Родительская любовь вызываетъ, замѣчаетъ Толстой, безсердечное отношеніе къ нуждѣ чужихъ людей, которымъ родители отказываютъ въ кускѣ хлѣба, нужномъ для ихъ собственныхъ дѣтей. Но этотъ доводъ говоритъ скорѣе въ пользу, а не противъ предпочтительной любви. Предпочтеніе своихъ дѣтей родителями чужимъ нуждаю-

щимся людямъ можетъ быть основано на жалости къ послѣднимъ. Но, очевидно, жалость родителей къ собственнымъ дѣтямъ гораздо больше жалости къ постороннимъ людямъ, которыхъ они и не могутъ предпочесть при удовлетвореніи нуждъ своихъ дѣтей. По словамъ Толстаго, предпочтительная любовь можетъ вовлечь насъ въ ошибки при выборѣ ея предметовъ. Едва ли, однако, ошибается тотъ, кто любитъ особенно своихъ родителей, жену, дѣтей, кровныхъ родныхъ, къ которымъ насъ влечетъ наше сердце. Не ошибаемся мы, если любимъ мучимаго невольно болѣе, чѣмъ мучителя, самоотверженнаго общественнаго дѣятеля больше паразита и т. д.. Горячая любовь къ истинѣ, добру и ко всему благородному и совѣсть наша подскажутъ намъ, кого намъ нужно больше любить и заставятъ полюбить особенно всѣхъ представителей истины, добра, всего возвышеннаго, идеальнаго въ мірѣ. Отрицаніе всякой предпочтительной любви къ людямъ влечетъ за собой отрицаніе всякой къ нимъ любви, совершенное равнодушіе ко всему и ко всѣмъ. Сообразно различію взаимныхъ нашихъ отношеній къ людямъ возникаютъ и разныя степени нашей любви къ людямъ. Требованія разума и чувства справедливости, свойственныя нашей природѣ, также опредѣляютъ и разницу въ проявленіяхъ нашей любви къ людямъ, которая не можетъ быть ко всѣмъ нимъ одинакова; такая любовь равнялась бы полному равнодушію къ людямъ. Любовь къ людямъ графа Толстаго не имѣетъ въ себѣ ничего возвышеннаго и по своимъ мотивамъ. Любовь, говоритъ онъ, всегда ведетъ къ самопожертвованію. Но жертвовать мы можемъ только то, что цѣнно въ нашихъ глазахъ. Но ни вещи, которыми мы обладаемъ, ни сама личность не имѣютъ какой-либо цѣнности. Слѣдовательно, жертвуя своимъ имуществомъ или собою, мы не приносимъ никакой истинной жертвы, а только глумимся надъ ближними. Въ другомъ совершенно видѣ представляется дѣятельность человѣка на пользу ближнихъ, когда мы придаемъ извѣстную, относительную цѣнность благамъ, которыми мы владѣемъ по справедливости, и смотримъ на человѣч. личность съ идеальной точки зрѣнія. Альтруизмъ Толстаго сводится въ сущности къ самому гру-

бому эгоизму: человѣкъ живетъ для другихъ только въ тѣхъ видахъ, чтобы достигнуть своего собственнаго счастья. Вся мнимо-самоотверженная дѣятельность человѣка, по мысли Толстаго, направлена въ сущности на его же *я*, которое только одно существуетъ. Между тѣмъ всѣ остальные индивидуумы только призраки, такъ какъ время и пространство, въ которыхъ они являются, лишь субъективныя идеи нашего разума. Все, что я ни дѣлаю для другихъ, все это я дѣлаю только для себя. Поэтому-то возможно и соблюденіе заповѣдей Толстаго: на себя нельзя гнѣваться, съ самимъ собою невозможно судиться, немыслимо клясться предъ собою, употреблять насиліе противъ своей личности и жениться на самомъ себѣ (91—105 стр.).

Въ итогѣ всего этого критическаго разбора ученія Толстаго у Гусева получается такой взглядъ на него, которымъ совершенно уничтожается всякое жизненное значеніе морали „знаменитаго писателя земли русской". Все ученіе Толстаго, далекое по существу отъ христіанскаго міровоззрѣнія, заимствовано имъ у Конта, Шопенгауэра и Гартмана, причемъ Толстой не избѣжалъ и крупныхъ погрѣшностей взглядовъ этихъ европейскихъ мыслителей. „Законъ любви" Толстаго берется неизвѣстно откуда и не имѣетъ обязательнаго значенія для людей; онъ даже не можетъ быть совершенно приложимъ къ жизни, такъ какъ допускаетъ разнообразное толкованіе, противорѣчитъ понятію объ условіяхъ и задачахъ нравственной дѣятельности человѣка и сводится на самомъ дѣлѣ къ глубокой эгоистической заботливости человѣка о самомъ себѣ (105—107 стр.).

Таковъ окончательный выводъ о жизненномъ значеніи моральныхъ взглядовъ графа Толстаго, къ которому профессоръ Гусевъ приходитъ послѣ тщательнаго разбора всего его міровоззрѣнія. Мы видѣли, какъ постепенно, шагъ за шагомъ раскрываются Гусевымъ всѣ недостатки ученія Толстаго, который только соединилъ въ немъ, и притомъ довольно неудачно, разнообразныя и противоположныя воззрѣнія Конта, Шопенгауэра и Гартмана. Именно этимъ слѣпымъ довѣріемъ Толстаго къ указаннымъ представителямъ философской науки текущаго столѣтія объясняется

тотъ странный фактъ, что Толстой принимаетъ въ одно и тоже время такіе исключающіе другъ друга взгляды, какъ понятіе о безличномъ міровомъ разумѣ, какъ основаніи всего міра,—о человѣкѣ, какъ какомъ-то „отношеніи къ міру", и—обязанности для каждаго любить ближнихъ, выполненіе которой немыслимо безъ личной дѣятельности человѣка. Трудно себѣ представить, почему человѣкъ долженъ стремиться къ осуществленію въ своей жизни этого „закона любви", если онъ отказывается отъ понятія о божествѣ, какъ личномъ, свободномъ, творческомъ разумѣ,—первоначальной причинѣ всего существующаго, и человѣкѣ, какъ также личномъ существѣ, которое дѣйствуетъ сознательно Еще труднѣе понять, какъ можетъ быть приложимъ въ жизни принципъ любви къ другимъ при представленіи субъективности идей пространства и времени. Этотъ послѣдній взглядъ, заимствованный Толстымъ у Шопенгауэра или Канта, опровергается нашимъ сознаніемъ, которое убѣждаетъ насъ непосредственно въ томъ, что всѣ вещи являются въ пространствѣ и времени. Вещи, существующія въ пространствѣ, измѣняются во времени. Наше сознаніе, наше *я*, подмѣчая эти измѣненія, тѣмъ самымъ сопоставляетъ настоящее въ состояніи субстанціи вещи съ его прошедшимъ и будущимъ. Такимъ образомъ, наличность въ нашемъ умѣ понятій о пространствѣ и времени, имѣющихъ и объективный характеръ, служитъ яснымъ доказательствомъ и неизмѣнности и самостоятельности нашего духовнаго существа, *единства* нашего сознанія, и субстанціальности внѣшнихъ предметовъ, особенно же всѣхъ другихъ людей, обладающихъ личностью, тождественной съ нашей. Для того, чтобы дойти до мысли о необходимости основать всѣ человѣческія отношенія на альтруистическомъ началѣ, нѣтъ нужды въ уничтоженіи личности во всѣхъ людяхъ посредствомъ искусственнаго примѣненія къ познанію міра кантовскаго понятія о пространствѣ и времени. Для достиженія указанной цѣли достаточно изслѣдованія основныхъ свойствъ человѣческой природы и историческихъ данныхъ, неоспоримо свидѣтельствующихъ о постепенномъ развитіи въ сознаніи человѣчества понятія о нравственности въ смыслѣ христіанскаго уче-

нія. Сознавая себя самостоятельной и свободной личностью, обязанной заботиться о совершенствованіи всѣхъ силъ своей природы, человѣкъ признаетъ такую же личность и за всѣми другими людьми, по отношенію къ которымъ онъ имѣетъ нравственныя обязанности, неисчерпывающіяся однимъ состраданіемъ. Понятіе любви къ людямъ гораздо шире понятія состраданія: любить людей значитъ постоянно и энергично служить имъ всѣми силами своей личности и не отступать и предъ самопожертвованіемъ, если оно понадобится для блага ближняго. Интересами же ближнихъ оправдывается и „противленіе злу насиліемъ", противъ котораго возставалъ до послѣдняго времени графъ Толстой, рѣшившійся теперь самъ подать примѣръ такого противленія „злу" своей неустанной дѣятельностью на пользу голодающихъ. Выполненіе остальныхъ его „заповѣдей" не обнимаетъ всей нравственной жизни человѣка, въ которой онѣ занимаютъ второстепенное мѣсто вслѣдствіе своего субъективнаго характера: эти „заповѣди" могутъ быть выполняемы тѣмъ или другимъ человѣкомъ, который можетъ быть совершеннымъ нравственно и безъ слѣдованія въ своей жизни этимъ только отрицательнымъ предписаніямъ морали, осуществляемой лично, все-таки, только свободной личностью. Истинная любовь къ людямъ даже требуетъ, какъ это вѣрно доказываетъ Гусевъ, образа дѣйствій, во многихъ случаяхъ противнаго этимъ заповѣдямъ. Ревнуя о соблюденіи людьми нравственной чистоты, Толстой отрицаетъ бракъ, какъ необходимое соціальное учрежденіе. Но этотъ взглядъ, проводимый Толстымъ въ его надѣлавшей много шуму „Крейцеровой Сонатѣ", противорѣчитъ, прежде всего, воззрѣнію самого же Толстаго на матеріальное благосостояніе, какъ на главную, если только не единственную цѣль дѣятельности человѣка, въ которой основаніемъ всей его жизни является животная его природа, матеріальныя ея потребности. Во имя этой цѣли отвергаются Толстымъ всѣ высшія, духовныя стремленія человѣческой личности къ религіи, наукѣ, искусству, которыми человѣкъ отличается отъ животныхъ. Вся „Крейцерова Соната", въ которой такъ художественно обрисована Толстымъ пустота и безсодержательность жиз-

ни большинства супруговъ въ образованныхъ классахъ русскаго общества и ярко выставлены вопіющіе недостатки воспитанія въ нихъ юношества и свѣтской жизни, представляетъ собою лишь новое доказательство того факта, что всѣ взгляды Толстаго не его собственные, а заимствованны изъ той самой европейской науки, которую онъ такъ рѣшительно отрицаетъ. Толстой рекомендуетъ, по примѣру Шопенгауэра и Гартмана, человѣчеству полное уничтоженіе въ тотъ моментъ его жизни, когда всѣ люди вслѣдствіе исчезновенія въ ихъ средѣ плотской любви посредствомъ удержанія отъ брака „соединятся въ едино любовью“[1]). Но если принять этотъ взглядъ Толстаго, то тогда людямъ нужно оставить надолго безъ вниманія „законъ любви“, настойчиво рекомендуемый имъ, какъ необходимое жизненное правило: они должны направить всѣ свои силы только на борьбу съ страстями, которыя мѣшаютъ достиженію цѣли человѣческой жизни—осуществленію „закона любви“ Такъ къ пяти „заповѣдямъ“ Толстаго прибавляется шестая, если только не считать его требованія объ удаленіи людей изъ городовъ съ ихъ искусственною культурною жизнью и объ единеніи съ природой въ деревнѣ. Моральное ученіе Толстаго, слѣдовательно, допускаетъ невозможныя толкованія и именно потому, что въ немъ нѣтъ ничего твердаго и опредѣленнаго, что могло бы сдѣлаться дѣйствительнымъ основаніемъ и правиломъ нравственной жизни человѣка. Но не смотря на явную несостоятельность этого ученія Толстаго, которая бросается въ глаза почти каждому непредубѣжденному изслѣдователю, оно продолжаетъ сохранять до сихъ поръ свое обаяніе не только для русскаго, но даже и всего европейскаго образованнаго общества. Причина этого удивительнаго факта кроется, конечно, не въ самомъ ученіи, а въ своевременномъ появленіи проповѣди Толстаго о вопіющихъ недостаткахъ въ жизни современнаго общества, воззваніи къ нему во имя идеи о нравственномъ совершенствованіи личности, такъ пренебрегаемомъ среди особенныхъ заботъ всѣхъ о матеріальномъ только благосостояніи человѣка. Не-

---

1) Сочиненія Толстаго, 13 томъ, Москва, 1891, 298 стр.

опредѣленность и шаткость нравственныхъ понятій, характеризующія современную общественную жизнь, хорошо объясняетъ также, почему ученіе Толстаго, настойчиво проводимое въ жизнь имъ самимъ, долго привлекаетъ вниманіе общества, въ средѣ котораго оно имѣетъ немало искренныхъ сторонниковъ, готовыхъ сдѣлаться или уже сдѣлавшихся настоящими „толстовцами“ въ своей дѣятельности.

В. Щегловъ.

---

2. *М. Масперо.* Древняя исторія. Египетъ. Ассирія. Переводъ. С.-Петербургъ, 1892, 305 стр.

Французскій историкъ Масперо извѣстенъ своими трудами по древней исторіи, пріобрѣтшими авторитетъ въ исторической наукѣ. Настоящее его изслѣдованіе касается только двухъ восточныхъ государствъ: Египта и Ассиріи и представляетъ собой, по выраженію самого автора, „не послѣдовательную исторію династій народовъ“ древняго Египта и Ассиріи, а описаніе различныхъ культурныхъ формъ ихъ жизни. Масперо описываетъ ее, однако, не въ теченіе всей исторіи Египта и Ассиріи, а только въ эпохи, отъ которыхъ сохранилось наибольшее количество памятниковъ, по которымъ можно составить болѣе опредѣленное представленіе о цивилизаціи обоихъ этихъ восточныхъ государствъ. Египетъ разсматривается Масперо при Рамзесѣ II (XIV в. до Р. X.), Ассирія—при Ассурбанипалѣ (VII в. до Р. X.). Оригиналенъ методъ, которому Масперо слѣдуетъ въ своемъ описаніи общественной жизни въ древнемъ Египтѣ и Ассиріи. Чтобы живѣе представить картину всего быта народовъ, отдѣленныхъ отъ нашего времени тысячелѣтіями, Масперо ведетъ разсказъ о нихъ отъ своего лица, какъ бы очевидца, поступаетъ, по его выраженію, какъ „тѣ добросовѣстные путешественники, которые, намѣреваясь отправиться въ новыя страны, освѣдомляются раньше, чѣмъ пуститься въ путь, о нравахъ и языкѣ, существующихъ въ нихъ. Прибывъ на мѣсто, продолжаетъ онъ, я осмотрѣлся вокругъ себя и старался присмотрѣться и прислушаться ко всему,

какъ можно лучше, какъ можно больше. Я исходилъ всѣ улицы въ городѣ, заглядывалъ, гдѣ можно, въ плохо притворенныя двери, слонялся по торговымъ лавкамъ, записывалъ все, что удалось подслушать въ народныхъ толкахъ и разговорахъ. Когда каменщики составили забастовку, я шелъ за ними къ Ѳивскому намѣстнику, чтобы знать, чѣмъ она кончится. Проходило похоронное шествіе съ большимъ шумомъ, я проводилъ покойника до могилы и полюбопытствовалъ объ участи, ожидающей его въ другомъ мірѣ. Справляли свадьбу: я, пользуясь привѣтливостью, съ какою восточные жители отворяютъ двери своихъ домовъ во время празднества, издали присутствовалъ при чтеніи брачнаго договора. Когда проходилъ фараонъ или ниневійскій царь, я съ другими ротозѣями бѣжалъ за ними въ храмъ, во дворецъ или на охоту; а куда обычай или этикетъ не позволяли мнѣ войти, я проникалъ туда мысленно при помощи подслушанныхъ разговоровъ. Такъ двадцать барельефовъ дали мнѣ возможность присутствовать, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, въ войнахъ древняго міра, при наборахъ рекрутъ въ войска, при походахъ войскъ и военныхъ дѣйствіяхъ и узнать, какими усиліями энергіи Рамзесъ II побѣдилъ *подлаго* Хити и какъ ассирійскій полководецъ взялъ приступомъ одинъ городъ". Благодаря такому способу передачи Масперо извѣстнаго изъ исторіи древняго Египта и Ассиріи, читатель дѣйствительно какъ бы самъ присутствуетъ при разныхъ событіяхъ въ ихъ жизни, иллюстрируемыхъ авторомъ, и невольно заинтересовывается оригинальнымъ складомъ всего общественнаго и политическаго быта древнихъ египтянъ и ассирійцевъ. Но „Историческія чтенія" о нихъ Масперо имѣютъ и особую научную важность. Въ нихъ встрѣчаются на ряду съ описаніями религіознаго міровоззрѣнія, экономическаго и политическаго быта и многія черты юридическаго строя обоихъ народовъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги Масперо дѣлаетъ попытки сравнить цивилизацію древнихъ египтянъ и ассирійцевъ и тѣмъ даетъ достовѣрный и важный матеріалъ для сравнительной ея исторіи у народовъ древности и новаго времени.

Масперо посвящаетъ Египту первую половину своей книги,

въ первой главѣ которой идетъ рѣчь объ устройствѣ столицы Египта Ѳивъ и народной въ нихъ жизни. При описаніи семейнаго быта Масперо замѣчаетъ, что у египтянъ, „хотя многоженство и дозволялось законами, простолюдинъ и небогатый гражданинъ однакоже имѣли по одной женѣ, которой нерѣдко была родная сестра или одна изъ ближайшихъ родственницъ“ (5 с.). Слѣдовательно, въ описываемую Масперо эпоху въ Египтѣ существовала еще матріархальная семья, въ которой считались законными браки съ близкими родными по отцу, какъ непроисходящими отъ одной матери. Жена въ матріарх. семьѣ занимаетъ первое мѣсто и обладаетъ всѣми правами предпочтительно предъ мужемъ и другими мужскими членами семьи. Тоже явленіе мы видимъ и въ древнемъ Египтѣ при Рамзесѣ II: „египтянки изъ народа и средняго класса пользуются, говоритъ Масперо, большимъ уваженіемъ и независимостью, чѣмъ женщины высшаго класса. Дѣвушки наслѣдуютъ отъ своихъ родителей равную часть съ братьями, жена — настоящая хозяйка въ домѣ и ея мужъ, такъ сказать, только привиллегированный гость. Она уходитъ и приходитъ, никого не спрашиваясь, и разговариваетъ, съ кѣмъ ей угодно. Женщина выполняетъ всѣ работы въ домѣ по хозяйству, она—пружина, которая приводитъ въ движеніе весь домъ. Родовыя отношенія дѣтей обозначаются скорѣе именемъ матери, чѣмъ — отца, который самъ въ извѣстныхъ случаяхъ оживляетъ и укрѣпляетъ своими назиданіями привязанность, которую дѣти питаютъ къ матери“ (5 - 13 с.). Среди египетскаго народонаселенія обращаетъ вниманіе на себя классъ *скрибъ*,—лицъ, получавшихъ извѣстное образованіе и занимавшихъ, смотря по его степени, разныя должности въ управленіи. Поэтому скрибы пользовались разнаго рода привиллегіями, юридическими и политическими (7—8 с.). Въ второй главѣ Масперо разсказываетъ о хозяйственной жизни египтянъ, у которыхъ при Рамзесѣ II встрѣчалась еще мѣна въ ея первобытномъ видѣ съ сложными и запутанными разсчетами для уравненія стоимости обмѣниваемыхъ предметовъ. Однако, уже и въ это время у египтянъ была употребляема однообразная единица цѣнности, извѣстное количество

того или другаго металла (утну мѣди, серебра, золота идр., —17 с.). Масперо описываетъ разныя производства товаровъ у египтянъ, у которыхъ торговля и промышленность сливались вмѣстѣ въ XIV ст. до Р. Х. Тутъ же мы встрѣчаемся съ эпизодомъ о стачкѣ каменщиковъ, недовольныхъ получаемой платой за свою работу (25—29 с.). Въ 3—4 главахъ книги говорится о религіи египтянъ и сущности власти египетскаго царя—фараона, который являлся воплощеніемъ божества на землѣ, „двойникомъ" Горуса, видимымъ богомъ. Поэтому каждый шагъ фараона считался священнодѣйствіемъ. Фараонъ—посредникъ между небомъ и землею, чрезъ котораго передаются молитвы людей къ богамъ. Отсюда понятно, что власть фараона неограниченная, абсолютная (34—40 с.). Принося жертвы богамъ (Амону и др.), фараонъ тѣмъ самымъ пріобрѣталъ право на помощь себѣ съ ихъ стороны, если только при жертвоприношеніи соблюдались всѣ необходимыя формальности (57 с.). Боги или, вѣрнѣе, жрецы судятъ не только чисто религіозныя, но даже и многія гражданскія дѣла, въ особенности тѣ изъ послѣднихъ, которыя касаются управленія имуществами храмовъ (47—52 с.). Въ пятой главѣ Масперо касается вопроса объ администраціи древняго Египта, который подраздѣлялся на области (номы). Во главѣ каждой изъ нихъ стояли знатные наслѣдственные правители, бывшіе когда-то независимыми, самостоятельными князьями съ феодальными правами надъ мѣстнымъ населеніемъ. Съ переходомъ власти въ руки энергичныхъ ѳивскихъ царей мѣстные князья должны были признать верховенство фараона, которой оставилъ за ними право безконтрольнаго распоряженія въ ихъ бывшихъ владѣніяхъ съ обязательствомъ выполненія всѣхъ повинностей въ пользу царя (личныхъ и денежныхъ). Поэтому каждая нома управляется самостоятельно; въ ней есть свои административныя учрежденія, аналогичныя общегосударственнымъ (напр., государственный совѣтъ, гдѣ засѣдаютъ областные чины; 60—62 с.). На обязанности же вассаловъ лежало, между прочимъ, и отбываніе воинской повинности, отъ несенія которой египтяне уже успѣли отвыкнуть во времена Рамзеса II.

Вся шестая глава посвящена Масперо описанію жизни такихъ областныхъ правителей въ древнемъ Египтѣ, обладавшихъ большими помѣстьями и проводившихъ въ нихъ въ мирное время спокойную и беззаботную жизнь (74—90 с.). Въ слѣдующихъ двухъ главахъ (7—8) Масперо останавливается на воззрѣніяхъ древнихъ египтянъ на причины болѣзней, способы ихъ излеченія, судьбу умершихъ въ загробной жизни и особенно подробно описываетъ многочисленные и сложные погребальные ихъ обряды. Болѣзни представлялись египтянамъ въ видѣ злыхъ духовъ или душъ ранѣе умершихъ людей, которые нападаютъ на живаго человѣка и мучаютъ его. Леченіе болѣзней состояло поэтому въ заклинаніяхъ, дѣлаемыхъ могущественными и искусными магами или знахарями. Но если заклинанія и чары не помогали, обращались къ настоящему врачу (95—99 с). Послѣ смерти происходило бальзамированіе тѣла умершаго, основанное на вѣрованіи, что его душа долго пребываетъ въ тѣлѣ. Относительно пребыванія душъ умершихъ за гробомъ у египтянъ существовали разнообразные взгляды. Одни думали, что „двойникъ", душа умершаго влачитъ въ могилѣ какое-то жалкое, неопредѣленное существованіе и выходитъ на землю только для того, чтобы наносить вредъ живымъ людямъ. Другіе полагали, что души оставляютъ могильный склепъ послѣ болѣе или менѣе долгаго въ немъ пребыванія и переселяются въ „другую землю", если только умершіе отличались особенно благоговѣйною набожностью Многія души не переносятъ всѣхъ мытарствъ, которымъ онѣ подвергаются во время путешествія въ эту „землю", царство Озириса. Достигшихъ до него богъ вопрошаетъ объ ихъ грѣхахъ и послѣ очищенія отъ нихъ души входятъ въ „Бобовыя поля", гдѣ жизнь ихъ проходитъ въ вѣчныхъ пиршествахъ, пѣніи, длинныхъ бесѣдахъ и всякаго рода играхъ и забавахъ (100—124 с.). Въ послѣднихъ двухъ главахъ (9—10), посвященныхъ Масперо Египту, описываются походъ египетскихъ войскъ и самое сраженіе фараона съ возставшимъ противъ него *подлымъ* Хити. Сраженіе должно было происходить около одного изъ сирійскихъ городовъ—крѣпостей, занятыхъ непріятелями,—Кодшу. Этотъ городъ, какъ

и всѣ другіе завоеванные египтянами города, находился во власти прежняго ихъ владѣтеля съ его прежними титулами и властью. Подчиненіе такихъ городовъ фараону выражается въ уплатѣ наложенной на нихъ дани, за полученіемъ которой пріѣзжаетъ ежегодно нѣсколько царскихъ чиновниковъ Послѣдніе, кромѣ того, занимаются въ тоже время разрѣшеніемъ недоразумѣній, возникшихъ между вассалами и ихъ сюзереномъ. Но они не могли вмѣшиваться во внутреннія дѣла завоеванныхъ областей, гдѣ законы и обычаи оставались въ прежней ихъ силѣ, различныя мѣстныя исповѣданія свободно отправляютъ всякое свое богослуженіе и наслѣдованіе трона совершается по исконнымъ обычаямъ страны (129 с.). Масперо очень живо изображаетъ самое сраженіе фараона съ войскомъ Хити, которое Рамзесъ выигралъ своимъ необыкновеннымъ мужествомъ и находчивостью (146 с. и сл.). Послѣ сраженія происходитъ вписываніе скрибами рукъ или другихъ членовъ убитыхъ непріятелей, приносимыхъ воинами фараона (153 с.),—обычай, распространенный въ древности, гдѣ онъ долженъ былъ служить доказательствомъ храбрэсти побѣдителей.

Во второй половинѣ книги, гдѣ Масперо разсказываетъ объ Ассиріи въ VII в. до Р. X., говорится сначала (въ 11-й главѣ) объ основаніи однимъ изъ ассир. царей своей резиденціи и о жизни въ ассир. столицѣ. Какъ и въ Египтѣ, въ Ассиріи простолюдинки пользуются полнѣйшею независимостью. Онѣ самостоятельно распоряжаются своихъ имуществомъ, наслѣдуютъ, покупаютъ и продаютъ за свой собственный счетъ, свидѣтельствуютъ въ судахъ; однимъ словомъ, ассир. женщины пользуются почти полнымъ равенствомъ съ своими мужьями во всѣхъ отношеніяхъ. Но женщины изъ высшаго класса, хотя и обладаютъ по закону тѣми же правами, какъ и женщины низшаго класса, однако, не имѣютъ дѣйствительной свободы, должны вести замкнутую, уединенную жизнь. Царицы же являлись совершенными рабынями своего достоинства и положенія (167 с.). Ассирійскій царь не считается, подобно египетскому фараону, прямымъ потомкомъ одного изъ боговъ. Онъ происходитъ отъ простыхъ смерт-

ныхъ, но считается верховнымъ главою націон. религіи и обязанъ приносить жертвы богамъ и совѣтываться съ ними во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ. Жреческое сословіе не господствуетъ въ управленіи государ. дѣлами, какъ это бывало не разъ въ Египтѣ. Въ Ассиріи не храмъ беретъ перевѣсъ надъ дворцемъ, какъ въ Египтѣ, а наоборотъ (171—172 с.). Въ 12 главѣ: „О домашней жизни въ Ассиріи“ находится у Масперо нѣсколько чертъ ассир. гражданскаго права, какъ напр. составленіе скрибой, званіе котораго въ Ассиріи не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ во Египтѣ, запродажнаго акта. Причемъ изъ его образца видно, что обязательство продавца гарантируется высокимъ денежнымъ штрафомъ въ пользу храма и покупателя (183 с.),—доказательство того факта, что въ Ассиріи въ VII в. до Р. Х. уже сложилось юридическое понятіе о договорѣ. Гражданской сдѣлкой попреимуществу являлся, между прочимъ, въ древней Ассиріи и бракъ, который только освящался религіей (187—188 с.). Въ представленіяхъ ассирійцевъ о болѣзни, ихъ леченіи и загробной жизни есть сходство съ египетскими. Только ассиріяне не думали, чтобы тѣло послѣ смерти оставалось пребываніемъ для души и поэтому не заботились такъ объ его сохраненіи, какъ это дѣлали египтяне. Ассиріяне, все-таки, вѣровали, что душа долго живетъ въ могилѣ и надѣляли ее пищей, одеждой и всѣмъ необходимымъ, опасаясь мести умершаго за несоблюденіе этого обычая. Выполненіе же его обезпечивало, наоборотъ, покровительство со стороны умершаго оставшимся его роднымъ (195—198 с.). Въ представленіяхъ о загробной жизни есть разница между первоначальной идеей о совмѣстной, мрачной и мучительной жизни всѣхъ умершихъ въ общемъ для всѣхъ нихъ царствѣ и развившимся у ассирійцевъ въ послѣдствіи новомъ взглядѣ на загробную жизнь, гдѣ боги отдѣляютъ праведныхъ избранниковъ отъ обыкновенныхъ людей и водворяютъ въ благодатной „Горѣ міра“. 14 глава описываетъ царскую охоту Ассурбанипала, 15-я—приготовленія ассирійцевъ къ войнѣ съ Эламомъ. Въ 16 главѣ рѣчь идетъ о царской библіотекѣ, гдѣ были собраны царскія лѣтописи и образцы древней халдейской ли-

тературы, содержащей космогоническія представленія древнихъ ассирійцевъ. Послѣ молитвы къ богамъ царь посылаетъ спросить ученыхъ астрономовъ о предзнаменованіяхъ, которыя даютъ небесныя свѣтила по поводу предстоящей войны: предсказанія астрологовъ пользуются въ Ассиріи такимъ авторитетомъ, что царь ничего не предпринимаетъ, не посовѣтывавшись напередъ съ ними (249 с.). Въ послѣднихъ трехъ главахъ (18—20) разсказывается объ одной изъ войнъ ассирійцевъ съ ихъ врагами, бывшихъ въ глазахъ ассирійцевъ только однимъ изъ средствъ къ своему обогащенію. Ассирійцы были безпощадны къ своимъ врагамъ во время войны и по ея окончаніи. Книга Масперо заканчивается описаніемъ торжества послѣ побѣды Ассурбанипала и всѣхъ жителей Ниневіи, которое мрачно оттѣняется пророчествомъ еврейскаго пророка Наума о грядущемъ безславномъ паденіи столицы могущественнаго царства надменныхъ ассирійцевъ (304—305 с.).

В. Щегловъ.

---

3. Tito Carnevali. Scienza delle finanze. Milano 1891. pp. 139.

Названное сочиненіе представляетъ собой небольшой томикъ изъ коллекціи краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ науки и искусствъ, издаваемыхъ миланской книгопродавческой фирмой Ulrico Hoepli и пользующихся значительнымъ успѣхомъ въ Италіи, благодаря удачному выбору многихъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій (Manuali Hoepli). Коллекція стремится достигнуть почти энциклопедической полноты (вышло до настоящаго времени уже болѣе 200 руководствъ) и охватываетъ самыя разнообразныя области человѣческаго знанія.

Томикъ коллекціи, принадлежащій перу Карневали, даетъ популярное изложеніе основныхъ началъ финансовой науки. Вся книжка дѣлится на 13 главъ. Изложивъ въ первой главѣ

общія свѣдѣнія по исторіи финансовыхъ системъ и финансовой науки, авторъ переходитъ во второй къ опредѣленію послѣдней и указанію связи ея съ наукой о народномъ хозяйствѣ и государственнымъ правомъ; въ третьей главѣ излагается общая теорія налоговъ, четвертая посвящена прямымъ налогамъ, остальныя—пошлинамъ, косвеннымъ налогамъ, переложенію налоговъ, общественнымъ предпріятіямъ, управленію налогами, мѣстному обложенію и государственнымъ долгамъ Все это изложено чрезвычайно популярно, но слишкомъ коротко и сжато (въ каждой главѣ отъ 5 до 20 страницъ небольшаго формата и крупной печати); очевидно авторъ пожертвовалъ необходимыми подробностями стремленію къ общедоступности и потому ограничился самыми элементарными свѣдѣніями. Въ этомъ отношеніи нѣмецкія краткія руководства, какъ напр., катехизисъ Бишофа или репетиторій Шмидта, і. даже итальянское—Луиджи Косса (Primi elementi di scieuza delle finanze) стоятъ гораздо выше. Къ числу недостатковъ книжки, помимо ея чрезмѣрной краткости, относится полнѣйшее отсутствіе библіографическихъ указаній, чего, конечно, не можетъ возмѣстить перечисленіе важнѣйшихъ ученыхъ, работавшихъ въ области финансовой науки въ Италіи и заграницей. Есть нѣкоторые промахи и въ самомъ изложеніи; напр., повторяется старый вздоръ о невозможности практическаго осуществленія прогрессивнаго налога (стр 5).

Несомнѣннымъ достоинствомъ руководства является замѣчательная ясность изложенія, стройность системы и умѣнье выдѣлить наиболѣе важное—качества, незамѣнимыя для популярнаго сочиненія. Нельзя не отнести также къ хорошимъ сторонамъ книги отсутствіе всякаго оригинальничанія; авторъ тщательно оставляетъ въ сторонѣ всѣ недоказанныя теоріи и спорные вопросы и сосредоточивается лишь на положеніяхъ, общепринятыхъ въ наукѣ. Въ этомъ заключается также отличіе компендіума Карневали отъ краткихъ руководствъ его соотечественниковъ—Рикка-Салерно по финансовой наукѣ и Панталеони—по политической экономіи, руководствъ, входящихъ въ составъ другой италіянской коллекціи—Manuali Barberà (Флоренція) и имѣющихъ научное зна-

ченіе по своеобразности взглядовъ изъ авторовъ, но именно потому то и гораздо менѣе пригодныхъ для первоначальнаго ознакомленія съ элементарными основаніями науки.

А. Свирщевскій.

---

4. Mensi, Dr. Freih. v. Die Finanzen Oeterreichs von 1701 bis 1740 nach archivalischen Quellen dargestellt. Wien. 1890. XV+775 стр.

Не смотря на относительное богатство существующей историко-финансовой литературы, почти ни одна изъ европейскихъ странъ до сихъ поръ не можетъ похвастаться полной, всесторонней разработкой исторіи своего государственнаго хозяйства. Здѣсь еще повсюду открывается широкое поле для научныхъ изысканій, стѣсняемыхъ развѣ только тѣмъ обстоятельствомъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ отсутствуетъ и та первоначальная стадія ихъ, которая заключается въ непосредственномъ изученіи источниковъ, преимущественно различныхъ оффиціальныхъ актовъ и документовъ и сыраго архивнаго матеріала. Необходимость выполнить этотъ пробѣлъ, т. е. собрать и подвергнуть хотя бы первоначальной обработкѣ сырой матеріалъ и тѣмъ разчистить дорогу будущимъ изслѣдованіямъ высшаго порядка, направленнымъ къ созданію научной финансовой исторіи, мѣстной и всеобщей, и открытію законовъ развитія финансовыхъ учрежденіи, очевидно все болѣе и болѣе входитъ въ сознаніе современныхъ ученыхъ и такимъ путемъ служитъ причиною пріятнаго оживленія, наблюдаемаго въ исторической финансовой литературѣ послѣдняго десятилѣтія. Помимо постоянно увеличивающейся массы оффиціально опубликованныхъ историческихъ памятниковъ, помимо множества журнальныхъ статей и монографическихъ изслѣдованій по исторіи отдѣльныхъ финансовыхъ учрежденій, мы можемъ отмѣтить за десятилѣтіе 1881—90 г. появленіе непрерывнаго ряда крупныхъ солидныхъ трудовъ въ области финансовой исторіи;

таковы: четырехъ-томный трудъ Dowell'я по исторіи англійскихъ налоговъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, три тома опытовъ Vuitry по исторіи средневѣковыхъ финансовъ Франціи, труды Sudre'a, Stourm'a и Cucheval—Clariqny—о финансахъ Франціи новѣйшаго времени, Vührer'a—по исторіи государственнаго кредита во Франціи (два тома), пять томовъ исторіи налоговъ въ Швейцаріи Schanz'a (болѣе 2.000 стр.), финансовая исторія Соедин Штатовъ Bolles'a, книга Mamroth'a по исторіи прусскаго обложенія начала настоящаго столѣтія, Isidore Sacks'a—по исторіи финансовъ Италіи со времени объединенія королевства, Берендтса—по исторіи государственнаго хозяйства въ Швеціи до 1809 г. и наконецъ, по отношенію къ нашему отечеству, труды Бліоха, Бржесскаго, Лаппо-Данилевскаго, Милюкова и др.

Среди этихъ трудовъ несомнѣненное право на почетное мѣсто имѣетъ и разсматриваемая нами книга v. Mensi, посвященная исторіи австрійскихъ фанансовъ съ 1701 по 1740 годъ. Для исторіи государственнаго хозяйства Австріи ранняго періода сдѣлано до сихъ поръ еще очень мало, не только въ смыслѣ связнаго изложенія постепеннаго его развитія, но и въ смыслѣ подготовительной разработки отдѣльныхъ вопросовъ по архивнымъ источникамъ и обнародованія фактическаго матеріала. Отмѣчая этотъ фактъ, Mensi въ предисловіи къ своей книгѣ полагаетъ даже, что при современномъ состояніи историческихъ изслѣдованій въ этой области написать полную финансовую исторію Австріи представляется трудомъ совершенно невыполнимымъ для силъ одного лица. Разнообразіе историческаго развитія разнородныхъ земель, соединенныхъ подъ скипетромъ Габсбурговъ, наложило свой отпечатокъ и на исторію ихъ финансовыхъ учрежденій, и даже во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ податной системѣ различныхъ частей государства царила еще невѣроятная нынѣ разношерстность. Помимо этой сложности матеріала, представляющагося изслѣдователю, послѣдній долженъ считаться также и, съ отсутствіемъ подорядочныхъ подготовительныхъ трудовъ и слѣдовательно, полагаться только на самостоятельное основательное изу-

ченіе государственныхъ и мѣстныхъ, часто весьма богатыхъ архивовъ. На такую работу пришлось бы потратить десятки лѣтъ, а на это нуженъ черезчуръ большой запасъ рѣшимости, энергіи и твердости воли

Нагляднымъ доказательствомъ справедливости высказаннаго Mensi мнѣнія служитъ и самая его работа. Періодъ, охватываемый его, ограничивается 40 годами: исходнымъ пунктомъ изслѣдованія принятъ 1701 г., обращающій, по мнѣнію автора, весьма важную эру въ исторіи австрійскихъ финансовъ, во 1-хъ, вслѣдствіе начатой операціи погашенія стараго госуд долга, и во 2-хъ, началомъ войны за испанское наслѣдство, которая привела финансы монархіи въ глубокое разстройство; конечнымъ—1740 г., годъ смерти имп. Карла VI, и только по исторіи Вѣнскаго городскаго банка изслѣдованіе продолжено до 1749 г., такъ какъ послѣдовавшая въ этомъ году централизація всего политическаго и финансоваго управленія внесло существенныя ограниченія въ самостоятельность банка. Затѣмъ даже и въ этомъ небольшомъ періодѣ авторъ ограничился только важнѣйшей исторіей бюджета и государственнаго кредита; развитіе податной системы, хотя и не оставляется имъ совершенно безъ вниманія, но обсуждается лишь постольку, поскольку это являлось необходимымъ для освѣщенія отношенія между государственными расходами и средствами къ ихъ покрытію, или поскольку отдѣльные источники госуд. доходовъ находились въ связи съ кредитными операціями. И все таки, не смотря на это двойное ограниченіе темы, трудъ v. Mensi представляетъ огромный томъ почти въ 800 страницъ убористой печати, переполненный массой исключительно сыраго архивнаго матеріала.

Предметомъ своего изслѣдованія v. Mensi избралъ весьма любопытный періодъ австрійской исторіи, составляющій переходную стадію отъ сословнаго государства къ государству новаго времени и замѣчательный въ финансовомъ отношеніи первыми сознательными попытками, направленными къ объединенію различныхъ частей монархіи и къ созданію и упроченію государственнаго кредита въ настоящемъ смыслѣ слова. Попытаемся отмѣтить здѣсь

вкратцѣ важнѣйшіе выводы и историческія данныя, нашедшія себѣ мѣсто въ трудѣ v. Mensi.

Развитіе финансовыхъ учрежденій является обыкновенно составной частью внутренней исторіи государства и можетъ быть правильно понято только въ связи съ изученіемъ одновременныхъ явленій въ области государственнаго устройства и управленія; съ другой стороны, финансовая система больше, чѣмъ другіе факторы внутренняго государственнаго строя отражаетъ на себѣ вліяніе внѣшнихъ судебъ страны. Финансовая исторія лежитъ, такъ сказать, въ срединѣ между исторіей управленія и устройства и внѣшней политической исторіей. Точно также и финансы Австріи въ началѣ XVII ст. являются результатомъ, съ одной стороны, борьбы, по существу уже тогда рѣшенной, между сословными привиллегіями и возрастающимъ могуществомъ верховной власти, съ другой—многочисленныхъ военныхъ предпріятій двухъ предшествующихъ столѣтій. Вліяніе перваго фактора выразилось въ характерной организаціи финансовой системы, вліяніе втораго, главнымъ образомъ, въ постоянномъ несоотвѣтствіи доходовъ съ расходами, въ хроническихъ дефицитахъ.

Главные доходы сословнаго государства состояли, какъ извѣстно, въ полученіяхъ отъ доменъ и регалій, изъ которыхъ послѣднія по большей части обнимали такіе сборы, которые въ настоящее время носятъ названіе косвенныхъ налоговъ. Эти двѣ группы доходовъ находились въ полномъ распоряженіи монарха, который могъ произвольно повышать и понижать ихъ. Всѣ другіе сборы, не подходившіе подъ понятіе регалій, по основному принципу сословнаго государства, могли взиматься не иначе, какъ съ согласія или разрѣшенія сословій; это разрѣшеніе съ возрастаніемъ абсолютной государственной власти, становилось все болѣе формальнымъ, но все-таки еще долго оно служило основаніемъ для финансово-теоретическаго различія между не подлежавшими разрѣшенію камеральными доходами и сословными контрибуціями, различія, ослабѣвшаго только съ уничтоженіемъ патримоніальныхъ правъ.

Это различіе выступало прежде всего въ администраціи и со-

биранiи доходовъ: домены и регальные сборы подлежали непосредственно государственному финансовому управленiю (во главѣ котораго стоялъ Hofkammerrath, обыкновенно называвшiйся просто Hofkammer; только часть Венгрiи, управлявшаяся королевской венгерской камерой въ Пресбургѣ не входила въ его непосредственную компетенцiю),—взиманiе и наложенiе контрибуцiй было дѣломъ сословiй. Далѣе разница обнаруживалась и относительно назначенiя отдѣльныхъ источниковъ дохода: доходы первой категорiи употреблялись на удовлетворенiе текущихъ расходовъ двора и внутренняго управленiя (Cämeraletat), доходы второй, обязанные своимъ происхожденiемъ военной нуждѣ государства, шли главнымъ образомъ на военныя цѣли (Militäretat). Послѣднее различiе не всегда точно соблюдалось, и какъ нѣкоторыя контрибуцiи были относимы ad cameralia, такъ, съ другой стороны, и въ военный бюджетъ входили нѣкоторые доходы, не требовавшiе разрѣшенiя сословiй; но въ общемъ различiе между обѣими группами государственныхъ доходовъ совпадало обыкновенно съ различiемъ между камеральнымъ и военнымъ бюджетомъ.

Область *камеральныхъ* доходовъ, не смотря на всю недостаточность приносимыхъ ими суммъ для постоянно возраставшихъ государственныхъ нуждъ, была въ началѣ XVIII ст. весьма богата различными видами источниковъ. Сюда входили, помимо причислявшихся ad cameralia частей контрибуцiй, распредѣлявшихся вмѣстѣ съ главными суммами посредствомъ обложенiя земли,—съ одной стороны, поступленiя отъ государственныхъ имуществъ, съ другой, большая часть тогдашнихъ косвенныхъ сборовъ. Владѣнiе государственными имуществами въ то время и абсолютно и относительно имѣло гораздо большее значенiе, чѣмъ въ XIX вѣкѣ, во 1-хъ, вслѣдствiе значительной величины ихъ площади, и, во 2-хъ, вслѣдствiе недостаточнаго развитiя государственныхъ доходовъ, вытекающихъ изъ права обложенiя. Надо замѣтить, впрочемъ, что это значенiе заключалось не столько въ непосредственномъ употребленiи приносимыхъ ими доходовъ для госуд. цѣлей, сколько въ ихъ функцiи, какъ важнѣйшихъ

объектовъ для кредитныхъ операцiи государства. Постоянно возраставшая потребность въ деньгахъ, особенно въ чрезвычайныхъ случаяхъ, привела къ необходимости закладывать домены подъ соотвѣтствующiе займы; въ результатѣ уже въ началѣ прошлаго столѣтiя большая часть государственныхъ имуществъ оказалась изъятой изъ непосредственнаго распоряженiя гофкамеры, и центръ тяжести финансоваго управленiя уже тогда лежалъ въ области общественныхъ сборовъ, а именно—различныхъ косвенныхъ налоговъ (включая сюда регалiи и монополiи). На первомъ мѣстѣ здѣсь стояла соляная регалiя, „das vornehmste Kammerkleinod", доходъ съ которой составлялъ важнѣйшую статью въ камеральномъ бюджетѣ, затѣмъ горная регалiя, табачная монополiя (съ 1701 г.) и пр. Государственная система пошлинъ мало была развита, такъ какъ юстицiя и управленiе въ низшихъ инстанцiяхъ по большей части находилась еще въ рукахъ патримонiальныхъ владѣльцевъ. За то получили уже значительное развитiе налоги на потребленiе, финансовыя выгоды которыхъ были поняты правительствомъ очень рано; масса косвенныхъ сборовъ, вытекавшихъ изъ потребностей минуты, введенныхъ въ различное время и часто только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, взимавшихся иногда даже въ одной и той же провинцiи не по однообразнымъ принципамъ—падала въ 1700 г. уже на бóльшую часть важнѣйшихъ жизненныхъ потребностей: на предметы питанiя, какъ напитки (нѣсколько сборовъ), хлѣбъ и мясо, сыръ, медъ и пр.; на сырые матерiалы: кожи, сало, перо, воскъ, деревян. масло, ленъ, шерсть; на домашнихъ животныхъ, напр. лошадей, на мануфактурныя произведенiя: сапожный товаръ, шелковыя издѣлiя, сукна, драгоцѣнности и пр. Внутреннiя таможенныя пошлины шли, главнымъ образомъ, на покрытiе расходовъ по содержанiю дорогъ, улицъ, мостовъ и гаваней; ихъ доходъ былъ значителенъ только въ большихъ торговыхъ пунктахъ, особенно въ Вѣнѣ, въ провинцiяхъ же онѣ находились обыкновенно въ обладанiи землевладѣльцевъ. Дополненiемъ ихъ служили внѣшнiя таможенныя пошлины; въ XVIII в. оклады послѣднихъ подвергаются значительному повышенiю, отчасти изъ по-

лицейскихъ видовъ, какъ мѣра противъ ввоза предметовъ роскоши, отчасти подъ вліяніемъ покровительственныхъ тенденцій.

Что касается доходовъ *военнаго* бюджета, т. е. употреблявшихся на содержаніе арміи, то они получались преимущественно, а въ мирное время — исключительно, изъ контрибуцій, взимавшихся съ разрѣшенія ландтага. Большая часть контрибуцій предназначалась именно для военныхъ цѣлей и носила общее названіе „Militärbewilligung“ или „quantum militare“. Разрѣшеніе давалось ежегодно — въ наслѣдственныхъ земляхъ или разъ въ три — четыре года — въ Венгріи. Гофкамера, на основаніи сообщеній кригсъ-коммисаріата и донесеній подчиненныхъ ей ландкамеръ опредѣляла „Postulat“, т. е. сумму, которая должна быть доставлена контрибуціями. При этомъ у ландтага обыкновенно запрашивали больше, чѣмъ нужно было, такъ какъ очень рѣдко удавалось настоять на дарованіи всей просимой суммы; часто сообщался ландтагу максимальный и минимальный постулатъ съ предупрежденіемъ, что послѣдній безусловно долженъ быть разрѣшенъ правительству. И дѣйствительно минимальный постулатъ по большей части утверждался ландтагомъ, хотя и послѣ продолжительныхъ преній или подъ тяжелыми условіями, взамѣнъ уступокъ сословіямъ со стороны короны въ различныхъ вопросахъ. Военныя контрибуціи распадались на обыкновенныя (ordinarium) и чрезвычайныя (extraordinarinm); первыя требовались постоянно и обыкновенно разрѣшались особыми постановленіями (Recess) въ неизмѣнномъ размѣрѣ на длинный рядъ лѣтъ; вторыя, хотя съ начала XVIII в. также требовались каждый годъ, но въ зависимости отъ текущихъ потребностей въ весьма различныхъ размѣрахъ, достигавшихъ высшихъ предѣловъ въ годы войны. Мотивами требованій обыкновенно приводились: необходимость пріобрѣтенія провіанта и снарядовъ для арміи, настоятельность работъ по укрѣпленіямъ, дорогія посольства и пр. Вмѣсто Extraordinarium'а или части его, если разрѣшеніе или поступленіе его казалось спорнымъ, часто испрашивалась ссуда, само собой разумѣется, въ размѣрѣ, превышающемъ постулатъ контрибуцій; этимъ путемъ въ извѣстномъ смыслѣ удовлетворялись интересы

обѣихъ сторонъ: и короны, такъ какъ въ ея распоряженіи немедленно поступала бо́льшая сумма для ея настоятельныхъ потребностей, и контрибуентовъ, такъ какъ ссуда имѣла сравнительно съ налогомъ преимущество возврата.

Для Ordinarium'а въ нѣмецко-славянскихъ земляхъ примѣнялась старая пропорція между отдѣльными землями: богемская группа земель несла $^{2}/_{3}$ (изъ нихъ Богемія — $^{4}/_{9}$, Моравія — $^{2}/_{9}$ и Силезія $^{3}/_{9}$), австрійская — $^{1}/_{3}$ общей суммы контрибуціи. Въ началѣ XVIII столѣтія эта пропорція нѣсколько измѣнилась въ пользу плательщиковъ богемской группы: именно, вся сумма дѣлилась на 18 частей, изъ которыхъ на австрійскія земли падало $6^{1}/_{4}$, на богемскія — $11^{3}/_{4}$ (при нихъ Богемія несла $^{1}/_{2}$, Моравія — $^{1}/_{6}$ и Силезія — $^{1}/_{3}$). Это отношеніе впрочемъ, не оставалось безусловно постояннымъ, и иногда видоизмѣнялось, даже рецессами — на нѣсколько лѣтъ. Для Extraordinarium'а не существовало никакой опредѣленной пропорціи: высота постулата опредѣлялась здѣсь нуждами и платежной способностью отдѣльныхъ земель, но все-таки не очень отступая отъ пропорціи, принятой для ordinarium'а.

Кромѣ „quantum militare“ и различныхъ сопровождавшихъ его повинностей для цѣлей военнаго управленія, повинностей, по существу и первоначально натуральныхъ (какъ напр постойная и др.), но тѣмъ не менѣе обыкновенно обусловливавшихъ денежныя жертвы со стороны контрибуентовъ, вслѣдствіе измѣнившихся способовъ отправленія, уже съ XVII в. въ отдѣльныхъ земляхъ монархіи разрѣшались особыя контрибуціи для нуждъ гражданскаго управленія, и при томъ въ свободное распоряженіе гофкамеры — такъ наз. „quantum camerale ad liberam dispositionem“ или просто „camerale ad liberam“. Правдо это: „quantum camerale“ въ до-терезіанскую эпоху было весьма незначительно по своей величинѣ, но существованіе его важно въ принципіальномъ отношеніи, какъ указаніе на то, что необходимость участвовать въ расходахъ на общее государственное управленіе уже вошло въ сознаніе тогдашнихъ контрибуентовъ.

Помимо этихъ болѣе или менѣе регулярныхъ сборовъ, взима-

лись еще при особыхъ случаяхъ различныя чрезвычайныя пособія (Bewilligungen), напр. по поводу путешествія монарха (subsidium itinerarium), торжествъ по случаю бракосочетанія императора, его сыновей и дочерей (Hochzeits-Donativ, Fräuleinsteuer) и пр.

Распредѣленіе и взиманіе всѣхъ перечисленныхъ контрибуцій было дѣломъ сословій. Сборъ суммы контрибуціи по отдѣльнымъ владѣніямъ (Dominien) и городамъ—производился обыкновенно особыми областными сборщиками и передавался ими въ областныя кассы (Landeskasse) или непосредственно тѣмъ лицамъ, для кого эти доходы предназначались (войскамъ, поставщикамъ или кредиторамъ государства). Сословія естественно стремились при собираніи контрибуцій вычитать изъ ихъ контингента имѣвшіяся у нихъ обратныя требованія на государство. И дѣйствительно въ случаяхъ ссудъ изъ контрибуціоннаго фонда или принятія государственнаго долга на себя отдѣльными областями, это право компенсаціи часто предоставлялось сословіямъ, какъ по отношенію къ процентамъ, такъ и относительно частичныхъ уплатъ капитала; подобныя „Retentionsposten“ поглощали большую часть контрибуцій. Гдѣ же это право вычета не было ясно оговорено, тамъ компенсація допускалась только въ видѣ исключенія (и никогда при чрезвычайныхъ контрибуціяхъ).

Контрибуція въ общемъ носила характеръ прямаго налога, главнымъ образомъ поземельнаго и подомоваго, при чемъ къ обложенію помимо непосредственнаго дохода отъ недвижимости привлекались также и извѣстныя побочныя пользованія, вытекавшія изъ реальныхъ правъ. Въ городахъ, а частью и внѣ ихъ, объектомъ контрибуціи служилъ доходъ отъ торговли и промысловъ. Въ общемъ строѣ обложенія существовало большое различіе между отдѣльными областями, и особенно между австрійской группой земель, съ одной, и богемской, съ другой стороны.

Въ земляхъ австрійской группы поземельный налогъ съ XVI столѣтія основывался на оцѣнкѣ ренты или оброка („Gülte“), подъ которымъ разумѣли доходъ отъ господскаго земельнаго владѣнія (включая зданія), а также отъ платежей, десятины и на-

туральныхъ повинностей крестьянъ, отъ „Vogteirechten" и другихъ владѣльческихъ правъ; 1% съ капитальной цѣны имѣнія, соотвѣтствующей этому годичному доходу являлся окладомъ налога —такъ наз. „taxierte Gülte"; налогъ составлялъ сначала только половину послѣдней, но скоро возросъ до цѣлой, до двухъ и $2^1/_2$ „Gulten". Плательщиками, напр., въ Нижней Австріи, за исключеніемъ извѣстныхъ, издавна освобожденныхъ доминій, являлись всѣ Gültenbesitzer. Пятую часть годичной суммы контрибуціи несли члены четвертаго сословія (столица и 18 такъ наз. „mitleidendeu" городовъ и рынковъ); распредѣленіе этой суммы между отдѣльными гражданами происходило по масштабу капитализированной доходности домовъ, торговли и промысла. Остальныя $^4/_5$ контрибуціи распредѣлялись между тремя высшими сословіями: Prälaten, Herren и Ritterstand. Владѣльцы, однако, несли поземельный налогъ не исключительно на себѣ. Съ 1545 г. тѣ изъ нихъ, которые имѣли крестьянъ (Unterthanen) — а это было общее правило — были вправѣ привлекать послѣднихъ къ несенію податнаго бремени, принимая во вниманіе обрабатываемые ими земельные участки и ихъ скотъ, однако въ размѣрѣ, который не превышалъ бы доли налога, причитающаго съ этого имущества (т. е. не больше двойной Gülte). Налогъ же, соотвѣтствовавшій доходу отъ непосредственно владѣльческихъ земель, а также весь налогъ, превышавшій двойную Gülte, долженъ былъ уплачиваться уже самимъ владѣльцемъ. Можно сомнѣваться, конечно, чтобы владѣльцы дѣйствительно держались этихъ предѣловъ на практикѣ; но все таки крестьяне въ Австріи находились въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ въ Богеміи и Моравіи, гдѣ доминіи только много позднѣе признали за собой вообще обязанность нести самимъ часть контрибуціи. Описанный сборъ со времени введенія въ 1583 г. подомоваго налога сталъ обыкновенно называться „Landsteuer"; онъ носилъ также и названіе „Drittelsteuer", такъ какъ взимался въ три срока. Въ Н Австріи въ 1693 г. одна треть налога была продана сословіямъ, съ правомъ дальнѣйшаго отчужденія, за 600.000 фл.; вторая треть въ 1701 г. была предоставлена сословіямъ на 20 лѣтъ

за 400 000 фл; когда она вновь стала поступать въ казну, сословія купили въ 1792 г. за 600.000 фл. третью треть, такъ что въ контрибуціонный фондъ поступала только одна треть поземельнаго налога.

Уже въ XVI в. обнаружилось, что обложеніе земли недостаточно для постоянно возрастающихъ потребностей; пришлось поэтому соединить съ нимъ еще иную форму налога, единицу котораго представлялъ домъ или *очагъ*. Для новаго налога, съ 1583 г. повторяющагося изъ году въ годъ, были подысканы различныя названія, какъ Hausgulden, Hausanschlag, Urbarsteuer, Unterthanengebühr aufs Haus, Rauchfanggulden. Съ 1688 г. „главному" подомовому сбору противопоставляется обыкновенно гораздо бо́льшій, первоначально предназначенный только для Extraordinarium'а „временный" сборъ (Interimsanschlag), получившій вскорѣ названіе „Quartalsteuer" (такъ какъ онъ взимался по четвертямъ года). Подомовый налогъ лежалъ сначала исключительно, позднѣе—преимущественно на крестьянахъ. Первая перепись домовъ была произведена въ 1581 г., вторая—для исправленія неравенства—въ 1636 г.; при обложеніи принималось во вниманіе и пространство земли, не способное къ отчужденію безъ дома. Размѣръ налога измѣнялся въ зависимости отъ нужды правительства въ деньгахъ; послѣ 1700 г. обыкновенно взимались три подомовыхъ налога: сборъ для покрытія „рекрутскихъ денегъ" (среднимъ числомъ въ 1 флор. съ каждаго дома, „главный" сборъ (отъ 2 до 4 фл.) и „четвертной" налогъ (отъ 8 до 12 фл. съ дома).

Развитіе обложенія въ земляхъ богемской короны отличалось отъ австрійскихъ земель въ томъ отношеніи, что здѣсь гораздо позднѣе была признана податная обязанность территоріальныхъ владѣльцевъ и вообще доминіи находились въ болѣе благопріятномъ положеніи; кромѣ того здѣсь были сдѣланы раннія, хотя и весьма несовершенныя попытки кадастраціи. Въ Венгріи система контрибуцій была развита еще менѣе чѣмъ въ австрійскихъ и богемскихъ земляхъ, и не имѣла однообразнаго характера. Венгерскимъ ландтагомъ разрѣшались: pura taxa, т. е. соб-

ственно контрибуціи, платившіяся знатными людьми, subsidium annonarium — поставку хлѣба, labores gratuiti—безплатныя работы крестьянъ по укрѣпленію границы, и pecunia coronalis—даръ по поводу коронаціи.

Доходъ отъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ контрибуцій и камеральныхъ сборовъ въ случаяхъ чрезвычайнаго возрастанія государственной нужды, т. е. прежде всего во время войны, оказывался недостаточнымъ. Въ такіе годы являлась необходимость прибѣгать къ дополненію податной системы, которое дало бы государству достаточныя средства и пало бы на источники дохода вовсе не обложенные или обремененные несоотвѣтственно мало. Такимъ дополненіемъ был очень часто назначавшіеся поимущественные налоги (обыкновенно безъ согласія сословій), среднимъ числомъ въ размѣрѣ 1% со всего движимаго и недвижимаго имущества и 10% съ нефундированнаго дохода, поголовные налоги, подоходный налогъ и налогъ на духовенство и евреевъ. Впрочемъ поголовный налогъ (называвшійся также Beisteuer) въ періодъ отъ 1690 до 1746 г. былъ уставленъ только одинъ разъ, въ 1703 г., во время войны за испанское наслѣдство, въ эпоху глубочайшаго разстройства финансовъ, въ видѣ дополненія къ поимущественному налогу, въ размѣрѣ 7 кр. съ каждаго лица, не платившаго послѣдняго. Затѣмъ въ 1746 г. былъ установленъ поголовный налогъ въ формѣ сословно-класскаго: податные оклады въ каждомъ отдѣльномъ классѣ были различны и колебались вообще между 600 флор. для архіепископовъ, герцоговъ и князей и 450 фл. для министровъ и обергофмейстера и 4 крейц. для батраковъ (Bauerknechte). Подоходный налогъ обыкновенно въ до-терезіанскую эпоху соединялся съ поимущественнымъ, а, какъ самостоятельный, въ первый разъ былъ введенъ въ 1743 г въ размѣрѣ 10% дохода. Что касается духовенства, то отъ среднихъ вѣковъ удержалась вплоть до Маріи Терезіи привиллегія его на свободу отъ налоговъ; только во времена крайняго напряженія финансовыхъ средствъ страны государство находило возможнымъ нарушить эту привиллегію и подвергнуть обложенію богатые доходы епископовъ, церквей и

монастырей, но и то не иначе, какъ съ разрѣшенія папы. Долгое время согласіе послѣдняго получалось только въ случаяхъ опасности отъ турокъ, такъ какъ здѣсь интересы государства совпадали съ интересами церкви; и въ XVIII ст. subslidium ecclesiasticnm было разрѣшено въ первый разъ въ 1716 г. по поводу турецкой войны, но 1736 г. оно разрѣшалось постоянно, каждое пятилѣтіе, а съ 1769 г. налогъ этотъ сталъ взиматься уже безъ согласія папы.—Евреи со временъ среднихъ вѣковъ разсматривались какъ императорскіе Kammerknechten и за предоставляемую имъ охрану платили особый такъ наз. Kammerzins (позднѣе Toleranzgeld), величина котораго опредѣлялась территоріальными владѣльцами; кромѣ того они повсемѣстно привлекались къ общей контрибуціи, а иногда подлежали временнымъ спеціальнымъ налогамъ (напр. jüdische Leibmaut въ Моравіи съ 1708 г.).

Таковы были важнѣйшіе источники военнаго бюджета австрійской имперіи. Обыкновенно ихъ далеко не хватало для военныхъ расходовъ. Такъ напр. въ 1702 г. военный расходный бюджетъ былъ опредѣленъ въ 23,540,466 фл.; для покрытія его гофкамерой предполагалось: контрибуціи въ суммѣ 9 милл., голландскій заемъ въ 750.000 фл., остатокъ платы за проданную нижнеавстрійскимъ сословіямъ треть Landsteuer—400 000 фл., продажа куманскихъ имѣній тевтонскому ордену за 50.000 фл., заемъ у Шпорка, Маушвица и Шафгоча въ 180 000 фл., заемъ подъ залогъ имѣнія Hochberg—400.000 фл., заемъ подъ венгерскую мѣдь—$^1/_2$ милл., различные займы въ Богеміи на 950.000 фл., принудительный заемъ у богатыхъ въ 3 м., различныя конфискаціи въ Венгріи на 2 м. фл., увеличеніе прежнихъ займовъ подъ залогъ имѣній, поступленіе недоимокъ, продажа земель и пр. Изъ этого бюджета, взятаго на удачу и носящаго на себѣ всѣ характерные черты всего разсматриваемаго періода, видно, какую значительную роль въ сведеніи доходовъ съ расходами играли различныя кредитныя операціи, не смотря на весьма невысокое развитіе тогдашняго государственнаго кредита. Этимъ кредитнымъ операціямъ и посвящена наибольшая часть книги v. Mensi.

А. Свирщевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ въ выпускѣ 27-мъ).

S0041271
СФ СПбГУ

